

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 2 том - «Дорога в Версаль»

Перевод: с англ. А. П. Науменко

Издательство: Свердловск: Урал-Советы, 1991г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- Глава 25

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ДВОР ЧУДЕС

Глава 1

Анжелика через окно смотрела на лицо монаха Беше. Она стояла во тьме перед гостиницей «Зеленая решетка», не обращая внимания на то, что ей на плечи падали холодные капли тающего на крыше снега.

Перед монахом стоял оловянный кувшин. Анжелика видела остановившийся взгляд Беше отчетливо, несмотря на толстое оконное стекло. Внутри таверны было не слишком дымно. Монахи и духовные лица, составлявшие большинство посетителей «Зеленой решетки», не любили курить. Они приходили сюда, чтобы выпить и, самое главное, поиграть в кости и шахматы.

— Эй, сестрица, тебе не стоило бы гулять по улицам в такую ночь, как эта. Или тебе нечего положить в свой котелок?

Анжелика обернулась, чтобы посмотреть, кто обратился к ней с такими странными словами, и никого не увидела. Но тут луна неожиданно выглянула в просвет между двумя тучами, и ее свет упал на приземистую фигуру карлика прямо у Анжелики под ногами. Он поднял вверх два пальца, по-особому скрестив их. Она вспомнила жест, который показал ей однажды Куасси-Ба, сказав: «Скрестите вот так пальцы, и мои друзья скажут: «Все в порядке, это одна из наших». Она машинально повторила знак Куасси-Ба. Широкая ухмылка расплылась на лице карлика.

— Ты из банды, насколько я понимаю. Но я не могу узнать тебя. Кому ты принадлежишь — Родогону Египтянину, Беззубому Жану, Синему Камзолу, Ворону?

Ничего не ответив, Анжелика отвернулась к окну и начала опять пристально смотреть на отца Беше. Карлик одним прыжком вскочил на подоконник. Свет, падавший из окна гостиницы, осветил его большое лицо и грязную войлочную шляпу. У него были пухлые, округлые ручки и крошечные ножки, обутые в парусиновые башмаки.

— Где тот покупатель, от которого ты не можешь оторвать глаз?

— Вон там, сидит в углу.

— И ты думаешь, этот косоглазый старый мешок костей много заплатит тебе за заботу?

Анжелика глубоко вздохнула. Она почувствовала, что жизнь возвращается к ней. Наконец-то она знала, что должна сделать.

— Это человек, которого я должна убить, — сказала она.

Проворная ручка карлика быстро пробежалась по ее талии.

— Но у тебя даже нет ножа. Как же ты это сделаешь?

Анжелика впервые внимательно посмотрела на невероятное существо, выскочившее из ниоткуда, как ночная крыса из щели.

Она долгие часы бродила по городу без цели, без мысли. Какой инстинкт, какое охотничье чутье, порожденное ненавистью, привели ее к «Зеленой решетке», где она обнаружила Беше?

— Пойдем со мной, Маркиза, — неожиданно предложил карлик, спрыгивая на землю. — Пойдем-ка к Святым Младенцам. Там ты сможешь договориться с парнями о том, как тебе избавиться от твоего голубка.

Она без колебаний последовала за ним. Карлик семенил впереди.

— Мое имя Баркароль, — сообщил он немного погодя. — Разве это не прелестное имя, такое же прелестное, как я? Хо! Хо!

Он издал радостный вопль, подпрыгнул, потом слепил шарик из снега с грязью и запустил им в окно дома, мимо которого они проходили.

— А теперь ходу, милая, — сказал он, убыстряя шаг, — или на наши головы обрушится содержимое ночных горшков почтенных буржуа, которым мы помешали храпеть.

Не успел он проговорить эти слова, как хлопнул ставень и Анжелике пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы не попасть под предсказанный им поток.

Карлик куда-то исчез. Анжелика продолжала идти. Ее ноги увязали в грязи. Ее одежда промокла, но она не чувствовала холода. Раздался тихий свист, и из темноты снова появился карлик Баркароль.

— Прости меня, что я ускользнул, Маркиза, но я вызвал своего товарища. Вот она, Деревянный Зад.

Следом за ним из темноты возникло еще одно существо. Это был не карлик, а безногий калека, человеческий обрубок, с и девший в огромной деревянной чаше. В своих узловатых руках он держал по деревянной подпорке, которые помогали ему передвигаться от одного бульжника к другому.

Это чудовище пристально рассматривало Анжелику. У него было грубое, животное лицо, покрытое прыщами. Редкие полосы были старательно зачесаны назад, но не закрывали сверкающий оголенный череп. Его единственным одеянием шло нечто вроде туники из синей материи с петлями и отворотами, расшитыми золотым шнуром, которая явно когда-то принадлежала офицеру-дворянину. В высоком воротнике с безупречным галстуком, он представлял собой невероятное зрелище. Длительное время он разглядывал молодую женщину, потом вдруг откашлялся и плюнул ей на юбку. Она с удивлением взглянула на него и стала оттирать плевок пригоршней снега.

— Все в порядке, — удовлетворенно сказал калека. — Она держится почтительно. Она понимает, с кем разговаривает.

— Разговор! Гм! Это одна из его разновидностей! — воскликнул Баркароль. — Хо! Хо! Ну разве я не остряк?

— Дай мне мою шляпу, — сказал Деревянный Зад.

Он водрузил на себя фетровую шляпу, украшенную красивым плюмажем. Потом, опираясь на свои деревянные, двинулся вперед.

— Чья она? — осведомился он.

— Не могу понять...

По мере того, как они продвигались по улицам, к ним присоединялись все новые фигуры. Сначала слышался тихий свист, доносившийся откуда-нибудь из темной ниши, с берега реки или из глубины двора. Потом появлялись нищие, с длинными бородами, босые, в широких рваных плащах, старые ведьмы, представлявшие из себя нечто вроде охапки лохмотьев, перетянутой нитью крупных четок, слепцы и калеки, поднимавшие свои костыли над плечами, чтобы идти быстрее, горбуны, не успевшие убрать свои горбы. Настоящие калеки смешивались с толпой попрошайек.

Анжелика обнаружила, что с трудом понимает их воровской язык, насыщенный непонятными, странными словами. На перекрестке к ним подошла группа вооруженных головорезов. Она подумала было, что это солдаты или патруль, но быстро поняла, что это просто замаскированные бандиты.

Они бросали на нее волчьи взгляды, она оглянулась и увидела, что окружена.

— Испугалась, моя милочка? — спросил один из бандитов, полюбив ее.

Она сбросила его руку и ничего не сказала. Но он не отступал, и тогда она ударила его по лицу. Это вызвало суматоху. Что же теперь с ней будет? Но страха она не испытывала. Ненависть и жажда мести, слишком долго тлевшие в ее сердце, теперь превратились в одно всепоглощающее желание — бить, рвать, выцарапывать глаза. Сброшенная на самое дно бездны, она чувствовала себя равной диким существам, окружившим ее.

Невероятный Деревянный Зад окончательно восстановил порядок. У этого человека-обрубка был гулкий замогильный голос, от его бешеного рева окружающих бросало в дрожь. По лицу убийцы, затеявшего ссору, струйкой текла кровь, он прижимал руку к глазам. Но другие хохотали.

— Ого, она рассчиталась с тобой, эта девушка!

Анжелика услышала и свой смех, незнакомый, вызывающий. Значит, это не так уж трудно — спуститься до глубины ада? Страх? А что такое страх? Несуществующее чувство. Он был знаком только тем парижским обывателям, которые трепетали, услышав под своими окнами голоса оборванцев из парижской преисподней, которые шли на кладбище Святых Младенцев, чтобы увидеться со своим князем, Великим Кезром.

— Чья она? — снова спросил кто-то.

— Наша! — проревел Деревянный Зад. — И пусть каждый примет это к сведению!

Он возглавил шествие. Никто из бродяг, даже те, у кого была пара проворных ног, не пытались догнать этот обрубок человека. Когда они дошли до круто поднимающейся вверх улицы, двое солдат, которых называли строевиками, бросились вперед, чтобы, подняв деревянную опору калеки, внести его наверх.

Зловоние района, в который они вступили, становилось ужасающим. Это был запах мяса, сыра и гниющих овощей из канав, и преобладающий надо всем жуткий запах разложения, — это был район главного рынка, граничащего с ужасным пожирателем плоти, кладбищем Святых Младенцев.

Анжелика никогда не бывала здесь, несмотря на то, что это малопривлекательное место было одним из самых популярных в

Париже мест свиданий. Здесь можно было встретить даже знатных дам, которые приезжали выбрать себе книги или белье в лавках, расположенных под склепами. В дневное время здесь всегда можно было увидеть какого-нибудь элегантного дворянина, который со своей любовницей прогуливался от одной галереи к другой, небрежно отшвыривая кончиком трости случайно попавшиеся под ноги кость или череп, в то время как мимо них с пением проходила похоронная процессия.

Но ночью это место, где, по обычаю, нельзя было никого арестовывать, служило прибежищем головорезам и жуликам, а также распутникам, которые приходили сюда, чтобы с помощью сводни найти себе пару.

Когда они подошли к самому кладбищу, из главных ворот появился глашатай смерти, облаченный в длинное черное одеяние, вышитое черепами, скрещенными костями и серебряными слезинками. Увидев подошедшую толпу, он спокойно сказал:

— Я могу сообщить вам, что на улице де ля Ферронер есть покойник. Для завтрашней процессии нужно несколько бедняков. Каждый из них получит по десять су и черный халат или куртку.

— Мы пойдем, мы пойдем! — закричали беззубые старухи. Они уже были готовы помчаться на улицу де ля Ферронер, но Деревянный Зад снова заревел:

— Проклятие! Какого дьявола вы думаете, что можете обдѣлывать свои паршивые делишки, в то время как Великий Кезр ждет? Что, клянусь преисподней, я должен делать с такой жалкой охапкой ведьм? Какие меры тут можно применить?

Пристыженные старухи опустили головы. Толпа нищих таяла, все по одному проскальзывали на кладбище через проломы в обветшавшей стене.

Глашатай мертвых пошел, потряхивая своим маленьким колокольчиком. На перекрестке он остановился, поднял лицо к луне и горестно запел:

*Эй вы, все, кто спит в кроватях,
Молите бога за тех, кто умер...*

Анжелика, широко раскрыв глаза, шла по обширному пространству, на котором веками скапливались трупы. Тут и там зияли широкие общие могилы, уже наполовину наполненные телами, зашитыми в саваны, ожидавшие нового пополнения, прежде чем их засыплут. Каменные плиты, лежащие прямо на земле, отмечали место успокоения людей из более состоятельных семей. Но это было кладбище бедняков. Знать хоронили у Сен-Поля.

Луна, которая наконец-то воцарилась на небе, ставшем вдруг безоблачным, осветила тонкий слой снега, лежавший на крыше церкви и примыкающих к ней строений. Высокое металлическое распятие, стоящее в центре церковного двора, около кафедры для проповедей, неярко светилось в ее лучах.

Холод приглушал ужасающий запах. Во всяком случае, никто, казалось, не обращал на него ни малейшего внимания, и Анжелика сама тоже спокойно дышала воздухом кладбища.

Ее взгляд приковали к себе четыре галереи, расходящиеся от церкви, которыми огораживалось кладбище. Эти сооружения, воздвигнутые в средние века, имели основанием подземные монастырские помещения с подвальными аркадами, где в дневное время торговцы размещали свои лотки. Но над монастырем располагались крытые черепичной крышей проходы, своды которых опирались на деревянные столбы, так что пространство между крышей и подвалами свободно просматривалось, оставаясь открытым. И все это пространство было заполнено костями. Там были нагромождены тысячи черепов. Эти галереи смерти, поглотившие свой жуткий урожай, являли взору живых, заставляя их задумываться о смысле жизни, невероятные груды костей; воздух высушивал их, а время превращало в пыль, однако их место непрерывно занимали новые и новые, извлеченные из кладбищенской грязи.

Повсюду вокруг, около могил, она видела белые кучи костей, связанных в охапки, зловещие шары черепов, старательно уложенные могильщиками, которые на завтра займут свое место в галереях.

— Что... Что это такое? — пробормотала Анжелика, запинаясь, потому что зрелище показалось ей таким неправдоподобным, что она испугалась, не сошла ли с ума.

Усевшийся на могильный камень карлик Баркароль насмешливо наблюдал за ней.

— Хранилище костей, — ответил он, — хранилище костей у Младенцев, лучшее во всем Париже.

Помолчав минуту, он добавил:

— Откуда ты взялась, моя девочка? Никогда не видела этого раньше?

Она подошла и села рядом с ним.

С того момента как она, почти произвольно, обработала своими ногтями лицо мнимого солдата, ее оставили в покое и не заговаривали с ней. Как только кто-нибудь обращал к ней любопытный или похотливый взгляд, сразу слышалось чье-нибудь предупреждение:

— Деревянный Зад сказал, что она наша. Руки прочь, парни.

Анжелика не заметила, как все пространство вокруг нее, пустынное к моменту их появления, постепенно заполнилось устрашающей, оборванной толпой.

Она была совершенно потрясена видом этого хранилища костей. Она не знала, что эта мрачная склонность к накапливанию скелетов почиталась в Париже; все большие церкви столицы старались состязаться в этом с Младенцами. Анжелике это показалось ужасным, а карлик Баркароль находил это изумительным.

Он мурлыкал:

«...и смерть, наконец, поднялась перед ними.

О! боль расставания с этим миром,

И дорога неизвестно куда...»

Анжелика медленно повернулась к нему.

— Ты что, поэт?

— Эти слова не мои, а маленького Отверженного Поэта.

Пламя, вспыхнувшее в ней, помогло ей придти в себя.

— Ты его знаешь?

— Знаю ли я его! Он же поэт Понт-Нефа.

— Его я тоже должна убить.

Карлик подпрыгнул, как лягушка.

— Эй! Полегче! Он — мой товарищ!

Он оглянулся вокруг, призывая в свидетели окружающих, и постучал себе по лбу пальцем.

— Она сумасшедшая! Она хочет убить каждого!

Послышался какой-то шум, и толпа расступилась, пропуская невероятную процессию.

Впереди всех шествовала высокая тощая личность, ступавшая по грязному снегу босыми ногами. Густая белая грива свисала до плеч, но лицо его было безбородым и безусым. Его можно было принять за женщину, и, возможно, он и не был мужчиной, несмотря на то, что был одет в облегающие штаны и изодранный мундир. Со своими резко выступающими скулами, тусклыми, глубоко сидящими глазами, он был таким же бесполом, как скелет, и на редкость хорошо вписывался в кладбищенский пейзаж. Он нес длинную пику, на которую была насажена дохлая собака.

Следом за ним шел толстый маленький человек, также безбородый, который размахивал метлой.

За этими двумя странными знаменосцами следовал шарманщик, усердно крутивший ручку своего инструмента. Оригинальность его одеяния заключалась в чудовищных размеров соломенной шляпе, доходившей ему почти до плеч. Но он вырезал дыру в полях, сквозь которую были видны его насмешливые глаза. За ним шел ребенок, бивший в медный таз, как в барабан.

— Хочешь, чтобы я назвал тебе имена этих господ? — спросил Анжелику карлик.

Подмигнув ей, он добавил:

— Ты знаешь знак, но я вижу, что ты не наша. Те, кого ты видишь впереди — Большой Евнух и Маленький Евнух. Большой Евнух многие годы находится на краю смерти, но не умирает. Маленький Евнух следит за женщинами Великого Кезра. Он несет эмблему короля нашего мира.

— Метлу?

— Шшш! Не смейся над ней. Эта метла может хорошо очистить дом. За ними идут шарманщик Тибо и его паж Лино. А вот идут женщины нашего короля.

У женщин, на которых он указал, были распухшие лица проституток и обведенные черными кругами глаза. Некоторые из них еще неплохо выглядели и бросали вокруг себя наглые взгляды, но только самая первая из них, очень юная, почти девочка, еще сохранила свежесть. Несмотря на холод, ее молодая грудь была обнажена, и она с гордостью демонстрировала ее.

За ними следовали факельщики, вооруженные шпагами мушкетеры, нищие и мнимые пилигримы из Сен-Жако, а потом показалась тяжелая, скрипящая тачка, которую толкал гигант с пустыми, ничего не выражающими глазами и отвисшей нижней губой.

— Это Бавоттан, идиот Великого Кезра, — сообщил карлик.

За идиотом показался замыкавший процессию человек с седой бородой, одетый в черный костюм, карманы которого были набиты свитками пергамента. С его пояса свисали три прута, чернильница и несколько гусиных перьев.

— Это Жан Седобородый, главное доверенное лицо Великого Кезра, тот, кто устанавливает законы нашего тайного королевства.

— А где же сам Великий Кезр?

— В тачке.

— В тачке? — переспросила потрясенная Анжелика.

Она немного приподнялась, чтобы лучше видеть. Тачка остановилась перед кафедрой проповедника, которая возвышалась в центре церковного двора и была покрыта крышей конической формы.

Идиот Бавоттан нагнулся, достал что-то из тачки, потом уселся на верхнюю ступеньку помоста кафедры и положил этот предмет себе на колени.

— Милосердный Боже! — вырвалось у Анжелики.

Она видела перед собой Великого Кезра. Это было существо с чудовищным торсом, оканчивающимся тощими белыми ножками, которые могли бы принадлежать двухлетнему ребенку. Мощная голова была украшена густой черной гривой, вокруг которой было обвязано грязное полотенце, скрывавшее его уродливый череп. У него были густые черные усы, кончики которых торчали наподобие клыков.

— Хи! Хи! — веселился Баркароль, наслаждаясь изумлением Анжелики. — Надо тебе знать, моя девушка, что здесь у нас маленькие правят большими. Знаешь, кто может стать Великим Кезром, когда Коротенький Ролин умрет?

Он прошептал ей на ухо:

— Деревянный Зад.

Потом продолжал, кивая своей большой головой:

— Таков закон природы. Чтобы управлять ворьем, нужны мозги. А этого как раз и не хватает тем, у кого в избытке ног. Что ты на этот счет думаешь, Легконогий?

Человек, которого он назвал Легконогим, улыбнулся. Он только что присел на краешек могилы, прижимая руку к груди, как будто ему было больно. Это был очень молодой человек с мягким бесхитростным взглядом. Он сказал, задыхаясь:

— Ты прав, Баркароль. Лучше иметь голову, чем пару ног. Потому что тогда, если человек лишается ног, у него совсем ничего не остается.

Анжелика с удивлением посмотрела на длинные, стройные ноги молодого человека. Он печально улыбнулся.

— О! Они у меня еще есть, но я больше не могу как следует шевелить ими. Я был бегуном у мсье де ля Саблери; и однажды, после того, как я пробежал почти двадцать ли, мое сердце отказало. С тех пор я почти не могу ходить.

— Ты не можешь ходить, потому что слишком много пробежал! — воскликнул карлик, подпрыгивая. — Хо! Хо!

— Заткнись, Барко, — проворчал кто-то, — до чего ты надоедлив!

Сильная рука схватила карлика за шиворот и отшвырнула в сторону, так что он закрутился среди кучи костей.

— Этот наглый ублюдок — ужасный зануда, не правда ли, моя красавица?

Только что подошедший человек наклонился к Анжелике. Совершенно подавленная окружающим ее бесконечным уродством, она испытала некоторое облегчение, увидев, что незнакомец красив. Она не могла как следует разглядеть его лицо, которое скрывалось в тени под широкополой шляпой, на которой был приколот небогатый плюмаж. Тем не менее, она могла заметить, что у него были правильные черты, большие глаза, красивый рот. Он был в расцвете молодости. Его смуглая рука покоилась на рукоятке короткого кинжала, прикрепленного к поясу.

— Чья ты, красотка? — спросил он заискивающе, с легким иностранным акцентом.

Она не ответила и презрительно отвернулась.

На ступеньках кафедры перед Великим Кезром и его идиотом кто-то поставил медный таз, служивший перед этим барабаном мальчику. И вот люди дна двинулись вперед, проходя один за другим мимо таза и швыряя в него пошлину, взимаемую их князем.

Каждый облагался данью, соответствующей его «специальности». Карлик, оказавшийся снова рядом с Анжеликой, вполголоса знакомил ее с рангами всего этого сброда, который, с тех пор, как существует Париж, ввел строгую систему эксплуатации общественного милосердия.

Он показал ей респектабельно одетых попрошаек, которые делали смущенное лицо, протягивая руку за подаванием. Они рассказывали прохожим, что принадлежали когда-то к почтенным семьям, дома которых были сожжены, а имущество разграблено во время войны. Другие изображали торговцев, ограбленных разбойниками на дороге, третьи признавались, что им было видение божье, и поэтому они собираются стать католиками. Получив свое вознаграждение, они уходили и снова обращались в истинную веру уже в другом церковном приходе.

Бывшие солдаты выпрашивали милостыню с помощью своих шпаг, запугивая мирных обывателей, а маленькие дети, держась за руки, громко плакали, якобы от голода, чтобы смягчить сердца горожан.

Весь этот сброд чтит Великого Кезра, который поддерживал порядок среди соперничающих банд. Су, экю и даже золотые монеты сыпались в медный таз.

Смуглолицый мужчина не отрывал глаз от Анжелики. Он придвинулся к ней поближе, тронул ее рукой за плечо и, почувствовав, что она отпрянула, быстро сказал:

— Я Родогон Египтянин. В Париже под моим началом четыре тысячи людей. Все бродячие цыгане платят мне дань, так же, как смуглые женщины, которые читают будущее по рукам людей. Хочешь быть одной из моих женщин?

Она не ответила. Луна поднялась над шпилем церкви и над хранилищем костей. Теперь перед кафедрой проповедника двигалась процессия настоящих и фальшивых калек, тех, кто намеренно изуродовал себя, чтобы вызывать сострадание, и тех, кто мог с наступлением вечера отбросить прочь свои костыли и повязки. Вот почему их пристанище называли Двором Чудес.

Они пришли сюда из всех предместий, улиц, площадей Парижа, эти мнимые больные: золотушные, немощные, хромые, уродливые, отверженные и, наконец, те, кто по двадцать раз в день корчился,

якобы умирая, под ногами стражников, перетянув перед этим руку шнуром, чтобы не прощупывался пульс. Один за другим они проходили, кидая свою дань жуткому маленькому идолу, чей скипетр они чтили.

Родогон Египтянин снова положил руку на плечо Анжелики. На этот раз она не отстранилась. Его рука была теплой, а она так замерзла! Она подняла к нему свои глаза, стараясь разглядеть в тени шляпы черты его лица, которое не вселяло в нее ужас. Она увидела удлинённые цыганские глаза, белки которых сверкали, как белая эмаль. Он пробормотал сквозь зубы проклятие и резко наклонился к ней.

— Хочешь быть «маркизой»? Да, мне кажется, я могу пойти на это!

— Ты сможешь мне убить кое-кого? — спросила она.

Бандит откинул назад голову в приступе беззвучного, жуткого смеха.

— Десять, двадцать человек, если ты захочешь! Тебе надо только показать его, и я клянусь тебе, что еще до рассвета его кишки будут размазаны по мостовой.

Он плюнул на свою руку и протянул ее Анжелике.

— По рукам! Сделка заключена!

Но она спрятала руки за спину, покачав головой.

— Нет еще.

Он снова выругался, потом отступил назад, не отводя от нее глаз.

— Ты упряма, но я хочу тебя. И я получу тебя.

Анжелика провела по лицу рукой. Кто еще говорил ей эти бесстыдные, жадные слова? Она не могла вспомнить.

Среди солдат начался шум. Парад нищих окончился, теперь наступила очередь жулья. На сцене появились худшие бандиты столицы, не только воришки, промышляющие срезыванием кошелечков и лазанием по карманам, но и наемные убийцы, грабители и взломщики, с которыми смешивались распутные студенты, слуги, бывшие галерные рабы и представители самых различных национальностей, выброшенные сюда превратностями войны: испанцы, ирландцы, немцы, шведы, а также цыгане.

Неожиданно главные придворные Великого Кезра принялись прокладывать себе дорогу через толпу, раздавая по сторонам удары и направляясь к надгробию, на которое опиралась Анжелика. Только

увидев прямо перед собой этих плохо выбритых людей, она поняла, что они пришли за ней. Их возглавлял старик по прозвищу Жан Седобородый.

— Король спрашивает, кто эта девушка, — сказал он, показав на Анжелику.

Родогон властно обнял ее.

— Молчи, — прошептал он, — я сам это улажу.

Он потащил ее к кафедре, крепко прижимая к себе. Он бросал по сторонам вызывающие и одновременно подозрительные взгляды, как будто боялся, что может появиться противник, который отнимет у него добычу.

Его сапоги были из прекрасной кожи, и на одежде не было заплат. Анжелика машинально отметила про себя эти детали, не осознавая этого. Этот мужчина не пугал ее. Он привык повелевать и бороться. Она подчинилась его власти, как побежденная женщина, которой нужен хозяин.

Представ перед Великим Кезром, Египтянин вытянул шею, плюнул и сказал:

— Я, герцог Египта, беру эту женщину себе в маркизы.

— Нет, не берешь, — сказал спокойный, грубый голос у них за спиной.

Родогон быстро повернулся.

— Каламбреден!

В нескольких шагах от них, освещенный лунным светом, стоял человек с лиловым наростом на лице, который уже дважды с насмешкой вставал у Анжелики на пути.

Он был так же высок, как Родогон, но шире его в плечах. Изорванная одежда не скрывала мускулистых рук и волосатой груди. Хорошо сложенный, он стоял широко расставив ноги, заложив большие пальцы рук за кожаный пояс, и нагло смотрел на цыгана. Его тело было гораздо моложе его жуткого лица под взлохмаченной гривой седых волос. Сквозь грязные пряди сверкал его единственный глаз. Другой был скрыт черной повязкой. Луна ярко освещала его фигуру и снег, лежавший на крышах склепов за его спиной.

«О! ужас этого места! — подумала Анжелика. — Самое страшное здесь!»

Она прижалась к Родогону. Герцог Египта осыпал оскорблениями своего бесстрастного противника.

— Трусливая дворняга, сукин сын, дьявольское отродье, падаль... это плохо кончится... это уж слишком...

— Заткнись, — отпарировал Каламбретен.

После этого он плюнул в направлении Великого Кезра, который, казалось, был традиционной мишенью этого знака уважения, и швырнул в медный таз тяжелый кошелек, тяжелее, чем у Родогона.

Жуткое подобие человека, сидевшее на коленях идиота, внезапно затряслось от смеха.

— У меня есть хорошая мысль — устроить аукцион по продаже этой красотки, — проскрипел он. — Пусть ее разденут, чтобы парни могли как следует оценить товар. В данный момент одержал верх Каламбретен. Теперь твоя очередь, Родогон.

Оборванцы взвыли от восторга. Мерзкие руки отовсюду потянулись к Анжелике. Египтянин оттолкнул ее за спину и выхватил кинжал. В это же мгновение Каламбретен нагнулся и швырнул какой-то круглый белый предмет, попав противнику в запястье. Когда этот метательный снаряд откатился, Анжелика с ужасом увидела, что это был череп.

Оружие Египтянина упало на землю. Каламбретен сцепился с ним так, что захрустели кости, и оба бандита упали в грязь.

Это послужило началом дикой драки. Представители пяти или шести соперничающих банд Парижа набросились друг на друга. Шпаги и кинжалы бешено разили, и кровь лилась потоками. Другие, подражая Каламбретену, поднимали с земли черепа и швыряли их, как пушечные ядра.

Анжелика попыталась убежать, но сильные руки схватили ее и притащили обратно к кафедре, где ее крепко держал главный придворный Великого Кезра. Сам Великий Кезр наблюдал за битвой, подкручивая усы.

Жан Седобородый схватил медный таз. Идиот Бавоттан и Большой Евнух хохотали. Шарманщик Тибо крутил ручку шарманки и пел громко, как только мог. Старые нищенки, которые метались и падали, визжали, как гарпии.

Анжелика увидела, как старый урод с одной ногой изо всех сил колотил своим костылем по голове Деревянного Зада, как будто

заколачивая в нее гвозди. Рапира пронзила ему живот и он скорчился на своем безногом противнике.

Баркароль и женщины Великого Кезра нашли убежище под сводами склепа, и, воспользовавшись лежавшим там значительным запасом черепов, бомбардировали ими сражающихся.

Ко всем этим диким крикам, воплям и стонам теперь прибавились еще крики жителей улиц Фер и Лингери, которые, высунувшись из окон, громко зывали к Святой Деве и призывали на помощь стражу.

Луна медленно спускалась к горизонту.

Родогон и Каламбретен все еще дрались. Удар следовал за ударом. Оба они были примерно одной силы. Но вот неожиданно раздался крик удивления, раскатившийся многократным эхом. Родогон исчез, как по волшебству. Паника и ужас перед свершившимся чудом охватили этих неверующих людей. Но потом послышался его крик. Удар кулака Каламбретена сбросил его на дно общей открытой могилы; придя в себя среди мертвецов, он начал умолять, чтобы ему помогли выбраться.

Взрыв хохота потряс ближайших зрителей и распространился по всей толпе. Рабочие и ремесленники, живущие на близлежащих улицах, утирая холодный пот, прислушивались к этому громоподобному смеху, сменившему кошмарные вопли. Женщины в окнах крестились.

Внезапно зазвонил серебряный колокол, возвещая «Анжелюс». С церковного двора в становившееся уже серым небо поднялась волна богохульств и непристойных проклятий. Но другие церкви тоже откликнулись.

Пора было удирать. Как совы или демоны, страшась дневного света, люди дна поспешно покидали кладбище.

И в этом тусклом рассвете, розовые краски которого походили на размытую кровь, перед Анжеликой вырос Каламбретен и, смеясь, посмотрел на нее.

— Она твоя, — сказал Великий Кезр.

Анжелика снова попыталась бежать, бросившись к изгороди. Но те же самые жестокие руки схватили ее и лишили возможности двигаться, чуть не задушив ее. Она еще попыталась бороться, но вскоре потеряла сознание.

Глава 2

— Не бойся, — сказал Каламбрден.

Он сидел перед ней на табуретке, упираясь в колени огромными руками. Пламя свечи в прекрасной работы серебряном подсвечнике боролось с бледным дневным светом.

Анжелика пошевелилась и увидела, что лежит на ложе, которое составляла большая куча плащей. Здесь были роскошные бархатные плащи с золотым шитьем, которые надевают молодые дворяне, отправляясь играть на гитаре под окнами своих любовниц, и другие из грубой материи — удобные дорожные плащи путешественников и купцов.

— Не бойся... Анжелика, — повторил бандит.

Она уставилась на него широко открытыми глазами. Она ничего не могла понять. Потому что он говорил на диалекте Пуату, и она понимала его.

Он поднес руку к своему лицу и одним взмахом сорвал отвратительный нарост со щеки. Она не смогла удержаться от вскрика. Но он уже стаскивал назад свою грязную шляпу вместе с всклоченным париком. Потом он развязал черную повязку, которую он носил на глазу.

Теперь перед Анжеликой стоял молодой человек с грубыми чертами лица, у которого над широким лбом завивались короткие черные волосы. Глубоко посаженные карие глаза пристально смотрели на нее из-под лохматых бровей. Она приложила руку ко рту; она задыхалась. Крик стоял в горле. Наконец она пробормотала, как глухонемая, которая может двигать губами, но никогда не слышала звука своего голоса:

— Ни...ко...ла.

Губы мужчины растянулись в усмешке.

— Да, это я. Ты меня узнала?

Она посмотрела на ужасную маскировку, которая теперь была разбросана на полу: парик, черная глазная повязка...

— И это... тебя называют Каламбрденем?

Он встал и свирепо ударил себя кулаком в грудь.

— Да, это я, Каламбрден, Отъявленный Негодяй Понт-Нефа. Я сделал карьеру, не так ли, с тех пор, как мы виделись в последний раз?

Она напряженно смотрела на него. Она все еще лежала на куче старой одежды, не будучи в состоянии пошевелиться. Через бойницу, загороженную решеткой, в комнату медленно вползали клубы тумана, густого, как дым. Может быть, из-за этого стоявший перед ней оборванец, этот Геркулес в лохмотьях с черной бородой, который ударял себя в грудь со словами: «Я Никола... Я Каламбрден», казался ей каким-то фантастическим персонажем.

Он начал расхаживать взад-вперед по комнате, не отрывая от нее глаз.

— В лесах хорошо, только когда тепло, — сказал он. — Я работал вместе с контрабандистами солью. Позже я нашел в лесу целую банду мужчин: бывшие наемники, крестьяне с бородами, беглые рабы с галер. Они были хорошо организованы. Я присоединился к ним. Мы останавливали путешественников, требуя с них выкуп, на дорогах от Парижа до Нанта. Но когда приходит зима, приходится перебираться в город. Это не так-то легко. Сначала мы пробрались в Тур, потом добрались до Парижа. Ох, мы потеряли массу времени из-за этих проклятых охотников за нищими и жуликами, которые выслеживали нас! У тех, кого поймали в городских воротах, сбрасывали брови и половину бороды, и — пожалуйста обратно в деревню, обратно к своим прокопченным фермам, своим разграбленным землям, полям сражений. Или еще тебя отправят в общественную больницу, или даже в Шатле, если в твоём кармане случайно оказался кусок хлеба, который дала тебе жена пекаря. Но я нашел хорошие местечки, через которые можно проникнуть в подвалы, которые все сообщаются один с другим, и, поскольку стояла зима, скованные льдом баржи вдоль всей Сены от Сен-Клу. Перепрыгивая с одной баржи на другую, хоть верь, хоть не верь, мы все пробрались в Париж однажды ночью, словно крысы...

Она спросила равнодушно:

— Как ты мог пасть так низко?

Он вздрогнул, потом наклонился над ней с искаженным от ярости лицом.

— А ты?

Анжелика посмотрела на свою изорванную одежду. Ее распущенные, взлохмаченные волосы выбивались из-под льняного чепчика.

— Это не одно и то же, — сказала она.

Никола заскрежетал зубами и зарычал.

— О, нет, это тоже самое. Почти то же самое... теперь. Ты меня слышишь... девка?

Анжелика посмотрела на него и слабо улыбнулась. Да, это действительно был он. Она как будто снова видела его, как когда-то, — Никола, стоящего в солнечных лучах, с пригоршней земляники. Все это постепенно возвращалось; он так же, как и сейчас, склонялся над ней... Более неуклюжий, чем сейчас, мужиковатый Никола, но уже тогда он был не на своем месте в теплом весеннем лесу... Страстный, как трепещущее животное, он, тем не менее, спрятал за спину свои руки, чтобы удержаться от искушения схватить ее. «Я хочу сказать тебе... что мне не надо никого в жизни, кроме тебя... я не могу найти себе места, и поэтому меня тянет то туда, то сюда... не знаю и сам, почему... Мое единственное место — около тебя». Не так уж плохо для любовного объяснения крестьянина. Но на самом деле, его настоящее место было здесь, где он стоял теперь, наглый, грязный; главарь бандитов в столице... Место бездельника, который предпочитает грабить других, но не утруждать себя работой. Это было понятно еще тогда, когда он оставлял свое стадо коров, чтобы отправиться воровать завтраки у других маленьких пастушат. И Анжелика была его сообщницей.

Она поднялась резким движением и взглянула на него своими зелеными глазами.

— Я запрещаю тебе так разговаривать со мной! Я никогда не была твоей девкой! А теперь дай мне что-нибудь поесть. Я ужасно голодна.

И действительно, голод довел ее почти до тошноты.

Никола-Каламбрден, казалось, был совершенно ошеломлен ее атакой.

— Лежи, — сказал он. — Я позабочусь об этом.

Схватив металлический прут, он ударил им по медному гонгу, блестящему на стене. Немедленно раздался стук деревянных башмаков по ступеням, и в дверях появился человек с глазами слабоумного. Никола повернулся к Анжелике:

— Позволь мне представить тебе Жактана. Это один из моих карманников. Но, прежде всего, это выдающийся идиот, который ухитрился попасть в колодки в прошлом месяце. Поэтому я держу его здесь в качестве повара, чтобы посетители рынка немного забыли форму его носа. А потом мы наденем на него парик и отправим с ножницами — берегите свои кошельки! Что у нас сегодня на обед, бездельник?

Жактан шмыгнул носом и вытер его рукавом.

— Свиные ножки, атаман, и капуста.

— Сам ты свинья! — заорал Никола. — Неужели это подходящая еда для дамы?

— Мне все равно, — нетерпеливо сказала Анжелика. Запах пищи доводил ее почти до обморока. Ей казалось ужасно унижительным, что аппетит нападает на нее в самые ответственные и драматические моменты ее жизни. И чем драматичнее они были, тем больший голод она испытывала!

Когда Жактан вернулся с деревянным блюдом, до краев наполненным капустой и студнем из ножек, перед ним шествовал карлик Баркароль. Он, как всегда, подпрыгнул, потом любезно поклонился Анжелике. Его крошечные пухлые ножки и огромная шляпа делали его поклон гротескным. Но он не был лишен определенной привлекательности и, несмотря на уродство, не казался Анжелике отталкивающим.

— У меня сложилось впечатление, что ты не разочаровался в своей новой добыче, Каламбрден, — сказал он, подмигивая Никола, — но что подумает об этом Маркиза Полак?

— Заткнись, вошь этакая, — прорычал главарь. — Какое ты имел право приходить в мою берлогу?

— Право преданного слуги, который заслужил награду! Не забывай, что я преподнес тебе этот лакомый кусочек, за которым ты следил влюбленными глазами по всему Парижу!

— Привести ее к Младенцам! Это была блестящая идея! Счастье еще, что ее не присвоил Великий Кезр и что Родогон Египтянин не перехватил ее у меня.

— Но это совершенно справедливо, что тебе пришлось завоевывать ее, — сказал крошечный Баркароль, которому приходилось запрокидывать голову, чтобы посмотреть на Никола. —

Что это за главарь, что он не борется за свою маркизу? Кстати, не забудь, что ты еще не заплатил выкуп. Не правда ли, моя хорошенькая?

Анжелика не прислушивалась, потому что с жадностью ела. Карлик посмотрел на нее нежными глазами.

— Что ты хотел сказать, когда говорил о невыплаченном выкупе? — нахмурившись, спросил Каламбрден.

— Вот это да! А как же насчет того парня, которого она хотела убрать с дороги? Того косоглазого монаха...

Главварь повернулся к Анжелике.

— Это правда? Ты действительно этого хочешь?

Насытившись и поддавшись охватившему ее оцепенению, она снова растянулась на ложе из одежды. На вопрос Никола она ответила, не открывая глаз:

— Да, это должно быть сделано.

— Это совершенно правильно! — захихикал карлик. — Свадьба нищих должна быть скреплена кровью. Хо! Хо! Кровью монаха...

Он пробормотал чудовищное богохульство, но, увидев угрожающий жест своего главаря, кубарем скатился по лестнице. Каламбрден пинком захлопнул неплотно затворившуюся дверь. Встав в ногах странного ложа, на котором покоилась молодая женщина, он долго смотрел на нее, упершись кулаками в бедра. Она открыла глаза.

— Это правда, что ты долго следил за мной в Париже?

— Я сразу все узнал о тебе. Поскольку у меня повсюду в городе свои люди, ты легко можешь себе представить, что я быстро узнаю о всех вновь прибывших, и знаю лучше, чем они сами, сколько у них драгоценностей и как проникнуть к ним в дом, когда часы на Гревской площади пробьют полночь. Но ведь ты видела меня в «Трех молотках»...

— Как это было ужасно, — прошептала она, содрогнувшись. — О! почему ты смеялся, глядя на меня?

— Потому что я уже начинал понимать, что скоро ты будешь моей.

Она холодно посмотрела на него, потом пожала плечами и зевнула. Она не боялась Никола, как боялась Каламбрдена. Она всегда одерживала верх над Никола. Никто не боится человека, которого знал еще ребенком. Ее клонило в сон. Рассеянно она задала еще один вопрос:

— Но почему... почему ты покинул Монтелу?

— Вот это да! — воскликнул он, скрестив руки на груди. — Почему? Неужели ты думаешь, что я испытал бы удовольствие, насади меня старый Гийом на свою пику... после того, что случилось? Я покинул Монтелу в ночь твоей свадьбы... или ты и это тоже забыла?

Да, она забыла и это тоже. Но теперь к ней вернулось воспоминание об этом, вместе с запахом вина и соломы вернулось ощущение веса крепкого тела, неприятное чувство спешки, гнева и чего-то незавершенного.

— О! — с горечью сказал он. — Походит на то, что я занимал не слишком много места в твоей жизни. И уж конечно, ты никогда не вспоминала обо мне все эти годы?

— Конечно, — рассеянно подтвердила она. — У меня были более приятные занятия, чем мысли о каком-то лакее.

— Девчонка! — закричал он вне себя. — Подбирай выражения! Этот лакей — теперь твой хозяин. Ты моя...

Он еще кричал, когда она начала засыпать. Его голос несколько не расстроил ее, а, напротив, вселил в нее ощущение грубой, но надежной поддержки. Он внезапно замолчал.

— А теперь мы здесь, — сказал он тихо, — точно так же, как в старые дни... когда ты обычно засыпала на мху в разгар наших ссор. Ах, хорошо, спи, моя любимая. Ты все-таки моя. Тебе не холодно? Хочешь, чтобы я укрыл тебя?

Она выразила согласие только легким движением сомкнутых век. Он отошел, чтобы достать роскошный плащ, и накинул его на Анжелику.

Потом очень нежно, почти с благоговением, коснулся рукой ее лба.

Эта комната была весьма странным местом. Построенная из огромных камней, как древние темницы, она была круглой и полутемной, потому что свет проникал в нее только сквозь зарешеченную бойницу. Она была набита самыми разнообразными предметами, от изящных зеркал в рамах из черного дерева и слоновой кости, до старых железных рабочих инструментов, вроде молотков, кирок и оружия...

Анжелика потянулась. Еще наполовину сонная, она с удивлением огляделась вокруг, встала и пошла посмотретья в одно из зеркал. Оно отразило совершенно незнакомое лицо: на нее смотрела бледная девушка с дикими, расширенными, как у кошек, выслеживающих свою жертву, глазами. Вечерний свет окрасил ее растрепанные волосы в зеленовато-желтый цвет. Она отбросила зеркало, испугавшись. Эта женщина с лицом отверженной не могла быть ею!.. Что случилось? Почему в этой круглой комнате так много вещей? Шпаги, котелки, шкатулки, наполненные безделушками, шарфы, веера, перчатки, драгоценности, музыкальные инструменты, груды шляп, одежда, которая составляла кровать, где она спала. Единственный предмет мебели, изящный комод, инкрустированный деревом из Западных Индий, казался совершенно неуместным в этих сырых стенах.

Она ощутила что-то твердое у себя за поясом. Нащупав рукоятку, она вытасила длинный, сужающийся кинжал. Где она его видела? Это было в каком-то глубоком, жутком кошмаре, в котором луна играла с черепами. Смуглый человек держал его в своей руке. Потом кинжал упал, и Анжелика подобрала его в грязи, пока двое мужчин боролись и катались по земле. Вот как попал в ее руки кинжал Родогона Египтянина. Она сунула его обратно за корсаж.

Никола... Где же Никола?

Она подбежала к окну. Сквозь прутья решетки была видна Сена, медленно катившая свои воды цвета полыни, непрерывным потоком шли баржи и лодки. На противоположном берегу, уже окунувшись в наступающие сумерки, виднелись Тюильри и Лувр.

Это видение из прежней жизни потрясло ее и окончательно убедило в том, что она сошла с ума. Никола! Где Никола?

Она бросилась к двери и, обнаружив, что она заперта, принялась колотить по ней, громко крича и вонзая ногти в гнилое дерево.

Щелкнул ключ и появился красноносый человек.

— Какого дьявола ты орешь, Маркиза? — поинтересовался Жактан.

— Почему дверь была закрыта?

— Я не знаю.

— Где Никола?

— Я не знаю.

Он пристально посмотрел на нее и принял решение:

— Идем вниз, посмотришь на парней, это тебя развеселит.

Она последовала за ним, спускаясь по темной, сырой лестнице, где гуляли сквозняки. Ее приветствовали крики, взрывы смеха, детский плач.

Спустившись, она оказалась в большой сводчатой комнате. Деревянный Зад восседал на столе, как кусок мяса на тарелке. В дальнем конце зала пылал огонь, и около камина сидел Легконогий, наблюдая за кипящим котелком. Толстая женщина ошипывала утку. По всей комнате на брошенной поверх каменного пола соломе полулежали старики, женщины, одетые в лохмотья, и грязные, оборванные дети, вырывающие у собак остатки еды. Несколько мужчин сидели вокруг стола на старых бочках и играли в карты. Другие курили и пили.

При появлении Анжелики все взоры обратились к ней и среди этого жалкого сборища установилась относительная тишина.

— Проходи сюда, моя девочка, — сказал Деревянный Зад, сопровождая свое приглашение торжественным жестом. — Ты — женщина нашего главаря Каламбредена. Мы обязаны относиться к тебе с почтением. Иди сюда, а вы, мальчики, подвиньтесь, очистите комнату для Маркизы.

Один из курильщиков толкнул своего соседа локтем.

— А она лакомый кусочек. На этот раз Каламбреден выбрал так же хорошо, как и ты это делаешь.

Тот встал, подошел к Анжелике и приподнял ее подбородок жестом одновременно дружеским и властным.

— Я — Красавчик, — сообщил он.

Она гневно сбросила его руку.

— Это дело вкуса.

Все окружающие разразились громовым хохотом.

— Тут уж ничего не поделаешь, — сказал Деревянный Зад, икая от смеха, — это его имя, Красавчик, так уж его зовут. Эй, Жактан, дай девушке чего-нибудь выпить. Она мне нравится.

Кто-то поставил перед ней длинный узкий бокал, принадлежавший когда-то маркизу, дом которого, должно быть, посетила однажды безлунной ночью шайка Каламбредена. Жактан наполнил его до краев красным вином и обошел остальных, наполняя их бокалы.

— Твое здоровье, Маркиза!.. Как тебя зовут?

— Анжелика.

Под сводчатым потолком снова грянул хриплый, мерзкий хохот бандитов.

— Ну, это уж верх всего! Анжелика!.. Ха! Ха! Ха! Ангел, можно себе представить! Здесь еще никогда не было ничего подобного... Но почему бы и нет? В конце концов, почему бы и нам тоже не быть ангелами? Поскольку она наша маркиза... Твое здоровье, Маркиза Ангелов!

Они ревели, хлопали себя по ляжкам; ей казалось, что вокруг нее кружатся рокочущие, грохочущие барабаны, чей раскатистый стук сливается в кошмарный шум.

— Твое здоровье, Маркиза! Пей!

Но она оставалась неподвижной, молча глядя на пьяные, бородатые или небритые лица, кольцом окружающие ее.

— Пей, девчонка! — заревел Деревянный Зад.

Она, не отвечая, посмотрела ему прямо в лицо. Наступило угрожающее молчание, потом Деревянный Зад угрюмо посмотрел на окружающих.

— Она не хочет пить! Что с ней?

— Что с ней? — откликнулся целый хор голосов. — Красавчик, ты все знаешь о женщинах, попробуй что-нибудь сделать.

Красавчик пожал плечами.

— Стая крыс, — сказал он презрительно, — неужели вы настолько слепы и не можете понять, что криком от нее ничего не добьешься?

Он сел рядом с Анжеликой и ласково погладил ее по плечу.

— Не бойся. Знаешь, они не такие уж плохие. Они просто напускают на себя такой вид, чтобы пугать обывателей. Но это не относится к тебе: тебя мы уже любим. Ты наша Маркиза Ангелов! Разве тебе это не нравится? Маркиза Ангелов! Ведь это красивое имя. И оно подходит тебе, к твоим прекрасным глазам. Давай, маленькая, выпей, это хорошее вино. Оно из бочонков с Гревской пристани, которые сами своими ногами пришли, переваливаясь прямо сюда, в Нельскую башню. Вот какие вещи тут случаются. Ведь это Двор Чудес.

Он поднес стакан к ее губам. Она подчинилась звуку этого ласкового мужского голоса. Она выпила. Вино действительно было

хорошим. Оно наполнило тело приятной теплотой, и внезапно все стало казаться простым и не таким уж страшным. Она выпила второй бокал, потом облокотилась на стол и осмотрелась. Безногий калека глядел на нее мрачно, как чудовище из морских глубин. Поручили ли ему наблюдать за ней? Она не испытывала желания бежать отсюда. Да и куда ей было идти?

После наступления сумерек в логово начали стекаться нищие, мужчины и женщины, все, кто находились под началом Каламбредена. Среди них было много женщин, которые несли на руках детей-калек или грудных младенцев, закутанных в лохмотья, чьи истошные крики ни на минуту не умолкали. Одного из них, лицо у которого было покрыто гнойными прыщами, передали женщине, сидевшей у камина. Она уверенной рукой убрала все коросты с лица ребенка, пропела по нему полотенцем, и крошечное личико стало чистым и здоровым. После этого она приложила ребенка к груди.

Глава 3

Выйдя наружу, Анжелика увидела на фоне почти полностью сгустившейся темноты силуэт полуразрушенной Нельской башни. Она поняла, что комната, куда поместил ее Никола, была, по-видимому, расположена на самом верху башни. Один из солдат льстиво объяснил ей, что это Каламбреду пришла в голову мысль разместить людей из своей банды в старой, еще средневековой цитадели Парижа. Это было и на самом деле идеальное логово для разбойников. Полуразрушенные залы, осыпающиеся крепостные стены, крошащиеся маленькие башенки обеспечивали их множеством потайных мест, которых не было у других банд, обитающих в городских предместьях.

Городские прачки, долгое время использовавшие зубцы Нельской башни, чтобы сушить на них белье, в ужасе бежали, отступив перед этим устрашающим нашествием. Никто не пришел, чтобы выгнать отсюда бандитов, взявших за обыкновение подкарауливать экипажи, возвращающиеся из Сен-Жерменского предместья, лежа под маленьким горбатым мостиком, соединявшим стороны древнего рва.

Люди ограничивались тем, что шепотом жаловались друг другу на то, что эта дорога в самом сердце Парижа мимо Нельской башни стала настоящим переулком головорезов. И звуки скрипок в Тюильри, на другом берегу Сены, часто смешивались с музыкой папаши Урлурота, игравшего на скрипке, или с пением шарманки Тибо, когда те играли для танцующих оборванцев в разгульные ночи.

Лодочники на маленькой пристани, находившейся неподалеку от башни, понижали голоса, если замечали приближающиеся к ним по берегу устрашающие фигуры. Это место стало просто невозможным, говорили они между собой. Когда, наконец, городские власти решат разобрать эти старые стены и вымести отсюда всех этих паразитов?

— Господа, я вас приветствую, — сказал Крысиный Яд, подойдя к ним. — Не будете ли вы так добры, чтобы перевезти нас на набережную Жеврез?

— У тебя есть деньги?

— У нас есть вот это, — сказал испанец, приставляя острие своей шпаги к животу собеседника.

Человек покорно пожал плечами. Каждый день они боролись с этими мошенниками, которые прятались на баржах, воровали с них товары и заставляли, чтобы их, как вельмож, перевозили с берега на берег, причем задаром. Когда лодочников было много, это обычно приводило к кровопролитным дракам, потому что люди, принадлежавшие к гильдии речников, не отличались излишне терпеливым характером.

Однако в эту ночь разведшие костер около своих суденышек решили, что не в их интересах затевать спор. По знаку старшего из них поднялся самый молодой лодочник и, не слишком успокоенный, отвязал свою лодку, в которую уселись Анжелика и ее пользующиеся печальной известностью компаньоны.

Лодка прошла под сводами Понт-Нефа и, недалеко от моста Нотр-Дам, подошла к основанию набережной де Жеврез.

— Будет очень любезно с нашей стороны, — сказал Крысиный Яд молодому перевозчику, — если мы не только поблагодарим тебя, но еще и отпустим живым и невредимым. Только передай-ка нам твой фонарь. Мы вернем его тебе, если вспомним об этом...

Огромная арка, поддерживающая набережную де Жеврез, только недавно законченную, была подлинным строительным шедевром.

Вступив под ее своды, Анжелика слышала рев реки, которая, разбиваясь на отдельные потоки, напомнила ей своим эхом великий шум океана. Грохот экипажей, катившихся вверху, еще больше усиливал это впечатление. Внутри было сыро и очень холодно. Эта огромная пустота, скрытая в самом сердце Парижа, как будто была специально создана для того, чтобы служить убежищем всем жуликам огромного города.

Бандиты довели ее до конца арки. Здесь было три или четыре темных прохода, служивших канализационными стоками для лавок мясников с улицы де ла Виль Лантена, через которые извергались целые потоки крови. Дальше располагались узкие, дурно пахнущие коридоры, которые вели к потайным лестницам ближайших домов, и свободные берега реки, на которых нога утопала по щиколотку в грязи.

Когда они, наконец, выбрались на чистый воздух, ночь уже была непроглядно черной, и Анжелика не могла понять, где они находятся. Вероятно, это была небольшая площадь с фонтаном посередине, потому что можно было слышать журчанье воды.

Неожиданно совсем рядом с ними раздался голос Никола:

— Это вы, парни? Девушка с вами?

Один из солдат поднял фонарь над головой Анжелики.

— Вот она.

Она увидела высокую фигуру и жуткое лицо бандита Каламбредена и в страхе зажмурилась. Это зрелище пугало ее, несмотря на то, что теперь она знала, что это Никола.

Главарь ударил по фонарю.

— Вы что, рехнулись, притащив сюда фонарь? Господам теперь, значит, для прогулок требуется освещение?

— Нам не слишком хотелось свалиться в воду, — запротестовали его товарищи.

Никола грубо схватил Анжелику за руку.

— Не бойся, моя маленькая голубка. Ты же знаешь, что это я, — сказал он с добродушной насмешкой.

Он втащил ее под портик.

— Ты, Жан-Пион, встанешь на той стороне улицы, за углом. Ты, Мартин, останешься со мной. Губер будет стоять вот там. Остальные будут наблюдать за перекрестком. Ты на месте, Баркароль?

Голос, как будто доносящийся с неба, ответил ему:

— Я здесь, атаман.

Карлик восседал на магазинной вывеске. Стоя рядом с Никола под портиком, Анжелика хорошо видела спускавшуюся вниз узкую улочку. Она была слабо освещена несколькими фонарями, горевшими перед самыми богатыми домами, и канава посередине, наполненная нечистотами, блестела, как тусклая огромная змея.

Все лавочки ремесленников были плотно закрыты. Люди готовились ко сну; за стеклами окон были видны небольшие округлые огоньки свечей. Женщина открыла окно и выплеснула на улицу содержимое ведра. Слышно было, как она пугала ребенка, плакавшего у нее за спиной, что сейчас позовет сердитого монаха.

— Я тебе сейчас покажу сердитого монаха, — проворчал Никола.

Он добавил тихим, напряженным голосом:

— Я собираюсь заплатить за тебя выкуп, Анжелика. Так принято в нашем мире. Мужчина должен заплатить за свою девушку.

— И это, пожалуй, единственное, что мы покупаем, — хихикнул один из головорезов.

Услышав чьи-то шаги, бандиты замерли в молчании. Потом они беззвучно вытащили свои шпаги. По улице поднимался мужчина, прыгая с одного булыжника на другой, чтобы не испачкать в лужах свои туфли на высоких каблуках.

— Это не он, — прошептал Каламбрден.

Остальные вложили шпаги в ножны. Услышав лязг оружия, прохожий в страхе подпрыгнул, увидел смутно маячившие под портиком фигуры, и помчался прочь с воплями:

— Караул! Воры! Убийцы! Грабители! Меня убивают!

— Глупый... — раздался голос Жан-Пиона с другой стороны улицы. — Когда отпускаешь человека совершенно спокойно, не сняв с него даже камзола он начинает бежать и реветь, как осел! Просто тошнит от такого!

Тихий свист, донесшийся с перекрестка, заставил его замолкнуть.

— Посмотри, кто идет, Анжелика, — прошептал Никола, крепче сжимая руку молодой женщины.

Окаменев так, что даже не почувствовала прикосновения по руки, Анжелика застыла в ожидании. Она знала, что сейчас произойдет. Это было неизбежным. Это надо было сделать. Ее сердце не оживет, пока это не случится. Потому что в ней умерло все, и только одна ненависть могла ее возродить.

В желтом свете уличных фонарей показались два монаха, идущих под руку. Ей не представило труда узнать в одном из них Конана Беше. Другой, огромный и толстый, рассуждал на латыни, сопровождая свои слова взмахами рук. Он, как можно было понять, немного выпил, потому что то и дело прижимал своего компаньона к стене, и тут же с извинениями отводил его обратно, отступая в канаву.

Анжелика услышала пронзительный голос алхимика. Он тоже говорил на латыни, но тоном оскорбленного протеста. Когда они подошли к портику, он в возбуждении закричал по-французски:

— Нет, этого вполне достаточно, брат Амбуаз, ваши теории крещения мясным бульоном — просто ересь. Таинство не будет ничего значить, если будет осквернено водой, смешанной с нечистыми элементами, такими, как животный жир. Крещение мясным бульоном! Какое святотатство! Почему бы уж тогда не красным вином, а? Это вполне бы вас устроило, поскольку вы, кажется, имеете к нему такое пристрастие.

И тощий францисканец резким движением освободился от цепкой руки брата Амбуаза.

Толстый монах забормотал плаксивым голосом пьяницы:

— Отец, вы обижаете меня... Увы! Мне бы так хотелось убедить вас.

Неожиданно он издал пронзительный вопль:

— Ах! Ах! Деус коели!

Почти в то же мгновение Анжелика увидела отца Амбуаза уже рядом с ними под портиком.

— Он ваш, парни, — прошептал он, без запинки переходя от чистой латыни к воровскому жаргону.

Конан Беше повернулся кругом.

— В чем дело?

Он замолчал, всматриваясь дикими глазами в пустую улицу. Его голос стал сдавленным.

— Брат Амбуаз, — позвал он. — Брат Амбуаз, где же вы?

Его изможденное, беспокойное лицо стало как будто еще более тощим, глаза выкатились из орбит, он дышал с трудом, прерывисто. Оглядываясь испуганно вокруг, он сделал несколько неуверенных шагов вперед.

— Хуу! Хуу! Хуу!

На сцену выступил карлик Баркароль, жутко завывающий по-совиному. Он, изогнувшись, свесился со скрипящей вывески, и затем с упругостью огромной жабы приземлился под ноги Конану Беше.

Монах отскочил и прижался к стене дома.

— Хуу! Хуу! Хуу! — повторил карлик.

Исполняя дьявольский танец перед своей окаменевшей от ужаса жертвой, он выделял невероятные прыжки, гротескные салюты, непристойные жесты, окружая монаха поистине адским кольцом.

Затем из темноты раздался дьявольский хохот, и появилась еще более жуткая личность. Это был горбун с вывернутыми внутрь коленями. Его ноги были настолько изуродованы, что он мог передвигаться только с помощью резких, ужасающих прыжков на бедрах. Но его фигура была еще ничем, по сравнению с лицом, потому что на его лбу торчал отвратительный нарост, красный и трясущийся.

В вопле, который вырвался из горла монаха, не было уже ничего человеческого.

— Хаааах! Демоны! — завизжал он.

Его длинное тело внезапно согнулось пополам, и он рухнул на мостовую. Его глаза выкатились. Лицо стало восковым. Сквозь уголки губ, растянутых в гримасе дикого ужаса, можно было видеть стучащие от страха гнилые зубы. Очень медленно, как будто во власти ночного кошмара, он поднял вверх свои костлявые руки с искривленными пальцами. Его язык плохо повиновался ему. Он с трудом выдавил:

— Сжался... Пейрак!

Это имя, произнесенное ненавистным голосом, пронзило сердце Анжелики, как кинжал. Жуткая сцена разбудила в ней сумасшедшие инстинкты. Она дико взвизгнула:

— Убей его! Убей его!

И, сама не замечая этого, впилась в плечо Никола. Он освободился грубым движением и выхватил резак мясника, служивший ему оружием.

Но на улице неожиданно наступила тяжелая тишина. Раздался голос Баркароля:

— Но почему, будь я проклят?! — воскликнул он.

Тело монаха упало набок к подножию стены.

Бандиты подошли поближе. Главарь нагнулся над ним и приподнял неподвижную голову; нижняя челюсть отвисла, рот был раскрыт в последнем крике. Глаза были устремлены в одну точку и уже начинали стекленеть.

— Вне всякого сомнения, он мертв! — произнес Каламбрден.

— Но мы даже не притронулись к нему, — сказал карлик. — Ведь правда, Петушиный Гребень, мы даже не притронулись к нему? Мы только строили рожи, чтобы попугать.

— Ну что ж, вы сделали это слишком хорошо. Он умер от страха.

— Вот проклятье, — повторил Баркароль.

Открылось окно. Дрожащий голос пробормотал:

— Что тут происходит? Кто говорит о демонах?

— Пошли отсюда, — распорядился Каламбрден. — Нам тут больше нечего делать.

Утром, когда было обнаружено тело отца Беше, бездыханное, но без всяких признаков увечий или ран, люди Парижа вспомнили слова колдуна, сожженного на Гревской площади: «...Конан Беше, не пройдет и месяца, как я встречу с тобой перед божьим судом...»

Они сверились с календарем и увидели, что месяц кончился. И, осеня себя крестами, люди, жившие на улице де ла Керисе, недалеко от Арсенала, толковали о странных криках, прервавших их первый сон накануне ночью.

Могильщики потребовали себе двойную плату за то, чтобы похоронить проклятого монаха, и на его надгробии была высечена надпись:

«Здесь лежит отец Конан Беше, францисканский монах, который умер, терзаемый демонами, в последний день марта 1661 года».

Банда Никола Каламбредена, Отъявленного Негодяя, закончила ночь в тавернах.

Они нанесли визит всем значным местечкам на протяжении от Арсенала до Понт-Нефа. Они окружали белолицую женщину с длинными распущенными волосами и заставляли ее пить.

Ночь больше не была черной. Она была красной, красной, как вино, она сверкала, как огонь. Столы раскачивались, каминные вращались вокруг своих огненных осей, каменный пол поднимался до уровня лица.

Анжелика была смертельно пьяна, в конце концов ее вырвало. Прижав лоб к поверхности стола, она сидела, охваченная одной мыслью, возникшей в ней и наполнившей ее отчаянием:

«Падение! Падение!..»

Никола властным движением приподнял ее и уставился на нее с изумлением и испугом.

— Ты что, больна? Мы ведь еще и не пили как следует... Нам надо отпраздновать нашу свадьбу...

Но, потом, убедившись, что она совершенно обессилена и не может открыть глаз, он взял ее на руки и вышел.

Ночь была холодной, но на груди у Никола ей было тепло.

Отверженный Поэт Понт-Нефа, лежавший между ног бронзового коня, увидел проходящего мимо него великого бандита, который легко, как куклу, нес белую фигуру с длинными распущенными волосами.

Когда Каламбреден вошел в большой зал Нельской башни, там сидели около огня множество оборванцев и их женщины. Одна из женщин поднялась и с криком набросилась на него.

— Свинья! Ты взял себе другую женщину... мне сказали! И это в то время, как я мучаюсь с мерзким отрядом мушкетеров... но я прирежу тебя, как свинью, и ее тоже!

Никола спокойно опустил Анжелику на землю и прислонил ее к стене, чтобы она не упала. Потом поднял свой огромный кулак, и женщина грохнулась навзничь.

— Теперь слушайте, вы все, — сказал Каламбрден. — Эта девушка вон там — моя, и ничья больше. Всякий, кто осмелится задеть хоть волосок на ее голове, и любая женщина, которая попытается тронуть ее, будут иметь дело со мной. А вы знаете, что это означает!.. А что касается Маркизы Полак...

Он схватил женщину за полу ее кофточки и отшвырнул грубым презрительным жестом к группе картежников.

— ...вы можете делать с ней все, что угодно.

После этого Никола Мерло, уроженец Пуату, бывший пастух, превратившийся в волка, с торжеством повернулся к женщине, которую всегда любил, и которую ему возвратила судьба.

Глава 4

Он взял ее на руки и начал подниматься по лестнице. Шел он медленно, чтобы не оступиться, потому что его мозги были затуманены вином. Это придавало некоторую торжественность его восхождению.

Анжелика полностью предоставила себя во власть его могучих рук. В голове у нее все плыло и кружилось. Поднявшись наверх, Никола пинком распахнул дверь комнаты, где хранились трофеи воровских набегов. Он подошел к постели из набросанной одежды и, опустив на нее Анжелику, воскликнул:

— Вот мы и вдвоем!

Его жест, так же как и торжествующий смех, внезапно пробудили ее от состояния безразличного оцепенения, в котором она находилась после посещения последней таверны. Она резко вскочила и подбежала к окну, где, сама не понимая почему, прижалась к прутьям решетки.

— Ну, — гневно бросила она через плечо, — и что из того, что мы вдвоем, дурень ты этакий?

— Я... но... я думал, — пробормотал он, совершенно ошарашенный.

Она захохотала.

— Неужели ты каким-то образом вообразил, что ты можешь стать моим любовником — ты, Никола Мерло?

Нахмурившись, он двумя бесшумными прыжками оказался рядом с ней.

— Я ничего не воображаю, — резко сказал он. — Я в этом уверен.

— Ну, это мы еще посмотрим.

— Нечего тут и смотреть.

Она с вызовом смотрела на него. Красный отблеск от костра, разожженного речниками на берегу у подножия башни, освещал их обоих. Никола глубоко вздохнул.

— Послушай, — сказал он тихим голосом, с угрозой. — Я еще раз объясню тебе, потому что это ты, и ты должна понять. Ты не имеешь права отказывать мне в том, что я прошу у тебя! Я сражался за тебя, я

убил человека, которого ты просила убить, нас соединил Великий Кезр: это все по законам нашего тайного мира. Ты моя.

— А если предположить, что я не желаю иметь ничего общего с законами вашего мира?

— Тогда ты умрешь, — сказал он, и что-то вспыхнуло в глубине его темных глаз. — От голода или по какой-либо другой причине. Ты не выживешь, не надейся. В любом случае, у тебя больше нет выбора, — настойчиво повторил он, прижав свой кулак к виску молодой женщины. — Неужели твой маленький благовоспитанный ум еще не понял, что сгорело дотла на Гревской площади вместе с твоим колдуном-мужем? Все, что стояло между нами прежде. Ни лакея, ни графини больше не существует. Я Каламбрден, а ты... ты теперь никто. Твои люди от тебя отrekliсь. Те, что вон там...

Он поднял руку, указывая на другой берег темной Сены, на видневшиеся сквозь темноту очертания Тюильри и Лувра, где мерцали огни.

— Для этих людей ты больше не существуешь. Вот почему ты принадлежишь к нашему миру... потому что это дом для всех изгнанников... Здесь ты всегда найдешь себе еду. Тебя защитят. За тебя отомстят. Мы поможем тебе. Но не пытайся когда-либо предать нас...

Он замолчал, слегка задохнувшись. Она чувствовала на своем плече его жгучее дыхание. Он нечаянно задел ее, и жар его желания вызвал в ней тревожную дрожь. Она заметила, что он поднял свои большие руки, чтобы обнять ее, но потом отступил назад, как будто не осмелившись.

Тогда он начал очень мягко умолять ее на родном диалекте:

— Мое сокровище, не будь такой злой. Почему ты на меня дуешься? Разве все не так просто? Мы здесь вдвоем... одни... как в старые дни. Мы хорошо поели, хорошо выпили. Что нам еще остается делать, как не любить друг друга? Ведь ты не хочешь заставить меня поверить в то, что я тебя пугаю?

Анжелика презрительно засмеялась и пожала плечами. Он продолжал настаивать:

— Но тогда что же? Попробуй!.. Вспомни. Нам всегда было так хорошо вместе. Мы были созданы друг для друга, моя малютка... Я знал, что ты будешь моей. Я надеялся на это. И теперь, ты видишь, так и случилось!

— Нет, — упрямо сказала она, перебросив свои волосы через плечи на спину.

Потеряв самообладание, он закричал:

— Берегись! Я могу взять тебя и силой, если понадобится!

— Только попробуй!

— Я прикажу своим телохранителям держать тебя! — заревел он.

— Подлый трус!

Он разразился потоком оскорблений.

Она почти не слушала его. Прижав лоб к ледяным прутьям узкого отверстия, как узник, потерявший всякую надежду, Анжелика погружалась в засасывающую ее усталость. «Твои люди отреклись от тебя...» И как эхо этих слов, произнесенных Никола, прозвучали другие, режущие ножом: «Я больше не желаю о вас слышать. Вы должны исчезнуть. У вас нет больше ни титула, ни меня — ничего».

И Ортанс возникла перед ней, со свечой в руке, похожая на гарпию. «Убирайся! Убирайся!»

Никола был прав, этот Каламбретен, этот Геркулес с дикой, тяжелой кровью, трепетавший у нее за спиной и ругавшийся так громко, что крошки осыпались со старых камней Нельской башни. Его оборванная одежда пропиталась ужасным запахом города, но его тело, если плотно прижаться к нему, если бешено впиться в него, быть может, еще сохранило хоть немного незабываемого аромата Монтелу?..

И внезапно, подчинившись неизбежному, она прошла перед ним и, остановившись перед постелью, начала расстегивать свой коричневый саржевый корсаж. Потом она позволила соскользнуть на пол юбке. Она дрожала, но голова горела. На мгновение она заколебалась, но потом быстро сбросила сорочку и, обнаженная, легла на краденные плащи.

— Иди, — спокойно сказала она.

Он молчал, затаив дыхание. Ее покорность казалась ему подозрительной. Потом он подошел, не отрывая от нее взгляда. Медленно стащил с себя свои лохмотья. На грани исполнения своих самых смелых мечтаний, Никола, бывший крестьянин, стоял, весь трепеща. Мерцающий огонь костра на берегу отбрасывал от него на стену огромную тень.

— Иди, — снова сказала она. — Мне холодно.

Она тоже начала дрожать, может быть, от холода, но, возможно, также и от нетерпения, смешанного со страхом, перед этим высоким, обнаженным, нетерпеливо ожидающим человеком.

Прыгнув, как волк, он оказался на ней. Сжав ее в объятиях так, как будто хотел сломать ее, он разразился приступами судорожного смеха:

— Ох! На этот раз это все в действительности. Ах! Это прекрасно, ты моя. Ты не сбежишь от меня опять, ты моя... Моя! Моя! Моя! — повторял он в исступлении.

И с неистовой поспешностью он овладел ею. Немного погодя она услышала, как он вздохнул, словно насытившийся пес.

— Анжелика, — пробормотал он.

— Ты сделал мне больно, — пожаловалась она.

И, завернувшись в плащ, она уснула.

Он взял ее еще дважды в эту ночь. Она пробуждалась от сковывающего ее тяжелого сна, чтобы стать жертвой этого создания тьмы, который с проклятиями сжимал ее и с громкими, хриплыми вздохами подчинял своим желанием, потом падал рядом с ней тяжелой грудой и бормотал бессвязные фразы.

На рассвете ее разбудил чей-то шепот.

— Каламбреден, вставай, — говорил Красавчик, — мы собираемся свести кое-какие счета с ведьмами Родогона Египтянина на Сен-Жерменской ярмарке за то, что они выкидывают с улицы папашу Урлюрота и мамашу Урлюретту.

— Я сейчас иду, но не поднимай шума. Девушка еще спит.

— Не удивительно. Какой шум стоял всю эту ночь в Нельской башне! Даже крысы не могли сомкнуть глаз. Смешно, как ты громко шумишь, когда занимаешься любовью.

— Заткнись, — проворчал Каламбреден.

— Но Маркиза Полак не приняла этого слишком близко к сердцу. Я должен сказать тебе, что я до последних подробностей следовал твоим указаниям. Я всю ночь ласкал ее, чтобы ей не пришла в голову мысль подняться сюда к вам с ножом. И доказательством того, что она ничего не имеет против тебя служит то, что она ждет тебя внизу с чашей горячего вина.

— Ладно. Иди.

Когда Красавчик вышел, Анжелика осмелилась украдкой взглянуть сквозь ресницы.

Никола уже встал и теперь был облачен в свои лохмотья. Он стоял к ней спиной, склонившись над ларцом, в котором что-то искал. Для женщины, обладающей пронизательностью, его спина могла сказать очень многое. Это была поза чрезвычайно смущенного человека.

Он снова закрыл ларец и, зажав что-то в кулаке, подошел к постели. Она быстро притворилась спящей.

Он наклонился к ней и тихо позвал ее:

— Анжелика, ты меня слышишь?.. Мне надо идти. Но перед уходом мне хотелось сказать тебе... Мне хотелось узнать... Ты очень сердисься на меня за прошлую ночь?.. Я не виноват... Я не мог справиться с собой. Ты так прекрасна... Это правда, что я причинил тебе боль? Хочешь, я пошлю за Большим Матье с Понт-Нефа, чтобы он посмотрел тебя?..

Он положил свою загрубевшую руку на ее жемчужное плечо, выскользнувшее из-под одеяла, и она не могла скрыть дрожь.

— Ответь мне. Я же вижу, что ты не спишь. Посмотри, что я выбрал для тебя. Это кольцо, настоящее. Мне его оценил ювелир с набережной Орфевр. Посмотри на него. Вот, я кладу его рядом с тобой... Скажи мне, чего ты хочешь, что тебе нравится? Хочешь немного ветчины? Прекрасной ветчины? Они принесли ее в это утро, свеженькую, взятую прямо у мясника на Гревской площади, пока тот смотрел, как вешают одного из наших парней... Хочешь новое платье? У меня есть и это тоже... Ответь же мне, или я рассержусь.

Она удостоила его взглядом и надменно сказала:

— Я хочу, чтобы мне принесли лохань, полную горячей воды.

— Лохань? — переспросил он, совершенно ошарашенный. — Для чего?

— Чтобы помыться, грязнуля.

— Хорошо, — сказал он, успокоившись. — Полак принесет тебе ее. Проси у нее все, что тебе понадобится. И если тебе что-то не понравится, только дай мне знать, когда я вернусь.

Он повернулся к небольшому венецианскому зеркалу, стоявшему на камине, и начал приклеивать к щеке раскрашенный восковой нарост, помогавший ему замаскировать лицо.

Анжелика рывком поднялась и села.

— Вот этого я не потерплю, — заявила она. — Я запрещаю тебе, Никола Мерло, появляться передо мной с этим отвратительным лицом мерзкого, развратного старика. В противном случае я не смогу снова позволить тебе прикоснуться ко мне.

По его грубому лицу разлилось выражение ребячьей радости.

— А если я послушаюсь... ты опять позволишь мне?

Она быстро натянула полу плаща себе на лицо, чтобы спрятать от него волнение, которое вызвал в ней этот блеск в глазах бандита Каламбредена. Потому что это был знакомый ей взгляд маленького Никола, такого легкомысленного и непостоянного, но «в душе совсем неплохого», как любила повторять его старая мать. Того Никола, который, наклонившись над своей изнасилованной юной сестрой, нежно звал ее: «Франсина, Франсина...»

Так вот что сделала жизнь с маленьким мальчиком, маленькой девочкой... Ее сердце заняло от жалости к ним обоим. Они были одиноки и всеми покинуты.

— Ты позволишь мне снова любить тебя? — пробормотал он.

И тогда, впервые с тех пор, как они так странно встретились вновь, она улыбнулась ему.

— Возможно.

Никола торжественно протянул руку и сплюнул на землю.

— Тогда я клянусь. Даже если я рискую тем, что меня загребут сержанты или стражники, когда я появлюсь в Понт-Нефе с открытым лицом, ты никогда больше не увидишь меня в облике Каламбредена.

Он сунул свой парик и повязку в карман.

— Я пойду и надену это внизу.

— Никола, — позвала она. — Я поранила себе ногу. Посмотри. Как ты думаешь, этот Большой Матье, о котором ты говорил, может что-нибудь сделать с ней?

Он порывисто взял маленькую белую ножку в обе руки и поцеловал.

— Я спущусь и пришлю его.

Когда он вышел, она улеглась поуютнее и попыталась снова уснуть. Опять стало очень холодно, но она была так хорошо укрыта, что не ощущала холода. Неяркое зимнее солнце отбрасывало сквозь решетку на стену треугольные пятна света.

Тело Анжелики ныло от усталости, но она, тем не менее, чувствовала некоторое умиротворение.

«Это хорошо, — подумала она про себя. — Это походит на то, как голодный наедается. Никто больше ни о чем не думает. Хорошо ни о чем не думать».

Около нее сверкало бриллиантовое кольцо. Она улыбнулась. Во всяком случае, она всегда сможет обвести этого парня Никола вокруг своего маленького пальчика!

Когда потом, много позже, Анжелика мысленно возвращалась в эти времена, она бормотала задумчиво, качая головой: «Я сошла с ума».

И, быть может, и вправду именно это помогло ей выжить в этом страшном и жалком мире — безумие или, вернее, какое-то отупение всех ее чувств.

Все ее движения и поступки подчинялись только самым простейшим рефлексам. Она нуждалась в пище, в тепле. Потребность в чем-то покровительстве и защите привела ее обратно на твердую грудь Никола и заставила ее подчиниться с покорностью его грубым, властным объятиям.

Она, любившая самые тонкие льняные простыни, украшенные изящной вышивкой, теперь спала на постели из краденых плащей, в шерсти которых сохранялся запах всех мужчин Парижа. Она была принадлежностью неотесанного мужлана, крестьянина, превратившегося в бандита, который был страшно ревнив и безумно гордился тем, что был ее хозяином, и не только не боялась его, но даже испытывала удовольствие от того внимания, которое он ей оказывал.

Все предметы, которыми она пользовалась, вся пища, которую она употребляла, были добыты воровством, если не убийством. Ее друзья были негодьями и преступниками. Ее домом были старые крепостные валы, укромные уголки на берегах реки и низкопробные таверны; и весь ее мир заключался в жутком и почти недостижимом Дворе Чудес, куда офицеры Шатле и полицейские сержанты едва осмеливались заглядывать даже днем. Слишком малочисленные перед лицом ужасающей армии отщепенцев, составлявшей в то время пятую часть городского населения Парижа, силы закона и порядка отдавали ночь в распоряжение подонков.

И тем не менее, пробормотав «я была безумна», Анжелика иногда начинала мечтательно вспоминать те дни, когда она, рядом со знаменитым Каламбреденом, царила на развалинах старых крепостных стен и мостах Парижа.

Каламбреден превратил Нельскую башню в свою штаб-квартиру. И другие главари парижского дна начинали понимать, что этот новичок среди «братьев» окружил целый район, захватив в свои руки подступы к бывшим воротам предместьев Сен-Жермен, Сен-Мишель и Сен-Виктор, вплоть до берегов Сены.

Студенты, питающие пристрастие к дуэлям в Пре-о-Клер, горожане из небогатых слоев общества, обожающие заниматься рыбной ловлей по воскресным дням в старых крепостных рвах, прекрасные дамы, отправляющиеся навестить своих подруг в предместье Сен-Жермен или своих духовников в Во де Грас, теперь должны были держать свои кошельки наготове. Толпы оборванцев вырастали перед ними на дорогах, останавливали лошадей, загораживали проезд экипажам в воротах или на маленьких мостах, перекинутых через старые мосты.

Крестьяне или путешественники, направляющиеся в город, должны были вторично платить пошлину мнимым солдатам Каламбредена, которые неожиданно появлялись перед ними уже в глубине города. Сделав въезд в город таким же затруднительным, как это было во времена подъемных мостов, люди Каламбредена как будто восстановили старую городскую стену Филиппа-Августа.

Это был ловкий ход в подпольном королевстве. Умный и алчный уродец, управляющий им, Великий Кезр, не вмешивался. Каламбреден платил по-княжески. Его любовь к открытой борьбе, его смелые решения, опирающиеся на помощь такого организационного гения, как Деревянный Зад, делали его с каждым днем все более могущественным. Из своей Нельской башни он захватил Понт-Неф, этот парижский приз, с его неиссякаемым потоком гуляк, глазающих по сторонам, которые так легко позволяли срезать свои кошельки, что у истинных артистов этого дела, таких, как Жактан, это просто вызывало тошноту. Битва за Понт-Неф была ужасной. Она длилась несколько месяцев. Постепенно Каламбреден победил, потому что его люди заняли все подступы. Он разместил своих бродяг в брошенных

лодках, привязанных к аркам или сваям мостов. Эти люди, делавшие вид, что они спят, на самом деле были бдительными часовыми.

Слоняясь по этому тайному Парижу в компании Легкононогого, Баркароля или Деревянного Зада, Анжелика постепенно начала понимать, какая огромная сеть нищенства и вымогательства была тщательно соткана ее товарищем по детским играм.

— А ты умнее, чем я думала, — сказала она ему однажды. — В твоей голове есть кое-какие умные мысли.

И она слегка потрепала его рукой по лбу.

Такие жесты, на которые она была не слишком щедра, совершенно ошарашивали бандита. Он посадил ее себе на колени.

— Это тебя удивляет, ха?.. Ты не ожидала этого от бывшего деревенского увальня? Но я никогда не был деревенщиной и никогда не хотел быть...

Он презрительно сплюнул на каменный пол.

Они сидели перед огнем в большой комнате, расположенной внизу Нельской башни. Здесь собрались приверженцы Каламбредена, вместе с толпой оборванных бродяг, пришедших засвидетельствовать почтение властителю шайки. Каждый вечер все помещение заполнялось этим крикливым сбродом, и под сводами зала раздавалась ругань, смешанная с воплями младенцев и звяканьем оловянных кружек, а от старых лохмотьев и от вина распространялось непереносимое зловоние.

Деревянный Зад восседал на столе с высокомерием образцового управляющего и мрачным видом непонятого философа. Барка роль, его закадычный друг, галопом носился от одной группы присутствующих к другой, доводя игроков в карты до изнеможения. Крысиный Яд продавал трофеи своей дневной охоты каким-нибудь изможденным старым ведьмам. Тибо крутил ручку шарманки, бросая насмешливые взгляды сквозь прорезь соломенной шляпы, а Лино, его маленький помощник, этот оборванец с глазами ангела, бил в свои цимбалы. Мамаша Урлюретта и папаша Урлюрот начинали танцевать, и огонь в камине отбрасывал на потолок их гротескные, уродливые тени. Эта пара, как говорил Барка-роль, имела на двоих один глаз и три зуба. Папаша Урлюрот был слепым и играл на инструменте, представлявшем из себя нечто вроде коробки, на которую были натянуты два шнурка, и которую он, тем не менее, называл скрипкой.

Его жена была одноглазой, массивной старухой с гривой седых волос, свисавших из-под грязного полотняного тюрбана; она стучала кастаньетами и отплясывала какой-то дикий танец своими большими, распухшими ногами, облаченными в несколько пар чулок. Баркароль говорил, что она, должно быть, была испанкой... когда-то, очень давно. Теперь у нее остались только кастаньеты.

В постоянную свиту Каламбредена входил также Легконогий, всегда задыхающийся бывший бегун; горбун Табелот; Осторожный — очень трусливый, всегда ноющий от страха вор, которому, впрочем, его страх отнюдь не мешал принимать участие во всех квартирных кражах со взломами; Красавчик, который здесь назывался «барбильон», то есть сводник, и который, раздевшись, как принц, мог обмануть самого короля; проститутки, беспечные, как животные, или визжащие, как гарпии, и несколько шарлатанов (большинство из них состояло на службе у Родогона Египтянина). Кроме того, здесь были плуты-лакеи, которые, отдыхая от работы на своих хозяев, которых они обворовывали, искали здесь покупателей для своей добычи, и беспутные студенты, которых нищета приводила, в конце концов, на дно. В обмен за различные мелкие услуги они приходили сюда, чтобы поиграть в кости с бродягами. Эти люди, знавшие латынь, назывались здесь «главными прихвостнями» и устанавливали законы для Великого Кезра. К их числу принадлежал и Большой Мешок, который под видом монаха заманил в ловушку Конана Беше.

Мошенники, наживающиеся на общественном милосердии, бесформенные слепые, хромые, умирающие днем, также занимали свое место в Нельской башне. Эти древние стены, которые видели разнузданные оргии королевы Маргариты Бургундской и слышали предсмертные стоны молодых людей, заколотых после любовных объятий, заканчивали свою зловещую карьеру, давая приют самому худшему сброду. Среди них были и настоящие калеки, идиоты, полоумные, чудовища, подобные Петушиному Гребню с его невероятным наростом на лбу.

Проклятый мир: дети, которые уже не были похожи на детей, женщины, которые отдавались мужчинам на соломе, брошенной на каменном полу, старики и старухи с пустыми взглядами заблудившихся собак; и однако, среди этой пестрой толпы царил беззаботная атмосфера наслаждений. Нищета и грязь непереносимы

только в начале, только для тех, кто имеет возможность сравнивать их с чем-то. А у обитателей Двора Чудес не было ни прошлого, ни будущего.

Здесь жирели от безделья многие здоровенные парни, сильные и нормальные. Голод и холод был уделом слабых, судьбой тех, кто к ним привык. Неуверенность в завтрашнем дне никого не беспокоила. Какая разница! Неоценимой наградой за эту неопределенность была свобода, право щелкать своих вшей под солнечными лучами там, где тебе этого захотелось. Пусть его приходит, полицейский, занимающийся бедняками! Пусть строят свои госпитали и богадельни эти благородные дамы и их капелланы!.. Ни один бродяга не ступит туда ногой по своей доброй воле, потому что весь этот суп уже вычерпан.

Как будто не лучше питаться со стола Каламбредена, который постоянно пополняется прямо с непосредственных мест снабжения его агентами, которые рыскали около мясных лавок, боен, грабили баржи и останавливали крестьян, направляющихся на рынок!

Анжелика сидела перед огнем, в котором потрескивали ворованные поленья, удобно устроившись на коленях у Каламбредена.

— Знаешь, о чем я часто думал? — спросил Никола. — Все эти идеи, которые помогли мне здесь, в Париже, возникли у меня под влиянием воспоминаний о приключениях и вылазках, которые мы устраивали, когда были детьми. Обычно мы тщательно продумывали их заранее, помнишь? Так вот, когда я понял, что должен организовать все это, я иногда говорил себе...

Он замолчал, пытаясь лучше выразить свою мысль. Юнец по имени Флипо, сидевший на корточках у его ног, протянул ему бокал вина.

— Ладно, — проворчал Каламбреден, опуская бокал. — Дай нам поговорить. Видишь ли, — продолжал он, — я говорил себе: что сделала бы Анжелика? Что еще придумали бы ее маленькие мозги? И это помогало мне...

Он осмелился приласкать ее, наблюдая краешком глаза за ее реакцией. Он никогда не знал, как будут приняты его любовные заигрывания. Она могла из-за поцелуя наброситься на него с пылающими глазами, как разъяренная кошка, угрожая броситься с

вершины башни и оскорбляя его на лексиконе рыбачки, на освоение которого ей не понадобилось много времени.

Она могла дуться целыми днями, сохраняя такой ледяной вид, что это производило впечатление даже на Баркароля, а Красавчик начинал заикаться. Каламбреден собирал всю свою компанию, и все они, как громом пораженные, обсуждали возможную причину ее дурного настроения.

В другие моменты она была мягкой, веселой, почти нежной. Тогда он снова узнавал ее. Это была она... мечта его жизни? Девочка Анжелика, босоножка с соломинками в волосах, бегавшая в лохмотьях по тропинкам.

А иногда она снова становилась безучастной, покорно подчинялась всем его желаниям, но с таким безразличием, что он оставлял ее в покое, встревоженный и слегка напуганный.

Чудная она была девушка, эта Маркиза Ангелов!

Но, между тем, она делала все это совершенно необдуманно. Ее женский инстинкт безошибочно диктовал ей единственно доступную линию самозащиты. Как она когда-то подчинила себе маленького крестьянина Мерло, так сумеет и теперь взять верх над бандитом... Она не превратилась в его рабыню или жертву, проявляя слишком большую покорность или высокомерие; она держала его в зависимости от своей милости больше снисходительными уступками, чем грубыми отказами. И страсть Никола с каждым днем становилась все более неистовой.

Этот опасный человек, руки которого были обагрены кровью многих жертв, трепетал при мысли о том, что чем-то не угодил ей.

В этот вечер увидев, что Маркиза Ангелов не смотрит своим «черным» взглядом, он начал с гордостью ласкать ее. А она прижималась к его плечу, не обращая никакого внимания на окружающие их мерзкие, ухмыляющиеся рожи. Она позволила ему расстегнуть свой корсаж, страстно целовать в губы. Ее изумрудные глаза вызывающе и отрешенно сверкали из-под полуопущенных ресниц.

Находя в глубине души какое-то странное удовольствие от сознания глубины своего падения, она, казалось, открыто демонстрировала свое чувство гордости от того, что является игрушкой такого грозного хозяина.

Такая наглость заставляла Полак визжать от ярости.

Бывшая официальная любовница Каламбредена не так-то легко смирилась со своей отставкой, особенно потому, что Каламбреден, с жестокостью истинного тирана, заставил ее прислуживать Анжелике. Это именно она должна была принести горячую воду своей сопернице для ее туалета, что настолько поразило оборванцев, не привыкших к подобным привычкам, что об этом судачили до самого предместья Сен-Дени. В ярости Полак расплескала половину кипящей воды себе на ноги, но власть бывшего крестьянина над своими людьми была так сильна, что она не осмелилась и слова сказать женщине, которая вытеснила ее из сердца ее любовника.

Анжелика принимала услуги и ненавидящие взгляды большой, смуглой девушки с полным равнодушием. Когда-то Полак сопровождала армейские полки. Она знала больше военных историй, чем любой поседевший наемник. Она с одинаковой легкостью могла рассуждать о пушках, аркебузах и пиках, потому что имела любовников из всех родов войск. Она даже ходила с офицерами, за их сладкие взгляды, как она объясняла, потому что эти милые господа обычно были гораздо беднее мародерствующих солдат. Однажды она провела целую военную кампанию с полком поляков, откуда и пошло ее прозвище.

Она носила на поясе нож, который вытаскивала по малейшему поводу, и говорили, что она великолепно умеет им пользоваться. Когда наступал вечер, и она до дна осушала кувшин с вином, Полак начинала рассуждать о грабежах и огне сражений.

— Ах! Эти добрые военные деньки! Я говорю солдатам: «Любите меня, парни»...

И она начинала распевать казарменные песенки и целовать любого бывшего солдата, который оказывался поблизости.

В конце концов они отпинавали ее от себя. Тогда она под зимним ветром и дождем бежала по берегу Сены, простирая руки к Лувру, невидимому в темноте.

— Эй! Величество! Эй! — кричала Маркиза Полак. — Когда, наконец, ты дашь нам войну? Хорошую войну! Что ты там делаешь в своей берлоге, бездельник? Где мы только раздобыли себе такого проклятого короля, короля без сражений? Короля без побед?

Трезвая, Полак забывала о своих воинственных порывах и думала только о том, как ей снова завоевать благосклонность Каламбредена. По ее мнению, как она говорила, Каламбредену быстро надоест эта девица, которая никогда не смеется и смотрит так, как будто и не видит тебя. Все дело только в том, что они были «соотечественниками». Это, конечно, связывает людей; но она знает Каламбредена. Ему этого будет недостаточно. И будь оно все проклято, она согласна, в конце концов, если уж на то пойдут, делить его с той. Две женщины для одного мужчины не так уж много, вообще-то говоря. У Великого Кезра их шесть!

Эта ситуация в конце концов достигла неизбежной кульминации. Все разрешилось быстро и бурно.

Однажды вечером Анжелика отправилась навестить Деревянного Зада в его берлогу у моста Сен-Мишель. Она принесла ему требухи. Деревянный Зад был единственной личностью в банде, к которой она испытывала некоторое уважение. Она оказывала ему маленькие знаки внимания, которые он принимал с видом угрюмого бульдога, считая их совершенно естественными.

В этот вечер, понюхав требуху, он сурово посмотрел на Анжелику и сказал:

— Куда ты пойдешь отсюда?

— Обратно, в Нельскую башню.

— Нет. Ты по дороге сделаешь остановку в харчевне Рамеца, около Понт-Нефа. Каламбреден там с бандой и с Полак.

Он выждал момент, как будто давая ей время осознать это, и затем настойчиво спросил ее:

— Так ты уловила, что должна сделать?

— Нет.

Она опустилась перед ним на колени, как делала обычно, чтобы находиться на одном уровне с безногим человеком. Пол и стены его логова были сделаны из глины. Единственным предметом обстановки был кожаный сундук, в котором Деревянный Зад хранил три своих мундира и четыре шляпы. Он всегда очень заботился о своей внешности. Освещалась его берлога краденой церковной лампадой, прикрепленной к стене — это было изящное творение ювелира в серебряной оправе.

— Ты пойдешь в таверну, — объяснил Деревянный Зад епископским тоном, — и, когда увидишь, что Каламбретен и Полак ведут себя не так, как следует, схватишь первое, что тебе попадет под руку — кружку, бутылку — и трахнешь ею по голове.

— Кого?

— Каламбретена, конечно! В таких случаях никогда не следует рассчитывать с девушкой.

— У меня есть нож, — сказала Анжелика.

— Оставь его в покое, ты не умеешь им пользоваться. Кроме того, чтобы преподать урок парню, который запутался со своей маркизой, нет ничего лучше хорошего удара по голове, уж поверь мне!

— Но мне наплевать на то, что это ничтожество обманывает меня, — сказала Анжелика с надменной улыбкой.

Глаза калеки вспыхнули из-под лохматых бровей. Он начал говорить очень медленно.

— Ты не имеешь права... Я скажу даже больше: ты не имеешь выбора. Каламбретен очень популярен среди своего народа и пользуется большим могуществом. Он выиграл тебя. Он взял тебя. Ты больше не имеешь права презирать его. Так же, как позволять ему презирать тебя. Он — мужчина.

Анжелика содрогнулась со смешанным чувством гнева и еще чего-то неопределенного. Горло ее сжалось.

— Я не хочу, — пробормотала она сдавленным голосом. Калека разразился громким, горьким смехом.

— Я тоже не хотел, чтобы то пушечное ядро прилетело и оторвало обе мои конечности под Нордлингенем. Но оно не спросило меня. Мы ничего не можем поделать с такими вещами, изменить их мы не в силах. Остаемся только принимать их... и учиться гулять на деревянной платформе...

Свет лампы падал на большое лицо Деревянного Зада, Анжелика подумала, что он походит на чудовищно огромный трюфель; гриб, выросший в темноте и сырости земли.

— Так что тебе тоже лучше всего научиться гулять среди оборванцев, — продолжал он своим низким голосом. — Делай, что я тебе говорю. Или ты умрешь.

Она непокорным, вызывающим движением перекинула назад свои волосы.

— Я не боюсь смерти.

— Я говорю не об этой смерти, — проворчал он, — а о гораздо худшей, о смерти твоей личности, тебя самой...

Неожиданно его охватило раздражение.

— Ты заставляешь меня говорить всякие глупости. Я пытаюсь заставить тебя понять, черт возьми! Ты не имеешь права позволить Полак сокрушить себя! Ты не имеешь права... Ты слышишь меня?

Он впился в ее глаза свирепым, пронизывающим взглядом.

— Давай поднимайся и иди! Возьми вон там, в углу, бутылку и стакан. Принеси их мне сюда...

И потом, наполнив стакан водкой:

— Выпей это одним махом и потом иди туда... Не бойся ударить слишком сильно. Я знаю Каламбредена. У него твердая голова.

Войдя в таверну Рамеца, Анжелика остановилась на пороге. Туман внутри был так же непроницаем, как и снаружи. Дымоход почти не тянул, и комната была наполнена клубами дыма. Несколько ремесленников сидели, опираясь локтями на шаткие столы и молча пили.

В дальнем конце комнаты, перед камином, Анжелика увидела четырех солдат, составляющих обычную охрану Каламбредена: Пиона, Губера, Ла Шассе, Рико, потом восседавшего на столе Баркароля, Жактана, Осторожного и, наконец, самого Никола, на коленях у которого развалилась почти голая, растрепанная Полак, орущая кабацкие песни.

Это был тот Никола, которого она ненавидела, с ужасным лицом Каламбредена.

Это зрелище, так же как и то питье, которое дал ей Деревянный Зад, подбодрило ее. Она проворно схватила с ближайшего стола тяжелую оловянную кружку и двинулась по направлению к компании. Они все были настолько пьяны, что не могли ни увидеть, ни узнать ее. Она оказалась около Никола и, собрав все свои силы, ударила его, не глядя.

Баркароль громко охнул. Потом Никола Каламбреден покачнулся и рухнул прямо на горячие угли очага, увлекая за собой визжащую Полак.

Поднялась суматоха. Остальные посетители харчевни бросились прямо на улицу. Можно было слышать, как они кричат там:

«Убийство!», в то время, как телохранители Каламбредена выхватили свои шпаги, а Жактан пытался вытащить его из камина. Волосы Полак вспыхнули. Баркароль пробежал по столу, на котором сидел, схватил кувшин с водой и опрокинул его ей на голову.

Внезапно раздался чей-то крик:

— Бегите, братья! Полиция!

На пороге появился сержант из Шатле с пистолетом в руке и закричал:

— Не двигаться, вы, головорезы!

Но плотный дым и почти полная темнота заставили его потерять драгоценное время. Схватив неподвижное тело своего главаря, бандиты вытащили его в заднюю комнату и удрали через запасной выход.

— Маркиза Ангелов, скорее! — закричал Большой Мешок.

Она перепрыгнула через перевернутую скамейку и попыталась догнать их, но чья-то сильная рука удержала ее. Она услышала крик:

— Я поймал шлюху, сержант!

Неожиданно перед Анжеликой выросла Полак. Она подняла свой кинжал.

«Это моя смерть», — промелькнуло в голове у Анжелики. Сверкнувшее лезвие прорезало темноту. Державший Анжелику полицейский согнулся пополам и обмяк со стоном.

Полак швырнула стол под ноги подбежавшим к ним полицейским. Потом она подтолкнула Анжелику к окну и они обе выпрыгнули в переулок. Вслед им раздался выстрел.

Через несколько минут обе женщины присоединились к отряду соратников Каламбредена на подступах к Понт-Нефу. Тут они остановились, чтобы перевести дыхание.

— Фу! — вздохнул Жан-Пион, вытирая с лица пот своим рукавом.

— Не думаю, чтобы они так далеко последовали за нами, но этот проклятый Каламбреден, не иначе, как сделан из свинца, черт бы его побрал!

— Они никого не зацапали? Баркароль, ты здесь?

— Пока здесь.

Полак объяснила:

— Они схватили Маркизу Ангелов, но я всадила нож в одного.

Прямо в живот.

Она показала свой окровавленный кинжал.

Отряд снова тронулся по направлению к Нельской башне, увеличиваясь по дороге за счет присоединившихся членов шайки, которые в этот час торчали на своих излюбленных местах.

Новость передавалась из уст в уста.

«Каламбреден! Отъявленный Негодяй ранен!»

Большой Мешок объяснял:

— Это Маркиза Ангелов ударила его кружкой за то, что он увивался около Полак...

Какой-то человек предложил:

— Я пойду позову Большого Матье, — и он удалился.

В Нельской башне Каламбредена положили на стол в большой комнате. Анжелика подошла к нему, сорвала с него маску и увидела рану. Она чувствовала себя виноватой, видя его таким неподвижным, с лицом, залитым кровью; ей казалось, что она ударила его не так уж сильно, парик должен был защитить его. Но основание кружки соскользнуло и рассекло ему висок. Кроме того, упав в камин, он обжег себе лоб.

Она приказала:

— Поставьте кипятить воду.

Несколько юнцов бросились выполнять распоряжение. Все знали, что Маркиза Ангелов помешана на горячей воде, а сейчас вообще было не время возражать ей. Она дала хорошую затрепину Каламбредену, а ведь даже Полак не решалась на то, чтобы осуществить свои угрозы. И сделала это совершенно спокойно, в подходящий момент и как следует... Все было по правилам. Они восхищались ею, и никто не проявил ни малейшего сочувствия к Каламбредену, зная, что у него твердая голова.

Внезапно послышался шум. Дверь отворилась и появился Большой Матье, шарлатан-дантист с Понт-Нефа.

Даже в этот поздний час он не позабыл нацепить свое знаменитое жабо, надеть на шею ожерелье из женских зубов, и явился в сопровождении эскорта, игравшего на цымбалах и трубе.

Большой Матье, как и все шарлатаны, одной ногой стоял на воровском дне, а другой — в приемных принцев. Перед щипцами зубодера все равны. Боль делает слабыми и доверчивыми самых надменных аристократов и самых дерзких бандитов. Лечебные пасты,

чудодейственные пластыри и болеутоляющие эликсиры делали Большого Матье незаменимым человеком. Он мог сделать головокружительную карьеру, но после путешествия по всей Европе он решил закончить свои дни на Понт-Нефе. Отверженный Поэт сложил про него песню, которую шарманщики распевали во всех уголках города:

*«...И, зная тайную причину
Всех человеческих болезней,
Он верит, что одни пилюли
И людям, и коням полезны».*

Он посмотрел на все еще неподвижного Никола с видимым удовлетворением.

— А у вас здесь пахнет кровью. Это ты довела его до такого состояния? — спросил он Анжелику.

И не успела она ответить, как он властной рукой захватил ее челюсть и принялся осматривать ее рот.

— Ни одного обломка, чтобы выдрать, — с отвращением сказал он. — Давай посмотрим пониже. Ты беременна?

И он принялся с такой силой мять и ощупывать ее живот, что она вскрикнула.

— Нет. Коробочка пуста. Давай посмотрим еще пониже...

Анжелика отпрянула, стараясь уклониться от этого слишком детального осмотра.

— Ах ты, толстопузый котелок со снадобьями! — закричала она в бешенстве. — Тебя привели сюда не для того, чтобы ты хватал меня своими лапами, а чтобы посмотрел вон того человека...

— Хо! Хо! Маркиза! — грохотал Большой Матье. — Хо! Хо! Хо! Хо! Хо!

Его смех становился все громче, так что казалось, будто от него вот-вот обрушится древняя крыша; он держался обеими руками за живот. Он был румяным гигантом, всегда одетым в крикливые наряды из оранжевого или синего, как павлиньи перья, атласа. На нем постоянно был парик и шляпа с пышным плюмажем. Среди мрачных лохмотьев и уродливых шрамов он сиял как ослепительное солнце.

Когда он перестал хохотать, то заметил, что Каламбретен уже пришел в себя. Он сидел на столе злобно скалясь, пытаясь в действительности скрыть явное смущение. На Анжелику он не осмеливался даже взглянуть.

— Что вы все тут разорались, стадо вырожденков? — прорычал он. — Жактан, идиот ты этакий, опять дал мясу подгореть. Все провоняло жареной свининой.

— Дурак! Сам ты жареная свинья! — заревел Большой Матье, вытирая выступившие от хохота слезы клетчатým носовым платком. — И Полак тоже! У нее полспины поджарено! Хо! Хо! Хо!..

И он хохотал все более неудержимо. В эту ночь у них, в воровском логове в Нельской башне, напротив Лувра, было ужасно весело.

Глава 5

Посмотри-ка вон туда, — сказал Пион Анжелике, — вон тот человек, который спускается к воде, надвинув шляпу до бровей и завернувшись в плащ до усов... Ты заметила его, а? Так вот, это Гримо.

— Гримо?

— Ну полицейский, если тебе так больше нравится.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю, я это чую по запаху.

И бывший солдат ущипнул себя за свой нос пьяницы, грушевидный малиновый выступ, из-за которого он получил свое прозвище. Анжелика стояла на маленьком горбатом мостике, перекинутом через ров перед Нельскими воротами. Бледное солнце рассеивало туман, висевший над городом последние несколько дней. Противоположный берег, где находился Лувр, еще не был виден, но в воздухе чувствовалась свежесть. Во рву удили рыбу оборванные дети, лакей купал лошадей на берегу реки.

Человек, на которого ей показал Пион, казался безобидным прохожим, вроде какого-нибудь лавочника, который после обеда вышел прогуляться по берегу Сены. Он смотрел, как лакей скребет лошадей, и время от времени поднимал голову, чтобы взглянуть на Нельскую башню, словно его заинтересовало это осыпающееся свидетельство минувших времен.

— А ты знаешь, кого он ищет? — продолжал Пион, выпустив клуб табачного дыма прямо в лицо Анжелике.

Она немного отодвинулась.

— Нет.

— Тебя.

— Меня?

— Да, тебя, Маркизу Ангелов.

На лице Анжелики появилась смутная улыбка.

— У тебя галлюцинации.

— У меня... что?

— Неважно. Просто я хотела сказать, что ты ошибаешься. Никто меня не ищет. Никто обо мне не думает. Я больше не существую.

— Может быть, и так. Но в данный момент больше тебя не существует полицейский Мартин... Помнишь, в таверне у Рамеца. Большой Мешок крикнул тебе: «Быстрее, Маркиза Ангелов!» Это запало в уши тех полицейских, и, когда они нашли своего товарища с распоротым животом, они сказали себе: «Маркиза Ангелов, вот как зовут ту шлюху, которая это сделала». И они ищут тебя. Я знаю это потому, что мы, старые солдаты, иногда собираемся вместе, чтобы выпить со своими боевыми товарищами, которые служат сейчас в Шатле. Теперь ты знаешь, как обстоит дело.

— Ха! — сказал Каламбретен у них за спиной. — Не о чем тут и говорить. Если мы захотим, мы можем столкнуть этого парня в реку. Что они могут с нами поделаться? Их не больше сотни, а нас...

Он гордо и властно махнул рукой, как будто обводя весь город.

На мост въезжал экипаж, и они расступились, чтобы пропустить его; но на другом конце мостика лошади рванулись и остановились, потому что им под копыта бросился какой-то бродяга. Это был Черный Хлеб, один из мошенников Каламбретена, старый, седобородый человек, облаченный в одежду пилигрима.

— Сжальтесь! — взмолился он. — Сжальтесь над несчастным пилигримом, который отправился в Компостеллу, чтобы дать там обет, и у которого нет больше никаких средств, чтобы продолжить свой путь. Дайте мне несколько су, и я помолюсь за вас на могиле святого Жакера.

Кучер наградил его сильным ударом бича.

— Пошел прочь, дьявольский пилигрим!

Из окна кареты высунулась женская головка. Сквозь полураспахнутый плащ можно было увидеть блеск великолепных драгоценных камней на ее шее.

— В чем дело, Лорен? Поторопи лошадей. Мне надо успеть к вечерней службе в аббатстве Сен-Жермен де Пре.

Никола выступил вперед и положил руку на дверцу кареты.

— Благочестивая дама, — сказал он, снимая свою драную шляпу, — неужели, торопясь на вечернюю службу, вы откажете в подаянии этому бедному пилигриму, который идет так далеко, чтобы помолиться там Богу?

Дама взглянула на чернобородое лицо, внезапно возникшее перед ней из тумана, увидела бицепсы борца, виднеющиеся из-под изорванной куртки, нож мясника, висевший на поясе. Она истошно закричала:

— Помогите! Помогите! Убива...

Пион тем временем уже прижал кончик своей шпаги к животу кучера, Черный Хлеб и Флипо, бывший в числе уличных мальчишек, удивших во рву, удерживали лошадей. Подбежал Осторожный. Каламбреден вскочил в карету и грубой рукой зажал рот женщине.

Он крикнул Анжелике.

— Твою косынку! Ну! Твою косынку!

Анжелика сама не поняла, как оказалась внутри экипажа, вдыхая снова запах ирисовой пудры, атласа и прекрасных, расшитых золотом юбок. Каламбреден сорвал с нее шейную косынку и затолкал ее в рот пойманной женщине.

— Быстрее, Осторожный! Срывай с нее искорки! Возьми деньги!

Женщина отчаянно сопротивлялась. Осторожный даже вспотел, пытаясь расстегнуть ее драгоценности, тонкую золотую цепочку и кольцо с прекрасным золотым диском, украшенным несколькими крупными бриллиантами.

— Помогите мне, Маркиза Ангелов, — проскулил он. — Я замучился с этими безделушками.

Руки Анжелики нащупали застежку. Она была очень простой. У нее были когда-то такие же...

— А ну, подстегни-ка их, кучер! — раздался издевательский голос Пиона.

Карета, скрипя колесами, устремилась вниз, к улице Сен-Жермен. Кучер, считавший, что еще легко отделался, нахлестывал лошадей. Немного погодя снова послышались женские крики.

Руки Анжелики ощущали характерную тяжесть золота.

— Принесите свечу, — приказал Каламбреден.

В башне они все собрались вокруг стола, на котором сверкали выложенные Анжеликой драгоценности.

— Прекрасный куш!

— Черный Хлеб получит свою долю, он начал все это.

— Однако, — вздохнул Осторожный, — это все-таки было очень рискованно. Ведь был еще день.

— Мы не могли упустить такой шанс, можешь ты это понять, неуклюжий, трясущийся от страха дурак! Ах! ничего не скажешь, у тебя ловкие руки! Если бы тебе не помогла Маркиза Ангелов...

Никола посмотрел на Анжелику и на его губах появилась странная, ликующая улыбка.

— Ты тоже получишь свою долю... — пробормотал он.

И он швырнул ей золотую цепь. Она в ужасе отшатнулась.

— Все равно, — продолжал твердить свое Осторожный. — Это было очень рискованное дело. И полицейский был всего в двух шагах.

— Был туман. Он ничего не видел, а если бы и услышал что-нибудь, то удрал бы. Что он мог нам сделать, а? Нет, есть только один человек, которого я боюсь. Но его уже давно не видно. А жаль. Мне хотелось бы содрать с него шкуру, с него и с его проклятой собаки.

— Ох! Эта собака! Эта собака! — сказал Осторожный, вытаращив глаза. — Она схватила меня вот здесь...

И он положил руку на горло.

— Человек с собакой, — пробормотал Каламбрден, полузакрыв глаза, — но, если припомнить, я ведь видел тебя однажды около Маленького моста. Ты его знаешь?..

Он подошел к Анжелике и пристально посмотрел на нее, потом на его лице появилась мрачная улыбка.

— Ты его знаешь, — повторил он. — Это прекрасно. Ты сможешь нам заполучить его, не так ли?

— Он покинул Париж. Он никогда не вернется обратно, я это знаю, — сказала Анжелика равнодушно.

Каламбрден покачал головой.

— Ты сможешь нам, правда?

Он взял со стола золотую цепочку.

— Возьми, любимая. Ты ее заработала.

— Я не люблю золото, — сказала Анжелика, которую внезапно пробрала дрожь. — Оно вызывает у меня отвращение.

И она вышла, будучи не в состоянии оставаться дольше в этом дьявольском окружении.

Фигура полицейского исчезла. Анжелика пошла вдоль берега. Сквозь грифельно-серый туман просвечивали желтым фонари, прикрепленные на носах барж. Она услышала, как один из лодочников

начал настраивать свою гитару, а потом запел. Она продолжала идти, направляясь к дальнему концу предместья, где уже чувствовался запах деревни. Когда она наконец остановилась, то ночь и туман поглотили все звуки. Слышно было только, как еле слышно журчит вода внизу, в камышах, ударяясь о борта лодок, стоящих на привязи.

Она сказала тихо и жалобно, как ребенок, которого пугает слишком глубокая тишина:

— Дегре!

Сквозь ночь и журчанье воды ей послышался голос, шептавший: «Когда на Париж опускается вечер, мы вдвоем отправляемся на охоту. Мы спускаемся к берегам Сены, мы бродим под мостами и сваями, гуляем по старым крепостным укреплениям, проникаем в дыры, полные нищих и бандитов...»

Анжелика обхватила плечи обеими руками, пытаясь удержать крик, рвущийся из ее груди:

— Дегре!

Но ответом ей была только тишина, такая же глубокая тишина, как то снежное безмолвие, когда Дегре ее покинул. Тишина, неподвижная, как смерть, в которую они все покинули ее.

Она сделала несколько шагов по направлению к реке и ноги увязли в иле. Потом вокруг ее лодыжек заплескалась вода. Она была холодной, как лед... Скажет ли Баркароль: «Бедная Маркиза Ангелов, вряд ли она испытала большое удовольствие, умирая в холодной воде, ведь она так любила горячую воду»?

В камышах зашевелилось какое-то животное, вероятно, крыса. Анжелика почувствовала, как к ее ногам прикоснулся маленький мокрый комок. Она вскрикнула от отвращения, отпрянула и торопливо выбралась обратно на берег. Но когтистые лапки ухватились за ее юбку. Крыса начала карабкаться по ней. Анжелика принялась вслепую отбиваться, стараясь избавиться от нее. Животное начало пронзительно кричать. Неожиданно Анжелика почувствовала, что ее шею обхватили две крошечные ледяные ручки. Это не крыса!

По тропинке проходили два лодочника с фонарем. Анжелика обратилась к ним:

— Эй, там! Лодочники! Посветите мне!

Мужчины остановились и подозрительно посмотрели на нее.

— Хорошенькая девушка, — сказал один из них.

— Это женщина Каламбредена, — ответил второй. — Не поднимай шума, если не хочешь, чтобы тебя прирезали, как свинью. Он ее бешено ревнует. Настоящий турок!

— Ох! Обезьянка! — воскликнула Анжелика, которая, наконец, ухитрилась разглядеть зверька.

Обезьянка продолжала сжимать ее шею своими худыми, длинными ручками, и ее черные испуганные глаза смотрели на Анжелику совсем по-человечески. Она вся дрожала, несмотря на то, что была одета в крошечные шаровары из красного шелка.

— Она не ваша? — спросила Анжелика. Лодочники отрицательно покачали головами.

— Конечно, нет. Она походит на тех животных, с которыми выступают фокусники на Сен-Жерменской ярмарке.

— Я нашла ее внизу, вон там. У самой реки.

Лодочник повел фонарем в указанном направлении.

— Там внизу кто-то есть, — сказал он.

Они спустились к реке и обнаружили, человека, который показался им спящим.

— Эй, человек, тебе не кажется, что здесь слишком холодно, чтобы спать?

Поскольку тот не пошевелился, они перевернули его и вскрикнули от страха, потому что на его лице была красная бархатная маска. На грудь спускалась длинная белая борода. Его коническая шляпа с перекрещивающимися на ней красными лентами, вышитый заплочный мешок, бархатные шаровары, перехваченные на ногах выцветшими, изорванными лентами, были такими же, как у всех итальянских фокусников, показывающих дрессированных животных, тех, что приходят из Пьемонта и ходят от одной ярмарки к другой.

Он был мертв. Его открытый рот был полон ила.

Обезьянка, все еще цепляясь за Анжелику, скулила. Молодая женщина наклонилась и сняла красную маску. Под ней оказалось истощенное лицо старого человека. Смерть уже изменила его; глаза остекленели.

— Нам ничего больше не остается, как сбросить его обратно в реку, — предложил один из лодочников.

Но другой, набожно крестившийся, возразил, что им нужно позвать аббата из Сен-Жермен де Пре, и проследить, чтобы этот

несчастный иностранец получил христианское погребение.

Анжелика тихонько оставила их и пошла обратно к Нельской башне. Прижимая к себе обезьянку, она, покачив головой, наконец-то вспомнила. Таверна «Три молотка» была тем местом, где она впервые увидела ее. Обезьянка смешила всех посетителей, изображая, как они едят и пьют. И Гонтран сказал, показав своей сестре на старого итальянца: «Посмотри, до чего это красиво, эта красная маска и струящаяся, белая, как снег, борода!..»

Она также припомнила, что хозяин называл обезьянку Пикколо.

— Пикколо!

Обезьянка скорбно вскрикнула и прижалась к ней. И только потом Анжелика заметила, что все еще держит в руке красную маску.

В этот самый момент монсеньор де Мазарини испустил последний вздох. После того, как его перевезли в Венсенн, и он передал королю все свое богатство, от которого тот отказался, кардинал счел свою жизнь законченной. Он полагал, что она была прожита не зря.

Он завещал царственному ученику свою самую пылкую страсть — власть.

И, повернув к королю свое пожелтевшее лицо, премьер-министр шепотом передал ему тайну абсолютной власти монарха:

— Никаких премьер-министров, никаких фаворитов. Вы один, властитель...

После этого, под плач королевы-матери, итальянец скончался.

Вестфальский мир с Германией, Пиренейский мир с Испанией, Северный мир, заключенный им от лица Франции, стояли у его изголовья.

Маленький король Фронды, гражданской войны и иностранных войн, короне которого столько раз угрожали могущественные люди сего мира, чей котелок не раз опрокидывался, пока он скитался от города к городу, теперь представал перед всей Европой как король королей.

Людовик XIV приказал, чтобы сорок часов непрерывно читались молитвы, и погрузился в траур. Двор должен был последовать его примеру. И все королевство шептало молитвы перед алтарями за

ненавистного итальянца, и два дня над Парижем, не замолкая ни на минуту, раздавался похоронный колокольный звон.

Затем, утерев последние слезы и решив своим молодым сердцем больше не предаваться сентиментальности, Людовик XIV с королевской пунктуальностью приступил к работе. Встретив в своей приемной Президента Духовной Ассамблеи, который спросил у него, к кому он теперь должен обращаться с вопросами, находившимися прежде в ведении Мазарини, король ответил: «Ко мне, архиепископ...»

— Никаких премьер-министров... никаких всемогущих фаворитов... Государство — это я, господа.

Пораженные министры стояли перед молодым королем, чья любовь к наслаждениям как будто вселяла в них определенные надежды. Как наемные служащие, работающие под строгим контролем, они представили ему для ознакомления деловые бумаги и документы. Двор скептически улыбался. Король составил себе расписание на каждый час: игры в мяч, любовницы, но, прежде всего, работа, интенсивная, непрекращающаяся, скрупулезная. Люди недоверчиво качали головами. Это продлится недолго, говорили они. Это длилось пятьдесят лет.

На другом берегу Сены, в Нельской башне сплетни Баркароля доносили до обитателей дна отзвуки этих событий. Карлик Баркароль всегда был в курсе происходящего при дворе. В моменты своего досуга он надевал костюм шута шестнадцатого века, с лентами, колокольчиками и перьями, и исполнял роль привратника в доме одной из величайших предсказательниц Парижа.

— И как бы ни закутывались и ни маскировались эти прекрасные дамы, я узнаю их всех...

Имена, которые он называл, и некоторые детали, которые он приводил, не оставляли у Анжелики, знавшей их всех, и тени сомнения в том, что самые блестящие цветы из королевского окружения были частыми посетителями темного логова сомнительной предсказательницы будущего.

Эта женщина, Катерина Монвуазин, была известна под именем Ла Вуазин. Баркароль говорил, что она была ужасна и, кроме того, необыкновенно умна. Усевшись по своему обыкновению на корточки, как большая жаба, около своего друга Деревянного Зада, Баркароль

раскрывал перед Анжеликой, то испуганной, то заинтересованной, тайные интриги и жгучий арсенал сверхъестественных занятий и мистификаций, свидетелем которых ему приходилось быть.

Что им было нужно, всем этим принцам и знатным дамам, которые в серых плащах и масках выскальзывали из Лувра, чтобы пробежать по грязным парижским улицам, постучать у двери берлоги, пользующейся дурной репутацией, и, войдя в эту дверь, открытую гримасничающим карликом, доверить самые свои интимные секреты уху полупьяной женщины? Им была нужна помощь в таких затруднительных делах, где одни только деньги ничего не могут сделать.

Одни приходили к ней за приворотным зельем, чтобы привязать к себе чье-то сердце, другим нужно было средство, возбуждающее угасающие чувства. Приходили и те, кто жаждал получить наследство никак не желавшего умирать дядюшки или избавиться от престарелого мужа, от соперницы или от ребенка, который должен был родиться.

Ла Вуазин была ведьмой, отравительницей, умела устраивать аборт. А дальше все уже было только вопросом цены. Ла Вуазин находила себе необходимых помощников: аптекарей, которые готовили для нее яды, лакеев или горничных, которые могли выкрасть нужные письма, беспутного священника, который мог отслужить черную мессу, или ребенка, которого можно было принести в жертву в угоду жуткому ритуалу, вонзив в его шею длинную иглу.

Сброшенная в пучину Двора Чудес после фальсифицированного процесса о колдовстве, Анжелика обнаружила из рассказов Баркароля, что существует и настоящее колдовство.

Протухший Жан продал Ла Вуазин для ее жертвоприношений многих детей. Более того, именно через него Баркаролю удалось устроиться к ней привратником. Протухший Жан любил, чтобы его работа была честной, хорошо выполненной и как следует организованной.

Анжелика никогда не могла сдержать дрожь, встречаясь с этой зловещей личностью. Ее охватывал трепет всякий раз, когда в осыпающемся дверном проеме башни появлялся этот человек с белым лицом и глазами остекленевшими, как у дохлой рыбы. Даже змея не могла быть более отталкивающей.

Дело было в том, что Протухший Жан был торговцем детьми. Где-то в предместье Сен-Дени, в районе, где владычествовал сам Великий Кезр, стояла большая грязная лачуга, о которой даже самые закаленные бандиты говорили только шепотом. День и ночь оттуда доносились крики истязаемых младенцев. Там собирались подкидыши и украденные дети. Самым слабым из них выкручивали руки и ноги, чтобы потом их можно было сдавать напрокат нищенкам, которые разжалобливали прохожих. Самые хорошенькие мальчики и девочки тщательно выхаживались и потом, еще совсем юными, продавались развращенным дворянам, для их гнусных наслаждений. Самыми счастливыми были те, кого покупали бесплодные женщины, истосковавшиеся в своих пустых домах по детским голосам и хотевшие успокоить своих неудовлетворенных мужей. Знахари и шарлатаны отбирали самых здоровых детей, чтобы обучить их своим трюкам.

Торговля этим вызывающим жалость товаром была непрекращающейся и достигла широких масштабов. Дети умирали сотнями. Но Протухший Жан навещал кормилиц, посылал своих людей в деревни, подбирал подброшенных детей, подкупал служанок в общественных приютах, похищал маленьких савояров и овернцев, которые приходили в Париж со своими платками и оборудованием для чистки труб и исчезали в нем без следа. Париж поглощал их так же, как поглощал всех слабых, нищих, одиноких, больных, престарелых, солдат, оставшихся без пенсии, крестьян, выброшенных войнами со своих земель, разорившихся торговцев. Всем им раскрывало дно ужасные объятия, предлагая им все свои источники существования.

Одни учились изображать из себя эпилептиков, другие воровать. Старики и старухи нанимались в похоронные процессии. Девушки торговали собой, матери продавали дочерей. Иногда какой-нибудь вельможа оплачивал услуги группам наемных убийц, желая избавиться от своего врага. Или еще случалось Двору Чудес поставлять участников для мятежей, которые могли повлиять на исход какой-нибудь дворцовой интриги. Получив плату за то, чтобы кричать и оскорблять, люди дна усердно выполняли свою роль, и, встретившись лицом к лицу с кружком угрожающих оборванцев, многие высокопоставленные лица считали, что их вот-вот сбросят в Сену

представители восставшей столицы и подчинялись давлению своих соперников.

Часто можно было видеть, как накануне какого-нибудь крупного религиозного праздника, люди духовного звания тайком проскальзывали в самые опасные норы. Назавтра по улицам должны были проносить усыпальниц Св. Оппортюна или Св. Марсея. Каноники и высшие церковные лица нуждались в чуде, которое случилось бы в подходящий момент и возродило бы веру толпы в могущество их реликвий. Получив хорошую плату, мнимые слепые, мнимые умирающие, симулянты-паралитики располагались по пути следования религиозной процессии, и внезапно вопили о своем исцелении, проливая слезы радости.

Кто бы осмелился сказать, что люди этого тайного королевства проводили свою жизнь в праздности?

Разве на попечении Красавчика не было целого батальона проституток, которые, безусловно, отдавали ему свой заработок, но чьи ссоры он должен был постоянно утихомиривать и для которых он должен был воровать наряды и украшения, необходимые для их ремесла? Пион, Губер и другие бывшие солдаты иногда проводили на улице в холод целую ночь и могли похвастаться после этого только жалкой добычей. Сколько часов бесплодного ожидания ради какого-то единственного сорванного плаща, сколько воплей, сколько «караул» и «держи»!..

И разве так уж забавно выплевывать изо рта мыльные пузыри, изображая из себя эпилептика и катаясь по земле в кругу праздных зевак? Особенно, когда знаешь, что в конце твоей дороги тебя ждет одинокая смерть где-нибудь среди речных камышей, или, что еще хуже, пытки в тюрьме, от которых у тебя глаза вылезут из орбит и откажут нервы, а после них виселица на Гревской площади, виселица, как итог всего?

В этом королевстве отверженных Анжелика, пользуясь покровительством Каламбредена и дружбой с Деревянным Задом, наслаждалась свободой и беззаботной жизнью.

Она была неприкосновенна. Законы дна суровы. Всем было известно, что ревность Каламбредена не знает никакого снисхождения, и Анжелика спокойно могла находиться» в компании грубых, опасных

людей, таких, как Пион или Губер, в самую глухую ночь, не рискуя получить от них ни малейшего двусмысленного намека или жеста. Какие бы желания она ни вызывала в этих людях, до тех пор, пока их главарь не снял с нее свой запрет, она принадлежала только ему одному. Поэтому ее жизнь, какой жалкой она ни казалась бы внешне, на самом деле была поделена между долгими часами сна и безделья и бесцельными прогулками по Парижу. Она всегда знала, что найдет себе какую-нибудь еду и сможет погреться перед огнем в камине Нельской башни.

Она могла хорошо одеваться, потому что взломщики иногда приносили прекрасные наряды, пахнущие ирисом и лавандой. Но у нее не было к этому склонности. Она все еще носила свой костюм из коричневой саржи, юбка которого теперь изрядно обтрепалась. Все тот же старый полотняный чепчик прикрывал ее волосы. Но Полак дала ей специальный пояс, на котором она могла носить нож под корсажем.

— Если хочешь, я научу тебя, как с ним обращаться, — предложила она.

С той ночи, когда была пущена в ход оловянная кружка и убит полицейский, между ними возникло обоюдное уважение, которому было недалеко до настоящей дружбы.

Анжелика редко выходила днем и никогда в таких случаях не заходила далеко. Она инстинктивно подчинилась ритму жизни своих компаньонов, которым буржуа, торговцы и полицейские предоставляли во владение ночь. Поэтому именно ночью к ней однажды вернулось прошлое и встало перед ней.

Банда Каламбредена грабила дом в предместье Сен-Жермен. Ночь была безлунной, улица была очень слабо освещена. Когда Открыватель Замков, проворный юнец с ловкими пальцами ухитрился отодвинуть засов на маленькой двери для слуг, они вошли внутрь без особых предосторожностей.

— Это большой дом, и там живет только один старик со служанкой, которые спят на верхнем этаже, — объяснил Никола. — В нашем распоряжении находится целая бесконечность, так что мы можем спокойно выполнить свою работу.

После этого он зажег тусклый фонарь и повел в гостиную. Черный Хлеб, часто приходивший сюда просить подаяние, составил подробный план помещений, Анжелика замыкала группу. Уже не

первый раз она таким образом проникала в дом. Вначале Никола не хотел брать ее с собой.

— Ты попадешь в беду, — говорил он.

Но она всегда поступала по-своему. Она следовала за ними не для того, чтобы воровать. Ей хотелось только снова вдохнуть запах спящего дома. Гобелены, прекрасно отполированная мебель, аромат жаркого и паштетов. Она трогала безделушки, потом ставила их обратно. И ни разу никакой внутренний голос не спросил ее: «Что ты здесь делаешь, Анжелика де Пейрак?» Исключением была эта ночь, когда шайка Каламбредена ворвалась в дом старого ученого Глазера в Сен-Жерменском предместье.

Анжелика нащупала рукой светильник и свечу на столике, стоявшем в простенке, зажгла ее от фонаря своего компаньона и увидела в дальнем конце комнаты маленькую дверцу. Она инстинктивно толкнула ее.

— Господи! — прошептал за ее спиной Осторожный. — Что это?

Пламя свечи отражалось в больших стеклянных сосудах, можно было смутно разглядеть переплетение медных трубок, глиняные горшки с латинскими надписями, разноцветные колбы всех размеров.

— Что это может быть? — повторил Осторожный в полном замешательстве.

— Лаборатория.

Отпрянув, Осторожный задел перегонный куб, который свалился с оглушительным звоном. Они поспешно оставили комнату. Гостиная была пуста. Остальные, закончив свой набег, уже ушли. Они услышали звук шагов по каменному полу наверху, и голос старика прокричал:

— Мари-Жозефа, ты опять забыла запереть кошек. Это невыносимо. Я должен спуститься вниз и посмотреть, — потом, перегнувшись через перила на лестничной площадке, он воскликнул: — Это ты, Сент-Кру? Ты пришел за рецептом?

Анжелика и ее спутник бросились в кухню, потом в кладовую, где находилась маленькая дверь, взломанная грабителями. Они остановились, только пробежав несколько улиц.

— Фу! — сказал Осторожный. — Я здорово перепугался. Кто бы мог подумать, что мы нарвемся на колдуна!.. Только бы это не навлекло на нас несчастья! Где остальные?

— Они, должно быть, ушли другим путем.

Но он вдруг сжал ее руку и начал странно дышать, как будто задыхаясь.

— Слушай.

— Что?

— Разве ты не слышишь? Слушай... — повторил он с ужасом.

Внезапно у него вырвался стон.

— Собака!.. Собака!

Швырнув на землю свой мешок, он помчался прочь.

Анжелика машинально нагнулась, чтобы поднять трофеи. И только тогда она тоже услышала легкий, очень быстрый приближающийся галоп. Внезапно она увидела зверя, появившегося в конце улицы, похожего на передвигающееся скачками белое привидение. Анжелика, охваченная безотчетной паникой, бросилась бежать. Она бежала, как безумная, не обращая внимания на булыжники, на которых подворачивались ноги. Она ослепла. Она чувствовала, что погибла, и хотела закричать, но не смогла выдать из себя ни одного звука.

Прыгнувший ей на плечи зверь сшиб ее так, что она упала в грязь лицом. Она чувствовала на себе его тяжесть и хватку его челюстей с острыми, как гвозди, клыками.

— Сорбонна! — воскликнула она. Потом повторила более тихим голосом:

— Сорбонна!

И очень медленно она повернула голову. Без сомнения, это была Сорбонна — она сразу же отпустила ее. Анжелика подняла руку и погладила большую голову огромного дога. Собака с удивлением обнюхивала ее.

— Сорбонна, моя хорошая старая Сорбонна, как ты меня напугала! Это не хорошо, знаешь ли!

Собака неожиданно облизала ее лицо шершавым языком.

Анжелика с трудом приподнялась. Она очень сильно расшиблась при падении. Тут до нее донесся звук шагов. Кровь застыла в ее жилах. Сорбонна... ведь это означает Дегре. Они не существуют один без другого.

Одним прыжком Анжелика оказалась на ногах.

— Не предавай меня, — умоляла она почти беззвучно, повернувшись к собаке. — Не выдай меня.

Ей хватило времени только спрятаться в дверном проеме. Сердце ее билось так отчаянно, что казалось, готово было разорваться. На какой-то момент у нее мелькнула сумасшедшая надежда, что, может быть, это не Дегре. Он должен был уехать из города. Он не мог вернуться. Он принадлежал к умершему и похороненному прошлому...

Шаги все приближались. Потом они остановились.

— Ну, Сорбонна, — сказал голос Дегре, — что с тобой? Ты не поймала шлюху?

Сердце Анжелики так отчаянно билось в груди, что она начала испытывать боль.

Этот знакомый голос, голос адвоката! «А теперь, господа, настало время заставить вас прислушаться к голосу закона, голосу, который, несмотря на все человеческие подлости...»

Ночь была темна и глубока, как бездна. Ничего нельзя было увидеть, но Анжелика могла, сделав только два шага, оказаться рядом с Дегре. Она угадывала все его движения и чувствовала охватившее его замешательство.

— Проклятая Маркиза Ангелов! — громко воскликнул он, и она вздрогнула в своем убежище. — Будь я проклят, если она будет долго ускользать от нас. Давай, Сорбонна, нюхай, нюхай. Этой шлюхе пришла в голову хорошая мысль оставить свою косынку в экипаже. Теперь она от нас не уйдет. Давай-ка вернемся обратно к Нельским воротам. След должен начинаться оттуда, я уверен.

Свистнув собаку, он удалился, собака бежала за ним.

У Анжелики по вискам стекал пот. Ноги отказывались ее держать. Наконец она решилась выйти из своего убежища и сделать несколько шагов. Если Дегре сейчас в районе Нельских ворот, нет смысла оставаться здесь.

Она попытается добраться до берлоги Деревянного Зада и попросит приютить ее до конца ночи.

Во рту у нее все пересохло. Она услышала журчанье воды в фонтане. Маленькая площадь, на которой она стояла, тускло освещалась лампой, укрепленной перед галантерейной лавкой.

Анжелика подошла к фонтану и погрузила в прохладную воду свое измазанное грязью лицо. Потом она с облегчением вздохнула.

Когда она выпрямилась, чья-то сильная рука обхватила ее талию, а другая грубо зажала ей рот.

— Я поймал тебя, моя хорошенькая птичка, — сказал голос Дегре.
— Ты думала, меня так легко сбить с толку?

Анжелика попыталась вырваться, но он держал ее так крепко, что она не могла даже пошевелиться, не вскрикнув от боли.

— Нет, нет, моя маленькая цыпочка, ты не убежишь, — сказал полицейский, сухо засмеявшись.

Прижатая к нему так, что все ее движения были словно парализованы, она могла узнать его знакомый запах: запах старой саржи, кожи, чернил и пергамента, табака. Это был Дегре в его ночном обличье. Она пошатнулась, ее мозг сверлила одна-единственная мысль: «Только бы он не узнал меня... Я умру со стыда... Если бы только мне удалось убежать прежде, чем он меня узнает!»

Все еще удерживая ее одной рукой специальным приемом, Дегре поднес к губам свисток и дал три длинных трели.

Через несколько минут с соседних улиц прибежали пять или шесть человек. Анжелика слышала звяканье их шпор и шпаг. Это были полицейские из караульного патруля.

— Я думаю, что поймал нашу птичку, — обратился к ним Дегре.

— Хорошо! Это удачная ночь. Мы зацапали двух грабителей, которые пытались улизнуть. Если мы приведем еще Маркизу Ангелов, нам придется признать, что вы хорошо нас направляли, сударь; вы знаете все уголки...

— Это собака вела вас. Поскольку в наших руках была косынка этой девки, собаке оставалось только привести нас прямо к ней. Но здесь что-то не то, никак не могу понять. Она чуть не удрала... Вы знаете Маркизу Ангелов?

— Она — женщина Каламбредена. Это все, что мы знаем. Единственный из нас, кто видел ее поближе, умер — это был полицейский Мартин, которого она заколола в таверне. Но нам надо только забрать эту красотку, которую вы поймали. Если это она, мадам де Бринвилье узнает ее. Ведь был еще день, когда они остановили карету, и она хорошо разглядела женщину, которая была сообщницей бандитов.

— Какая дьявольская наглость! — проворчал один из мужчин. — Они уже ничего не боятся, эти бандиты. Напасть на карету дочери самого лейтенанта полиции, среди бела дня, в центре Парижа!

Анжелика прислушивалась к их разговору. Она старалась не шевелиться, надеясь, что Дегре ослабит свою хватку. Тогда она отпрыгнет в спасительную тишину и убежит. Она была уверена, что Сорбонна не станет ее преследовать. А эти неуклюжие парни в своей тяжелой форме не смогут ее догнать. Но бывший адвокат, казалось, не собирался забывать о своей пленнице. Он начал обыскивать ее опытной рукой.

— Что это? — воскликнул он.

Она почувствовала, как его рука скользнула к ней под корсаж. Он слегка присвистнул.

— Нож! И уж поверьте моему слову, это вам не перочинный ножичек. Ну, сестричка, ты мне кажешься не такой уж кроткой.

Он сунул кинжал Родогона Египтянина в свой карман и продолжил осмотр.

Она затрепетала, почувствовав, как его грубая, теплая рука легла ей на грудь и задержалась там.

— Господи, как бьется у нее сердце! — насмешливо сказал Дегре. — Это не указывает на чистую совесть. Давайте-ка вытащим ее на свет, вон туда, к лавке, и посмотрим, как она выглядит.

Она отчаянно рванулась и освободилась, но тут же ее схватили десять железных рук.

Они вытащили ее на свет. Дегре грубо схватил ее за волосы и отогнул голову назад. Анжелика закрыла глаза. Она могла надеяться, что, если она не будет их открывать, то Дегре, быть может, и не узнает ее, потому что ее лицо было покрыто слоем грязи и крови. Она так дрожала, что у нее стучали зубы.

Секунды, в течение которых она была выставлена на этом неверном свете свечи, показались ей столетиями. Потом Дегре, разочарованно ворча, отпустил ее.

— Нет. Это не она. Это не Маркиза Ангелов.

Полицейские хором выругались.

— Откуда вы это знаете, сударь? — спросил один из них.

— Я ее видел. Мне ее однажды показали на Понт-Нефе. Эта девушка очень походит на нее, но это не она.

Дегре помолчал, будто чем-то смущенный.

— Во всем этом есть что-то неладное, это явно, — задумчиво произнес он. — Сорбонна никогда не ошибается. А она не схватила эту

женщину. Она отпустила ее с миром, хотя и была всего в нескольких шагах от нее, — а значит, она не опасна.

Он со вздохом заключил:

— Мы промахнулись. Хорошо, что вы, по крайней мере, поймали тех двух взломщиков. Куда они вломились?

— На улицу Петит Лион. К старому аптекарю по имени Глазер.

— Пойдемте туда. Может быть, мы сможем взять там след.

— А что нам делать с этой девчонкой?

Дегре, казалось, поколебался.

— Мне кажется, что лучше всего отпустить ее. Теперь, когда я знаю ее лицо, я его не забуду. Это может оказаться нам полезным.

Полицейские немедленно отпустили молодую женщину и, звякая шпорами, исчезли в темноте.

Анжелика выскользнула из освещенного круга. Прижавшись к стене, она с облегчением почувствовала, что ее окружает полная темнота. Но около фонтана виднелось что-то белое, и она услышала как язык Сорбонны шлепает по воде, пока она пьет. Рядом с ней угадывалась тень Дегре.

Анжелика застыла на месте без движения. Она увидела как Дегре приподнял свою шляпу и сделал какой-то жест в ее направлении. Что-то тяжело упало около ее ног.

— Вот, — сказал голос полицейского, — ты можешь получить свой нож обратно. Я никогда ничего не краду у девушек. А для девицы, имеющей обыкновение разгуливать по улицам в такое время ночи, он может оказаться весьма полезным. Итак, доброй ночи.

Она не смогла ответить.

— Так ты не скажешь мне «доброй ночи»?

Она собрала все свое мужество и выдохнула:

— Доброй ночи.

Она слышала, как звенели по камням, удаляясь, тяжелые, подкованные гвоздями, сапоги Дегре. Потом она опять начала бесцельно бродить по всему Парижу.

Глава 6

Рассвет застал ее на окраине Латинского квартала, около улицы Бернадин. Небо над черными крышами коллежей начинало уже покрываться розовыми пятнами. Она видела, как в окнах загорались огоньки свечей рано вставших студентов.

Начали звонить колокола церковей.

Анжелика шаталась от усталости. Она шла босиком, потому что потеряла оба своих старых башмака. Ее лицо сохраняло отрешенное выражение.

Когда она подошла к набережной Турнель, до нее донесся запах свежего сена — первого весеннего сена. Вдоль берега выстроились на причале в длинную линию баржи с этим легким и душистым грузом. Они наполняли парижский рассвет дыханием теплого фимиама, ароматом тысяч погибших цветов, обещанием прекрасных летних дней.

Анжелика спустилась к берегу. В нескольких шагах от нее грелись вокруг костра лодочники, не заметившие ее. Она вошла в воду и залезла на нос одной из барж. Под полотняным навесом запах сена был еще более опьяняющим: он был горячим, влажным, насыщенным грозowymi зарядами, как настоящий летний день. Откуда могло быть это сено? Из какой-то тихой, богатой, плодородной сельской местности, где светит теплое солнце. Это сено принесло с собой покой обширных, высушенных ветром горизонтов, высокого неба, залитого светом.

Анжелика лежала, раскинув руки. Ее глаза были закрыты. Она погружалась в сено, утопала в нем. Она плыла на облаке свежего, тонкого, мучительно острого аромата, не чувствуя больше, как болит и ноет ее тело. Монтелу подхватил и нес ее прочь отсюда. И воздух снова был наполнен запахом цветов, напоен ароматом росы. Ветер ласкал ее. Она плыла медленно, направляясь к солнечному сиянию. Она оставила позади и ночь, и свои кошмары. Солнце ласкало ее. Она так давно уже не чувствовала ласки.

Она была добычей необузданного Каламбредена. Она была подружкой волка, которому иногда, во время краткого объятия,

удавалось вырвать у нее крик животного вожделения, стон отдающегося животного. Но ее тело забыло сладость ласки. Легкое прикосновение цветов к чувствительной коже... долгая дрожь, наполняющая все тело нежностью.

Она плыла, плыла в Монтелу, снова вдыхая запах малины в аромате сена. Прохладная вода ручья ласкала ее горевшие щеки, ее пересохшие губы. Она приоткрыла рот и вздохнула: «Опять!»

Она спала, а слезы текли по ее щекам и капали на волосы. Но это были слезы не печали, а слишком сильного блаженства.

Она вытянула усталые руки и ноги, подчиняясь вновь изведанной ласке... она плыла, убаюканная журчащими голосами полей и лесов, которые шептали ей на ухо:

«Не плачь... не плачь, моя милая... Это ничего... Все несчастья позади... Не плачь, бедная малышка».

Анжелика открыла глаза. В неверном полумраке под полотняным навесом она разглядела чью-то фигуру, распростертую рядом с ней на сене. На нее смотрели два смеющихся глаза.

Она растерянно пробормотала:

— Кто вы?

Незнакомец приложил палец к губам.

— Я ветер. Я ветер из маленького сельского уголка Берри. Когда они косили сено, они скосили и меня вместе с ним, прямо под корень... Посмотри, это и вправду так, я скошен...

Он встал на колени и вывернул свои пустые карманы.

— Ни одной монеты! Ни одного су! Совершенно пуст. Смешан с сеном. Они погрузили меня вместе с ним на баржу, и вот я в Париже. Очень забавная история приключилась с маленьким деревенским ветерком.

— Но... — сказала Анжелика. Она провела языком по своим пересохшим губам, пытаясь собраться с мыслями.

Молодой человек был одет в поношенный черный костюм, на котором там и тут зияли дыры. Льняной галстук на шее был разорван на лоскутки, а пояс куртки только подчеркивал его худобу. Но у него было своеобразное лицо, которое можно было назвать даже красивым, несмотря на бледность, говорящую о постоянном недоедании. Его длинные тонкие губы, казалось, были специально созданы для непрерывной болтовни обо всем и ни о чем и легкого смеха. Его лицо

ни минуты не находилось в покое. Он гримасничал, смеялся, передразнивал. Копна льняных волос, пряди которых спадали ему на глаза, придавали этой странной физиономии что-то крестьянское, но это впечатление тут же пропадало из-за его пронизательного, насмешливого взгляда.

Пока она его разглядывала, он продолжал свою речь.

— Что может делать в Париже маленький ветер? Я, который привык дуть на свободе, теперь буду раздувать юбки дамам, и меня будут колотить за это... Я буду срывать шляпы с церковников, и меня за это отлучат от церкви. Они посадят меня в тюрьму в башни Нотр-Дам, а я заставлю их колокола звонить не так, как положено... Какой скандал!

— Но... — снова сказала Анжелика, пытаясь сесть. Он проворно опрокинул ее на сено.

— Не двигайся... тшшш!

«Это сумасшедший студент», — решила она про себя. Он снова растянулся рядом с ней и, подняв руку, погладил ее по щеке, пробормотав:

— Не плачь больше.

— Я не плачу, — возразила Анжелика, но тут же заметила, что ее лицо мокро от слез.

— Я тоже люблю спать на сене, — продолжал ее собеседник. — Когда я проскользнул на баржу, я обнаружил здесь тебя. Ты плакала во сне. Поэтому я начал ласкать тебя, чтобы ты успокоилась, и ты сказала: «Опять!»

— Я так сказала?

— Сказала. Я вытер твоё лицо и увидел, что ты очень красивая. Твой нос изящен, как некоторые раковины, которые можно найти на взморье. Они так белы и изящны, что кажутся почти прозрачными. Твои губы похожи на лепестки цветков. Шея у тебя круглая и гладкая...

Анжелика слушала его, как в полусне. Да, прошло, уже очень много времени с тех пор, как она слышала из чьих-то уст подобные слова. Ей казалось, что они доносятся откуда-то издалека, и она вдруг испугалась, что она прекрасна, если она сама чувствует себя разбитой, испачканной, оскверненной этой ужасной ночью, в которую она поняла, что не может больше смотреть в лицо свидетелям ее прошлого! Он продолжал шептать:

— Твои плечи, как два шара, изваянных из слоновой кости. Твои груди нельзя сравнить ни с чем, они так прекрасны, что для них не подберешь сравнения. Они созданы для того, чтобы их держала рука мужчины, а восхитительные маленькие бутоны на них похожи на те розовые цветы, которые распускаются повсюду, когда приходит весна. Твои бедра гибкие и гладкие, как шелк. Твой живот — подушка из белого атласа, округлая и твердая, на которой так хорошо отдыхать, прижавшись к ней щекой.

— Очень хорошо, но мне хотелось бы узнать, как ты можешь судить обо всем этом? — спросила Анжелика, почувствовав некоторую досаду.

— Пока ты спала, я осмотрел тебя.

Анжелика мгновенно села на сене.

— Наглая деревенщина! Ты — развратный и придурковатый школяр! Дьявольское отродье!

— Тшшш! Не так громко! Или ты хочешь, чтобы лодочники сбросили нас за борт?.. Почему ты так рассердилась, моя нежная дама? Когда кто-то находит на дороге драгоценный камень, разве он не имеет права внимательно изучить его? Должен же он узнать, чистое ли это золото, действительно ли он так прекрасен, как кажется на первый взгляд, подходит ли он ему, или разумнее оставить его там, где он был? — потом он заключил на латыни: — «Принц должен тщательно выбирать предмет своей страсти, потому что на него смотрит весь мир».

— А это уж не ты ли, случайно, тот принц, за которым наблюдает весь мир? — саркастически поинтересовалась Анжелика.

Он прищурил глаза с внезапным удивлением.

— Ты понимаешь латынь, нищая девушка?

— Для нищего и ты говоришь на ней слишком хорошо...

Студент в замешательстве покусывал нижнюю губу.

— Кто же ты? — спросил он мягко. — Твои ноги кровоточат. Должно быть, ты очень долго бежала. Что тебя так напугало?

И, так как она не ответила, он продолжал:

— У тебя есть вот здесь нож, что совсем тебе не подходит. Жуткое оружие, кинжал Египтянина. Ты знаешь, как надо с ним обращаться?

Анжелика зло взглянула на него из-под ресниц.

— Возможно.

— Ох! — воскликнул он с гримасой, немного отодвинувшись от нее.

Он вытащил из сена стебелек и начал задумчиво покусывать его. Его светлые глаза стали отрешенными. Вскоре ей показалось, что он уже совсем не думает о ней, и его мысли блуждают где-то далеко. Кто знает? Может быть, он мысленно находится сейчас в тех башнях Нотр-Дама, куда, как он говорил, его заточат? Став неподвижным и замкнутым, его бледное лицо утратило свою молодость. Она заметила около его глаз характерные следы, которые оставляют на лице человека, находящегося в расцвете лет, нищета или распутство.

Во всяком случае, трудно было с уверенностью судить о его возрасте. Тощее тело в слишком просторной одежде казалось бесплотным; она испугалась, что он может исчезнуть, как видение, и прикоснулась к его руке:

— Кто ты? — пробормотала она.

Его лицо снова оживилось, и он обратил к ней взгляд своих глаз, которые как будто вообще не были приспособлены для дневного света.

— Я говорю тебе: я — ветер. А ты?

— А я — ветерок.

Он засмеялся и взял ее за плечи.

— А что делают ветер и ветерок, когда они встречаются? — прошептал он, прижавшись к ней. Потом она обнаружила, что снова лежит на сене, и увидела совсем близко его чувственный рот. В рисунке его губ было что-то пугающее, она сама не знала почему. Это была какая-то маленькая складочка, ироническая, немного жестокая морщинка. Но взгляд его был веселым и нежным.

Он оставался недвижим, пока она, отвечая на его немой призыв, не сделала первой движения навстречу ему. Тогда он обнял ее и поцеловал.

Этот поцелуй длился бесконечно долго, как будто десять поцелуев, медленно прекращаемых и возобновляемых вновь, слилось в один. Для огрубевших чувств Анжелики это было настоящим возрождением. К ней возвращались прежние восторги, столь отличающиеся от грубых наслаждений, уготованных ей — хотя и с таким пылом! — бывшим крестьянином.

«Еще минуту назад я чувствовала себя такой слабой, — подумала она, — а теперь этого нет. Мое тело больше не кажется мне вялым и

оскверненным. Значит, во мне еще не все омертвело...»

Она немного поежилась на сене, испытывая счастье от пробудившегося в ней смутного томления, которое вскоре превратится в трепетное желание.

Мужчина сел, опираясь на локоть и с полуулыбкой смотрел на нее.

Она не проявляла нетерпения, а просто отдалась ощущению распространявшегося по всему ее телу теплого потока. Скоро он опять начнет ее ласкать. У них впереди была масса времени, весь долгий парижский день бродяг, которым нечем заняться.

— Забавно, — пробормотал он. — Ты изысканна, как великосветские дамы, что трудно было ожидать от тебя, судя по твоей драной юбке.

Она засмеялась коротко и хрипло.

— В самом деле? А вы поддерживаете знакомство с высокопоставленными дамами, метр Хвастун?

— Иногда.

Он пощекотал кончик ее носа цветком и объяснил:

— Когда пустота в моем желудке становится слишком уж ощутимой, я нанимаюсь к метру Жоржу в бани Сен-Никола. Туда приходят знатные дамы, чтобы добавить немного остроты в свои светские любовные интриги. О, это правда, я не такое красивое животное, как Красавчик, и услуги моего бедного заморенного тела оцениваются далеко не так щедро, как кого-нибудь из этих здоровенных волосатых грузчиков, от которых несет луком и вином. Но в моем колчане есть другие стрелы. Да, моя дорогая. Ни у кого в Париже нет такого великолепного подбора непристойных историй, как у меня. Они любят их слушать, чтобы придти в соответствующее настроение. Я заставляю этих красавиц хихикать. А женщины больше всего нуждаются именно в этом, в хорошем утробном смехе. Хочешь, я расскажу тебе историю о молоте и наковальне?

— Ох, нет, — быстро сказала Анжелика, — пожалуйста, не надо!

Он, казалось, был тронут.

— Маленькая прелесть! Забавная маленькая прелесть! Разве это не странно! Я встречал знатных дам, которые были похожи на потаскушек, но ни разу не встречал уличных девчонок, похожих на знатных дам. Ты первая... Ты так прекрасна, просто как мечта...

Послушай, хочешь услышать колокольный звон на Понт-Нефе?.. Уже почти полдень. Хочешь, отправимся на Понт-Неф и там стащим несколько яблок себе на обед? И охапку цветов, в которых ты сможешь спрятать свое восхитительное маленькое личико?.. Мы послушаем, как бормочет Большой Матье и как играет свои танцы шарманщик... И покажем нос полицейскому, который ищет меня, чтобы повесить...

— Почему они хотят тебя повесить?

— Ну, как почему... разве ты не знаешь, что они всегда хотят меня повесить? — спросил он с удивлением.

«Он определенно немного не в себе, но забавный», — подумала она.

Она потянулась на сене. Ей хотелось, чтобы он снова ласкал ее, но поэт, казалось, уже думал совсем о другом.

— Теперь я вспоминаю, — неожиданно сказал он. — Я уже видел тебя на Понт-Нефе. Ты не принадлежишь к банде Каламбредена, Отъявленного Негодяя?

— Да, но...

— Нет, вы только посмотрите на этих бессовестных женщин! — драматически воскликнул он. — Разве ты не могла сказать этого раньше, девушка? Или тебе хочется посмотреть, как из моих жил вытечет моя гадкая кровь? Ох, дорогая! Ох, дорогая! Каламбреден! Вот уж повезло мне! Я наконец-то встречаю женщину, о которой мечтал всю жизнь, а она, оказывается, принадлежит Каламбредену!.. Но ничего! В конце концов, самая восхитительная из всех любовниц — это сама жизнь! Прощай, моя дорогая!..

Он схватил старую, потрепанную шляпу с заостренным верхом, такую, какие обычно носят школьные учителя, и, нахлобучив ее на белокурую копну волос, выскользнул из-под полотняного навеса.

— Будь добра, — прошептал он с улыбкой, — не говори своему хозяину о моей дерзости... Да, я вижу, что не скажешь. Ты милая, Маркиза Ангелов... Я буду думать о тебе до того самого дня, когда меня повесят... и даже после этого... Прощай!

Она услышала всплеск воды, когда он спрыгнул с баржи, потом увидела, как он бежит по залитому солнечным светом берегу. Весь в черном, в своей остроконечной шляпе, с тощими ногами, с изорванным плащом, развевающимся за его плечами, он походил на какую-то странную птицу.

Лодочники, увидевшие, что он появился с баржи, начали швырять в него камнями. Он повернул к ним бледное лицо и разразился смехом. Потом он неожиданно, как сон, исчез.

Глава 7

Это фантастическое явление несколько приободрило Анжелику и отодвинуло на задний план горькое воспоминание о встрече с Дегре предыдущей ночью.

Лучше всего было вообще не думать больше об этом. Ночью, когда она уже оказалась в безопасности, вырвавшись из этого кошмара, она снова думала о Дегре и размышляла: «Узнал ли он меня? Очевидно, нет. Он не отдал бы мне обратно мой нож... Он не продолжал бы разговаривать со мной также, в такой ужасной вульгарной манере... Нет, он не узнал меня — я умерла бы со стыда, если бы это было так!»

Она покачала головой и провела руками по волосам, чтобы убрать из них застрявшие соломинки. Она подумает обо всем этом позже. Но сейчас ей не хотелось разрушать очарование только что пережитого часа. Она вздохнула с некоторым раскаянием. Неужели она была на самом деле готова изменить Никола? Маркиза Ангелов пожала плечами и коротко засмеялась. Таким любовникам не изменяют. Ничего не привязывало ее к Никола, кроме рабства и нищеты.

Отступление молодого человека минуту назад еще раз позволило ей осознать, какой могущественной защитой окружил ее бандит в этих смертоносных дебрях дна. Без него и его исключительной любви она опустилась бы еще ниже.

В обмен за это она отдавала ему свое тело, это благородное наследие ее высокородных предков, о котором он грезил всю свою жизнь.

Они были квиты.

Анжелика замешкалась на минуту, прежде чем скатиться с сена. Прикоснувшись к воде, она обнаружила, что вода была не такой уж ледяной, хотя и прохладной. Осмотревшись, она заметила, что все залито ослепительным светом, и поняла, что наступила весна. Разве студент не говорил ей о цветах и фруктах на Понт-Нефе? Как будто разбуженная прикосновением волшебной палочки, Анжелика вдруг обнаружила цветение самого прелестного времени года.

Небо, затянутое легкой дымкой, было испещрено розовыми пятнами, а Сена как будто закована в серебряные доспехи. По ее гладкой, спокойной поверхности скользили лодки. Можно было услышать плеск воды, стекающей с весел. Ниже по течению стук вальков прачек перекликался со стуком колес водяной мельницы.

Спрятавшись, чтобы ее не могли увидеть лодочники, Анжелика выкупалась в холодной воде, которая приятно ее освежила, потом, снова натянув на себя одежду, пошла по берегу до Понт-Нефа.

Она впервые увидела Понт-Неф во всем его блеске, с его прекрасными белыми арками и его стихийной, веселой, неутомной жизнью. Над ним стоял неумолкающий шум, в котором крики бродячих торговцев, речитативы знахарей и зубных врачей смешивались с мотивами песенок, взрывами смеха, боем часов на башне Самаритянки, жалобными причитаниями нищих.

Толпа прогуливающихся прохожих, снующих туда и обратно, останавливающихся, снова устремляющихся куда-то, все время сменяющих друг друга, всегда чем-то занятых, всегда любопытных — таков был Понт-Неф.

Анжелика пошла по мосту через толпу праздных гуляк, между двумя рядами магазинов, палаток, балаганов. Она шла босиком, ее одежда была порвана, она потеряла свой чепчик и теперь ее длинные волосы рассыпались по плечам, сверкая на солнце. Но это не имело никакого значения. На Понт-Нефе босые ноги наступали на добротные башмаки ремесленников и красные каблуки дворян.

Она остановилась перед водонапорной башней Самаритянки, чтобы посмотреть на интересные часы, которые показывали не только часы, но также дни и месяцы и приводили в движение мелодично звеневшие колокольчики, за которыми тщательно следил добрый фламандец, часовщик. Анжелика останавливалась перед каждой лавкой: перед продавцами игрушек, перед продавцами домашней птицы и торговцами певчими птичками, перед галантерейными лотками, продавцами чернил и красок, перед людьми, показывающими марионеток, фокусниками, дрессировщиками собак. Она увидела, как Черный Хлеб стоит со своими раковинами, Крысиный Яд ходит с рапирой, на которую была нанизана его жалкая добыча, увидела также мамашу Урлюретту и папашу Урлюрота на углу у Самаритянки.

Посередине круга, образованного зрителями, слепой старик играл на своей скрипке, а его старая карга орала сентиментальную балладу о повешенном, о трупe, чьи глаза выклевали вороны, и обо всех тех мрачных ужасах, которые люди любят слушать, затаив дыхание и со слезами на глазах. Казни и процессии были основными развлечениями низов Парижа, потому что они были бесплатными зрелищами и заставляли людей со всей полнотой ощущать, что они еще не расстались ни со своим телом, ни со своей душой.

Мамаша Урлюретта с величайшим усердием ревела:

*«Вы, люди, послушайте речь мою:
Когда я отсюда уйду в свой час,
В аббатство «А ну-ка, ступай наверх!»,
И бедный язык мой высунет смерть,
Я буду молиться за вас»...*

Она так разевала рот, что можно было увидеть ее глотку. Из единственного глаза выкатилась слезинка и потекла по морщинам. Она была ужасна, она была восхитительна...

Закончив свое пение на предельно высокой ноте, она послюнила большой палец и начала отсчитывать листки бумаги, пачку которых держала под мышкой, выкрикивая при этом:

— У кого нет своего повешенного?

Проходя мимо Анжелики, она радостно заорала:

— Эй, Урлюрот, козленок здесь! О боже, какие танцы отплясывает твой мужчина с самого утра! Он говорит, что тебя загрызла та проклятая собака. Он собирается напасть на Шатле, подняв всех бродяг и бандитов Парижа. А Маркиза, целая и невредимая, тем временем разгуливает по Понт-Нефу!..

— А почему бы и нет? — надменно возразила ей Анжелика. — Ты же гуляешь здесь, не так ли?

— Я работаю, — ответила, засуетившись, старуха. — А теперь у меня на руках вот эта песня, можешь себе представить, какой это ходкий товар. Я всегда говорю Отверженному Поэту: дай мне повешенных. Ничто так хорошо не расходится, как повешенные. Вот, хочешь? Это тебе ничего не будет стоить, потому что ты наша Маркиза.

— Сегодня вечером в Нельской башне ты получишь требуху, — пообещала ей Анжелика.

Она пошла дальше, пробиваясь сквозь толпу, читая на ходу слова:

*«Вы, люди, послушайте речь мою:
Когда я отсюда уйду в свой час...»*

В нижнем уголке листка стояла знакомая подпись: Отверженный Поэт. В сердце Анжелики проснулось горькое воспоминание о ненависти. Она бросила взгляд на бронзового коня, стоящего на мосту. Говорили, что поэт Понт-Нефа иногда спит между его ногами. Бродяги уважали его сон. Впрочем, у него и нечего было украсть. Он был беднее самого бедного нищего, всегда скитающийся, всегда голодный, всегда преследуемый, и всегда распространяющий по Парижу, как ядовитую струю, какой-нибудь свеженький скандал.

«Как это его еще никто не убил до сих пор? — подумала Анжелика. — Я бы с радостью убила его, если бы только встретила. Но вначале мне хотелось бы сказать ему, за что...»

Она скомкала бумагу и швырнула ее в канаву. Проехала карета, перед которой бежали двое скороходов, скачущих, словно белки. Они великолепно выглядели в своих атласных ливреях, с развевающимися плюмажами на шляпах. Толпа пыталась отгадать, кто мог сидеть в карете. Анжелика смотрела на бегунов и думала о Легконогом.

Добрый бронзовый король Генрих IV сверкал на солнце и улыбался над клумбой, образованной из красных и розовых зонтиков. Все пространство перед памятником было занято продавцами апельсинов и цветов. Крики продавцов золотых плодов слились в один, непрерывный крик:

— Португальские! Португальские!

Держа в опытных руках корзины с туберозами, жасминами, розами, прикрепляя гвоздики к отворотам камзолов, в толпе сновали молоденькие цветочницы, в то время как женщины постарше располагались со своим товаром под красными зонтами.

Одна из цветочниц пригласила Анжелику помочь ей составить букеты, и, так как молодая женщина сделала это с большим вкусом, дала ей двенадцать су.

— Мне кажется, что ты уже не годишься по возрасту в ученицы, — сказала она, пристально посмотрев на нее и на ее изодранный наряд, — но девушке помоложе потребовалось бы учиться не менее двух лет, чтобы делать такие букеты, как у тебя. Если бы тебе захотелось работать со мной, я думаю, мы сумели бы договориться.

Анжелика покачала головой, зажала свои двенадцать су в руке и отошла. Она несколько раз посмотрела на эти монеты, которые заработала.

Она купила у кондитера две лепешки и смешалась с толпой, которая собралась, глаза и смеясь, перед повозкой Большой Матье.

Ослепительный Большой Матье! Он расположился напротив короля Генриха IV, не обращая внимания ни на его улыбку, ни на его величие. Стоя на своей повозке-платформе на четырех колесах, обнесенной балюстрадой, он обращался к толпе громовым голосом, который был слышен по всему Понт-Нефу.

Его личный оркестр состоял из трех музыкантов: трубача, барабанщика и цимбальщика, которые сопровождали его речи и заглушали режущим ухо грохотом вопли клиентов, у которых он выдирали зубы. Полный энтузиазма и упорства, обладающий огромной силой и исключительным умением, он справлялся с самыми упрямыми зубами, даже если ему для этого приходилось ставить своего клиента на колени, а потом поднимать его с земли, не разжимая щипцов. После этого он отправлял свою измученную жертву к торговцу водкой прополоскать рот.

В промежутках между приемом клиентов Большой Матье расхаживал по платформе в своей шляпе, плюмаж которой развевался на ветру, с двойным ожерельем из человеческих зубов, красовавшихся на его атласном камзоле и огромной саблей, ударяющейся о его каблуки, и расхваливал свои огромные знания, превосходство своих снадобий, порошков, притираний и мазей всех сортов, приготовленных из масла, воска и различных безвредных трав.

— Вы видите перед собой, дамы и господа, величайшую в мире личность, виртуоза, образец совершенства в своей профессии, светило медицины, преемника Гиппократы по прямой линии, исследователя природы, бич всех дипломированных профессоров; вы видите своими собственными глазами врача методического, эмпирического, патолога,

химика и прочих, прочих специальностей. Я лечу солдат из вежливости, бедных из любви к Богу, а богатых — за их деньги.

Я не доктор и не философ, но мои мази делают столько, сколько могут сделать все доктора и философы, сложенные вместе. Опыт ценнее всякого знания. У меня есть помада для отбеливания кожи: она бела, как снег, и благоухает, как бальзам и мускус...

А вот еще есть у меня лекарство, неоценимое никакими деньгами, потому что, слушайте внимательно, галантные господа и дамы, эта мазь предохраняет того, или ту, которая ею пользуется, от коварных шипов на розах любви.

И, подняв руку, он начал вдохновенно читать нараспев:

*Скорее сюда: для господ и для дам
От хвори любой я лекарство продам;
Щепотка вот этого порошка
Умным сделает дурака;
Исправится самый отъявленный плут,
А все старики в постели умрут
В компании чудной; мои порошки
Прочистят любые тупые мозги...*

Эта последняя фраза, которую он протараторил, выкатив свои огромные глаза, неожиданно вызвала у Анжелики громкий, неудержимый смех. Он заметил ее и дружески подмигнул.

«Я смеюсь. Почему я смеюсь? — пыталась рассуждать Анжелика. — Ведь он говорит совершенно идиотские вещи». Но ей все равно хотелось смеяться.

На какое-то мгновение она прикрыла глаза. Открыв их, она увидела в нескольких шагах от себя в толпе Жактана, Пиона, Губера и прочих членов обычной компании, которые смотрели на нее.

— Сестра, — воскликнул Пион, схватив ее за руку, — я поставлю свечку перед образом Вечного Отца у Сен-Пьера... Мы думали, что уже никогда не увидим тебя!

— Мы думали, что ты или в Шатле или в Общественном Госпитале.

— Если только тебя не загрызла до смерти эта проклятая собака.

— Они схватили Осторожного и Открывателя Замков. Их повесили сегодня утром на Гревской площади.

— Мы собираемся немного позабавиться, моя прелесть. Знаешь, почему мы шляемся на Понт-Нефе в дневное время? Это потому, что молодой Флипо собирается сдавать экзамен на карманника.

Флипо, по такому случаю, сменил свои обычные лохмотья на костюм из лиловой саржи и добротные башмаки, в которых передвигался с некоторым трудом. Он даже повязал льняной галстук вокруг шеи и, с сумкой, в которой он якобы нес свои книги и перья, очень походил на сына какого-нибудь почтенного ремесленника, который прогуливал школьные занятия, глаза на марионеток на Понт-Нефе.

Жактан давал ему последние наставления:

— Теперь слушай, парень. Сегодня тебе надо не просто срезать кошелек, как ты это делал раньше... мы хотим посмотреть, как ты сумеешь воспользоваться потасовкой и улизнуть, захватив с собой добычу. Понял?

— Да, — ответил Флипо на воровском жаргоне. Он нервно шмыгал носом и несколько раз вытирал его рукавом.

Его спутники внимательно осматривали прохожих.

— Смотри, вот идет господин, просто прекрасный — он смотрит только на свою даму, и они идут пешком — это большая удача! Ты заметил этого франта, Флипо? Вон они, остановились перед Большим Матье. Пора! Вот твои кусачки, теперь иди.

Жактан торжественно протянул мальчику пару прекрасно отточенных ножниц и толкнул его в толпу. Его сообщники уже смешались с толпой, окружающей Большого Матье.

Опытный глаз Жактана внимательно следил за действиями его ученика. Внезапно он начал кричать:

— Смотрите! Мсье, эй, мсье! У вас срезают кошелек!..

Прохожие глянули в указанном направлении и бросились туда бегом. Пион завопил:

— Ваше Высочество, берегитесь! Этот выродок напал на вас!

Господин схватился за свой кошелек и обнаружил на нем руку Флипо.

— Помогите! Вор! — закричал он.

Его спутница пронзительно завизжала. Началась всеобщая сумятица. Люди кричали, колотили друг друга, хватали один другого за горло, в то время как люди Каламбредена подогревали эту всеобщую потасовку своими криками и воплями.

— Я поймал его!

— Вот он!

— Лови его! Он удирает!

— Вон там!

— Вон там!

Кричали сбитые с ног и затоптанные дети, женщины падали в обморок. Палатки и киоски переворачивались. Красные зонтики плыли по Сене. Торговцы фруктами, чтобы защитить себя, начали бросать в прохожих яблоками и апельсинами. Собаки свирепыми клубками вертелись между ног дерущихся, твякая и брызгая слюной.

Красавчик сновал от одной женщины к другой, хватая почтенных горожанок за талии, целуя и лаская их с величайшей наглостью прямо перед глазами оскорбленных и разъяренных мужей, которые тщетно пытались ударить его. Их удары попадали на других людей, которые в отместку стаскивали с негодующих мужей их парики.

В гуще этого светопреставления Жактан и его приятели срезали кошельки, опустошали карманы, срывали плащи, а Большой Матье со своей трибуны, под грохот раздирающего барабанные перепонки оркестра размахивал саблей и ревел:

— А ну, все сюда, парни! Это полезно для вашего здоровья!

Анжелика нашла себе убежище на ступеньках террасы, окружающей памятник. Ухватившись за решетку, она хохотала до слез. Это было превосходным завершением этого дня, как раз тем, что ей было нужно, чтобы она, наконец-то, могла удовлетворить свое желание выплакаться и нахохотаться, которое мучило ее с того самого момента, когда она проснулась на сене под ласками незнакомца.

Она увидела, как папаша Урлюрот и мамаша Урлюретта, ухватившись друг за друга, катились сквозь гущу драки, как огромный ком грязных лохмотьев, плывущий по течению. Она просто задыхалась от смеха. Нет, в самом деле, она умирала от смеха!..

— Разве это так уж забавно, девица? — проворчал рядом с ней кто-то. И чья-то рука обхватила ее за талию. «Ты не узнаешь Гримо, ты его чуешь по запаху», — говорил Пион. С этой ночи Анжелика тоже

научилась узнавать по запаху, откуда грозит опасность. Она продолжала смеяться, но смех ее стал более мягким. С невинным видом она объяснила:

— Да, это очень смешно, эти люди, которые дерутся, сами не зная почему.

— А может быть, ты это знаешь, а?

Анжелика с улыбкой наклонилась к лицу полицейского. Потом она неожиданно крепко ухватила его за нос, перекручивая его, и когда полицейский от боли невольно запрокинул голову назад, с силой ударила ребром ладони по выступающему адамову яблоку.

Это был прием, которому ее научила Полак. Он был не настолько жестоким, чтобы сбить полицейского с ног, но вполне достаточным, чтобы он отпустил ее.

Освободившись, Анжелика понеслась, как газель.

В Нельской башне собирались все возвращавшиеся.

— Мы можем легко пересчитать наши синяки, — сказал Жактан, — но какой улов, мои друзья, какой улов!

И они выложили на стол огромную кучу плащей, шпаг, драгоценностей, звенящих кошельков.

Флипо, черно-синий, как начиненный трюфелями рождественский гусь, принес кошелек указанного ему господина. Он славно потрудился и был удостоен чести есть за столом Каламбредена вместе с ветеранами.

— Анжелика, — пробормотал Никола, — Анжелика, если бы я не нашел тебя снова...

Он привлек ее к себе и прижал к своей могучей груди с такой силой, как будто хотел сломать ее.

— Ох, ну пожалуйста! — вздохнула она, освобождаясь.

Она отошла к окну и прижалась головой к прутьям решетки. В спокойных водах Сены отражалось темно-синее звездное небо. Воздух был напоен ароматом цветущего в садах и парках Сен-Жерменского предместья миндаля.

Никола подошел к ней поближе и продолжал пожирать ее глазами. Сила этой неослабевающей страсти тронула ее.

— Что ты сделал бы, если бы я не пришла обратно?

— Если бы тебя схватили полицейские, я поднял бы всю банду. Мы взяли бы под наблюдение все тюрьмы, госпитали, все камеры для женщин... Мы устроили бы тебе успешный побег. Если бы тебя задушила эта собака, я повсюду искал бы эту собаку и ее хозяина, чтобы убить его... Если бы...

Его голос стал хриплым.

— Если бы дело было в том, что ты ушла с другим — я нашел бы тебя повсюду, и прикончил бы того, другого.

Она улыбнулась, потому что в ее памяти возникло бледное, насмешливое лицо. Но Никола был пронзительнее, чем она считала, к тому же его любовь к ней обострила его интуицию.

— Не воображай, что ты легко можешь ускользнуть от меня, — продолжал он с угрозой. — Здесь, на дне, мы не изменяем друг другу так, как это принято делать в высшем обществе, но, если только это случится, ты умрешь. Ты нигде не спрячешься от нас... Мы найдем тебя повсюду — в церкви, в монастыре, даже в королевском дворце. Мы хорошо организованы, ты ведь знаешь. Больше всего в жизни, на самом деле, мне нравится организовывать сражения.

Он распахнул свою изорванную куртку и показал ей небольшое синеватое пятно около сердца.

— Посмотри, видишь это? Моя мать всегда говорила мне: «Это знак твоего отца!» Потому что моим отцом был вовсе не тот старый, неуклюжий деревенщина Мерло. Нет, моя мать получила меня от солдата, от офицера, который имел высокое происхождение. Она никогда не называла мне его имя, но иногда, когда папаша Мерло хотел меня отлупить, она кричала на него: «Не тронь мальчика, в нем благородная кровь». Ты этого не знала, не так ли?

— Войсковой бастард! Нашел чем гордиться, — презрительно сказала она.

Он сжал ее плечи своими геркулесовскими руками.

— Временами мне хочется раздавить тебя, как орех. Но теперь ты предупреждена. Если ты когда-нибудь обманешь меня...

Он поднял свой устрашающий кулак. Она закричала:

— Не тронь меня, крестьянин! Скотина! Вспомни Полак!

Он опустил руку. Потом угрюмо посмотрел на нее, глубоко вздохнул.

— Прости меня. Ты всегда берешь надо мной верх, Анжелика.

Она позволила ему бросить себя на их ложе и с полным равнодушием и безразличием подчинилась уже знакомым объятиям. Насытившись, он еще долго лежал неподвижно, прижавшись к ней. Она чувствовала на своей щеке его колючие волосы, которые он подстригал из-за парика очень коротко.

Потом он сказал глухим голосом:

— Теперь я знаю... ты никогда не будешь моей. Потому что мне нужно не только это, мне нужно твое сердце.

— Не можешь же ты иметь сразу все, мой бедный Никола, — философски заметила Анжелика. — Когда-то тебе принадлежала часть моего сердца, теперь тебе принадлежит все мое тело; когда-то ты был моим другом Никола, теперь ты мой хозяин Каламбретен. Ты убил во мне даже память о той любви, которую я испытывала к тебе, когда мы были детьми. Но я все-таки привязана к тебе, хотя и по-другому, потому что ты сильный.

Мужчина весь напрягся, как от боли. Он снова вздохнул и проворчал:

— Не знаю, не придется ли мне однажды убить тебя.

Она зевнула, собираясь уснуть.

— Не говори глупости.

Глава 8

Однажды летним вечером в берлогу Каламбредена в Нельской башне проскользнул Протухший Жан. Он пришел навестить женщину, которую звали Плодовитая Фанни. У нее было десять детей и она сдавала их на прокат по очереди всем и каждому. Она очень удобно устроилась, имея такую верную статью дохода, и, если и занималась попрошайничеством, то только забавы ради, а проституцией — только по привычке, совсем не мешавшей ее склонности к размножению. Даже наоборот.

Протухший Жан явился, чтобы «заранее договориться» о ребенке, которого она сейчас ожидала. Она сказала ему тоном хитрой деловой женщины, какой она, в сущности, и была:

— Тебе придется заплатить за него побольше, потому что у него будут косолапые ноги.

— Откуда ты знаешь?

— Парень, который мне его сделал, был косолапым.

— Ого! — поддразнила ее Полак, громко засмеявшись. — Ну разве это не удача — знать, как выглядит парень, который его сделал! А ты уверена, что не перепутала?

— Я могу сама выбирать и подбираю то, что мне надо, — последовал полный достоинства ответ.

И она начала опять пряхть грязную шерсть. Она не выносила безделья. Маленькая обезьянка Пикколо вскочила на плечи Протухшему Жану и мгновенно вырвала пучок волос с Его головы.

— Мерзкое животное! — заорал тот, пытаясь отбиться от обезьяны своей шляпой.

Анжелика была даже довольна выходкой своего любимца. Обезьянка не скрывала отвращения к этому мучителю маленьких жертв. Но, поскольку Протухший Жан был существом, которого все боялись, и его уважал Великий Кезр, живший с Протухшим Жаном в одной берлоге, она отозвала обезьянку обратно.

Протухший Жан тер свой череп, бормоча угрозы и оскорбления. Он уже предупреждал Великого Кезра: эти люди Каламбредена были

наглой, опасной публикой. Они задирают нос перед всеми, но придет день, когда другие бандиты взбунтуются. И тогда...

— Иди сюда, выпей, — пригласила его Полак, чтобы успокоить. Она налила ему целый черпак горячего вина. Протухший Жан всегда мерз, даже в середине лета. Казалось, что в его жилах текла ледяная кровь. У него были стеклянные глаза рыбы и липкая, студенистая кожа.

Когда он допил свое вино, на его губах появилась жутковатая улыбка, обнажившая ряд гнилых, почерневших зубов. В комнату только что вошел шарманщик Тибо в сопровождении маленького Лино.

— Ах! Вот и наш славный маленький красавчик, — сказал Протухший Жан, потирая руки. — Тибо, на этот раз решено, я покупаю его у тебя и я даю тебе — держись покрепче — пятьдесят ливров. Богатство!

Старик бросил на него беспокойный взгляд сквозь прорезь своей соломенной шляпы.

— Что я, по твоему мнению, буду делать с пятидесятью ливрами? И, кроме того, кто будет бить в мой барабан, если я расстанусь с ним?

— Ты можешь обучить любого другого парня.

— Да, но этот-то мой внук.

— Прекрасно, но тогда почему ты не хочешь ему добра? — спросил отвратительный дьявол с хитрой усмешкой. — Только подумай, ведь твой внук будет расхаживать в бархате и кружевах. Я не буду тебе лгать, Тибо. Я знаю, кому я продам его. Он станет фаворитом, и потом, если у него хватит ума, сможет претендовать на самое высокое положение.

Протухший Жан погладил ребенка по каштановым кудрям.

— Тебе хочется этого, Лино? Иметь красивую одежду есть вдоволь с золотых тарелок, целый день сосать конфеты?

— Я не знаю, — ответил мальчуган угрюмо. Желтоватый солнечный луч, проникший через открытую дверь, осветил его золотисто-смуглую кожу. У него были длинные густые ресницы, огромные черные глаза, губы, похожие на красные вишни. Он с большим изяществом носил свои лохмотья. Его можно было принять за маленького принца, переодетого для маскарада, и казалось

удивительным, что на навозной куче мог распуститься такой прекрасный цветок.

— Давай, давай! Мы так хорошо пойдем с тобой вместе, мы вдвоем, — сказал Протухший Жан. И он обхватил ребенка за плечи своей белой рукой. — Идем, мой красавчик, идем, мой ягненочек.

— Но я не согласен, — запротестовал старик, начиная дрожать. — Ты не имеешь права отбирать у меня моего внука.

— Я его не отбираю, я его покупаю. Пятьдесят ливров, это ведь прекрасно, не так ли? И вообще, потише, а то ничего не получишь, вот так!

Он отпихнул старика в сторону и направился к двери, таща за собой Лино. Но в дверях он встретился с Анжеликой.

— Ты не возьмешь его отсюда без разрешения Каламбредена, — сказала она очень спокойно.

И, взяв ребенка за руку, она отвела его обратно в комнату. Восковая кожа Протухшего Жана просто не могла сделаться еще бледнее от охватившего его бешенства, но он потерял дар речи на несколько секунд.

— Ну, я! — задыхался он от ярости. — Ну, я!

Потом он схватил табурет:

— Очень хорошо. Я его подожду.

— Ты можешь ждать до Страшного Суда, — сообщила ему Полак. — Если она говорит «нет», ты не получишь этого парня. Он делает все, что она захочет, — добавила она со смесью горечи и восхищения.

Каламбреден со своими солдатами не возвращался раньше сумерек. Он обычно сразу же требовал вина, прежде чем заняться чем-то другим. Потом они обсуждали свои дела.

В то время, как он утолял жгучую жажду, раздался стук в дверь. Это не было принято среди бродяг. Они переглянулись, и Пион пошел к дверям, держа наготове шпагу.

Женский голос спросил из-за дверей:

— Протухший Жан здесь?

— Входи, — ответил Пион.

Смоляные факелы, укрепленные в кольцах, вделанных в стены, осветили неожиданно появившуюся высокую девушку, закутанную в плащ, и лакея в красной ливрее, который держал в руке корзинку.

— Мы отправились к тебе в предместье Сен-Дени, — объяснила девушка Протухшему Жану, — но там нам сказали, что ты у Каламбредена. Ты заставил нас так побегать, что мы ног под собой не чуем, а можно было просто спрыгнуть из Тюильри в Ньель.

Продолжая говорить, она сбросила плащ и начала расправлять кружева на своем корсаже, поправила маленький золотой крестик, висевший у нее на шее на черной бархатной ленточке. Глаза мужчин засверкали при виде этой пухленькой девицы, огненно-рыжие волосы которой почти не прикрывались красивой шляпкой.

Анжелика отступила в тень. Крупный пот выступил на ее висках. Она узнала Бертиль, горничную мадам де Суассон, которая всего несколько месяцев назад выступала в роли посредницы при продаже Куасси-Ба.

— У тебя что-то есть для меня? — спросил Протухший Жан.

Девушка с многообещающим видом сняла пленку с корзинки, которую лакей водрузил на стол, и вынула из нее новорожденного младенца.

— Вот! — сказала она.

Протухший Жан с недоверчивой миной взглянул на ребенка.

— Толстый, хорошо сложенный, — сказал он, скривив губы. — Я дам тебе за него тридцать ливров.

— Тридцать ливров! — с негодованием воскликнула она. — Нет, ты слышал? — обратилась она к лакею. — Тридцать ливров! Да ведь ты даже не посмотрел на него! Ты просто не способен оценить, какое сокровище я тебе принесла!

Она сорвала пленку, в которую был закутан малыш и выставила его, голенького, в свете факелов, на всеобщее обозрение.

— Посмотри на него как следует.

Крошечное существо беспокойно зашевелилось.

— Он — сын мавра, — прошептала служанка, — смесь черного и белого. А ты знаешь, как прекрасны бывают мулаты, когда они подрастут, с их золотистой кожей! Они встречаются не часто. Потом, когда ему будет лет шесть или семь, ты сможешь продать его в пажи какому-нибудь знатному вельможе за высокую цену.

Она захохотала.

— Кто знает? Может быть, ты даже сможешь продать его обратно собственной же матери.

Глаза Протухшего Жана заблестели от жадности.

— Хорошо, — решил он. — Я дам тебе за него сто ливров.

— Сто пятьдесят.

Гнусное создание воздело кверху руки.

— Ты хочешь разорить меня! Ты можешь себе представить, во что обойдется мне вырастить его, особенно если его надо будет растить толстым и сильным?

Последовала гнусная перебранка. Для того, чтобы более успешно торговаться, Бертиль уперлась кулаками в бедра, положив ребенка на стол, и все присутствующие окружили его, глядя на него с некоторым страхом. Он ничем не отличался от других новорожденных детей, разве что его кожа была немного более красной.

— И вообще, откуда я знаю, что он мулат? — сказал Протухший Жан, исчерпав все аргументы.

— Я клянусь тебе, что его отец был чернее сажи на дне котелка.

Плодовитая Фанни с ужасом воскликнула:

— Ох! Я просто стыну от страха! И как только могла твоя хозяйка...

— Но разве не говорят, что мавру достаточно только посмотреть на женщину, чтобы она забеременела? — спросила Полак.

Служанка засмеялась.

— Да, это говорят... И даже непрерывно повторяют от Тюильри до Пале-Рояля с тех пор, как состояние моей госпожи привлекло к себе внимание. Этот слух дошел даже до личных покоев короля. Его Величество сказал: «О, вот как? Тогда это был, должно быть, очень глубокий взгляд!» И, встретив мою госпожу в своей приемной, он повернулся к ней спиной. Можете вообразить, как она была расстроена. И это тогда, когда она надеялась, что он попадет к ней в лапы! Но король пришел в ярость при одном только подозрении, что чернокожий обращался с ней так же, как и он сам. И, что самое скверное, ни ее муж, ни ее любовник — этот хам, маркиз де Вард, — не желают принимать на себя ответственность за этого ребенка. Однако есть в запасе немало разных хитростей. Она знает, как положить конец всем этим сплетням. Начать с того, что официально она будет рожать в декабре.

Бертиль уселась, бросая вокруг себя торжествующие взгляды.

— Дай мне выпить, Полак, я расскажу, как это делается. Так вот, очень просто. Все что нужно сделать — просто посчитать на пальцах. Мавр оставил службу у моей хозяйки в феврале. Если она родит в декабре, значит, он никак не может быть отцом ребенка, не так ли? Поэтому она будет понемногу ослаблять крючки на своем платье и жаловаться: «Ох! Моя дорогая, этот ребенок так брыкается. Он меня просто парализует. Я не знаю, как пойду сегодня вечером на бал к королю». А потом, в декабре, — торжественные роды, прямо в Тюильри. К этому моменту ты, Протухший Жан, продашь нам свеженького однодневного младенца. Пусть тогда гадают, хоть жребий бросают, кто его отец. Мавр будет сброшен со счета, и это главное. Ведь все знают, что он с февраля гребет на королевских галерах.

— За что его сослали на галеры?

— За скверные колдовские дела. Он был сообщником колдуна, сожженного на Гревской площади.

Стараясь изо всех сил сохранять самообладание, Анжелика все же не могла не бросить взгляд на Никола. Но он пил и ел с видом полного безразличия. Она забилась еще глубже в темноту. Ей хотелось незаметно покинуть комнату, но в то же время мучительно хотелось узнать побольше.

— Да, скверное дело, — продолжала Бертиль, понижая злое, — этот черный дьявол был сведущ во всякого рода чарах заклинаниях, за что и был приговорен. Именно поэтому Ла Вуазин сказала моей хозяйке, когда та пришла к ней с просьбой избавить ее от ребенка, что ничего не выйдет.

Карлик Баркароль вскочил на стол рядом со стаканом служанки.

— Хуу! А ведь я видел даму, да и тебя тоже; я видел тебя несколько раз, моя хорошенькая кудрявая морковка. Я — тот маленький проказник, который открывает двери своей знаменитой госпожи, предсказательницы.

— В самом деле, я тоже узнаю тебя — по твоей наглости.

— Ла Вуазин ничего не могла сделать, потому что ребенок, которого носила герцогиня, был сыном мавра.

— Откуда она это знала?

— Она знает все. Она ясновидящая.

— Только взглянув на ее ладонь, она рассказала ей всю ее историю, — согласилась служанка, явно пораженная. — Что это будет

ребенок смешанной крови, что черный человек, зачавши его, знаком с тайнами магии, и что она не может убить его, потому что это навлечет на нее, колдунью, несчастье. Моя хозяйка была ужасно расстроена. «Что мы будем делать, Бертиль?» — спросила она меня. Но Ла Вуазин сказала, что поможет моей госпоже родить в положенный срок так, что никто ничего не узнает. Но большего она сделать не может. И она запросила кучу денег. Это случилось прошлой ночью в Фонтенбло, куда выехал на лето весь двор. Ла Вуазин пришла с одним из своих людей, колдуном Лесажем. Моя хозяйка разрешилась от бремени в маленьком домике, принадлежащем дочери Ла Вуазин, прямо рядом с замком. На рассвете я забрала ее обратно, и рано утром, нарядно одетая и накрашенная, она, как обычно, предстала перед королевой, потому что она принадлежит к окружению королевы. Теперь не будет конца разочарованию тех людей, которые ждут, что она на днях родит. Но они не получают никакой пицци для своих сплетен и козней. Мадам де Суассон все еще в ожидании, она родит в декабре совершенно белого ребенка, и, возможно, что господин де Суассон даже признает его своим.

Ее последние слова вызвали оглушительный взрыв хохота. Баркароль выполнил свой прыжок, и сказал:

— Я слышал, как моя госпожа сказала по секрету Лесажу, что эти дела Суассон явились для нее настоящим кладом.

— Ох! Она ужасно жадная, — проворчала Бертиль. — Она потребовала так много, что у моей хозяйки осталось только маленькое ожерелье, которым она могла отблагодарить меня за помощь.

Тут служанка задумчиво посмотрела на карлика.

— А что касается тебя, — неожиданно сказала она, — я думаю, что ты можешь сделать счастливым одно известное мне чрезвычайно высокопоставленное лицо.

— Я всегда думал, что создан для великих дел, — ответил Баркароль, выкатившись вперед на своих кривых крошечных ножках.

— У королевы умер карлик, и это ужасно огорчило ее, потому что теперь, когда она беременна, ее все расстраивает. А ее маленькая карлица просто в отчаянии. Никто не может ее утешить. Ей нужен новый компаньон... ее размера.

— Ох! Я уверен, что эта благородная дама найдет меня весьма привлекательным! — воскликнул Баркароль, уцепившись за юбку

служанки. — Возьми меня с собой, хорошенькая морковка, возьми меня к королеве. Разве я не симпатичный, разве я не привлекателен?

— А ведь и правда, он неплохо выглядит, не так ли? — спросила Бертиль, забавляясь.

— Я даже красив, — заявил маленький уродец. — Если бы природа отпустила мне на несколько дюймов побольше роста, был бы самым галантным любовником. И когда дело доходит до флирта с женщинами, мой язык никогда не останавливается, уж можешь мне поверить.

— Карлица королевы говорит только по-испански.

— Я говорю по-испански, по-немецки и по-итальянски.

— Нет, мы просто должны взять его! — закричала Бертиль, хлопая в ладоши. — Это будет превосходным дельцем, и, кроме того, обратит на нас внимание ее величества. Но надо торопиться. К утру мы должны вернуться в Фонтенбло, чтобы никто не заметил нашего отсутствия. Мы положим тебя в корзину, где лежал маленький мулат?

— Вы шутите, мадам, — запротестовал Баркароль, напуская на себя надменный вид.

Все хохотали и радовались. Баркароль и королева!.. Баркароль и королева!

Каламбреден только приподнял голову, оторвавшись от своего кубка.

— Не забудь своих товарищей, когда станешь важным господином, — сказал он. И он сделал многозначительный жест, как будто перекатывая монету между большим и указательным пальцем.

— Можешь пустить мне кровь, если это случится! — возмутился карлик.

И, отправившись в угол, где стояла Анжелика, он отвесил глубокий, вежливый поклон.

— До свидания, самая прекрасная дама, до свидания, сестра, Маркиза Ангелов.

Этот странный маленький парень смотрел на нее снизу вверх своими быстрыми, удивительно умными глазами. Потом он добавил, пародируя жеманные манеры светского щеголя:

— Я надеюсь, моя самая дорогая, что мы еще увидимся друг с другом. Я встречу с Вами... у королевы.

Глава 9

Двор был в Фонтенбло. В эти жаркие летние дни нельзя было найти место более привлекательное, чем этот белый замок, утопавший в зелени с его очаровательным прудом, где плавали карпы, и среди них один патриарх, снежно-белый, сквозь ноздри которого было продето кольцо Франциска Первого. Вода, цветы, рощи...

Король работал, король танцевал, король охотился. Король был влюблен, прелестная Луиза де Ла Вальер, трепещущая от страсти, которую она сама пробудила в королевском сердце, томно поднимала к нему свои дивные темно-голубые глаза. И в соблазнительных аллегориях, где Диана, охотящаяся в лесах, в конце концов покоряется Эндимиону, весь двор соревновался друг с другом, стараясь как можно лучше прославить эту застенчивую, белокурую девушку, у которой Людовик XIV только недавно сорвал цветок ее девственности.

Разве у семнадцатилетней Луизы де Ла Вальер, только что вырвавшейся из бедности многочисленной провинциальной семьи, стоящей особняком среди фрейлин Мадам, мало было причин трепетать, слыша, как все нимфы и сатиры, мимо которых она проходила при свете луны, шепчут друг другу: «Вот идет фаворитка». А вся эта суэта вокруг нее! Она уже не знала, как ей скрыть силу своей любви и тяжесть своего греха! Но придворные в совершенстве знали тонкий механизм профессии паразитов. Через королевскую любовницу можно было получить доступ к королю; можно было разрабатывать интриги, получать должности, милости, пенсии. Пока королева, отягощенная приближающимся материнством, оставалась в своих покоях в уединении со своей неутешной карлицей, ослепительные летние дни неслись сплошной вереницей балов и развлечений.

Было забавно видеть, как во время неофициальных ужинов на канале в лодках, где не было места для личных слуг короля, принц Конде, вместо того, чтобы одерживать победы на полях сражений или интриговать против короля, подает ему и его любовнице тарелки, переданные ему с соседней лодки, как образцовый лакей.

Одиннадцатого августа все дамы присутствовали на оленьей охоте, четырнадцатого был устроен деревенский бал, на котором

король, одетый пастухом, танцевал с Ла Вальер. Восемнадцатого был банкет в лесу, и маленький оркестр, игравший для его участников, соревновался с пением птиц в зарослях кустарника.

Двадцать пятого бал с факелами... распоряжается танцами любовь...

Сидя на берегу Сены и вдыхая нестерпимое в жару зловоние Парижа Анжелика наблюдала, как сумерки опускались на Нотр-Дам. Желтоватое небо над высокими башнями было прочерчено следами мелькавших ласточек. Время от времени одна из птиц проносила мимо Анжелики, почти касаясь земли с пронзительным криком.

На другом берегу, ниже домов каноников из Нотр-Дама на длинном глиняном откосе располагался самый большой водопой в Париже. В это время дня к воде спускались толпы лошадей, которых вели их возницы или кучера. Громкое ржание поднималось в чистое вечернее небо.

Анжелика внезапно вскочила. «Я должна повидать моих детей», — подумала она.

За двадцать су перевозчик высадил ее у пристани Сен-Ландри. Анжелика спустилась по улице де л'Энфер и остановилась в нескольких шагах от дома поверенного Фалло де Сансе. Она не собиралась показываться своей сестре в таком виде, в изорванной юбке, с непричесанными волосами, подвязанными косынкой, в стоптанных башмаках. Но ей пришло в голову, что если она встанет где-нибудь поблизости от ее дома, она сможет хотя бы мельком увидеть своих сыновей. Последнее время она была просто одержима этим желанием, потребность увидеть их становилась с каждым днем все сильнее. Маленькое личико Флоримона всплывало перед ней из глубины поразившего ее забвения. Она ясно видела перед своими глазами его кудрявые черные волосы под красным чепчиком. Она слышала его лепет... Сколько ему сейчас? Немногим более двух лет. А Кантору? Семь месяцев. Его она не могла себе представить. Он был таким крошечным, когда она оставила его!

Прислонившись к стене около лавки сапожника, Анжелика не спускала глаз с фасада дома, в котором она жила, когда была еще богата и уважаема. Всего год назад ее экипаж вызвал переполох на этой узкой улочке. Отсюда она, роскошно одетая, отправилась

любоваться на торжественный въезд короля. И Одноглазая Като сделала ей предложение от имени Фуке, Государственного Управляющего Финансами: «Примите их, моя дорогая... Разве это не лучше, чем потерять жизнь?»

Она отказалась. И потеряла все, так что можно только удивляться, как она жива до сих пор, ведь у нее больше не было ни имени, ни права на существование, она была мертва в глазах всех, знавших ее.

Время шло, но за фасадом дома не было заметно никакого движения. Однако за грязными стеклами окон кабинета можно было смутно различить фигуры работающих клерков. Один из них вышел на улицу, чтобы зажечь фонарь.

Анжелика подошла к нему.

— Метр Фалло де Сансе дома, или он проводит лето в деревне?

Клерк посмотрел на нее с явным подозрением.

— Метр Фалло здесь давно не живет, — сказал он. — Он продал свою должность, свою контору, все. У него были неприятности в связи с процессом колдуна, в котором были замешаны члены его семьи. Это сильно помешало его профессиональным делам. Он переехал, чтобы устроиться в другом районе города.

— А... Вы не знаете, в каком именно?

— Я не знаю, — надменно сказал ее собеседник. — Но, если бы даже я и знал, я бы не сказал тебе. Ты для него не клиентка.

Анжелика была потрясена. Вот уже несколько дней, как она жила только надеждой увидеть, хотя бы на мгновение, лица своих детей. Она воображала, как они возвращаются с прогулки, Кантор на руках у Барбы, а Флоримон прыгает рядом с ней. А теперь она навсегда потеряла их!

У нее неожиданно закружилась голова от охватившего ее отчаяния, так что она была вынуждена опереться о стену, чтобы не упасть. Сапожник, который вышел закрыть на ночь ставни своей лавки и слышал разговор, сказал ей:

— Тебе так необходимо увидеться с метром Фалло де Сансе? Это насчет какой-нибудь тяжбы?

— Нет, — сказала Анжелика, пытаясь овладеть собой, — но я... мне хотелось бы повидать девушку, которая была у него в услужении... девушку, которую зовут Барба. Неужели никто поблизости не знает нового адреса поверенного?

— Насчет метра Фалло и его семьи я тебе ничего не могу сказать, а вот если речь идет о Барбе, то она больше не служит у них. Когда ее видели последний раз, она работала в харчевне на улице де ла Вале-де-Мизере, под вывеской «Бронзовый петух».

— О! Благодарю вас.

Анжелика уже бежала по темнеющим улицам. Улица де ла Вале-де-Мизере, расположенная за тюрьмой Шатле, была центром поставщиков жареной дичи. День и ночь здесь не затихали крики птиц, которым перерезали глотки, и шум вертелов, вращающихся перед огромными очагами.

Харчевня «Бронзовый петух», последняя на этой улице, имела не слишком привлекательный вид. Даже напротив, взглянув на нее, можно было подумать, что уже начался Великий Пост, единственный в году период времени, когда гасли очаги, закрывались лавки мясников, а кондитеры зевали от безделья.

Анжелика вошла в комнату, скудно освещенную двумя или тремя свечами. Сидевший перед ней с вином толстый человек в грязном поварском колпаке, казалось, гораздо больше внимания уделял своей выпивке, чем обслуживанию клиентов. Последние, впрочем, были не слишком многочисленными и состояли, в основном, из ремесленников и неимущих путешественников. Неуклюжий юнец в повязанном вокруг талии засаленном фартуке подавал им тарелки, наполненные чем-то непонятным.

Анжелика обратилась к толстому повару:

— У вас есть служанка по имени Барба?

Человек с полным безразличием ткнул большим пальцем в направлении кухни, расположенной в глубине помещения.

Анжелика увидела Барбу. Она сидела перед очагом и ощипывала птицу.

— Барба!

Барба подняла голову и вытерла пот со лба.

— Что ты хочешь, девушка? — спросила она устало.

— Барба, — повторила Анжелика.

Глаза служанки округлились, потом широко раскрылись от изумления, и она сдавленно вскрикнула:

— О! Мадам!.. Пусть мадам простит меня...

— Как видишь, ты уже не должна называть меня мадам, — отрывисто сказала Анжелика.

Она устало опустилась на камень перед очагом. Жар был нестерпимым.

— Барба, где мои дети?

Круглые щеки Барбы задрожали, как будто она была готова расплакаться. Она с трудом сглотнула и, наконец, смогла выдать:

— Их отдали на воспитание, мадам... за пределы Парижа... в деревню недалеко от Длинного Поля.

— Моя сестра Ортанс не оставила их у себя?

— Мадам Ортанс немедленно отдала их кормилице. Я один раз ездила к этой женщине, чтобы отдать ей деньги, которые вы мне оставили. Мадам Ортанс приказала мне отдать эти деньги ей, но я все не отдала. Я хотела, чтобы эти деньги пошли на пользу детям. Но впоследствии я больше не смогла навестить кормилицу... Я ушла от мадам Ортанс... Я сменила несколько мест... Не так-то легко заработать на жизнь.

Теперь она говорила сбивчиво и торопливо, стараясь не встретиться взглядом с Анжеликой. А Анжелика размышляла. Длинное Поле было не такой уж удаленной деревней. Придворные дамы временами совершали туда прогулку, чтобы воспользоваться услугами монахинь в аббатстве... Барба начала снова нервно ощипывать птицу. Анжелика почувствовала, что на нее кто-то смотрит, не отрывая глаз. Обернувшись, она увидела кухонного слугу, глазевшего на нее с открытым ртом и с таким выражением лица, которое не оставляло ни малейших сомнений насчет тех чувств, которые вызывал в нем вид этой прекрасной женщины в лохмотьях. Анжелика уже привыкла к бесстыдным взглядам мужчин, но этот ее взбесил. Она быстро встала.

— Где ты живешь, Барба?

— Да прямо здесь, в мансарде.

В этот момент около них появился сам властитель «Бронзового петуха», в колпаке, сбившемся набекрень.

— Какого дьявола ты тут делаешь? — поинтересовался он низким голосом. — Давид, тебя требуют посетители... Когда будет готов этот цыпленок, Барба? Честное слово, может, это я должен за тебя работать

пока ты будешь прохлаждаться?.. А что делает здесь эта нищенка? Эй, вон отсюда! И не пытайся стащить каплуна...

— О! Мсье Буржю! — воскликнула перепуганная Барба. Но Анжелика в этот вечер была отнюдь не в мирном настроении. Она уперлась кулаками в бока, и из ее уст посыпался весь запас выражений Полак.

— Заткнись, старая пивная бочка! Я не взяла бы твоего дряхлого несъедобного петуха, даже если бы ты сам предложил его мне. А что касается тебя, строящий глазки неоперившийся петушок, то лучше опусти свои глаза и закрой рот, если не хочешь, чтобы я тебе как следует съездила по уху.

— Ох! Мадам! — вскрикнула еще более напуганная Барба. Воспользовавшись изумлением обоих мужчин, Анжелика прошептала Барбе:

— Я подожду тебя во дворе.

Немного погодя, когда Барба вышла со свечой в руке, Анжелика последовала за ней по шаткой лесенке на чердак, который метр Буржю предоставил своей служанке.

— Это очень бедное жилище, мадам, — робко сказала несчастная девушка.

— Не извиняйся. Я привыкла к нищете.

Анжелика сбросила башмаки, наслаждаясь прохладой каменного пола, и села на кровать, представляющую собой соломенный тюфяк, укрепленный на четырех ножках и не имеющий никаких занавесок.

— Вы должны извинить метра Буржю, — продолжала Барба. — Он неплохой человек, но после смерти жены никак не может прийти в себя и ничего не делает, только пьет. Кухонный парень — его племянник. Он взял его из провинции себе в помощь, но тот не отличается большой сообразительностью. Так что дела идут не блестяще.

— Барба, если это будет не слишком затруднительно для тебя, — спросила Анжелика, — не могла ли бы я провести здесь, у тебя, ночь? Завтра на рассвете я отправлюсь навестить своих детей. Могу я лечь с тобой?

— Мадам оказывает мне огромную честь.

— Честь! — с горечью сказала Анжелика. — Ты только взгляни на меня и больше не повторяй этого.

Барба разразилась рыданиями.

— О, мадам! — бормотала она, запинаясь. — Ваши прекрасные волосы... такие прекрасные! Кто теперь причесывает их?

— Я... иногда. Барба, ну пожалуйста, не плачь так!

— Если мадам позволит мне, — прошептала девушка, — я сделаю ей прическу здесь... может быть, я смогу... раз уж так случилось, что я здесь вместе с мадам...

— Если тебе так хочется.

Умелые руки девушки начали распутывать прекрасные, мягко отливающие блеском локоны. Анжелика закрыла глаза. Удивительную силу имеют над нами повседневные жесты. Достаточно ей было почувствовать прикосновение заботливых рук служанки, как к ней вернулось ощущение навсегда потерянной обстановки. Барба продолжала всхлипывать.

— Не плачь, — снова сказала ей Анжелика, — все это когда-нибудь кончится... Еще не сейчас, но этот день придет. Ты просто не можешь понять, Барба. Это какой-то ужасный порочный круг, из которого нельзя выбраться, и единственным выходом является только смерть. Но я начинаю думать, что все-таки смогу вырваться. Не плачь же, Барба, моя дорогая девочка...

Они спали бок о бок. Барба должна была начинать свою работу с первым проблеском рассвета. Анжелика спустилась вместе с ней на кухню, где Барба дала ей немного горячего вина и сунула два небольших пирога.

Анжелика шла по дороге к Длинному Полю. Миновав ворота Сен-Оноре и пройдя по длинной песчаной дорожке для прогулок, которая называлась Елисейскими Полями, она добралась до деревушки Нейли, где, как сказала ей Барба, она должна была найти своих детей. Она сама еще не знала, что она будет делать. Возможно, просто понаблюдает за ними издали. И, если Флоримон случайно пробежит мимо нее, играя, она попытается привлечь его к себе. Она спросила у кого-то дорогу к дому мамы Маво и, подойдя к нему, увидела детей, игравших в пыли под присмотром девочки лет тринадцати. Дети были грязными и неухоженными, но выглядели здоровыми. Однако она тщетно пыталась найти среди них Флоримона.

Когда из дома вышла крупная женщина в деревянных башмаках, Анжелика предположила, что это и есть кормилица, и решила войти во двор.

— Мне хотелось бы увидеть двоих детей, которых вам поручила мадам Фалло де Сансе.

Крестьянка, огромная, темноволосая женщина крепкого сложения, посмотрела на нее с нескрываемым сомнением.

— Может быть, ты принесла мне деньги?

— Так, значит, они сколько-то задолжали вам за эти месяцы?

— Вот это да! — взорвалась женщина. — Того, что дала мне мадам Фалло, когда я взяла их, и того, что позднее принесла ее служанка, хватило бы мне не больше чем на месяц, чтобы прокормить их. И с тех пор — ни одного су, ничего! Я отправилась в Париж, чтобы получить с них то, что мне причиталось, но оказалось, что они переехали. Что за проклятые стервятники, эти законники!

— Где они? — спросила Анжелика.

— Кто?

— Дети.

— Почему я знаю? — ответила женщина, пожав плечами. — У меня хватает забот и с теми, за которых платят.

Девочка, которая подошла поближе, быстро сказала:

— Маленький вон там. Я покажу тебе его.

Она повела Анжелику за собой через главную комнату фермы и привела ее в конюшню, где стояли две коровы. Здесь она показала на коробку, стоящую за кормушкой, в которой Анжелика с трудом разглядела в темноте ребенка месяцев шести. Он был совсем голый, если не считать грязной тряпки, обернутой вокруг животика, конец которой он с жадностью сосал.

Анжелика схватила коробку и втащила ее в комнату, чтобы получше рассмотреть.

— Я поставила его в конюшню, потому что там теплее, чем в подвале ночью, — прошептала девочка. — Он весь покрыт коростами, но он не худой. Это я дою коров утром и вечером, и всегда даю ему немного.

Анжелика смотрела на ребенка, охваченная ужасом. Это жуткое маленькое существо, покрытое болячками, не могло быть Кантором.

И ведь Кантор был белокурый, когда он родился, а у этого ребенка были каштановые кудри. Но в этот момент он открыл глаза, и она увидела их яркий удивительный цвет.

— У него зеленые глаза, как и у тебя, — сказала девочка. — Ты его мать?

— Да, я его мать, — сказала Анжелика без всякого выражения. — Где старший?

— Должно быть, в собачьей конуре.

— Жавотта! Занимайся своими делами! — прикрикнула крестьянка.

Она враждебно наблюдала за их действиями, но не вмешивалась, возможно все-таки надеясь, что эта оборванная женщина в конце концов отдаст ей деньги.

Конура была занята невероятно свирепым на вид мастифом. Жавотте пришлось выманивать его всевозможными обещаниями и уловками.

— Фло всегда прячется за Пату, потому что боится.

— Боится чего?

— Что его будут бить, — ответила девочка, быстро оглядевшись.

Потом она вытащила что-то из глубины конуры. Анжелика увидела курчавый черный шар.

Разумеется, такая копна волос могла принадлежать только сыну Жоффрея де Пейрака. Но под этой гривой густых, черных, торчащих волос было видно жалкое, серое маленькое тельце, все кожа да кости, прикрытые лохмотьями.

Анжелика опустилась на колени и дрожащей рукой отвела всклокоченную прядь. Она увидела бледное, вытянутое личико, на котором сверкали широко раскрытые черные глаза. Несмотря на жару, ребенок дрожал, как в лихорадке. Его тонкие косточки торчали, как гвозди, а кожа была грязной и шершавой. Анжелика встала и направилась к женщине.

— Ты позволила им умирать от голода, — сказала она медленно, голосом, не обещающим ничего хорошего. — Ты позволила им умирать от лишений... Эти дети месяцами не видели ни ухода, ни пищи. Ничего, кроме собачьих объедков да тех крох, которые девочка отрывала от своей скудной доли. Ты — мерзкая негодяйка!

Крестьянка вся побагровела.

— Ха! Вот это здорово, вот это да! — закричала она, задыхаясь от гнева. — Мне подсовывают нищих парней, исчезают, не оставив даже адреса, и в довершение всего, я еще должна выслушивать оскорбления от бродяги с большой дороги, от цыганки, от...

Анжелика, не слушая ее, вернулась в дом. Она схватила полотенце, висевшее перед очагом, и привязала им Кантора к своей спине, завязав концы полотенца на груди, точно так же, как это делают цыганки, когда носят своих детей.

— Что ты собираешься делать? — спросила у нее кормилица, последовавшая за ней в дом. — Ты не заберешь их, а? Если хочешь забрать, отдай мне сначала деньги.

Анжелика пошарила в кармане и швырнула на пол несколько экю. Крестьянка издевательски засмеялась.

— Десять ливров! Ты шутишь — они обошлись мне, по крайней мере, в триста. Давай плати, или я позову соседей с собаками и вышвырну тебя вон.

Высокая и массивная, она встала перед дверями, раскинув руки. Анжелика сунула руку под корсаж и выхватила кинжал. Лезвие Родогона Египтянина в полутьме засверкало таким же блеском, как и ее глаза.

— Прочь с дороги! — сказала Анжелика хриплым голосом. — Прочь, или я выпущу из тебя кровь!

Женщина в ужасе отпрянула. Анжелика прошла мимо нее, держа кинжал острием, направленным на женщину, как учила ее Полак.

— Не орать! Не вздумай послать за мной собак, или пожалеешь об этом. Завтра же твоя ферма будет охвачена огнем... А ты проснешься с перерезанным горлом... Поняла?

Дойдя до середины двора, она сунула кинжал обратно за пояс, и, взяв Флоримона на руки, помчалась по направлению к Парижу.

Задыхаясь, она спешила обратно в пожирающую людей столицу, где для двух ее полумертвых детей не было лучшего убежища, чем осыпающиеся развалины и устрашающее покровительство нищих и бандитов. Прносящиеся мимо нее кареты поднимали клубы пыли, но она не замедляла шаги, не замечая слишком легкого веса своей двойной ноши.

«Это кончится, — думала Анжелика, — это должно кончиться, я должна однажды вырваться из этого и вернуть их к жизни...»

Увидев детей, Каламбретен не выразил ни гнева, ни ревности, как она боялась, но на его смуглом грубом лице появилось почти испуганное выражение.

— Ты сошла с ума? — спросил он. — Неужели ты настолько безумна, что привела сюда своих детей? Разве ты не видела, что тут делают с детьми? Или ты хочешь, чтобы их брали напрокат для попрошайничества?.. Чтобы их сожрали крысы?.. Или чтобы их украл у тебя Протухший Жан?

Пораженная его неожиданным упреком, она прильнула к нему.

— Куда же я могла их деть, Никола? Ты только посмотри, что с ними стало — они умирают от голода! Я принесла их сюда не для того, чтобы им причинили здесь какой-нибудь вред, а для того, чтобы отдать их под твою защиту, потому что ты сильный, Никола.

Охваченная отчаянием, она прижималась к нему, заискивающе глядя на него, как никогда раньше не делала. Но он не замечал этого и повторял, качая головой:

— Я не всегда смогу защитить их... в этих детях течет благородная кровь. Я просто не смогу.

— Почему? Ведь ты сильный, тебя боятся.

— Я не такой уж сильный. Ты извела меня. Когда у таких, как мы, людей, что-то лежит на сердце, они начинают спотыкаться. Иногда я просыпаюсь ночью и говорю себе: «Берегись, Каламбретен, — теперь тебе не так далеко до виселицы...»

— Не говори так. Один-единственный раз я прошу у тебя милости. Никола, мой Никола, спаси моих малышей!

Они были наречены маленькими ангелами. Охраняемые покровительством Каламбретена, они жили такой же, как и Анжелика, беззаботной жизнью среди нищеты и преступлений. Они спали в большом кожаном сундуке, наполненном мягкими плащами и прекрасными простынями. Каждое утро они получали свежее молоко. Ради них Губер и Пион лежали в засаде, подкарауливая молочниц, направляющихся на рынок со своими медными бидонами на головах.

Вернувшись из Нейли, она немедленно отправилась показать детей Большому Матье. Она хотела попросить у него мази для болячек Кантора, а что касается Флоримона — то что могло вернуть к жизни

это дрожащее, истощенное тельце? Он со страхом вздрагивал даже от ее ласки. Раненная в самое сердце, Анжелика держала его на коленях.

— Когда я оставила его, он уже начал говорить, — сказала она Полак, — а теперь он ничего не говорит.

Полак сопровождала ее к Большому Матье. Ради них он откинул малиновый занавес, разделявший его платформу на две части, и провел их, как знатных дам, в свою личную комнату для консультаций. Здесь царило невероятное нагромождение самых разнообразных предметов: зубные протезы, медицинские свечи, ланцеты, коробки с ирисовой пудрой, котелки и страусовые яйца, и, в довершение всего, два чучела крокодилов.

Хозяин сам, своими августейшими руками наложил мазь на кожу Кантора и обещал, что через неделю все будет в порядке. Это заверение оказалось правдивым: все коросты отпали, и из-под них появился пухленький, спокойный мальчик с белой кожей, с тугими завитками каштановых волос, совершенно здоровый.

Но по отношению к Флоримону Большой Матье был настроен не так оптимистично. Он очень осторожно поднял ребенка, внимательно осмотрел его, попробовал заставить его улыбнуться, и протянул обратно Анжелике. Потом в замешательстве поскреб подбородок. Анжелика стояла ни жива, ни мертва.

— Что с ним?

— Ничего. Он должен есть; сначала очень понемногу. Позже он должен будет есть столько, сколько сможет. Может быть, от этого на его косточках появится немного мяса. Сколько ему было, когда ты его оставила?

— Двадцать месяцев, немногим меньше двух лет.

— Это плохой возраст для того, чтобы учиться страдать от нужды и боли, — задумчиво сказал Большой Матье. — Лучше знакомиться с этим сразу, при рождении, — или немного позже. Но на этих малышей, которые только начинают знакомиться с жизнью, страдание не должно обрушиваться с такой жестокой внезапностью.

Анжелика подняла на Большого Матье глаза, блестящие от непролитых слез. Она была поражена, что этот вульгарный, буйный, грубый человек может знать такие тонкие вещи.

— Он умрет?

— Может быть и нет.

— Во всяком случае, дай ему лекарства, — попросила она. Знахарь насыпал порошка из сушеных трав в маленький бумажный пакетик и сказал, что ребенок должен пить отвар из этого лекарства каждый день.

— Это увеличит его силы, — сказал он. Однако он, обычно так расписывающий достоинства своих лекарств, на этот раз не добавил никаких хвастливых скороговорок.

Немного подумав, он заключил:

— Нужно, чтобы он долгое время не знал больше ни голода, ни холода, ни страха, чтобы он не чувствовал себя покинутым, а видел вокруг себя всегда одни и те же лица... Того лекарства, которое ему нужнее всего, в моих кувшинах нет, — потому что ему нужно быть счастливым. Поняла, девушка?

Она кивнула. Она была переполнена изумлением. Никто никогда не говорил ей о детях в таком тоне. В обществе, в котором она когда-то жила, это не было принято. Но простые люди, возможно, обладают более глубоким, тонким пониманием...

На платформу вскарабкался клиент с распухшей щекой, повязанной носовым платком, и оркестр разразился дикой какофонией. Большой Матье выпроводил обеих женщин, шлепнув на прощание каждую по спине.

— Попробуй заставить его улыбнуться! — крикнул он, хватая свои щипцы.

С тех пор все жители Нельской башни изо всех сил старались заставить Флоримона улыбнуться. Папаша Урлюрот и мамаша Урлюретта танцевали для него, старательно размахивая старыми ногами. Черный Хлеб давал ему поиграть своими раковинами пилигрима. Мужчины притаскивали ему с Понт-Нефа апельсины, пирожные, игрушечные мельницы. Комендант с Сен-Жерменской выставки пришел показать ему своих восемь дрессированных крыс, которые танцевали менуэт под звуки его скрипки.

Но Флоримон всего пугался и отводил глаза. Пикколо, обезьянка, оказалась единственной, что его интересовало. Тем не менее, даже ей, несмотря на все ее гримасы и прыжки, не удалось вызвать у него улыбку.

Честь совершить это чудо выпала на долю шарманщика Тибо. Однажды старик начал играть песню «Зеленая мельница», Анжелика,

державшая ребенка на коленях, почувствовала, как он вострепнулся. Его ротик дрогнул, и показались крошечные зубки, маленькие, как рисовые зернышки. И слабым, низким, непослушным голосом он сказал:

— Мама!

Глава 10

Пришел сентябрь, холодный и дождливый.

— Вот-вот придет убийца, — ворчал Черный Хлеб, имея в виду зиму. Он приютился у огня в своих промокших насквозь лохмотьях. В камине шипели сырые дрова. На этот раз буржуа и богатые торговцы Парижа не стали дожидаться дня Всех Святых, чтобы достать зимние наряды и устроить себе кровопускание согласно традиции, по которой полагалось четыре раза в год, при изменении сезона, подставлять себя под ланцет хирурга.

Но и у дворян, и у нищих было о чем беспокоиться помимо разговоров о холоде и дожде. Все высокие лица при дворе и в финансовом мире были совершенно потрясены арестом невероятно богатого суперинтенданта финансов, господина Фуке. Весь низший уличный сброд гадал, чем кончится борьба между Каламбреном и Родогоном Египтянином.

Арест мсье Фуке обрушился на всех, как гром с ясного неба. Всего лишь за несколько недель до этого король и королева-мать, посетившие Во-ле-Викомте по приглашению блистательного суперинтенданта, снова восхищались замком, построенным архитектором Ле Во, созерцали настенную живопись художника Ле Брена, — пробовали блюда, приготовленные Вателем, прогуливались по изумительным садам, разбитым Ленотром, в которые подавалась вода по трубам, проложенным инженером Франсини, и наполняла бесчисленные пруды, гроты, водоемы, фонтаны. И, в довершение всего, весь двор смог поплодировать в театре, расположенном под открытым небом, остроумной комедии молодого драматурга Мольера.

Потом, когда факелы уже были потушены, все отправились в Нант, на ассамблею сословий Бретани. И именно там однажды утром перед Фуке, уже собравшимся сесть в карету, предстал мушкетер по имени д'Артаньян.

— Вы поедете не в этой карете, сударь, — сказал офицер, — но сядете вон в тот портшез с зарешеченными окнами, который ожидает вас в нескольких шагах отсюда.

— Что? Что это значит?

— Что я арестую вас именем короля.

— Король — мой господин, — прошептал суперинтендант, весь побелев, — но, ради его же славы, мне хотелось бы, чтобы он действовал более открыто.

Это дело еще раз показало стиль великого ученика Мазарини. Оно имело определенное сходство с обстоятельствами ареста, произведенного год назад, когда был арестован великий Тулузский вассал, граф де Пейрак, сожженный потом на Гревской площади.

Но среди той паники и тревоги, в которую был погружен двор после низвержения Фуке, никому не пришло в голову провести параллель между тактикой, примененной в том и в другом случае.

Великие мира сего не любят тратить много времени на размышления. Тем не менее, они знали, что признания арестованного Фуке коснутся не только его финансовых злоупотреблений, но также раскроют имена всех тех, чью поддержку он щедро оплачивал. Говорили даже о существовании неких необычайно компрометирующих документов, в которых знатные вельможи и даже принцы крови продавали себя ловкому финансисту во время Фронды.

Нет, еще никто не узнал в этом втором аресте — более эффективном и гораздо более неожиданном, чем первый, — одну и ту же диктаторскую руку.

Один Людовик XIV, взломав печати на послании, уведомлявшем его о волнении в Лангедоке, зачинщиком которого явился гасконский дворянин по имени д'Артшез, вздохнул: «Это было вовремя!»

Белка, пораженная молнией в момент своего наивысшего восхождения, летела вниз с ветки на ветку. Это было сделано вовремя! Бретань не возьмется за оружие из-за Фуке, как восстал Лангедок из-за другого, того странного человека, которого должны были сжечь заживо на Гревской площади.

Дворянство, которому Фуке так щедро расточал свои подачки, не защитит его из страха навлечь на себя беду. И невероятное богатство суперинтенданта вольется в государственную казну, которая всегда оказывается в выигрыше. Все художники и специалисты — Ле Во, Ле Брен, Франсини, Ленотр, вплоть до веселого Мольера и Вателя — все те, кого Фуке подбирал и держал в качестве своих архитекторов, художников, строителей, садовников, актеров, поваров, — отныне будут работать на другого хозяина. Их отправят в Версаль, этот

«карточный домик» среди лесов и болот, где Людовик XIV впервые заключил в свои объятия нежную Ла Вальер. В честь этой пылкой и тайной любви здесь будет воздвигнут самый поразительный памятник, прославляющий Короля-Солнце.

А что касается Фуке, то тут потребуются длинные, бесконечные расследования. Белка будет заперта в крепости. О нем забудут...

Анжелика не тратила время на размышления над этими новыми событиями. Судьбе было угодно, чтобы падение человека, которому был тайно принесен в жертву Жоффрей де Пейрак, последовало почти вслед за его победой. Но для Анжелики возмездие над ним пришло слишком поздно. Она не пыталась вспомнить, понять... Великие мира сего шли своими путями, интриговали, изменяли, входили в милость, исчезали. Могущественный и бесстрастный молодой король безжалостной косой срезал головы вокруг себя. Маленький ларец с ядом был спрятан в башенке замка дю Плесси-Бельер.

Анжелика теперь была женщиной без имени, которая прижимала к сердцу своих детей и со страхом ждала приближения зимы.

Двор походил на большой муравейник, разрушенный внезапным жестоким пинком ноги.

Дно бурлило в ожидании битвы, которая должна была быть беспощадной.

Королева и цветочницы Понт-Нефа ожидали рождения дофина.

Цыгане входили в Париж...

Битва на Сен-Жерменской ярмарке, утопившая в крови эту знаменитую Парижскую ярмарку в первый же день ее открытия, позднее послужила причиной для недоумения всем, кто пытался узнать, что же послужило для нее началом.

Видели, как лакеи избивали студентов, как дворяне протыкали шпагами тела фокусников и комедиантов, как женщин насиловали прямо на мостовой, как загорались кареты. Но никто не знал, откуда упала первая искра.

Но один человек знал истину. Это был некто Дегре, человек с образованием и разнообразным прошлым. Дегре только что получил пост капитана полиции в Шатле. О нем начинали говорить, как об одном из самых умных полицейских столицы. Впоследствии этот молодой человек приобрел известность, арестовав величайшую отравительницу своего времени, а, может быть и всех времен, маркизу

де Бринвилье, точно так же, как в 1678 году он первым приподнял покрывало над знаменитой драмой дела о ядах, которая, по его сведениям, затронула даже ступени трона.

Но пока, в 1661 году, было признано, что полицейский Дегре и его собака Сорбонна лучше всех других жителей Парижа знают его тайные уголки и их особую фауну.

Дегре уже некоторое время следил за соперничеством, существовавшим между двумя могущественными главарями бандитских шаек, Каламбреном и Родогоном Египтянином, за господство над районом Сен-Жерменской ярмарки. Он знал также, что они были соперниками и в любви, и здесь причиной вражды была женщина с изумрудными глазами, которую звали Маркиза Ангелов.

Незадолго до открытия ярмарки он почувствовал, что на дне происходят какие-то стратегические передвижения. Несмотря на то, что он был только младшим полицейским офицером, ему удалось добиться у своего начальства разрешения стянуть на подступы к Сен-Жерменскому предместью все полицейские силы столицы. Он не смог помешать возникновению этой битвы, которая разгоралась со скоростью летящей молнии и отличалась невероятной жестокостью, но он подавил ее внезапно и жестоко, быстро потушив пожары, организовав оборону из вооруженных дворян, оказавшихся поблизости, и произведя массовые аресты. Едва только забрезжил рассвет после этой кровавой ночи, как двадцать самых отъявленных бандитов были отправлены на мрачную общую виселицу Монтфуко.

Разумеется, именно популярность Сен-Жерменской ярмарки послужила объяснением яростной схватки двух банд парижских головорезов за монополию добычи на ней. С октября до декабря и с февраля до Великого поста на ней успевал побывать весь Париж. И даже сам король не мог удержаться от того, чтобы не нанести туда визит со своим двором, и какая это была удача для тех, кто срезал кошельки и срывал плащи, — вся эта стая роскошных птичек!

В шестнадцатом веке монахи аббатства Сен-Жермен де Пре, которому принадлежало место, где располагалась ярмарка, обнесли его высокими стенами, в которых были устроены ворота и при них комнатки для стражи. Тем не менее, никакой входной платы здесь не требовалось. Два больших деревянных рыночных здания, которые занимали торговцы и шарлатаны, располагались на перекрестке улиц

Фоу, Турнон и Куатр Вент. Ближе к улице Гарансье находилось обширное пустое пространство, предназначенное для торговли рогатым скотом.

Внутри, за стенами, можно было увидеть около четырехсот небольших кварталов, в каждом из которых находились лавки и магазины под крытыми аркадами. Все вместе они образовывали как бы огромную шахматную доску, перерезанную перпендикулярно пересекающимися линиями-проулками. Вокруг нее было расположено пустое пространство, предназначенное для торговли под открытым небом, для проезда карет, портшезов и лошадей. Однако толпа обычно бывала такой плотной, что двигаться в ней можно было с большим трудом.

Не существовало ничего, что нельзя было купить на Сен-Жерменской ярмарке. Торговцы больших провинциальных городов — Амьена, Руана, Реймса — выставляли здесь образцы своих товаров. В роскошных магазинах громоздились нарядные туалеты из Марсея, бриллианты из Алансона, сладости из Вердена. Португальцы продавали амбру и изящный фарфор. Провансальцы торговали апельсинами и лимонами. Турки хвастались своим персидским бальзамом, душистыми эссенциями из Константинополя. Фламандцы предлагали краски и сыры. Люди, показывающие дрессированных животных или уродов, собирали целые толпы. Здесь можно было полюбоваться крысами, танцующими под скрипку, или двумя мухами, дерущимися на шпагах, сделанных из соломинок.

В толпе зрителей лохмотья оборванцев прикасались к роскошным нарядам представителей высших классов. Все стекались на Сен-Жерменскую ярмарку, чтобы насладиться здесь, кроме самых разнообразных и блестящих зрелищ, беззаботной и легкой жизнью, которая существовала только здесь и больше нигде.

Буйная распущенность процветала здесь рядом с шумной торговлей, служащей для удовлетворения обжор. Винные магазины, сверкающие золотом и зеркалами, мирно уживались рядом с притонами для азартных игр. Не существовало ни одного парня или девицы, искушаемых бесом любви, которые не смогли бы найти здесь удовлетворения своим желаниям.

Но с незапамятных времен самым притягательным зрелищем Сен-Жерменской ярмарки всегда были цыгане. Они, со своими акробатами

и предсказательницами будущего, были князьями ярмарки.

Начиная с середины лета, можно было видеть, как в городе появляются их повозки, целые караваны повозок, в которые были запряжены истощенные старые лошади с заплетенными гривами, и которые были заполнены детьми и женщинами, громоздящимися на беспорядочных кучах кухонной утвари, краденных цыплят и окороков. У мужчин, молчаливых и надменных, с длинными черными волосами, виднеющимися из-под широкополых шляп с плюмажами, бросавших тень на их пылающие, черные, как уголь, глаза, висели через плечо длинные мушкеты.

Парижане смотрели на них с тем же жадным любопытством, как и их предки в 1427 году, когда под стенами Парижа впервые появились эти смуглые вечные странники. Их называли египтянами, но, кроме того, иногда упоминали еще как богемцев или цыган. Бродяги признавали влияние, которое цыгане оказали на возникновение законов дна, и в день Всех Дураков герцог Египетский разгуливал рядом с Великим Кезром, и высшая знать его империи шла перед придворными Великого Кезра.

Родогон Египтянин, по происхождению цыган, по этим причинам занимал высокое положение среди бандитов Парижа. И было естественно и справедливо, что он желал иметь под своим единоличным началом подступы к тем таинственным святилищам, украшенным жабами, скелетами и черными кошками, которые предсказательницы, «коричневые ведьмы», как их называли, устанавливали в самом центре Сен-Жерменской ярмарки.

Однако Каламбрден, являясь хозяином Нельских ворот и Понт-Нефа, приберегал этот лакомый кусочек для себя самого.

Это соперничество могло окончиться только со смертью одного из врагов.

В последние дни перед открытием ярмарки по всему району то и дело вспыхивали стычки. Накануне открытия войскам Каламбрдена пришлось в беспорядке отступить и укрыться в Нельской башне, в то время как Родогон Египтянин установил нечто вроде защитного кордона вдоль древних рвов и Сены, окружив весь район.

Люди Каламбрдена собрались в большом зале башни вокруг стола, с которого орал, как дьявол, Деревянный Зад.

— Я знал, что дело кончится этой дракой, уже несколько месяцев знал! Это твоя вина, Каламбрден! Ты растерял из-за своей женщины весь свой ум. Ты уже больше не борец, поэтому другие банды и начали снова петушиться. Они чувствуют, что ты начал терять почву под ногами; они присоединяются к Родогону, чтобы свергнуть тебя. Я виделся с Синим Матюрином однажды ночью...

Стоявший перед огнем, на фоне которого его могучая фигура казалась черной, Никола обтирал свой окровавленный торс, исколотый кинжалами. Он заорал громче Деревянного Зада:

— Мы знаем, что ты предаешь банду, что ты встречаешься с окружением Кезра! Что ты ходишь на свидания с ними, что ты собираешься занять место Великого Кезра! Но берегись! Я предупрежу Коротенького Ролина...

— Ты сукин сын! Ты ничего не сможешь мне сделать! Не ошибись, Каламбрден: если ты отступишь, ты погибнешь. Родогон будет беспощаден. Потому что ему нужен не только район ярмарки, ему нужна твоя женщина, которую ты вырвал у него на кладбище Младенцев. Он бешено жаждет ее! Но он не сможет получить ее, пока ты не исчезнешь. Теперь или ты, или он!

Никола как будто успокоился.

— Что же ты от меня хочешь? Вся эта банда, все эти проклятые цыгане прямо здесь, под нашим носом, но если мы нападём на них, нас всех прирежут.

Анжелика поднялась в свою комнату, схватила плащ и надела красную бархатную маску, которую держала в шкатулке вместе с разными мелочами. Нарядившись таким образом, она снова спустилась вниз, где стоял ужасный шум.

Ссора между Каламбрденем и Деревянным Задом приняла уже эпический характер. Главарь легко мог расправиться с искалеченным человеком на его деревянной платформе, но авторитет Деревянного Зада был так велик, что именно он был хозяином положения.

Увидев Анжелику в красной маске, они замолчали.

— Что это еще за карнавал? — проворчал Каламбрден. — Куда ты собралась?

— Просто я хочу пойти и заставить силы Родогона отступить. Через час все будет от них очищено, господа. Вы сможете снова вернуться на свои места.

Каламбрден призвал Деревянного Зада в свидетели:

— Тебе не кажется, что она становится с каждым днем все более ненормальной?

— Кажется, но, если от этого ей будут приходить в голову блестящие идеи, пусть ее. С этой невероятной Маркизой Ангелов ни о чем нельзя говорить с уверенностью. Она превращает тебя в посудное полотенце. Самое малое, что она может сделать, это возместить ущерб.

Анжелика прошла по темным улицам к воротам Сен-Жаке и здесь попыталась пересечь ров. Один из цыган Родогона Египтянина немедленно вырос перед ней. Она рассказала ему на невнятном немецком диалекте запутанную историю о том, как она, хозяйка лавки на Сен-Жерменской ярмарке, возвращается к себе домой. Он позволил пройти этой женщине в маске, закутанной в черный плащ. Она быстро пошла прямо к своему другу, дрессировщику, которому принадлежали три огромных жутких медведя. Анжелика завоевала сердца этих медведей, так же как и их старого хозяина и молодого помощника, собиравшего деньги во время представлений.

Дело было улажено быстро благодаря силе ее чарующей улыбки.

Часы на аббатстве Сен-Жермен де Пре пробили десять, когда люди Родогона, стоящие на страже вдоль рвов, увидели что-то огромное и рычащее, что приближалось к ним сквозь пронизанный лунным светом туман. Один из них, который пытался выяснить, что за враг хочет прорвать их блокаду, получил мощный удар по груди когтистой лапой, разорвавший в клочья его куртку. Остальные, не дожидаясь добавочных объяснений, попрыгали через валы. Некоторые из них бросились вниз, к Сене, чтобы предупредить своих товарищей, но наткнулись на такую же малоприятную встречу. Большинство бандитов уже плыли через реку к противоположному берегу, где находился Лувр, и к другим, более здоровым, чем это, местам. Ссориться, убивать друг друга в честном поединке с нищими и ворами было для этих доблестных сердец привычным и не внушающим страха делом. Но никто из людей Родогона не испытывал ни малейшего желания вступить в рукопашную схватку с медведем, который, поднявшись на задние лапы, достигал высоты двенадцати футов!

Анжелика спокойно вернулась в Нельскую башню и уведомила компанию, что весь район очищен от незванных гостей. Штаб

Каламбредена отправился на разведку и, вернувшись, подтвердил этот невероятный факт.

Глухие взрывы хохота Деревянного Зада заставили дам предместья затрепетать от страха за пологам своих кроватей.

— О-ла-ла! Эта маркиза! — повторял он. — Говорите о чуде!

Но Никола не разделял эту точку зрения.

— Ты связалась с ними, чтобы предать нас, — сказал он, чуть не раздавив запястья Анжелики. — Ты пошла и продала себя Родогону Египтянину?

Чтобы усмирить его ревнивую ярость, ей пришлось рассказать о своем маневре.

На этот раз хохот, сотрясавший Деревянного Зада, донесся до перевозчиков на реке, как раскаты грома. Некоторые соседи высунулись из окон и закричали, что сейчас они спустятся вниз со своими шпагами и алебардами и дадут урок негодьям, которые не дают спать порядочным людям. Но человек-половинка не обратил на них никакого внимания. Перетаскиваясь с булыжника на булыжник, он пробирался по всему Сен-Жерменскому предместью, заливаясь громовым смехом. И еще много лет спустя нищие, собираясь у огня, рассказывали друг другу историю о Маркизе Ангелов и трех медведях!

Этот остроумный маневр не смог предотвратить последней драмы. Капитан полиции Дегре знал, что делал, когда утром первого октября он отправился к господину де Дреуксу д'Абрей, сеньору Оффемона и Виллве, Гражданскому Лейтенанту города Парижа, и уговорил его разместить все действующие силы полиции на подступах к Сен-Жерменской ярмарке.

День, однако, прошел мирно. Люди Каламбредена были наготове среди все прибывающей толпы. В сумерках начали появляться кареты людей из высшего общества.

Освещенная тысячами факелов, зажженными у каждого торгового места, ярмарка казалась сказочным дворцом. Анжелика была рядом с Каламбреденом и они вместе наблюдали за переменчивым счастьем борющихся животных: двух бульдогов против дикого кабана. Толпа, обожавшая подобные жестокие зрелища, налегала на ограду маленькой арены.

Анжелика была немного навеселе, потому что выпила по очереди мускатель, свежий сидр и воду с корицей в лимонадной лавке. Она расточительно, без всяких колебаний тратила деньги из кошелька, врученного ей Никола. Она накупила кукол и пирожных для Флоримона.

На этот раз, чтобы передвигаться незамеченным, — а у него было подозрение, что полицейские готовят ловушку, — Никола был тщательно выбрит и одет в более приличный костюм, чем его обычные лохмотья. В широкой шляпе, закрывающей его беспокойные глаза, он походил на безденежного деревенского увальня, который пришел на ярмарку позабавиться.

Все было забыто. Это была Сен-Жерменская ярмарка. Огни отражались в сияющих глазах; человек вспоминал чудесные ярмарки своего детства в деревеньках и городках.

Никола обхватил своей рукой талию Анжелики. Он всегда так держал ее. Ей каждый раз казалось, что она закована в железное кольцо, подобное тем, которые надевали на тела узников. Но властная эта хватка не всегда была ей неприятна. Сегодня, например, она чувствовала себя в объятиях этих мускулистых рук тонкой и гибкой, слабой и защищенной. Ее руки были полны сладостей, игрушек, маленьких флакончиков с духами, она была увлечена схваткой животных, кричала и топала ногами вместе с остальной публикой, когда свирепый, черный кабан, отбиваясь от нападавших противников, отшвырнул от себя одну из собак, распоров ей живот своим острым клыком.

Внезапно она увидела Родогона Египтянина, который смотрел на них с другого края арены.

Он держал кончиками пальцев длинный, тонкий кинжал. Оружие просвистело над борющимися животными. Анжелика отпрыгнула в сторону, увлекая за собой своего спутника. Лезвие пронеслось в нескольких сантиметрах от шеи Никола и вонзилось в горло торговца редкостями. Как будто пораженный молнией, человек судорожно раскинул руки, распахнув полы своего кричаще-яркого плаща. Какое-то мгновение он походил на огромную приколотую бабочку. Потом он рухнул на землю.

Это была искра, послужившая причиной взрыва Сен-Жерменской ярмарки.

Глава 11

Около полуночи Анжелика, вместе с десятком других женщин и девиц, две из которых принадлежали банде Каламбредена, была брошена в одну из низких тюрем Шатле. Когда за ней захлопнулась тяжелая дверь, в ее ушах все еще как будто стоял шум разъяренной толпы, крики нищих и бандитов, попавшихся в неумолимые сети стражников и полицейских и отправляемых на телегах в общие тюрьмы.

— В хорошенькое дельце мы влипли, — вздохнула сводня. — Вот уж не повезло мне! Стоило только мне уйти со своего обычного места, как меня зацапали. Они вполне способны угостить меня дыбой за то, что я не осталась в своем районе.

— А это очень больно — оказаться на дыбе? — спросила молоденькая девушка, почти ребенок.

— О! Боже милостивый! Мои нервы и жилы все еще натянуты после нее, как длинная болотная трава. Ах, когда палач привязал меня к ней, я кричала: «Милый Иисус! Дева Мария, сжальтесь надо мной!»

— А мне, — сказала другая, — мне вставили воронку прямо в глотку, и влили через нее почти шесть полных котелков холодной воды. Если бы хоть это было вино! Я думала, что лопну как пузырь. А потом они держали меня перед сильным огнем в кухне Шатле, чтобы заставить меня повертеться и придти в себя.

Анжелика слышала голоса, доносившиеся из зловонной тьмы. Мысль о том, что ее, несомненно, тоже будут пытаться в ходе предварительного следствия — что было обязательно для всех обвиняемых — даже не приходила ей в голову. Она была охвачена только одной мыслью: «Мои маленькие — что с ними будет?.. Кто присмотрит за ними? Может быть, их забудут в башне? И их съедят крысы...»

Несмотря на то, что в темнице было ужасно холодно и сыро, у нее на лбу выступил пот. Скорчившись на соломе, брошенной на полу, она прислонилась к стене, обхватив руками колени, и попыталась не дрожать и найти аргументы, которые успокоили бы ее.

«За ними, наверняка, присмотрит одна из женщин. Они беспечны и бестолковы, но ведь они не забывают дать хлеба своим детям... Дадут что-нибудь и моим. Во всяком случае, если Полак там, то все будет в порядке. И Никола посмотрит за ними...»

Но не был ли Никола арестован? Анжелика мысленно возвращалась к тем моментам, когда она, охваченная паникой, металась от проулка к проулку, пытаясь спастись от кровавой резни, и везде натыкалась на стену стрелков и сержантов.

Анжелика пыталась вспомнить, могла ли Полак уйти с ярмарки до начала драки. Когда она в последний раз видела ее, Полак тащила за собой по направлению к берегу Сены молодого провинциала, казавшегося одновременно и возбужденным и испуганным. Но они могли задержаться у каждой лавки или пойти пить в таверну.

Собрав всю свою силу воли, Анжелика сумела убедить себя, что Полак не была поймана, и это несколько успокоило ее. Из глубин ее отчаяния к ее устам вдруг поднялся умоляющий призыв, и она начала машинально повторять забытые слова молитвы:

«Сжался над ними! Защити их, Святая Дева... Я клянусь тебе, — повторяла она про себя, — что если мои дети спасутся, я вырвусь из этого болота. Я покину банду воров и преступников. Я попытаюсь своими руками зарабатывать себе на жизнь...»

Она вспомнила о цветочнице и начала обдумывать некоторые планы. Время стало тянуться для нее не так медленно.

Утром послышался ужасный лязг замков и ключей, и дверь отворилась. Полицейский охраны направил на них свет своего факела. Дневной свет, проникавший сквозь крохотное зарешеченное оконце, прорубленное в шестифутовой стене, был таким скудным, что ничего нельзя было разглядеть.

— Здесь маркизы, парни, — весело крикнул полицейский. — Ну-ка, подойдите сюда, девушки. Похоже, что здесь нас ждет хороший урожай.

Вошли еще три солдата из караула и воткнули факел в кольцо на стене.

— Ну, милашки, надеюсь, вы не доставите нам больших хлопот, а?

И один из мужчин вынул из кармана ножницы.

— Сними свой чепец, — сказал он женщине, которая была ближе всех к двери. — Ба! Седые волосы. Но ничего, мы все-таки получим за них несколько су. Я знаю парикмахера с площади Сен-Мишель, который делает из них дешевые парики для пожилых клерков.

Он срезал седые волосы, свернул их в некоторое подобие жгута и сунул в карман. Его товарищи обследовали головы остальных узниц.

— Меня стричь не стоит, — сказала одна из них. — Вы остригли меня не так давно.

— Ну, а ведь и правда, — сказал веселый полицейский, — я помню тебя, маленькая дама. Хи! Хи! Похоже на то, что питаешь пристрастие к этим мебелированным комнатам!

Солдат подошел к Анжелике. Она почувствовала, как грубая рука нащупала ее волосы.

— Хи! Приятели, — позвал он, — а здесь нас ждет лакомый кусочек! Дайте-ка мне факел поближе, чтобы можно было рассмотреть как следует.

Пламя смоляного факела осветило прекрасную волну каштановых волос, рассыпавшихся по плечам, когда солдат развязал чепчик Анжелики. Солдаты восхищенно присвистнули.

— Ну, вот это персик, вот это да! Не белокурые, конечно, но какой блеск! Мы сможем продать их метру Бине с улицы Сен-Оноре. Этот парень дает хорошую цену, но всегда придирается. «Забирай обратно этот комок паразитов! — говорил он мне каждый раз, как я приносил ему волосы тюремных пташек. — Я не делаю париков из таких изъеденных червями волос». Но на этот раз он не отвернет своего носа.

Анжелика подняла к голове обе руки. Они не обрежут ее волосы, это невозможно!

— Ох! Нет, нет, не делайте этого! — умоляла она. Но твердый кулак сбросил ее руки вниз.

— Знаешь, моя красотка, не надо было попадать в Шатле, если тебе так хотелось сохранить на своей голове эту копну соломы. Мы должны получить какую-то прибыль для себя, неужели ты не понимаешь?

И, лязгая сталью, ножницы срезали с ее головы блестящие локоны, которые еще так недавно Барба расчесывала с таким благоговением. Когда солдаты ушли, Анжелика провела дрожащей

рукой по своему оголенному затылку. Ей казалось, что ее голова внезапно стала легкой и маленькой.

— Не реви, — сказала одна из женщин, — они отрастут снова. Конечно, если опять не попадешься. Потому что эти люди из охраны — настоящие жнецы дьявола. Волосы в Париже стоят дорого, все хотят носить парики.

Молодая женщина? не отвечая, снова завязала свой чепчик. Ее подруги по несчастью думали, что она плачет, потому что ее была нервная дрожь. Но она уже забыла об этом происшествии. В конце концов, это было не так уж важно. Единственно, что беспокоило ее и имело для нее значение — это судьба ее детей.

Время тянулось невыносимо медленно. Камера, в которую их бросили, была так мала, что они дышали с трудом. Одна из женщин объяснила, что это хороший признак, раз их поместили в такую тесную камеру. Она называлась «промежуточной». В ней держали тех, кого не могли твердо, с уверенностью считать арестованными.

— В конце концов, мы же не делали ничего плохого, когда они нас схватили; — сказала она. — Мы просто были на ярмарке, так же, как и все. А что там были все, доказывает тот факт, что нас не обыскали, потому что все женщины-тюремницы Шатле тоже были там и развлекались.

— Так же, как и полиция, — кисло отпарировала ее подруга. Анжелика нащупала у себя под одеждой кинжал Родогона Египтянина.

— Нам повезло, что они нас не обыскали, — повторила первая женщина.

— Обыщут, не беспокойся, — ответила другая проститутка.

Сквозь маленькое зарешеченное окно просачивался серый Свет. Невозможно было судить по нему о времени. Старая женщина сняла свои сношенные башмаки и, выдернув из подметки гвозди, воткнула их обратной стороной, острием наружу. Она показала своим соседкам это дополнительное оружие и порекомендовала последовать ее примеру, для того, чтобы было чем отбиться от крыс, когда наступит ночь.

Однако где-то около полудня дверь с шумом распахнулась, и стражники, приказав женщинам выходить, повели их по бесконечным коридорам и привели в большую комнату, обитую голубыми гобеленами с вытканными на них желтыми королевскими лилиями.

В глубине комнаты, на полукруглой платформе, стояло нечто вроде кафедры из резного дерева, над которой висела картина, изображающая Христа на кресте. За кафедрой, под вышитым балдахинном сидел человек в черной одежде, украшенной шейным платком с белой отделкой, и в белом парике. Рядом с ним располагался другой человек, державший пачку пергаментов. Это были прево Парижа и его лейтенант.

Судебные служащие и солдаты королевской стражи окружили приведенных женщин и девушек. Их подтолкнули к платформе и заставили пройти перед столом, за которым клерк записывал их имена.

Анжелика была в затруднении: ведь у нее больше не было имени... В конце концов она сказала, что ее зовут Анна Саво, взяв для своего имени название деревушки, расположенной по соседству с Монтелу.

Приговор был вынесен тотчас. Задав несколько вопросов каждой из задержанных женщин, лейтенант прево прочитал переданный ему список и провозгласил, что все вышеупомянутые персоны приговариваются к публичному бичеванию, после чего будут отправлены в Общий госпиталь, где набожные женщины научат их шить и молиться.

— Мы дешево отделались, — шепнула Анжелике одна из проституток. — Общий госпиталь — не тюрьма. Это работный дом. Туда помещают силой, но там нет охраны. Убежать оттуда будет нетрудно.

После этого группу из двадцати женщин привели в большой зал на нижнем этаже, где сержанты выстроили их в линию вдоль стены. Дверь открылась, и вошел очень высокий, тучный солдат. У него было румяное лицо, перерезанное темными усами, и красивый темный парик. В своем синем мундире с широким поясом, подчеркивающим выпирающий живот, с огромными манжетами, отделанными тесьмой, шпагой и невероятных размеров воротником, завязанным толстыми золотыми кистями, он походил на Большого Матье, но был лишен добродушной веселости последнего. Его глубоко посаженные глаза под кустистыми бровями были маленькими и суровыми.

Он был обут в сапоги на высоких каблуках, еще более увеличивающими его огромный рост.

— Это офицер стражи, — прошептала Анжелике ее соседка. — Ох! Он ужасен. Его зовут Огре.

Огре прошел вдоль линии женщин, звеня шпорами.

— Хо! Хо! Твари, вы получите славную трепку! А ну, поживее, снимайте свои кофты. А те, кто будут визжать слишком громко, получают добавочную порцию, так что берегитесь.

Те женщины, которые были уже знакомы с тяжелой процедурой наказания хлыстом, покорно сняли свои корсажи. Те, у кого были сорочки, спустили их с плеч, так что они повисли поверх юбок. Стражники подошли к тем, кто хоть ненадолго замешкался, один из них разорвал корсаж Анжелики, пытаясь стащить его. Она поспешила снять его сама, боясь, что они могут заметить кинжал.

Капитан караула расхаживал перед женщинами, выстроенными перед ним и внимательно их разглядывал. Он останавливался перед теми, что были помоложе, и его маленькие, как у свиньи, глазки начинали блестеть. В конце концов он повелительным жестом указал на Анжелику.

Один из стражников с угодливым хихиканьем заставил ее выйти вперед.

— А ну, забирайте отсюда эту рвань, — приказал офицер, — и пусть им всыплют! Сколько их здесь?

— Два десятка, капитан.

— Уже четыре часа. Вы должны закончить с этим до заката.

— Да, сударь.

Солдаты вывели женщин наружу. Анжелика увидела во дворе телегу, на которой громоздилась куча прутьев. Она должна была следовать за несчастной процессией до места, предназначенного для публичных избиений, около церкви Сен-Дени де ла Шатр.

Дверь снова закрылась. Анжелика осталась одна с караульным офицером. Она бросила на него удивленный и обеспокоенный взгляд. Почему она не разделила судьбу своих подруг по заключению? Неужели ее отведут обратно в тюрьму?

В низком зале со сводчатым потолком стоял ледяной холод, по толстым средневековым стенам сочилась влага. Несмотря на то, что снаружи был еще день, здесь было уже темно, и были зажжены факелы. Анжелика, дрожа, скрестила на груди руки и обхватила ими свои плечи, возможно, не столько для того, чтобы защитить себя от холода, как для того, чтобы спрятать свою грудь от тяжелого взгляда Огре. Он сделал шаг вперед и кашлянул.

— Ну, мой маленький цыпленочек, ты действительно хочешь, чтобы спустили шкуру с твоей хорошенькой белой спинки?

Поскольку она ничего не ответила, он продолжал настаивать:

— Отвечай мне! Ты в самом деле этого хочешь?

Анжелика при всем желании не могла сказать, что она этого хочет. Поэтому она решила отрицательно покачать головой.

— Ну, тогда мы, может быть, сможем что-нибудь придумать, — сказал он сладким голосом. — Жаль портить такого хорошенького цыпленочка. Мы, вероятно, сможем понять друг друга?

Он приподнял пальцем ее подбородок, чтобы заставить ее поднять голову, и присвистнул от восхищения.

— Фью! Что за прекрасные глазки! Твоя мать, должно быть, ведрами пила абсент, пока тебя носила! А ну-ка, улыбнись мне!

Его толстые пальцы проворно прошлись по ее изящной шее, погладили округлые плечи. Она отпрянула, не в силах удержаться от содрогания, вызванного отвращением. Его живот заколыхался от смеха. Она пристально посмотрела на него своими зелеными глазами. Наконец, несмотря на то, что он смотрел на нее сверху вниз, он первым проявил признаки некоторого замешательства.

— Итак, договорились? — продолжал он. — Ты пойдешь со мной в мои апартаменты. А потом ты присоединишься к остальным, но тебя оставят в покое. Тебя не будут бить... Ты довольна, детка?

Он разразился искренним хохотом, потом привлек ее к себе сильной рукой и начал покрывать ее лицо жирными, звучными, жадными поцелуями.

Прикосновение этого влажного рта, обдающего ее запахом табака и красного вина, наполнило Анжелику отвращением, и она начала извиваться, как угорь, стараясь уклониться от объятия. Пояс и шитье его мундира царапали ее грудь. В конце концов ей удалось высвободиться, и она торопливо натянула на грудь свою изорванную блузу, насколько это было возможно.

— Эй, это еще что? — удивленно спросил гигант. — Что на тебя нашло? Ты что, не поняла, что я хочу избавить тебя от порки?

— Премного вам благодарна, — твердо ответила Анжелика, — но я предпочитаю порку.

Огре широко раскрыл рот, его усы задрожали, он налился краской, как будто ему внезапно стал тесен его воротник.

— Что-о-о... Что ты сказала?

— Я предпочитаю, чтобы меня выпороли, — повторила Анжелика. — Его Честь Прево Парижа приговорил меня, и я не имею права уклоняться.

И она решительно направилась к двери. Он одним прыжком настиг ее и схватил за шею.

«О, милосердный боже, — подумала про себя Анжелика. — Никогда в жизни я больше не схвачу цыпленка за шею; это самое жуткое ощущение!»

Капитан внимательно изучал ее.

— Ты кажешься мне какой-то новой разновидностью девки, — сказал он, задыхаясь. — За то, что ты мне только что сказала, я мог бы избить тебя тупой стороной моей сабли и оставить подыхать на полу. Но я не хочу причинять тебе вреда. Ты хорошенькая. Чем больше я на тебя смотрю, тем больше ты мне по душе. Будет глупо, если мы не сможем договориться. Я могу оказать тебе милость. Послушай, не надо дуться! Будь милой со мной, и когда ты будешь возвращаться вместе с остальными, ну... возможно, стражник, который будет охранять тебя, посмотрит в другую сторону...

Перед Анжеликой мелькнула надежда на возможное спасение. Перед ее глазами заплясали маленькие лица Флоримона и Кантора.

Обезумев, она посмотрела на грубое, красное лицо, наклонившееся над ней. Нет, это невозможно! Она никогда не сможет этого сделать! И, кроме того, существовала возможность вырваться из Общего госпиталя... И даже по дороге туда она может попытаться...

— Я предпочитаю Общий госпиталь! — закричала она вне себя. — Я предпочитаю...

Остальное потонуло в потоке громовых оскорблений. Она увидела перед собой яркое пятно распахнувшейся двери и вылетела из нее, как мяч.

— Пусть эту проститутку лупят до тех пор, пока у ней кожа не повиснет клочьями! — проревел капитан.

И дверь захлопнулась с грохотом, напоминающим пушечный выстрел.

Анжелика растянулась среди группы гражданских караульных, которые только что прибыли, чтобы заступить на ночное дежурство. Большинство из них были мирными ремесленниками и лавочниками,

которые с большой неохотой относились к этим обязанностям, налагаемым на разные гильдии поочередно. Они относились к «сидячей» или «спящей» охране.

Они только начали извлекать свои игральные карты и трубки, когда в их мирный кружок влетела эта полуголая девушка. Приказ капитан проревел с таким гневом, что они не смогли разобрать ни слова.

— Еще одна, которую оскорбил наш доблестный капитан, — сказал один из них. — Какого черта, он просто выбирает их среди заключенных и предлагает им выбрать между тюрьмой и его постелью.

— Если прево узнает об этом, он ему покажет.

Анжелика, сильно разбившаяся при падении, с трудом поднялась на ноги. Караульные смотрели на нее добродушно. Они уже набили свои трубки и начали тасовать карты. Она нерешительно направилась к дверям караульной комнаты. Никто не остановил ее. Она оказалась в сводчатом проходе улицы Сен-Лефрой, которая вела мимо крепости Шатле от улицы Сен-Дени к Понт-о-Шанг.

Мимо нее сновали люди. Она поняла, что свободна. Тогда она, как безумная, бросилась бежать.

Глава 12

— Тсс! Маркиза Ангелов! Осторожно! Не ходи дальше!

Голос Полак остановил Анжелику недалеко от Нельской башни. Она повернулась и увидела девушку, подзывающую ее из-под портика. Она подошла к ней.

— Ну! Моя бедная девочка! — вздохнула Полак. — Хорошенькое дельце! Все только и говорят об этой охоте! К счастью, Красавчик вывернулся. Он соорудил себе тонзуру «брата» и сказал, что он священник. Поэтому его отправили из Шатле в епископскую тюрьму, и по дороге он удрал.

— Почему ты непустила меня в Нельскую башню?

— Да потому, что там Родогон со своей бандой.

Анжелика побелела. Полак продолжала:

— Ты бы только видела, как они нас выкидывали! У нас не было времени даже собрать свою одежду! Однако, я все-таки ухитрилась спасти твою маленькую шкатулку и обезьянку. Они на улице Вал-д'Амур, в доме, где у Красавчика друзья и где он держит своих женщин.

— Что с моими детьми? — спросила Анжелика.

— А что касается Каламбредена, никто не знает, что с ним, — многословно продолжала Полак. — Может быть, он в тюрьме... Может быть, его повесили... Некоторые говорят, что видели, как он прыгнул в Сену. Может быть ему удалось выбраться из города.

— Я спрашиваю не о Каламбредене, — процедила Анжелика сквозь зубы. — Где мои малыши?

Черные глаза Полак в замешательстве уставились на нее, потом она опустила взгляд.

— Я не хотела этого, уверяю тебя... но они победили...

— Где они? — повторила Анжелика безжизненным голосом.

— Их забрал Протухший Жан... вместе со всеми детьми, которых там нашел.

— Он забрал их... в предместье Сен-Дени?

— Да. То есть, он взял Флоримона. Не Кантора. Сказал, что он слишком толст, чтобы его можно было сдавать напрокат нищенкам.

— Что он сделал с ним?

— Он... он продал его... да, за тридцать су... каким-то богемцам, которым был нужен ребенок, чтобы сделать из него акробата...

— Где эти богемцы?

— Откуда я знаю? — запротестовала Полак. — Спрячь свои когти, котенок, или ты изуродуешь меня... Что я могу тебе сказать? Это богемцы... и они исчезли. Их испугала ночная драка. Они покинули Париж.

— Куда они ушли?

— Менее двух часов назад видели, как они направляются к воротам Сен-Антони. Я вернулась, чтобы подежурить здесь, потому что у меня было предчувствие, что я наткнусь на тебя. Ты — мать, а матери умеют проходить сквозь стены...

Сердце Анжелики разрывалось от боли. Она думала, что не выдержит и сойдет с ума.

Флоримон, похищенный, в руках этого зловещего Протухшего Жана, плачущий и зовущий свою мать!.. Кантор, которого увозят в неизвестном направлении, навсегда потерянный для нее!

— Я должна бежать за Кантором, — сказала она, — может быть, эти богемцы еще не успели далеко уйти.

— Ты совсем рехнулась, моя бедная Маркиза.

Но Анжелика уже отправилась в путь. Полак последовала за ней.

— В конце концов, — сказала она покорно, — мы можем хотя бы попытаться. У меня есть немного денег. Может быть, они и согласятся продать нам его обратно.

День был дождливым. Воздух был сырой и по-настоящему осенний. Блестела мокрая мостовая.

Женщины переправились на правый берег Сены и вышли из Парижа по Арсенальской набережной. Низкое небо над горизонтом в разрывах туч было темно-красным. Поднялся холодный ветер. В пригороде им сказали, что цыган недавно видели около моста Шарантон.

Они шли очень быстро. Полак следовала за Анжеликой с фатализмом женщины, которая привыкла к длительным переходам и кочевкам вслед за военными лагерями, не спрашивая о причине, в любую погоду и по любым дорогам.

Подойдя к указанному им мосту, они увидели в поле, в ложбине около дороги, огни цыганской стоянки. Полак остановилась.

— Это они, — прошептала она, — нам повезло.

Они подошли к лагерю. Племя расположилось у подножья огромных дубов. Единственной крышей, защищавшей цыган в этот дождливый вечер, были холщовые полотнища, натянутые между ветвями. Женщины и дети сидели около костров. Немного в стороне паслись несколько истощенных лошадей.

Анжелика и ее спутница осторожно приблизились.

— Не забывай, что с ними нельзя плохо разговаривать, — прошептала Полак. — Ты не можешь себе представить, до чего они злы. Они проткнут нас своими вертелами так же спокойно, как делают это с овцой, и будут продолжать заниматься своими делами. Позволь мне самой поговорить с ними. Я немного знаю их язык...

Высокий нескладный мужчина в меховой шапке отошел от огня и направился к ним. Обе женщины сделали знак, по которому люди дна узнавали друг друга. Мужчина надменно ответил им тем же. После этого Полак принялась объяснять ему цель их визита; Анжелика не могла понять ни слова из того, что они говорили. Она пыталась угадать реакцию цыгана по лицу, но темнота стала уже почти непроницаемой, и она не могла разглядеть его черты. Наконец, Полак протянула ему свой кошелек; мужчина взвесил его на руке, отдал его ей обратно и снова направился к костру.

— Он говорит, что должен переговорить с людьми своего племени.

Они стояли в ожидании, замерзая на холодном ветру. Потом человек снова подошел к ним теми же бесшумными, вкрадчивыми шагами.

Он пробормотал несколько слов.

— Что он сказал? — спросила Анжелика, затаив дыхание.

— Он говорит, что... что они не хотят вернуть ребенка. Они находят его красивым и грациозным. Они уже полюбили его. Они говорят, что им больше ничего не нужно.

— Но это невозможно!.. Мне нужен мой ребенок! — закричала Анжелика. Она хотела броситься на цыгана, но Полак силой удержала ее. Цыган выхватил шпагу, подошли другие. Проститутка оттащила Анжелику к дороге.

— Ты что, с ума сошла?.. Тебе хочется умереть?

— Это невозможно, — продолжала твердить Анжелика. — Мы должны что-то сделать. Не могут они увезти Кантора... далеко, далеко отсюда...

— Не надо так убиваться, такова жизнь! Рано или поздно, дети уходят от нас... Немного позже, немного раньше, но все кончается одним и тем же. А как с теми детьми, которые были у меня? Ты думаешь, я хотя бы знаю, где они? И все-таки мы продолжаем жить!

Анжелика затрясла головой, чтобы не слышать ее голос. Дождь стал сильным, проливным. Они должны что-то сделать!..

— У меня есть одна идея! — объявила она. — Давай вернемся в Париж.

— Вот это правильно, давай вернемся в Париж, — согласилась Полак.

Они снова побрели по дороге, оступаясь в лужи. Ноги Анжелики в изодранных башмаках начали кровоточить. Ветер облеплял вокруг ее ног мокрую юбку. Она чувствовала, что вот-вот упадет в обморок. За последние двадцать четыре часа у нее не было во рту ни крошки.

— Я не могу больше идти, — пробормотала она, останавливаясь, чтобы перевести дыхание. — И, однако, нам надо торопиться...

— Подожди, я вижу позади какие-то огни. Должно быть, это всадники возвращаются в Париж. Мы попросим их подвезти нас.

Полак смело вышла на середину дороги. Когда группа всадников поравнялась с ними, она закричала своим хриплым голосом, который, в случае надобности, умела сделать льстивым:

— Эй, вы там! Галантные господа! Не сжалитесь ли вы над двумя бедными девушками, которые попали в затруднительное положение? Мы от души отблагодарим вас!

Всадники придержали лошадей. Можно было разглядеть только их силуэты в плащах с поднятыми воротниками и намокших шляпах. Они обменялись несколькими словами на непонятном языке. Потом к Анжелике протянулась рука и молодой голос сказал по-французски:

— Залезайте, моя прелестная госпожа.

Эта рука была очень сильной, и Анжелика мгновенно оказалась удобно сидящей за спиной всадника. Лошади снова тронулись рысью.

Полак хохотала, и, поняв, что человек, поднявший ее на свою лошадь, был иностранцем, начала обмениваться с ним шутками на

ломаном немецком, которому она успела научиться на полях сражений.

Спутник Анжелики сказал ей, не оборачиваясь:

— Держись крепче, моя девочка. У моей лошади очень неровная рысь, а седло узкое. Ты можешь упасть.

Она повиновалась, и, обхватив своими ледяными руками молодого человека, сцепила их на его теплой груди. Эта теплота, успокоила ее. Она уронила голову на широкую спину незнакомца и думала. Теперь она определенно знала, что должна сделать.

Они въехали в Париж. Спутник Анжелики заплатил за нее въездную пошлину в воротах Сен-Антони.

— Куда мне отвезти вас, моя красавица? — спросил он, на этот раз повернувшись и пытаясь рассмотреть ее лицо.

Она стряхнула с себя охватившее ее оцепенение.

— Мне не хотелось бы отнимать у вас много времени, сударь, но вы чрезвычайно выручили бы меня, если подвезли бы меня как можно ближе к Большому Шатле.

— Анжелика! — воскликнула Полак. — Ты собираешься сделать какую-то глупость. Будь осторожна.

— Оставь меня... и дай мне твой кошелек. Может быть, он мне еще понадобится.

— Ну что ж, в конце-то концов... — пробормотала Полак, пожав плечами.

Она спрыгнула на землю и начала пылко благодарить своего кавалера по-немецки; он, казался одновременно и восхищенным и смущенным такой неумеренной благодарностью.

Всадник, за которым сидела Анжелика, приподнял шляпу, прощаясь с остальными, после чего направил свою лошадь по широким и почти пустым улицам предместья Сен-Антони. Через несколько минут он остановился перед тюрьмой Шатле, которую Анжелика покинула всего несколько часов тому назад. Она спрыгнула с лошади. Большие факелы, укрепленные над главным входом в крепость, освещали пространство вокруг него. В их красноватом свете Анжелика могла получше рассмотреть своего услужливого спутника. Это был молодой человек лет двадцати-двадцати пяти, в удобной, но простой одежде простолюдина. Она сказала:

— Мне очень жаль, что вы из-за меня расстались со своими друзьями.

— Это не имеет никакого значения. Эти молодые люди не принадлежат к моей компании. Они иностранцы. А я француз и живу в Ла Рошели. Мой отец-судовладелец отправил меня в столицу. Я присоединился к этим иностранцам только потому, что встретился с ними в замке Шарантон, где мы слушали заупокойную службу. Так что, как видите, вы нисколько не нарушили мои планы.

Она протянула ему руку. Он взял ее и она увидела наклонившееся к ней серьезное и доброе молодое лицо, улыбающееся ей.

— Я был рад услужить вам, моя дорогая!

Она наблюдала, как он удалялся сквозь густую толпу на улице Гранд Бушери. Он не обернулся, но все равно эта встреча укрепила ее мужество.

Она решительно вошла под своды глазного входа и подошла к дверям караульной комнаты. Стражник остановил ее.

— Я хочу поговорить с капитаном королевской стражи.

Человек понимающе подмигнул ей.

— С Огре? Ну что ж, иди, моя милочка, раз он пришелся тебе по вкусу.

Комната была синей от табачного дыма. Войдя в нее, Анжелика машинально расправила мокрую юбку. Она заметила, что ветер сорвал с нее чепчик, и устыдилась своей остриженной головы. Сняв шейную косынку, она надела ее на голову, завязав кончики под подбородком.

После этого она двинулась вглубь зала. Около огня, горевшего в очаге, она увидела черную, массивную фигуру капитана. Он шумно разглагольствовал, держа в одной руке трубку с длинным мундштуком, а в другой — стакан вина. Его слушатели зевали и раскачивались на стульях. Они уже привыкли к его хвастовству.

— Смотрите, нас пришла навестить девушка, — заметил один из солдат, обрадовавшись этому вмешательству извне. Капитан вздрогнул и, узнав Анжелику, побагровел. Она не дала ему времени собраться с мыслями и закричала:

— Послушайте меня, капитан, и вы, господа из караула! Помогите мне! Цыгане похитили моего ребенка и увезли его из Парижа. Они расположились лагерем около моста Шарантон. Я умоляю вас отправиться со мной, нескольких человек, и заставить их вернуть мне мое дитя. Они должны послушаться, если им прикажет стража...

Последовало ошеломленное молчание, потом один из мужчин разразился хохотом.

— Лопни мои глаза! Ну, разве это не самая наглая девица, которую только можно встретить! Хо! Хо! Юбка, которая полагает, что стража ради нее пошевелится — ха-ха! Кем ты себя воображаешь, Маркиза?

— Она грезит, она думает, что она — королева Франции!

Хохотали все. Куда бы она ни повернулась, Анжелика видела только раскрытые рты и плечи, трясущиеся от неудержимого смеха. Единственным, кто не смеялся, был капитан, и на его багровом лице появилось ужасное выражение.

«Он собирается бросить меня в тюрьму, я пропала», — подумала Анжелика.

Она огляделась вокруг, охваченная паникой.

— Это восьмимесячный мальчик! — воскликнула она. — Он красив, как ангел. Он похож на ваших детей, которые сейчас спокойно спят в колыбелях около своих матерей... И цыгане увезут его с собой, далеко, далеко отсюда... Он никогда больше не увидит своей матери... Он никогда не будет знать ни своей родины, ни своего короля... Он...

Она задохнулась от рыданий. Смех начал замолкать, и веселое выражение постепенно исчезло с лиц окружавших ее солдат и стражников. Они уже смущенно переглядывались.

— Будь все проклято, — сказал старый солдат с лицом, покрытым шрамами, — если эта нищенка не обожает своего младенца... А ведь хватает таких, которые бросают свое отродье по всем уличным закоулкам...

— Тихо! — рявкнул капитан.

Он предстал перед молодой женщиной.

— Итак, — сказал он с угрожающим спокойствием, — мало того, что ты — совсем не бесхитростная девка, приговоренная к порке, так ты еще имеешь наглость явиться сюда, напустив на себя важный вид и чванясь, считаешь вполне естественным призвать на помощь военный патруль! А что ты предлагаешь взамен, Маркиза?

Она пылко взглянула на него:

— Себя.

Глазки колосса сузились, он вздрогнул.

— Иди сюда, — резко заключил он.

И он втащил ее в смежную комнату, служившую регистрационной конторой.

— Что именно ты хотела этим сказать? — проворчал он.

Анжелика проглотила комок в горле, но не отступила.

— Я имела в виду, что я сделаю все, что вы захотите.

Ее вдруг охватил безумный страх: может быть, он уже больше не хочет ее, считая ее ниже себя. Жизнь Кантора и Флоримона зависели от похоти этой скотины.

Огре принялся размышлять, а Анжелика вся трепетала.

В конце концов он протянул свои руки, схватил ее и подтащил к себе.

— Что я захочу, — сказал он со свирепым видом, — что я захочу...

Он колебался, и она не могла заподозрить, сколько робости скрывалось за его нерешительностью.

— Я хочу целую ночь, — сообщил он. — Ты поняла? Не короткое развлечение, как раньше, а целую ночь.

Он отпустил ее и снова взялся за свою трубку с мстительным и хмурым видом.

— Это научит тебя, как изображать из себя стеснительную скромницу! Ну как? Договорились?

Не в состоянии сказать что-нибудь, она сделала утвердительный знак.

— Сержант! — заорал капитан. Вбежал его подчиненный.

— Лошадей и пятерых людей. И пошевеливайся!

Маленький отряд остановился, увидев огни цыганского лагеря. Капитан отдал приказания:

— Я хочу, чтобы двое встали вон там, за маленьким деревом, на тот случай, если они побегут по открытой местности. А ты стой здесь, девица.

С обостренной интуицией животных, привыкших к ночи, цыгане уже смотрели на дорогу и начали собираться группами. Капитан и стражники двинулись вперед.

Анжелика слышала, как капитан, пересыпая свою речь обильными ругательствами, объяснил вождю племени, что все его люди, мужчины, женщины и дети, должны выстроиться в одну линию,

их будут пересчитывать. Это связано с событиями предыдущей ночи на Сен-Жерменской ярмарке. После этого их отпустят с миром.

Цыганские старейшины повиновались. Они были хорошо знакомы с беспокойными привычками полицейских всего мира.

— Иди сюда, девушка, — заорал капитан. Анжелика бросилась вперед.

— У вас находится ребенок этой женщины, — продолжал военный. — Верните его, или...

И только тут Анжелика увидела Кантора. Он спал на руках цыганки. С рычанием, как тигрица, бросилась Анжелика к женщине и выхватила у нее малыша. Он заплакал, цыганка закричала, но глава племени грубо приказал ей замолчать. Увидев вооруженных стражников, острия их алебард, блестящих в свете костра, он понял, что всякое сопротивление бесполезно.

Тем не менее, он принял чрезвычайно надменный вид, и заметил, что они заплатили за ребенка тридцать су. Анжелика швырнула ему эти деньги.

Кантор не выразил особого удовольствия от страстного объятия матери. С его умением приспособливаться к самым различным обстоятельствам, которые он демонстрировал уже с самого своего рождения, он был совершенно счастлив, пристроившись и около цыганки. Но крутая рысь лошади, на которой вместе с ним сидела Анжелика за спиной у одного из стражников, убаюкала его, и он уснул, сунув себе в рот палец. Он, казалось, совсем не страдал от холода, хотя был совершенно голым, как все цыганские младенцы. Анжелика прижала его к груди, и так держала одной рукой, уцепившись другой за пояс стражника.

В Париже добрые люди уже закрывали свои окна и снимали нагар со свечей. Дворяне и буржуа направлялись в театры и таверны. На интимных ужинах обменивались стаканами вина и галантными поцелуями.

Часы Шатле пробили десять. Анжелика спрыгнула на землю и подбежала к капитану.

— Позвольте мне отнести моего ребенка в безопасное место, — с мольбой сказала она. — Я клянусь вам, что приду обратно завтра ночью.

И, не зная, как убедить его в своей честности, она скрестила два пальца и плюнула на землю, как делали люди дна, когда хотели в чем-нибудь поклясться.

— Хорошо, — сказал капитан. — Мне не часто случалось видеть, чтобы эта клятва нарушалась. Я буду ждать тебя... но не заставляй меня ждать слишком долго. А пока что иди сюда и чмокни меня в качестве задатка.

Но она отпрянула и бросилась бежать. Как он смеет прикасаться к ней, когда она держит на руках свое драгоценное дитя! Мужчины ни с чем не считаются!

Улица Вале-де-Мизере находилась прямо за Шатле. До нее было всего несколько шагов. Не замедляя шага, она добежала до «Бронзового петуха», прошла через ресторан и вошла в кухню.

Барба еще сидела там, устало оципывая старого петуха. Анжелика завернула ребенка в фартук.

— Вот Кантор, — задыхаясь, проговорила она. — Посмотри за ним, защити его. Обещай мне, что ты не оставишь его, что бы ни случилось.

Растерянная Барба прижала к груди и ребенка и птицу.

— Я клянусь вам, мадам.

— Если твой хозяин Буржую придет в ярость...

— Пусть покричит, мадам. Я скажу ему, что это мой ребенок, и что его отцом был мушкетер.

— Очень хорошо... А теперь, Барба...

— Да, мадам?

— Возьми свои четки.

— Хорошо, мадам.

— И начинай молиться за меня Святой Деве...

— Да, мадам.

— Барба, у тебя есть водка?

— Да, мадам, вон там, на столе...

Анжелика схватила бутылку и сделала прямо из горлышка большой глоток. Ее качнуло, и чтобы не упасть на пол, она прислонилась к столу. Но через секунду перед глазами все снова прояснилось, и она почувствовала, как по всему ее телу разлилось благотворное тепло.

Барба смотрела на нее округлившимися глазами.

— Мадам — где ваши волосы?

— Почем я знаю, где они? — огрызнулась Анжелика. — У меня есть занятия поважнее, чем поиски моих волос.

Она решительно направилась к двери.

— Куда вы, мадам?

— Я иду за Флоримоном.

Глава 13

На углу, около грязного дома, стояла статуя бога жуликов: скульптура Небесного Отца, украденная из церкви Сен-Пьер. Единственными молитвами, которые обращали к нему эти люди, были богохульства и непристойности.

За ней, через лабиринт отвратительных, вонючих переулков, можно было попасть в королевство мрака и ужаса. Статуя Небесного Отца означала рубеж, за который не мог осмелиться проникнуть ни один полицейский или стражник, не рискуя расстаться с жизнью. Порядочные люди тоже никогда не пересекали эту границу. Да и что им было делать в этих безымянных трущобах, где разрушающиеся старые дома, грязные лачуги, ветхие повозки и кареты, старые мельницы и баржи, бог знает как доставленные сюда, служили пристанищем тысячам семей, которые были сами без имен и, без всяких корней, и, кроме дна, не имели места в этом мире.

Анжелика поняла, что она вошла во владения Великого Кезра по еще более глубокой темноте, по особому рода тишине, окутавшей ее. Песни, долетавшие из таверн, затихали где-то в отдалении. Здесь не было ни таверн, ни песен, ни огней. Ничего, кроме ничем не покрытой нищеты, с ее зловонием, ее крысами, ее рычащими псами...

Анжелика бывала здесь и раньше, но всегда в дневное время и с Каламбреном. Он показал ей собственную цитадель Великого Кезра, странный дом в несколько этажей, должно быть, служивший раньше монастырем, потому что и сейчас еще можно было различить колоколенки и монастырские аркады среди земляных куч, старых досок, столбов и камней, которые укрепляли его, не давая ему рухнуть. Шаткий и раскачивающийся, подпертый со всех сторон, зияющий провалами пустых окон и аркад, чванящийся плюмажем из своих башенок, это был поистине дворец Короля Нищих!

Великий Кезр жил здесь вместе со своим двором, своими женщинами, своими телохранителями, своим идиотом. И здесь, под крылышком своего великого хозяина, Протухший Жан держал украденных детей — как незаконнорожденных, так и законных.

Инстинкт говорил ей, что Флоримон находится именно там; она шла под прикрытием черной, как смоль, темноты. Встречавшиеся ей тени не обращали внимания на эту оборванную женщину, походившую на обитательницу жалких лачуг. Подойди кто-нибудь к ней, она бы не вызвала никаких подозрений. Она была достаточно хорошо знакома с языком и повадками жителей дна.

Она обладала единственной маскировкой, которая могла ей позволить безнаказанно пройти через этот ад — нищетой и печатью падения.

И тем не менее, ей следовало соблюдать осторожность, чтобы ее не узнали. В этом районе жили две банды, соперничающие с бандой Каламбредена. Что могло бы случиться, заметь кто-то, что Маркиза Ангелов бродит поблизости? Ночная охота зверей в гуще леса далеко не так безжалостна, как погоня людей за одним из своих ближних в самом сердце города!

Для большей безопасности она вымазала лицо грязью.

В этот час дом Великого Кезра отличался от всех остальных домов в этом районе тем, что был освещен. В окнах тут и там можно было увидеть тусклые красноватые огоньки ночников, устроенных из бутылок, с налитым в них маслом и опущенным в масло фитилем из старой тряпки. Спрятавшись за столб у входа, Анжелика некоторое время наблюдала за домом. Это был еще и самый шумный дом. Он был местом сборищ нищих и бандитов, точно так же, как Нельская башня служила местом встреч людей Каламбредена. Поскольку ночь была холодной, все окна закрыли старыми досками.

Наконец Анжелика подошла к одному из окон и заглянула внутрь сквозь щель. Комната была набита людьми. Она узнала некоторые знакомые лица: Маленького Евнуха, Жана Седобородого, главного придворного с его развевающейся бородой, и, наконец, Протухшего Жана.

Он протягивал свои белые руки к огню и говорил с Седобородым.

— Вот это я и называю успешной операцией, мой дорогой учитель. Полиция не только не причинила нам никакого вреда, но еще и невероятно помогла нам прикончить банду этого наглого Каламбредена.

— Мне кажется, что ты сильно преувеличиваешь, когда говоришь, что полиция не причинила нам вреда. Пятнадцать наших человек

повешены, без суда и следствия, на виселице Монтфуко! И мы даже не уверены, болтается ли вместе с ними и Каламбретен!

— Фу! В любом случае, он разбит и уже не сможет вернуться... если он вообще вернется, в чем я сомневаюсь. Родогон занял все его места.

Седобородый вздохнул.

— Значит, вскоре нам придется вступить в борьбу с Родогоном. Нельская башня, которая стоит на подступах к Понт-Нефу и Сен-Жерменской ярмарке, — опасный стратегический пункт. Бывало, когда я учил истории этих бездельников в коллеже Наварры...

Протухший Жан не стал его слушать.

— Что касается меня, я не возражаю, чтобы время от времени устраивались такие маленькие перевороты. Какие прекрасные трофеи я захватил в Нельской башне! Почти двадцать выродков, которые принесут мне чистую прибыль в звонких монетах.

— А где твои херувимчики?

Протухший Жан жестом указал на растрескавшийся потолок.

— Там наверху, заперты на ключ... Мадлен, девочка моя, иди сюда и покажи мне твоего сосунка.

Толстая неповоротливая женщина отняла от своей груди ребенка и протянула его отвратительному созданию.

— Ну разве он не прекрасен, этот маленький мавр? Когда он вырастет, я продам его ко двору, нарядив в костюм из голубого шелка.

В этот момент один из оборванцев начал играть на тростниковой дудке, а двое других принялись отплясывать крестьянский танец. Анжелика ничего больше не слышала из разговора Протухшего Жана и Седобородого.

Но кое-что она теперь знала совершенно определенно. Дети, украденные из Нельской башни, находились здесь, и, очевидно, были заперты в комнате, которая расположена прямо над главным залом.

Она очень медленно обошла дом кругом. Наконец, она нашла открытый проход, который вел к лестнице. Слева от лестницы была комната, где мерцал тусклый светильник. Анжелика сбросила башмаки и начала босиком подниматься по шатким ступенькам. Она увидела, что в стены комнаты, которая находилась в начале коридора, были вделаны кольца с цепями. Кого они тут заковывали?.. Кого они тут мучили?.. Она вспомнила, что люди рассказывали, будто Протухший

Жан во время гражданских войн похищал молодых людей и одиноких крестьян, чтобы перепродавать их вербовщикам рекрутов... Тишина этой части дома наводила ужас.

Анжелика продолжала продвигаться вперед. Прошмыгнувшая мимо крыса так испугала ее, что она чуть не вскрикнула, но подавила свой крик.

Теперь до нее из глубин дома донесся какой-то новый звук.

У Анжелики сжалось сердце: это был детский плач, становящийся все отчетливее. Она представила себе Флоримона, его испуганные черные глаза, слезы, бегущие по бледным щекам. Он боялся темноты. Он звал на помощь... Она пошла быстрее, миновала еще один пролет лестницы, прошла через две пустые комнаты, освещенные угрюмым светом маленьких ламп. Здесь она заметила на стенах медные гонги; вместе со связками соломы, брошенными на пол, и несколькими кружками, валяющимися на полу, это были единственные предметы обстановки зловещего дома.

Анжелика вошла в маленькую комнату с левой стороны коридора. В нише мерцал светильник, но никого не было видно. И тем не менее именно отсюда доносился плач. Потом она заметила в глубине комнаты тяжелую дверь со множеством запоров. Это была первая дверь, которую она встретила, все остальные комнаты дверей не имели.

В двери было маленькое зарешеченное отверстие. Она ничего не могла разглядеть сквозь него, но поняла, что дети были заперты в этой темнице без света и воздуха. Как ей привлечь внимание перепуганного двухлетнего малыша?

Она прижалась губами к прутьям решетки и нежно позвала:

— Флоримон! Флоримон!

Рыдания стали тише, потом чей-то голос прошептал:

— Это ты, Маркиза Ангелов?

— Кто это?

— Это я, Лино. Протухший Жан схватил меня вместе с Флипо и другими.

— Флоримон с тобой?

— Да.

— Он плачет?

— Он плакал, но я сказал ему, что ты придешь и заберешь его.

— Потерпите, я выручу вас, — пообещала Анжелика. Она отступила назад и осмотрела дверь. Запоры выглядели крепкими, но, может быть, удастся выдернуть дверные петли из осыпающихся стен. Она начала скрести штукатурку ногтями.

Потом она услышала у себя за спиной какой-то странный звук. Он походил на кудахтанье, поначалу сдавленное, но потом становился все громче, и наконец превратился в раскатистый смех.

Анжелика резко обернулась и увидела в дверях комнаты Великого Кезра.

Чудовище помещалось на низкой платформе с четырьмя колесами, на которой он, отталкиваясь руками, перемещался по коридорам своего жуткого лабиринта.

Стоя на пороге комнаты, он не отрывал от Анжелики взгляда. А она, парализованная страхом, узнавала привидение, явившееся ей на кладбище Святых Младенцев.

Он продолжал смеяться с завываниями и ужасной икотой, сотрясавшей его искалеченный торс и короткие, слабые и тонкие ножки. Потом, не переставая смеяться, он снова начал передвигаться. Она, как зачарованная, следила за движением этой скрипучей маленькой тележки. Он направлялся не к ней, а пересекал комнату, и тогда она вдруг увидела висевший на стене медный гонг, такой же, как и те, что она видела в других комнатах. Около него лежал на земле железный прут.

Великий Кезр собирался ударить в гонг, и в ответ на его призыв в комнату ворвутся из глубин дома, бросившись к Анжелике, бросившись к Флоримону, все нищие, все бандиты, все демоны этого ада...

Глаза зверя, лежавшего с перерезанным горлом, начинали стекленеть.

— Ох! Ты убила его! — сказал чей-то голос.

На том же самом пороге, где только минуту назад появился Великий Кезр, стояла молодая девушка, скорее, даже ребенок, с личиком мадонны.

Анжелика посмотрела на лезвие своего кинжала, красное от крови. Потом она тихо сказала:

— Не кричи, или мне придется убить и тебя тоже.

— Ох, нет! Я не закричу, потому что я так рада, что ты его убила!
Она подошла ближе.

— Ни у кого не хватало мужества убить его, — пробормотала она.
— Все его боялись. А он был всего лишь мерзким маленьким уродом.
Потом она перевела свои большие черные глаза на Анжелику.

— Но теперь тебе надо быстро улизнуть.

— Кто ты?

— Я Розина — последняя жена Великого Кезра.

Анжелика засунула кинжал обратно за пояс. Протянув дрожащую руку, она прикоснулась к свежей, розовой щечке.

— Розина, помоги мне. Мой ребенок за этой дверью. Протухший Жан запер его. Я должна вернуть его.

— Второй ключ к двери здесь, — сказала девушка. — Протухший Жан позволял Великому Кезру держать его у себя. Он на этой тележке.

Она наклонилась над безжизненной, отвратительной грудой. Анжелика не могла смотреть на это. Потом Розина выпрямилась.

— Вот он.

Она сама вставила ключ в скважину, заскрежетали замки. Дверь отворилась. Анжелика ворвалась в темницу и схватила Флоримона, которого держал на руках Лино. Ребенок не кричал, не плакал, он был холодным, как лед, и вцепился в нее с такой силой, что она не могла перевести дыхания.

— Теперь помоги мне выбраться отсюда, — сказала она Розине.

Лино и Флипо уцепились за ее юбку. Она высвободилась.

— Я не могу взять вас всех с собой.

Она снова выдернула свою юбку из грязных детских рук, но мальчишки побежали за ней.

— Маркиза Ангелов, Маркиза! Не оставляй нас!

Внезапно Розина, тащившая их к лестнице, приложила к губам палец.

— Тшш! Кто-то поднимается.

Ниже этажом раздавались чьи-то тяжелые шаги.

— Это Бавоттан, идиот. Идите сюда.

Она отчаянно помчалась. Анжелика следовала за ней вместе с двумя детьми. Когда они уже выскочили на улицу, из недр дома донесся нечеловеческий крик. Это идиот Бавоттан изливал свою

скорбь перед трупом царственной лягушки, на которую он так долго расточал свою нежность и заботы.

— Бежим! — снова сказала Розина.

И они обе, в сопровождении задыхающихся мальчиков, бросились сквозь путаницу темных переулков. Их босые ноги скользили по грязным камням. Наконец молодая девушка остановилась.

— Вот и огни, — сказала она. — Это улица Сен-Мартин.

— Мы должны бежать дальше. Они могут преследовать нас.

— Бавоттан не умеет говорить. Никто ничего не поймет; они могут даже подумать, что это он его убил. Они выберут другого Великого Кезра. Я никогда больше не вернусь туда. Я останусь с тобой, потому что ты убила его.

— А что, если Протухший Жан сумеет найти нас? — спросил Лино.

— Он не найдет вас. Я сумею защитить вас всех.

Розина показала на светлое пятно, видневшееся в дальнем конце улицы, на фоне которого казались бледными огни фонарей.

— Смотри, ночь прошла.

Глава 14

В аббатстве Сен-Мартин де Шамп каждое утро готовили суп для бедняков. Прекрасные дамы, приехавшие сюда прослушать раннюю мессу, помогали монахиням в этом благочестивом занятии.

Бедняки, зачастую не имевшие другого места для ночлега, кроме как около пограничного столба, находили в этой большой трапезной недолгий отдых. Каждый получал здесь по миске горячего супа и булочке.

Анжелика случайно забрела сюда, неся на руках Флоримона и сопровождаемая Розиной, Лино и Флипо. У всех пятерых были грязные, осунувшиеся лица. Они присоединились к целой толпе обездоленных и уселись на деревянные скамьи, стоящие перед длинными деревянными же столами. Появились прислужницы с большими суповыми мисками.

Запах супа был необыкновенно аппетитным, но Анжелика, прежде чем насытить свой голод, хотела накормить Флоримона. Она нежно поднесла миску к губам ребенка.

Только теперь, при дневном свете, проникшем через тусклое стеклянное окно, она как следует разглядела его. Глаза были полузакрыты, нос заострился... Он дышал очень часто, как будто его сердце, охваченное ужасом, все еще не могло войти в обычный ритм. Он равнодушно позволил супу скатиться с его губ. Но теплота жидкости, тем не менее, оживила его. Он с трудом сделал глоток, потом протянул руки к миске и начал жадно пить.

Анжелика, не отрываясь, смотрела на это жалкое, несчастное личико под копной темных, всклокоченных волос.

«Так вот что ты сделала, — сказала она себе, — с сыном Жоффрея де Пейрака, наследником Графов Тулузских, ребенком Цветочных Игр, рожденным для света и радости...»

Она пробудилась от своего долгого оцепенения, осознав ужас и крушение своей жизни. Дикая ярость на себя и на весь мир нахлынула на нее, словно прилив. В этот момент, когда она должна была бы чувствовать только невероятное потрясение и опустошение после ужасной ночи, она вдруг ощутила в себе огромную силу.

«Никогда больше... — сказала она, — никогда больше он не узнает ни голода... ни холода... ни страха. Я клянусь в этом».

Но разве не холод, голод и страх ожидали их за воротами Сен-Мартинского аббатства?

«Я должна что-то придумать. И немедленно».

Анжелика огляделась вокруг. Она была всего лишь одной из несчастных матерей, тех бедных, которым ничего не позволено, над которыми покровительственно склонялись роскошно одетые дамы, раздававшие милостыню, прежде чем вернуться к своим сплетням в литературных «альковах» или к своим придворным интригам. Они переходили от одной несчастной к другой, в своих мантильях, приколотых к волосам, чтобы спрятать сверкание жемчужин, в фартучках, приколотых к бархату и шелкам. За ними следовали прислужницы с корзинами, из которых дамы вынимали пирожные, фрукты, иногда пирог или кусочек цыпленка, — остатки со столов принцев.

— О, моя дорогая! — сказала одна из них. — Это большая смелость с твоей стороны в твоем положении встать так рано, чтобы раздавать милостыню. Господь наградит тебя за это.

— Я тоже надеюсь на это, моя дорогая.

Смех, последовавший за этими словами, показался Анжелике знакомым. Она посмотрела вверх и узнала герцогиню де Суассон, которой рыжеволосая Бертиль подавала в это время темно-малиновый шелковый плащ. Герцогиня плотно закуталась в него.

— Господь был не слишком милосерден, — сказала она аббатисе, сопровождавшей ее до двери, — когда заставил женщину девять месяцев носить в своем чреве плод минутного наслаждения.

— А что бы оставалось нам, монахиням, если бы все минуты этой земной жизни были наполнены наслаждением? — с улыбкой ответила монахиня.

Анжелика резко поднялась и протянула сына Лино.

— Возьми Флоримона.

Но ребенок уцепился за нее, пронзительно закричав. Она поняла, что ей придется не расставаться с ним, и сказала остальным:

— Оставайтесь здесь и не двигайтесь с места.

Карета ожидала на улице Сен-Мартин. Когда герцогиня де Суассон уже собиралась сесть в нее, оборванная женщина с ребенком

на руках подошла к ней и сказала:

— Мадам, мой ребенок умирает от голода и холода. Прикажите своему лакею отнести по адресу, который я ему укажу, полную тачку дров, миску супа, хлеб, одеяла и одежду.

Знатная дама с изумлением уставилась на нищенку.

— Ты довольно нагло себя ведешь, дочь моя. Разве ты не получила свою миску супа?

— Я не могу существовать только с одной миской супа, мадам. То, что я у вас прошу, ничего не значит для вас, при вашем огромном богатстве. Всего лишь тачка дров и пицца, которую вы будете посылать мне до тех пор, пока я не смогу обходиться без них.

— Невероятно! — воскликнула герцогиня. — Ты слышала это, Бертиль? Бесстыдство этих попрошаек с каждым днем становится все неслыханнее! Оставь меня в покое, женщина! Не прикасайся ко мне своими грязными руками! Или тебя поколотят мои лакеи.

— Берегитесь, мадам, — сказала Анжелика очень тихо, — берегитесь, как бы я не рассказала о сыне Куасси-Ба!

Герцогиня, которая уже подобрала юбки, чтобы залезть в карету, так и застыла на месте с ногой, поднятой в воздух. Анжелика продолжала:

— Я знаю дом в предместье Сен-Дени, где воспитывается ребенок мавра...

— Говори тише, — пробормотала мадам де Суассон. — Ну так и что?

И, чтобы сохранить невозмутимый вид, она раскрыла веер и начала им обмахиваться, хотя в этом не было никакой нужды, потому что дул резкий, холодный ветер.

— Я знаю о ребенке мавра... Он родился в Фонтенбло в известный мне день, и его матерью была женщина, имя которой я назову любому, кто им заинтересуется. Вы представляете, как будет веселиться весь двор, узнав, что мадам де Суассон носит в чреве своего ребенка целых тринадцать месяцев?

— О! Свинья! — заорала прекрасная Олимпия, которая никогда не умела как следует справляться со своим южным темпераментом.

Она уставилась на Анжелику, пытаясь узнать ее, но молодая женщина опустила глаза, уверенная, что никто не подумает, при ее

теперешнем жалком состоянии, искать какое-то сходство между ней и блестящей графиней де Пейрак.

— Нет, этого достаточно! — сказала герцогиня де Суассон, совершенно взбешенная. Она торопливо направилась к своей карете. — Ты заслуживаешь порки. Я хочу, чтобы тебе было известно, что я не люблю, когда меня дурачат.

— Король этого тоже не любит, — пробормотала следовавшая за ней Анжелика.

Знатная дама залилась краской и, откинувшись на бархатных подушках, начала в волнении расправлять свои юбки.

— Король!.. Король!.. Послушать только, как эта нищая оборванка рассуждает о короле! Это невыносимо! Ну так что?.. Что ты хочешь?..

— Я уже говорила вам, мадам. Очень немного: полную тачку дров, теплую одежду для себя и своего малыша, а также для моих мальчиков в возрасте восьми и десяти лет, немного пищи...

— Ох! Как унижительно вести подобный разговор! — сказала мадам де Суассон, кусая свой кружевной платочек. — И подумать только, что этот болван, лейтенант полиции, поздравлял себя с тем, что эта операция на Сен-Жерменской ярмарке заставила вездесущих бандитов присмиреть... Чего вы дожидаетесь, почему не закрываете дверцы кареты? — закричала она на своих лакеев.

Один из них, выполняя приказ своей госпожи, отпихнул Анжелику в сторону, но она и не подумала считать себя побежденной и снова подошла к карете.

— Могу я явиться к вам на улицу Сен-Оноре?

— Можете, — отрывисто сказала герцогиня.

Вот так и случилось, что метр Буржо, поставщик провизии с улицы Вале-де-Мизере, стал свидетелем странной процессии, появившейся перед его домом, в то время как он сидел над своей первой пинтой вина и печально размышлял о том, что мадам Буржо обычно пела ему в этот час веселые песенки.

Перед семейством оборванцев, состоявшим из двух молодых женщин и троих детей, шел лакей в вишневой ливрее герцогского дома, кативший тачку, нагруженную дровами и провизией. Дополняла картину маленькая обезьянка, восседавшая поверх поклажи, которая, казалось, была в восторге от своего способа передвижения и строила

рожи проходим. Один из мальчиков держал шарманку и весело играл на ней.

Метр Буржю подскочил, выругался, грохнул кулаком по столу и появился в кухне в тот самый момент, когда Анжелика передавала Флоримона в руки Барбы.

— Что... что это? — пробормотал он, заикаясь. — Или ты собираешься сказать мне, что и этот тоже твой? Мне, который всегда считал тебя достойной, порядочной девушкой?

— Метр Буржю, послушайте меня...

— Ничего не желаю слушать! Ты превратила мою харчевню в приют для подкидышей! Я опозорен...

Он швырнул на землю свой поварской колпак и выбежал, собираясь крикнуть стражу.

— Подержи малышей в тепле, — посоветовала Анжелика Барбе. — Я пойду разожгу огонь в твоей комнате.

Растерянный и негодующий лакей мадам де Суассон должен был затащить дрова на седьмой этаж по шаткой лестнице и сложить их в маленькой комнате, в которой не было даже приличной кровати с пологом.

— И не забудь сказать мадам де Суассон, что она должна присылать мне все это каждый день, — сказала ему Анжелика.

— Слушай, девушка, если ты хочешь, чтобы я дал тебе совет...

— Я не нуждаюсь в твоих советах, деревенщина, и запрещаю тебе разговаривать со мной так фамильярно, — отрезала Анжелика тоном, который плохо согласовывался с ее изодранным корсажем и остриженными волосами. Лакей спустился по лестнице, чувствуя себя, как и метр Буржю, опозоренным.

Немного погодя, по лестнице вскарабкалась Барба, несущая на руках Флоримона и Кантора. Она увидела, что Лино и Флипо раздувают великолепный огонь. Жара была уже невыносимой, и у них были пунцовые щеки. Барба сообщила, что хозяин все еще в ярости, и его бурные вспышки напугали Флоримона.

— Оставь их здесь, теперь уже тепло, — сказала Анжелика, — и иди выполняй свои обязанности, Барба. Ты не сердись на меня за то, что я пришла к тебе со своими детьми?

— О, мадам! Это великая радость для меня.

— Мы должны приютить также и их, — сказала Анжелика, указывая на Розину и двух мальчиков. — Если бы ты только знала, откуда они пришли сюда!

— Мадам, моя бедная комната в вашем распоряжении.

— Ба-р-ба!..

Со двора донесся рев метра Буржую. Его вопли разносились по всей округе. Мало того, что оборванцы ворвались в его дом, так еще и его служанка совсем потеряла голову. Она позволила сгореть шести каплунам, насаженным на вертел!.. И что означал сноп искр, вырывающихся из трубы — той самой трубы, которой не пользовались вот уже пять лет? Дом загорится!.. Это его окончательное разорение. Ах, почему мадам Буржую умерла!..

Среди запасов провизии, посланной мадам де Суассон, был мясной бульон, суп, отличные овощи. Кроме того, там были две булки хлеба и кувшин с молоком. Розина опустила вниз и принесла ведро воды из колодца, которую они нагрели на каминной решетке. Анжелика выкупала обоих детей, завернула их в теплые одеяла, переодела в чистую одежду. Никогда больше они не узнают голода, никогда больше не будут мерзнуть!

Кантор сосал взятое на кухне крылышко цыпленка. Он ворковал и играл своей маленькой ножкой. Флоримон, казалось, все еще не мог придти в себя. Он быстро уснул, потом с криком проснулся. Он дрожал, и она не могла понять, чем была вызвана эта дрожь — страхом или лихорадкой. Но после купания он уснул спокойным сном.

Анжелика отослала из комнаты Флипо и Лино, и, в свою очередь, вымылась в лохани, которая обычно служила для омовений скромной служанки.

— Как ты прекрасна! — воскликнула Розина. — Я не знаю, кто ты, но, наверное, ты одна из девушек Красавчика.

Анжелика энергично скребла свою голову, обнаружив, что очень легко мыть волосы, когда от них почти ничего не осталось.

— Нет, я — Маркиза Ангелов.

— О! Так это ты! — воскликнула пораженная молодая девушка. — Я так много слышала о тебе. Это правда, что Каламбредена повесили?

— Я не знаю, Розина. Ты видишь, мы с тобой в очень простой, очень приличной маленькой комнатке. Вот распятие на стене. Ты не должна больше говорить обо всем этом.

Она набросила на себя грубую льняную сорочку, надела темно-синий саржевый лиф и такую же юбку из присланных даров. Изящная фигура Анжелики исчезла под этой грубой, бесформенной одеждой; но она была чистой, поэтому Анжелика почувствовала огромное облегчение, бросив на пол свои грязные лохмотья.

Она достала маленькое зеркало из шкатулки, за которой ходила на улицу Вал-д'Амур. Она хранила в этой шкатулке самые разнообразные предметы, в том числе и черепаховый гребень. Она причесалась, и ее лицо, обрамленное коротко остриженными волосами, показалось ей совсем незнакомым.

— Это в полиции тебе остригли волосы? — спросила Розина.

— Да... ну и бог с ними! Они отрастут снова. Но, Розина, что это у меня тут?

Розина посмотрела.

— Это прядь седых волос, — сказала она.

— Седых волос! — в ужасе повторила Анжелика. — Но этого не может быть! Я... еще вчера у меня не было ничего подобного, я в этом уверена...

— Но это в самом деле так. Может быть, это за прошлую ночь?

— Да, в прошлую ночь...

Почувствовав слабость в ногах, Анжелика опустилась на кровать.

— Розина... Я стала старой?

Молодая девушка, опустившись на колени перед кроватью, серьезно и внимательно посмотрела на нее, потом погладила ее по щеке.

— Мне так не кажется. У тебя совсем нет морщин, и кожа такая гладкая.

Анжелика постаралась спрятать злополучную прядь под другими, насколько это было возможно при такой прическе. Потом она повязала голову черным атласным шарфом.

— Сколько тебе лет, Розина?

— Я не знаю. Вероятно, четырнадцать или пятнадцать.

— Теперь я тебя вспомнила. Я видела тебя на кладбище Святых Младенцев однажды ночью. Ты шла в процессии Великого Кезра, и

твоя грудь была обнажена. Это было зимой. Разве ты не умирала от холода, обнаженная почти до пояса?

Розина подняла на Анжелику свои большие темные глаза, и та могла прочесть в них смутный упрек.

— Ты сама сказала, что мы больше не должны вспоминать об этом, — пробормотала она.

В этот момент в дверь забарабанили Флипо и Лино. Они весело ворвались в комнату. Барба украдкой сунула им сковородку, кусок сала и кувшин с тестом. Они собрались печь блины.

Во всем Париже в этот вечер не было места веселее, чем маленькая комнатка на улице Вале-де-Мизере. Анжелика подбрасывала на сковородке блины; Лино играл на шарманке старого Тибо. Полак подобрала инструмент около пограничного столба и вернула его внуку старого музыканта. Никто не знал, что стало со стариком в этой потасовке.

Немного позже пришла Барба со свечой. Она сказала, что в этот вечер к ним не зашел ни один покупатель, и что метр Буржую в негодовании закрылся у себя. В довершение всех его несчастий, у него украли часы. Поэтому Барба освободилась раньше обычного. Когда она уже заканчивала свое повествование, ее взгляд упал на странный ассортимент предметов, находившихся на крышке сундука, где она хранила свою одежду. Здесь были две терки для табака, кошелек с несколькими экю, пуговицы, крючок, и, прямо в центре всей этой кучи...

— Но... ведь это часы метра Буржую! — воскликнула она.

— Флипо! — закричала Анжелика. Мальчик напустил на себя скромный вид.

— Да, это я. Когда спускался на кухню за тестом для блинов.

Анжелика ухватила его за уши и сурово оттрепала.

— Если ты, отпрыск карманников, попробуешь сделать это еще раз, я выкину тебя вон, и можешь тогда отправляться обратно к Протухшему Жану.

Безутешный парень отправился в угол комнаты, где лег и мгновенно уснул. Лино последовал его примеру. Потом и Розина полулегла, устроившись поперек тюфяка. Малыши уже спали.

Только Анжелика, стоявшая на коленях перед камином, не спала, бодрствуя вместе с Барбой. Она не слышала ни звука извне, потому что

комната выходила во двор, а не на улицу, где в этот час суток начинали собираться игроки и гуляки.

— Часы на Шатле пробили девять, — сказала Барба.

Она удивилась, увидев, что у Анжелики внезапно исказилось лицо, после чего она резко вскочила. Какое-то мгновение молодая женщина стояла, не отводя взгляда от спящих Флоримона и Кантора. Потом она направилась к двери.

— Увидимся завтра, Барба, — прошептала она.

— Куда мадам уходит?

— Мне осталось еще одно дело, — сказала Анжелика. — После этого все будет позади. Можно будет снова начинать жить.

Глава 15

Всего несколько шагов отделяло улицу Вале-де-Мизере от Шатле. Из «Бронзового петуха» можно было увидеть заостренный купол большой крепостной башни.

Вскоре Анжелика оказалась перед главным входом в тюрьму, украшенным по бокам двумя небольшими башенками и увенчанным колокольней с часами.

Как и в прошлую ночь, проход под аркой был освещен факелами. Анжелика подошла к дверям, потом отпрянула и, отбежав назад, начала бродить по ближайшим улицам, надеясь на какое-то чудо, которое вдруг разрушит этот зловещий замок, чьи толстые стены уже выдержали натиск полдюжины столетий. Приключения последнего дня почти полностью стерли в ее памяти воспоминание об обещании, данном ею капитану стражи. Но слова Барбы напомнили ей о нем. Теперь пришел час, когда она должна была сдержать свое слово.

«Надо идти, — сказала она себе, — блуждание здесь не поможет. Я должна пройти через это».

Она повернула обратно к тюрьме и, выйдя под арку, отступила в сторону, уступая дорогу похоронной процессии, которая выходила из тюрьмы. Впереди шел человек со смоляным факелом. За ним двое несли похоронные носилки. За ними следовало еще две пары носилок, и воздух так наполнился ужасным трупным запахом, что не стало ощущаться зловоние, доносившееся с ближайших улиц.

На этих носилках, по приказу лейтенанта полиции, переносили останки тех утопленников, которые в течение нескольких дней были выставлены в нижнем помещении тюрьмы, но так и не были никем опознаны. Теперь их должны были передать монахиням Госпиталя Святой Екатерины, которые по своему уставу были обязаны обмыть, одеть в саван и похоронить в особой могиле эти печальные человеческие останки.

Анжелика содрогнулась и поспешила в караульную комнату.

— А! Это ты, — сказал капитан.

Он сидел, положив ноги на стол, и курил.

— Я не верил, что она вернется, — сказал один солдат.

— А я верил, — заявил капитан. — Я видел мужчин, которые нарушали свое слово, но юбка этого никогда не сделает. Не так ли, моя любимая?

Она бросила ледяной взгляд на его румяное лицо. Капитан протянул руку и дружески ущипнул ее.

— Тебя отведут к хирургу, чтобы он дал тебе умыться и посмотрел, не больна ли ты. Если больна, он даст тебе какую-нибудь мазь. Я, видишь ли, очень разборчивый парень. Отправляйся!

Солдат отвел Анжелику к хирургу. Он был занят любезным разговором с одной из тюремных матрон.

Анжелике пришлось лечь на скамью и подвергнуться отвратительному осмотру.

— Можешь сказать своему капитану, что она чиста, как глотка, и свежа, как маргаритка, — крикнул хирург вслед удаляющемуся солдату. — Такие нечасто встречаются здесь!

Матрона отвела ее в комнату «капитана, пышно именуемую «апартаментами». Она осталась одна в этой комнате, окна которой были закрыты решетками, как в тюрьме, а толстые стены виднелись между обтрепанными ветхими гобеленами. Светильник на столе, между саблей и чернильницей, не мог рассеять тени, сгустившиеся под сводчатым потолком. Комната пропахла кожей, табаком и вином. Анжелика осталась стоять, не в состоянии сесть или сделать что-то, почти больная от нервного напряжения, и, по мере того, как проходило время, совершенно окоченевшая, потому что комната была наполнена промозглой сыростью.

Наконец она услышала в коридоре оглушительный шум, поднятый капитаном, и он ввалился в комнату, извергая поток ругательств. Швырнув шпагу и пистоль на стол, он с громким пыхтением уселся, и, протянув Анжелике ногу, скомандовал:

— Сними с меня сапоги!

Анжелике кровь бросилась в голову.

— Я вам не служанка!

— Что, будь я проклят! — воскликнул капитан, упираясь руками в колени, чтобы получше разглядеть ее.

Анжелика сказала себе, что вызвать гнев в Огре в тот момент, когда она полностью была в его власти, было чистым безумием. Поэтому она попыталась смягчить свой отказ.

— Я бы с радостью это сделала, но я ничего не понимаю в военной одежде. У вас такие большие сапоги, а у меня такие маленькие руки. Вот посмотрите.

— Они и вправду маленькие, — согласился он. — У тебя руки герцогини.

— Я могу попытаться...

— Ладно уж, воробей, — проворчал он, отпихнув ее. Ухватившись за сапог, он начал стаскивать его, охая и гримасничая. Но тут послышался звук шагов по плитам коридора, и чей-то голос позвал:

— Капитан! Капитан!

— В чем дело?

— Принесли труп, выловленный около Петит-Пот.

— Отправьте его в морг.

— Да... Только у него распорот живот. Вы должны составить отчет.

Капитан разразился таким богохульством, что от него вполне могли обрушиться ближние церковные башни, и вышел.

Анжелика опять принялась ждать, все более и более замерзая. Она уже начала надеяться, что вся эта ночь так и пройдет, или капитан не вернется, или — кто может знать? — что он может погибнуть, когда Шатле опять наполнилась раскатами его мощного голоса. Его сопровождал солдат.

— Сними с меня сапоги, — приказал он. — Хорошо. А теперь пошел вон! А ты, девушка, прыгай в кровать, вместо того, чтобы стоять здесь, вытянувшись, как шомпол, и лязгать зубами.

Анжелика повернулась и направилась к алькову. Она начала раздеваться. В желудке у нее как будто застрял какой-то огромный комок. Она заколебалась, надо ли ей снимать сорочку, и в конце концов решила остаться в ней. Потом она залезла на кровать, и, несмотря на все ее опасения, ее охватило чувство блаженства, когда она натянула на себя теплые одеяла. Перина была мягкой, и она постепенно начала согреваться. Укрывшись простыней до самого подбородка, она наблюдала, как раздевается капитан.

Тень от его огромной фигуры занимала целую стенную панель. Он снял свой невероятных размеров темный парик и тщательно повесил его на подставку. Потом, энергично поцарапав свой череп, принялся стаскивать одежду.

Без сапог и парика, совершенно обнаженный, капитан охраны казался еще более внушительным. Она слышала, как он плещется в лохани с водой, потом он появился вновь, со стыдливо повязанным вокруг пояса полотенцем.

В этот момент снова послышался стук в дверь.

— Капитан! Капитан!

Он пошел к двери, чтобы открыть ее.

— Капитан, караул вернулся с сообщением, что на улице Мучеников ограблен дом, и...

— Будь ты проклят, чтоб тебя разорвало! — загремел капитан. — Когда ты только поймешь, что если где-то и есть мученик, так это я! Неужели ты не видишь, что у меня в кровати лежит маленький цыпленочек, который дожидается вот уже три часа?

Он захлопнул дверь, с шумом задвинул запор и некоторое время так и остался стоять у двери, огромный, голый, извергая поток ругательств и оскорблений. Потом, несколько успокоившись, он повязал вокруг своего черепа шарф, кокетливо расправив его кончики надо лбом.

Наконец, захватив светильник, он осторожно двинулся по направлению к алькову.

Анжелика, съжившись под простыней, которую она натянула до подбородка, наблюдала за приближением этого краснощекого гиганта, рогатая голова которого отбрасывала на стену причудливую тень. Это явление показалось ей, разомлевшей в тепле постели, уставшей от долгого ожидания и уже почти засыпавшей, настолько нелепым и смехотворным, что она не смогла удержаться и засмеялась.

Огре остановился, с изумлением уставился на нее, и на его лице появилось радостное выражение. — Хо! Хо! Детка подарила мне улыбку! Ну, вот уж не ожидал! Потому что ты очень хорошо умеешь замораживать парней своими ледяными взглядами! Но, как я вижу, иногда ты не прочь и повеселиться. Ты смеешься, моя дорогая! Это прекрасно!

И он начал смеяться от всей души, и выглядел так забавно в своем головном уборе и со свечой в руке, что Анжелика просто задыхалась от смеха, уткнувшись в подушку. Наконец, со слезами на глазах, ей удалось справиться с собой. Она была очень зла на себя, потому что решила заранее, что будет безразличной, надменной, подчинившись

только тому, что от нее потребуют, а вместо этого теперь смеялась, словно проститутка, привлекающая своего гостя.

— Это прекрасно, моя радость, это прекрасно, — повторил капитан, ужасно довольный. — А теперь подвинься и освободи для меня маленький уголок.

Этот «маленький уголок», который он попросил, чуть не вызвал у Анжелики нового приступа веселья. Но в эту же самую минуту ее охватил ужас при мысли о том, что ее ожидает. Пока он взбирался на кровать, она отодвинулась как можно дальше, скорчилась и так замерла, онемев от отвращения.

Матрас прогнулся под обрушившимся на него огромным телом. Капитан задул свечу. Его рука задернула полог алькова, и в этой душной темноте запах вина, табака и кожи стал невыносимым. Капитан тяжело дышал и бормотал невнятные ругательства. Наконец он пошарил рукой по матрасу около себя, и его огромная лапа нашла Анжелику, которая сразу словно окаменела при этом прикосновении.

— Ну! Ну! — сказал он. — Ты как деревянная кукла. У нас мало времени, моя красавица. Однако, я не стану тебя торопить. Я буду разговаривать с тобой мило и любезно, потому что это ты. Еще совсем недавно, только по тому взгляду, который ты мне подарила, и по которому было ясно, что я кажусь тебе не больше горошины, я понял, что тебя не слишком прельщает мысль разделить со мной постель. А ведь я симпатичный мужчина, и вообще дамы меня любят. Но пытаться понять женщину — занятие безнадежное... Ты мне нравишься все равно, и в этом-то все дело. Я просто сражен! Ты не похожа на других девушек. Ты в десять раз красивее их всех. Я со вчерашнего вечера не мог думать ни о ком другом, кроме тебя...

Его толстые пальцы нежно пощипывали и похлопывали ее.

— Походит на то, что ты к этому не привыкла. И однако, при твоей красоте, у тебя должны были быть сотни мужчин! Во всяком случае, поскольку дело касается нас обоих, я хочу быть с тобой откровенным. Когда я сегодня вечером увидел тебя в караульной, я подумал про себя, что могу оконфузиться из-за твоего надменного и властного вида. Такое может случиться с кем угодно. Поэтому, чтобы быть уверенным, что я не разочарую тебя и не попаду впросак, я выпил целый кувшин вина со специями. Но — увы и ах! С этой самой минуты меня просто замучили делами, всякими ворами и трупами.

Можно подумать, что все эти люди сговорились и дали себя убить специально, чтобы досадить мне. Я провел три часа, мотаясь от морга к отчетам и обратно, в то время как это проклятое вино с корицей подогревало мою кровь. Так что теперь я в полной готовности и у меня больше нет никаких колебаний. Но, однако, тебе не кажется, что нам обоим было бы лучше, если бы и ты проявила хоть немного доброй воли?

Эта речь успокоила Анжелику. В отличие от многих женщин, она могла, когда нужно, подчинять доводам разума свои действия. Капитан, который был совсем не глуп, интуитивно почувствовал это. Невозможно принять участие в грабеже бесчисленных городов и изнасиловать бог знает сколько женщин и девушек, не приобретя при этом хоть маленького опыта!..

Он был вознагражден за свое терпение, когда прекрасное, гибкое тело покорно подчинилось его желаниям. Он схватил ее со стоном и овладел ею стремительно, но без грубости.

Анжелика даже не успела почувствовать отвращения. Поглощенная этим объятием, словно бешеным ураганом, она почти мгновенно почувствовала себя свободной.

— Ну, вот и все, — вздохнул капитан.

Своей огромной рукой он перекатил ее, как бревно, на другую сторону кровати.

— А теперь спи в свое удовольствие, моя хорошенькая девчонка. Утром мы сделаем еще один заход и тогда будем квиты.

Через две секунды он уже громко храпел.

Анжелика думала, что долго не сможет уснуть, однако это последнее переживание, выпавшее на ее долю после утомительных предшествующих ему часов, и ощущение мягкого тепла постели, помогли ей сразу же погрузиться в глубокий сон.

Проснувшись в темноте, она не сразу поняла, где находится. Капитан храпел уже не так громко. Было жарко, и Анжелика сбросила свою сорочку, грубое полотно которой натирало ее нежную кожу.

Она уже ничего не боялась, но что-то неопределенное тревожило ее. Она чувствовала какое-то беспокойство, но оно было вызвано не присутствием большого, сонного тела Огре, а чем-то другим... чем-то непонятным и пугающим.

Она попыталась снова уснуть и начала беспокойно ворочаться с боку на бок. Наконец она настороженно прислушалась. И только тут поняла, что ее разбудили какие-то смутные, рассеянные звуки. Они походили на голоса, очень отдаленные человеческие голоса, сливающиеся в один жалобный стон. Он не прекращался ни на минуту. Когда замолкал один звук, вслед за ним немедленно раздавался другой. И внезапно она поняла: это были узники.

То, что доносилось к ней через пол и толстые, массивные стены как приглушенные звуки, было на самом деле стонами, воплями отчаяния всех несчастных, которые задыхались, замерзали, отбивались башмаками от крыс, боролись с водой, боролись со смертью. Преступники проклинали бога, невинные молились ему. Другие, измученные пытками на допросе, задыхавшиеся, изнемогающие от голода и холода, корчились в предсмертной агонии. Все это и порождало жуткий, таинственный шум.

Анжелика содрогнулась. Крепость Шатле словно обрушила на нее все свои века и ужасы. Вдохнет ли она когда-нибудь снова чистый воздух? Отпустит ли ее Огре? Он спал. Он был сильным и могущественным. Он был хозяином в этом аду.

Она очень осторожно подвинулась поближе к огромной массе, храпящей у нее под боком, и положив на него руку, удивилась тому, что испытала даже некоторое удовольствие, прикоснувшись к этой толстой шкуре.

Капитан шевельнулся и, повернувшись, едва не раздавил ее.

— Хи! Хи! Маленькая перепелочка проснулась! — сказал он низким голосом.

Протянув руку, он привлек ее к себе, и она почувствовала себя совсем крошечной и ничтожной рядом с этим огромным мускулистым телом. Мужчина громко зевнул. Потом он откинул полог и увидел серый тусклый свет, пробивавшийся сквозь прутья зарешеченного окна.

— А ты ранняя пташка, моя кошечка.

— Эти звуки — что это такое?

— Это заключенные. Им не так весело, как нам.

— Они страдают...

— Они здесь не для того, чтобы развлекаться. А знаешь, тебе здорово повезло, что ты избавилась от этого. В моей постели тебе

определенно лучше, чем было по ту сторону стены, на соломе. Не так ли?

Анжелика так поспешно кивнула, выражая свое полное согласие с его словами, что капитан пришел в восторг.

Он схватил кувшин с красным вином, стоящий на столике около кровати, и сделал большой глоток. Адамово яблоко поднялось и опустилось на его мощном горле. Потом он протянул кувшин Анжелике.

— Твоя очередь.

Она не возражала, потому что поняла: только одно может избавить ее от отчаяния, которое охватывало ее в зловещих стенах Шатле, — грубое блаженство опьянения и вожделения, дающие возможность забыться.

Он подбадривал ее:

— Пей, котенок, пей, моя красавица. Это хорошее вино, тебе станет от него лучше.

Когда она, наконец, опустилась обратно на подушку, в голове у нее все плыло; крепкая, жгучая жидкость затуманила ее сознание. Ничего теперь не имело значения, кроме желания ощущать себя живой.

Он тяжело повернулся к ней, но она уже не боялась его. Она даже вздрогнула от наслаждения, когда он начал гладить ее своей большой рукой, не слишком нежно, но энергично и умело. Эти ласки, гораздо более напоминавшие грубый массаж, чем легкое прикосновение зефира, вызвали у ней чувство искреннего удовольствия. Он целовал ее по-крестьянски, жадными, долгими, звучными поцелуями, которые удивляли ее и смешили.

Потом он обхватил ее своими волосатыми руками и положил поперек кровати. Она поняла, что на сей раз он намерен полностью использовать выпавшее ему счастье, и закрыла глаза. Во всяком случае, подумалось ей, она не будет потом вспоминать об этом.

Однако это оказалось совсем не так ужасно, как она себе представляла. Огре не был ни жестоким, ни развращенным, он просто вел себя, как человек, не осознающий свой вес и размеры, но, несмотря на то, что она задыхалась, почти раздавленная его тяжестью, она, пожалуй, испытывала даже определенное наслаждение, чувствуя

себя жертвой этого колосса, полного жизни и силы. Потом она стала легкой, как перышко.

Капитан одевался и напевал военный марш.

— Клянусь Юпитером, — повторил он, — ты доставила мне бесконечное удовольствие. А я так боялся тебя!..

Вошел хирург Шатле, вооруженный подносом для бритья и бритвами. Анжелика кончила одеваться, когда ее огромный любовник — на одну ночь — позволил своему парикмахеру повязать себе полотенце вокруг шеи и намылить лицо.

— Ты попал в самую точку, цирюльник: она свежа, как маргаритка!

Анжелика не знала, как ей уйти. Капитан внезапно кинул на стол кошелек.

— Это тебе.

— Вы мне уже заплатили.

— Возьми это, — рявкнул капитан, — и иди!

Оказавшись за стенами Шатле, Анжелика не смогла набраться мужества сразу же направиться на улицу Вале-де-Мизере, которая была слишком близко к ужасной тюрьме. Она спустилась к Сене. На набережной де Морфонду жены лодочников устроили купальню для женщин, которой пользовались в летние месяцы. Эти купальни представляли из себя просто несколько столбов, воткнутых в ил и покрытых парусиной. Женщины спускались в них в сорочках и чепчиках.

Жена лодочника, которой Анжелика заплатила за вход, воскликнула:

— Ты что, с ума сошла, хочешь купаться в такое время? Ведь холодно же!

— Это не имеет значения.

Вода и в самом деле была очень холодной, но спустя некоторое время она начала казаться Анжелике даже приятной. Так как она была единственной посетительницей купальни, она немного поплавала вокруг столбов. Высохнув и одевшись, она прошла по берегу, наслаждаясь теплом осеннего солнца.

«Это позади, — сказала она себе. — Хватит с меня нищеты, хватит ужасов, вроде убийства Великого Кезра, хватит с меня тревог и

неприятностей, вроде ночи с капитаном караула. Эта жизнь не для меня. Я люблю красивое белье, нарядную одежду. Я хочу, чтобы мои дети больше никогда не знали голода и холода. Я хочу, чтобы они были хорошо одеты и пользовались уважением. Я хочу, чтобы у них опять было имя. Я хочу, чтобы и у меня самой было имя... Я хочу снова стать знатной дамой...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ТАВЕРНА «КРАСНАЯ МАСКА»

Глава 16

Когда Анжелика, стараясь производить как можно меньше шума, прокралась во двор таверны «Бронзовый петух», перед ней неожиданно возник вооруженный половником метр Буржю.

Она ожидала чего-нибудь в этом роде, и успела спрятаться за маленьким колодцем.

— Убирайся вон, нищенка, проститутка! — орал владелец «Бронзового петуха». — И за какие только грехи я осужден терпеть все это! Я знаю, что означает такая стриженная голова! Убирайся обратно в Шатле, или я сам тебя туда отправлю... Сам не знаю, что меня удержало от того, чтобы крикнуть стражу еще вчера вечером... я слишком мягкосердечен. Ах! Что сказала бы моя святая жена, если бы она увидела, как опозорена ее лавка!

Анжелика, увертываясь от ударов половника, принялась кричать громче него.

— А что сказала бы ваша святая жена о таком опозорившем себя муже, который пьет с самого рассвета?

Хозяин таверны остановился, как вкопанный. Анжелика немедленно воспользовалась представившимся ей случаем.

— А что сказала бы она, если бы увидела свое заведение в пыли и грязи, если бы увидела на витрине шестидневных цыплят, сморщенных, как пергамент, свой пустой подвал, давно не полированные столы и скамьи?..

— Ну, дьявол!.. — брызгая слюной, выругался он.

— А что она сказала бы о таком святотатствующем муже? Бедная мадам Буржю, которой приходится смотреть с небес на такое безобразие! Я смею вас уверить, что она не знает, куда деваться от стыда за вас перед ангелами и святыми в раю!

Выражение лица Буржю стало еще более растерянным. В конце концов он тяжело опустился на край колодца.

— Увы! — застонал он. — Почему она должна была умереть? Она была такой прекрасной хозяйкой, всегда оживленной и решительной. Сам не знаю, что меня удерживает от того, чтобы найти забвение на дне этого колодца!

— Я могу сказать вам: мысль о том, что она встретит вас там, наверху, и скажет: «А! Так это вы, метр Пьер...»

— Метр Жаке, если тебе угодно.

— «Так это вы, метр Жаке! Не могу сказать, чтобы я гордилась вами. Я всегда говорила, что вы не умеете управлять самим собой. Хуже ребенка! И вы это блестяще доказали! Когда я вижу, что вы сделали с моей лавкой, пользующейся раньше таким успехом, когда я вижу, что наша чудесная вывеска вся проржавела и так скрипит в ветреные ночи, что будит всех соседей, когда я вижу мою оловянную посуду, мои противни для пирогов, мои котелки для рыбы поцарапанными и потускневшими из-за того, что ваш дурак племянник чистит их золой, а не специально приготовленным мягким мелом... И когда я вижу, как вас обманывают виноторговцы и поставщики птицы, которые подсовывают вам петухов без гребней вместо каплунов и бочонки кислятины вместо хорошего вина, то как вы можете думать, что мне хорошо здесь, на небесах?..»

Анжелика остановилась, чтобы перевести дыхание. Метр Буржю казался совершенно потрясенным.

— Это правда, — заикаясь, пробормотал он, — это правда — именно так она всегда и говорила. Она была так... так...

Его тяжелая челюсть задрожала.

— Что толку хныкать, — грубо сказала Анжелика, — этим вы не спасете себя от удара метлой, который ожидает вас там, наверху. И чтобы этого не произошло, вам, метр Буржю, надо как следует заняться работой. Барба хорошая девушка, но она от природы нерасторопна, поэтому вы должны говорить ей, что делать. Ваш племянник кажется мне редким дурнем. Кроме того, посетители не зайдут в лавку, где их приветствует рычание сторожевой собаки.

— Это кто же рычит? — спросил метр Буржю, приняв угрожающий вид.

— Вы.

— Я?

— Да. Ваша жена, которая была такой веселой, и трех минут не смогла бы терпеть ваш хмурый вид, с которым вы восседаете перед кружкой с вином.

— А ты думаешь, что она потерпела бы присутствие такой наглой, грязной девки у себя во дворе?

— Я не грязная, — возмутилась Анжелика, выпрямляясь, — моя одежда чистая, можете убедиться!

— Или ты думаешь, она потерпела бы, чтобы такой выводок оборванцев и наглых карманников угощался в ее кухне? Я поймал их, когда они пожирали свинину в кладовой, и больше того, я уверен, что это именно они украли мои часы.

— Вот они, ваши часы, — презрительно сказала Анжелика, достав часы из своего кармана. — Я нашла их под лестницей. Должно быть, вы выронили их вчера вечером, когда, мертвецки пьяный, поднимались к себе в спальню...

Она протянула часы хозяину таверны через колодец и добавила:

— Вы видите, что я, по крайней мере, не воровка. Я вполне могла бы оставить их у себя.

— Не урони их в колодец! — закричал он.

— Я бы с радостью передала их вам в руки, но я боюсь вашего половника.

Пробормотав ругательство, метр Буржую положил половник на землю. Анжелика подошла к нему поближе. Она чувствовала, что ночь, проведенная с капитаном, немного помогла ей освоить искусство одерживать верх над грубиянами.

Она не спешила вернуть часы, а принялась изучать их с пристальным вниманием.

— Это прекрасные часы.

Лицо лавочника просветлело.

— Правда? Я купил их у разносчика, одного из тех горцев, которые проводят зиму в Париже. Они носят в своих карманах настоящие сокровища, но, заметь, не показывают их кому попало, даже если это принц, — они должны знать, с кем имеют дело.

— Они предпочитают иметь дело с настоящим деловым человеком... особенно, если дело касается механизмов, которые являются произведениями искусства.

— Совершенно верно: настоящие произведения искусства, — повторил хозяин, любуясь своими серебряными часами, сверкавшими при свете неяркого солнца. Он положил их обратно в карман, застегнул многочисленные цепочки, продев их сквозь петли камзола, и снова бросил подозрительный взгляд на Анжелику.

— Я все-таки удивляюсь, как это они могли выпасть из моего кармана, как ты уверяешь меня. И еще меня удивляет, где это ты научилась разговаривать как настоящая дама, хотя еще вчера ты бранилась так, что у нормального человека волосы встанут дыбом. Мне кажется, что ты просто дурачишь меня.

Анжелика осталась невозмутимой.

— Не так-то легко разговаривать с таким человеком, как вы, метр Жаке, — сказала она с нежным упреком, — вы слишком хорошо знаете женщин.

Хозяин таверны скрестил руки на животе и свирепо посмотрел на нее. Анжелика виновато опустила голову.

— Ну, так что? — властно спросил он.

Анжелика, будучи гораздо выше его, подумала, что он ужасно забавно выглядит: кругленький, как бочонок, в поварском колпаке, сбившемся на ухо, со своим невероятно грозным взглядом. Тем не менее она смиренно сказала:

— Я поступлю так, как вы скажете, метр Буржю. Если вы выгоните меня, я уйду со своими малышами. Но я не знаю, куда мне идти, не знаю, где найти кров, чтобы защитить их от холода и дождя. Неужели вы думаете, что ваша жена выгнала бы нас? Я остановилась в комнате Барбы. Я вас не беспокою. У меня есть собственные дрова и пища. Мальчики и девочка, которые пришли со мной, могут оказывать вам мелкие услуги: носить воду, скоблить пол. Малыши будут оставаться на чердаке...

— А почему это они должны оставаться на чердаке? — заорал хозяин. — Дети должны находиться не на голубятне, а в кухне, около очага, где они всегда могут погреться и побродить вокруг. Эти нищенки все одинаковы. У них меньше жалости, чем у диких зверей! Если ты не хочешь, чтобы я окончательно рассердился, ты сейчас же принесешь своих сосунков на кухню. Кроме того, ты можешь в любой момент устроить пожар, если будешь разжигать огонь там, наверху, под этими деревянными черепицами!

Анжелика с легкостью эльфа взлетела по всем семи пролетам лестницы, которые вели в мансарду Барбы. На одной из лестничных площадок она проскочила мимо крадущейся фигуры, в которой узнала племянника владельца таверны. Поваренок прижался к стене и бросил

на нее негодующий взгляд. Она улыбнулась ему, решив установить дружеские отношения со всеми обитателями этого дома, где она страстно желала снова начать порядочную жизнь.

— Доброе утро, малыш.

— Малыш? — проворчал он, негодуяще вздрогнув. — Я должен заметить тебе, что я спокойно могу есть пирожки на твоей макушке. Мне минуло шестнадцать на прошлого Святого Микаэля.

— О! Простите меня, мсье! Какая непростительная ошибка с моей стороны! Не будете ли вы настолько любезны, чтобы простить меня?

Юнец, явно не привыкший к такой манере разговора, неуклюже пожал плечами и, запинаясь, пробормотал:

— Может быть.

— Вы слишком добры. Я просто тронута. А не зайдет ли ваша любезность настолько далеко, чтобы не разговаривать таким фамильярным тоном с дамой из общества?

Бедный помощник повара маялся, будто на дыбе. У него были красивые черные глаза, выделяющиеся на бледном, худом лице. Его самоуверенность полностью улетучилась. Анжелика, которая уже начала снова подниматься по ступенькам, вдруг остановилась.

— А ты, случайно, не южанин, с этим твоим акцентом?

— Да... м'дам... Я из Тулузы.

— Тулузы! — воскликнула она. — О! Брат земляк!

И, бросившись ему на шею, она поцеловала его.

— Тулуза! — повторяла она.

Поваренок стал красным, как помидор. Анжелика обратилась к нему с несколькими словами на лангедоке, и его волнение не знало границ.

— Вы тоже оттуда?

— Почти.

Она была нелепо счастлива из-за этой встречи. Какой контраст! Быть одной из самых знатных дам Тулузы и снизойти до того, чтобы целовать поваренка только потому, что он говорит с тем самым солнечным акцентом, в котором как будто слышится аромат чеснока и цветов!

В мансарде она застала Розину, которая чесала свою голову, наблюдая коровьими глазами за играющими Флоримоном и Кантором.

Барба была внизу. Мальчики ушли «на прогулку». На языке дна это означало, что они отправились просить милостыню.

— Я не желаю, чтобы они попрошайничали, — категорически заявила Анжелика.

— Ты не хочешь, чтобы они воровали, ты не хочешь, чтобы они попрошайничали. Что же они должны тогда делать, по-твоему?

— Я хочу, чтобы они работали. А теперь давай-ка, пошевеливайся! Помоги мне отнести детей вниз, на кухню. Ты будешь смотреть за ними и помогать Барбе.

Она была счастлива, что оставила детей в этом теплом, обширном, наполненном запахами еды помещении. Огонь в очаге запылал с новой силой.

«Никогда больше они не узнают ни голода, ни холода! — снова сказала себе Анжелика. — Честное слово, я не могла бы найти для них лучшего места, чем эта харчевня!»

Флоримон казался ужасно скованным в своем темном платьице из муслина с зеленым саржевым фартучком. На голове у него был чепчик, тоже из зеленой саржи. Этот цвет делал его тонкое личико еще более болезненным. Анжелика пощупала его лоб и прикоснулась губами к маленькой ручке, чтобы проверить, нет ли у него жара. Но он как будто был вполне здоров, только несколько возбужден. Что касается Кантора, то тот был с самого утра занят тем, что стаскивал с себя пеленки, в которые его завернула Розина. Голый, как Купидон, он стоял во весь рост в своей корзине и пытался выбраться из нее, чтобы поймать пламя в очаге.

— За бедным ребенком никто как следует не следил, — озабоченно заметила Барба. — Неужели ему никогда не спеленывали руки и ноги, как это положено делать? Он никогда не будет прямо держаться, а, может быть, даже станет горбуном.

— Но сейчас он кажется достаточно сильным для девятимесячного, — сказала Анжелика, любуясь пухлыми ножками своего младшего сына.

Но Барба не могла успокоиться, ее беспокоила свобода движений Кантора.

— Как только я улучу свободную минутку, я отрежу несколько полосок полотна, чтобы пеленать его. Но сегодня утром об этом не может быть и речи. Метр Буржую словно взбесился. Представляете,

мадам, он приказал мне выскрести пол, отполировать столы и даже сбегать в Тампль купить мягкого мела для чистки олова. Я просто с ног сбилась...

— Попроси Розину помочь тебе.

Пристроив все свое семейство, Анжелика весело отправилась на Понт-Неф.

Цветочница не узнала ее. Анжелике пришлось напомнить ей тот день, когда она помогла ей составить букеты, удостоившись за это похвалы.

— Ну! Как же ты хочешь, чтобы я тебя узнала! — воскликнула женщина. — Тогда у тебя были волосы на голове и не было башмаков. А сегодня у тебя есть башмаки, но нет волос. Однако твои руки не изменились, я надеюсь?.. Иди сюда, садись с нами, перед днем Всех Святых недостатка в работе нет. Скоро потребуется много цветов для кладбищ и церквей, не говоря уже о портретах умерших.

Анжелика уселась под красный зонтик и со старанием приступила к работе.

В этот день на Понт-Нефе было очень тихо. Она не слышала даже рокочущего голоса Большого Матье, потому что он отбыл со своей платформой на Сен-Жерменскую ярмарку. Понт-Неф отошел на второй план. Теперь здесь было меньше прохожих, меньше фокусников, меньше нищих. Анжелика радовалась этому.

Цветочницы обсуждали сражение на ярмарке, пересыпая свой разговор многословными жалобами и причитаниями. Совершенно определено, что число жертв этой кровавой потасовки будет точно установлено еще не скоро. Но полиция на сей раз неплохо справилась со своей задачей. С того знаменитого вечера можно было каждый день видеть толпы нищих, отправляемых под охраной полицейских, приговоренных к галерам. А уж что касается казней, то каждый новый рассвет видел тела двух или трех людей, повешенных на Гревской площади.

После этого разговора последовала оживленная дискуссия о том, какие украшения наденут дамы Понт-Нефа — цветочницы и продавщицы фруктов, когда вместе с женами рыбаков с центрального рынка они отправятся принести свои поздравления от имени всех мелких торговцев Парижа молодой королеве после родов и Господину Дофину.

— Между прочим, — сказала женщина, нанявшая Анжелику, — меня беспокоит еще одна вещь. Где будет нынче отмечать день Святого Вальбонна наша гильдия? В прошлом году хозяин таверны, в которой мы праздновали этот день, ограбил нас, как разбойник с большой дороги. Я не желаю больше опускать в его карман ни одного су.

Анжелика, молчавшая до сих пор, вмешалась в разговор.

— Я знаю великолепную харчевню на улице Вале-де-Мизере. Цены весьма умеренные, а блюда там подают оригинальные.

Она быстро перечислила достопримечательности стола Отеля Веселой Науки, в подготовке которого она иногда принимала участие в старые дни:

— Пирожки с лангустами; индюшка, фаршированная укропом; жареный рубец ягненка; не говоря уже о миндальном пирожке с фисташками, котлетах, вафлях с анисом. И более того, дамы, вы можете отведать в этом ресторане нечто такое, чего не пробовал и сам король Людовик XIV, — маленькие, обжигающе горячие, легкие, как перышко, бриоши с начинкой из ледяного ливерного паштета. Настоящее чудо!

— Хм! Девушка, от твоих слов у нас слюнки текут! — воскликнули цветочницы. — А где все это?

— В «Бронзовом петухе», это последняя лавка на улице Вале-де-Мизере, если идти по направлению к набережной де Танье.

— Ну, не думаю, чтобы там было так уж хорошо. Мой муж, который работает в лавке Великого Мясника, иногда заходит туда перекусить, так он говорит, что это унылое, непривлекательное место.

— Вы плохо осведомлены, моя дорогая. У метра Буржю, владельца этой лавки, есть племянник, который только что приехал из Тулузы. Так вот, этот племянник — первоклассный повар и знает все разновидности южных блюд. В «Бронзовом петухе» есть еще и обезьянка, которая без усталости гримасничает и проказничает. И шарманщик, который знает все песни Понт-Нефа. Короче говоря, там есть все, чтобы любой человек мог насладиться отдыхом в хорошей компании.

— Ну, моя девочка, у тебя, кажется, еще больше способностей к зазыванию, чем к составлению букетов! Я отправлюсь с тобой в эту харчевню.

— Ох, нет! Не сегодня. Повар из Тулузы отправился в деревню, чтобы лично самому закупить там капусту для приготовления жаркого из окорока по своему собственному рецепту. Но завтра вечером мы будем ждать вас и еще двух дам из вашей гильдии, чтобы обсудить меню, которое вас устроит.

— А что ты делаешь в этой харчевне?

— Я родственница метра Буржю, — заявила Анжелика. — Мой муж был младшим помощником повара. Он умер от чумы прошлой зимой и оставил меня в страшной нужде, потому что мы очень много задолжали аптекарю за время его болезни.

— Да разве мы и сами не знаем этих аптекарских счетов! — сочувственно вздохнули добрые женщины, подняв глаза к небу.

— Метр Буржю сжалился надо мной, и я стала помогать ему в торговле. Но, так как посетителей немного, я пытаюсь заработать хоть сколько-то добавочных денег.

— Как твое имя, дорогая?

— Анжелика.

Потом она поднялась и сказала, что уходит для того, чтобы предупредить хозяина о предстоящем визите.

Быстро идя по направлению к улице Вале-де-Мизере, она размышляла о том невероятном количестве небылиц, которые успела насказать за одно только утро. Она даже не пыталась понять, почему вдруг решила заняться добыванием клиентов для метра Буржю. Хотела ли она этим выразить благодарность хозяину, который все же, в конечном счете, не выставил ее вон? Надеялась ли она получить от него какое-нибудь вознаграждение за это? Она не задавала себе никаких вопросов, а просто плыла по течению, которое несло ее все дальше и дальше. Ею руководил обостренный инстинкт матери, защищающей своих малышей.

Переходя от одной лжи к другой, от одной идеи к другой, от одного смелого приема к другому, она сумеет спасти себя, спасти своих детей.

Глава 17

На следующее утро Анжелика проснулась с первым светом дня и разбудила Барбу, Розину и детей.

— Все вставайте! Не забывайте, что к нам придут цветочные дамы, чтобы переговорить о банкете. Мы должны не ударить в грязь лицом.

Флипо заворчал.

— Почему это мы всегда должны работать? — спросил он. — А почему этот лентяй Давид еще храпит и не спускается на кухню, пока огонь не будет зажжен, котелок не закипит, и вся комната не будет подметена. — Ты должна разбудить и его, Маркиза!

— Слушайте, мальчики, я больше не Маркиза Ангелов, а вы больше не нищие. В данное время мы все — служанки и мальчики на посылках. А скоро мы будем почтенными горожанами.

— Ха!.. — сказал Флипо. — Я не люблю почтенных горожан. Это те, у кого срезают кошельки и срывают плащи. Я не желаю быть почтенным горожанином.

— А как же мы должны называть тебя, если ты не хочешь больше, чтобы мы звали тебя Маркизой Ангелов? — захотел узнать Лино.

— Зовите меня просто; мадам!

— Ох ты, какие мы важные! — съязвил Флипо. Анжелика закатила ему такую звучную оплеуху, что он сразу же замолчал. Она придирчиво оглядела обоих мальчиков. Они были одеты в поношенные вещи, присланные герцогиней де Суассон, заплатанные, но чистые и опрятные. Более того, у них на ногах были добротные сапоги, в которых они ходили с большим трудом.

— Флипо, ты вместе с Давидом будешь сопровождать меня на рынок. Лино, ты будешь делать все, что тебе скажет Барба. А пока ты пойдешь за дровами и водой. Розина будет следить за детьми и вертелами на кухне.

Флипо вздохнул и сказал очень печально:

— Мало веселого в этой проклятой работе. У нищих и карманников жизнь — первый сорт. В один день ты получаешь кучу денег: ты можешь есть, пока не лопнешь, и пить, пока не утонешь. На

другой день у тебя ничего нет. Тогда, чтобы не чувствовать голода, ты ложишься спать в углу и спишь, сколько душе угодно. А здесь надо все время надрываться на работе и набивать живот мясом.

— Если ты хочешь отправиться обратно к Великому Кезру, я тебя не держу.

— Ох, нет! И, кроме того, мы все равно уже не можем туда вернуться. Нас зарежут. Конец!

Анжелика вздохнула.

— Вам не хватает приключений, бедные парни. Я могу вас понять. Но в конце той дороги вас ждет виселица. А если мы будем идти по этой, то, возможно, будем не такими уж богатыми, но зато станем людьми, достойными уважения. А теперь довольно об этом!

Маленький отряд спустился по лестнице. На одной из лестничных площадок Анжелика остановилась и постучала в дверь комнаты, которую занимал юный Давид. Не достучавшись, она в конце концов вошла в нее.

— Вставай, подмастерье!

Юнец смотрел на нее со своих простыней с совершенно ошарашенным видом.

— Вставай, вставай, Давид Шелу, — повторила Анжелика весело. — Не забудь, что ты отныне — знаменитый повар, молва о котором прогремит скоро по всему Парижу.

Метр Буржю, совершенно сбитый с толку, стонущий, возбужденный против своего желания, невольно уступающий натиску Анжелики, согласился передать ей довольно увесистый кошелек.

— Если вы боитесь, что я могу вас ограбить, можете последовать за мной на рынок, — сказала она ему. — Но я посоветовала бы вам лучше остаться здесь и приготовить каплунов, индюшек, уток. Вы должны понять, что дамы, собирающиеся придти к нам, желают увидеть обстановку, внушающую доверие. А пустые витрины, высохшие птицы, темная комната, пропахшая табаком, не могут привлечь людей, собирающихся как следует отдохнуть. Даже если я пообещаю им исключительное обхождение и угощение, они не поверят мне.

— Но что ты собираешься покупать сегодня утром, когда эти люди еще не сделали своего выбора?

— Я собираюсь покупать декорации.

— Де... что?

— Все, что требуется, чтобы ваша харчевня приобрела привлекательный вид: кроликов, холодное мясо, фрукты, хорошие овощи.

— Но ведь я не общий поставщик! — жалобно взмолился толстяк. — Я имею дело только с жареной птицей. Ты, что, хочешь натравить на меня гильдии поваров и кондитеров?

— Что они могут вам сделать?

— Женщины ничего не смыслят в серьезных делах, — простонал метр Буржую, воздев к небу свои короткие руки. — Присяжные из этих гильдий состряпают против меня дело, потащат меня в суд. Короче говоря, ты просто хочешь разорить меня!

— Вы все равно разоритесь, — безжалостно сказала Анжелика. — Так что вы ничего не потеряете, если попробуете сделать хоть что-то, очнетесь от своего столбняка. Начинайте заниматься птицей, а потом обойдите Гревскую гавань. Я слышала, как рекламировали вина, свежие поступления из Шампани и Бургундии.

Анжелика делала закупки на площади Пилори, изо всех сил стараясь следить, чтобы ее поменьше надували. Давид все время мешал ей своими непрерывными причитаниями:

— Это слишком хорошо! Это слишком много? Что скажет мой дядя?

— Болван! — бросила она ему в конце концов. — Неужели тебе, сыну Юга, не стыдно быть таким мелочным! Не смей говорить мне, что ты из Тулузы.

— Но я в самом деле оттуда! — запротестовал поваренок. Моим отцом был мсье Шелу. Это имя вам что-нибудь говорит?

— Нет. Кем именно был твой отец?

Долговязый Давид, казалось расстроился, как ребенок, которому не дали конфету.

— Но вы определенно должны знать! Большой бакалейный магазин на площади Гаронны! Мой отец был единственным, кто продавал различные экзотические травы и пряности!

«В те дни я сама не занималась покупками», — подумала Анжелика.

— Он привозил из своих путешествий самые различные вещи, когда был поваром на королевских кораблях, — продолжал Давид. —

Знаете... ведь это он хотел начать продавать шоколад в Тулузе.

Анжелика с большим усилием вызвала в своей памяти инцидент, связанный с этим словом. Да, об этом был какой-то разговор в гостиных. Она вспомнила возмущение одной из тулузских дам и сказала:

— Шоколад?.. Но ведь это напиток индейцев!

Давид, казалось, ужасно расстроился. Он придвинулся к ней поближе и сказал, что сейчас расскажет ей тайну, которую до сих пор не доверял никому, даже своему дяде.

Он сообщил ей, что его отец, в молодости очень много путешествовавший, пробовал шоколад в различных странах, где его изготавливают из бобов, привозимых из Мексики. Так что он мог сам убедиться, в Испании, Италии и даже в Польше, в удивительных лечебных свойствах и приятном вкусе этого нового продукта.

Как только Давид коснулся этой темы, его красноречие, казалось, стало неиссякаемым. Стремясь вызвать интерес у дамы своего сердца, он начал скрипучим голосом расписывать все подробности, которые были ему известны.

— Фу! — сказала Анжелика, которая слушала его в пол-уха, — я никогда не пробовала эту гадость и не испытываю желаний попробовать. Говорят, что от него в восторге королева. Но весь двор находит весьма странным это пристрастие и смеется над ней.

— Это только потому, что люди при дворе не привыкли к шоколаду, — возразил поваренок. — Мой отец тоже так считал, поэтому он даже приобрел у короля патентные письма на изготовление этого нового продукта, чтобы сделать его известным. Но, увы, он умер, а моя мать умерла еще раньше, так что я остался единственным, кто мог бы воспользоваться этим патентом. Я не знаю, что мне с ним делать. Вот почему я никому об этом и не говорил, даже моему дяде. Я боюсь, что он будет смеяться надо мной и моим отцом. Он всегда говорит, что мой отец был сумасшедшим.

— Эти патентные письма у тебя? — неожиданно спросила Анжелика.

Давид чуть не потерял сознание от сверкания обращенных к нему зеленых глаз.

— У тебя есть патент? — повторила Анжелика.

— Да, — выдохнул он.

— Какая дата на нем стоит?

— Май, 28, 1659 год и он действителен на двадцать девять лет.

— Это значит, что в течение двадцати девяти лет ты один имеешь право изготавливать и продавать этот экзотический продукт?

— Ну да...

— Мы должны узнать, не опасен ли шоколад, — пробормотала Анжелика задумчиво, — и сможет ли публика заинтересоваться им. Ты сам его пробовал?

— Да.

— И что ты о нем думаешь?

— Ну, — сказал Давид, — мне он показался тошнотворно сладким. Но небольшое количество перца или других приправ, добавленных в него, придают ему чудесный аромат. Однако, я лично предпочитаю стакан хорошего вина, — добавил он с важным видом.

— Берегись! — раздался голос над ними.

Они успели отпрыгнуть в сторону, едва избежав потока зловонной жидкости, выплеснутой сверху. Ухватившись за руку юноши, Анжелика почувствовала, что он весь дрожит.

— Я хотел сказать вам, — торопливо и с запинкой пробормотал он, — что я никогда не видел... женщины прекраснее вас.

— Могу тебя уверить, что видел, мой бедный мальчик, — сказала она, рассердившись. — Тебе нужно только повнимательнее смотреть вокруг, вместо того, чтобы обкусывать ногти. Между прочим, если ты хочешь доставить мне удовольствие, лучше расскажи о своем шоколаде, чем делать неумеренные комплименты.

Но потом, увидев жалобное выражение его лица, она решила утешить его, сказав себе мысленно, что не слишком-то умно было с ее стороны делать ему выговор. Он мог оказаться полезным, с этими его патентами. Она сказала насмешливо:

— Увы, мой мальчик, мне уже не пятнадцать лет. Посмотри, какая я старая. У меня уже седые волосы.

Она вытащила из-под чепчика прядь волос, так удивительно поседевшую в ту ужасную ночь в предместье Сен-Дени.

— Где Флипо? — продолжала она, осмотревшись вокруг. — Неужели этот маленький негодяй решил устроить себе самовольный отдых?

Она была несколько встревожена, опасаясь, что Флипо, не выдержав искушения при виде плотной толпы, снова применит на практике уроки Жактана по срезанию кошелев.

— Вам не следует обращать хоть какое-то внимание на этого негодяя, — с яростной ревностью сказал Давид. — Я видел, как он только что обменивался знаками с нищим, покрытым язвами, который клянчит милостыню перед церковью. Потом он удрал... с корзиной на спине. Мой дядя будет просто в бешенстве!

— Давай пойдем обратно, тогда мы найдем этого негодника.

Но мальчишка уже подбегал к ним.

— Ты себе представить не можешь, Маркиза Ангелов! — задыхаясь, сообщил Флипо, в возбуждении забыв о ее приказе. — Знаешь, кто теперь у нас Великий Кезр? Деревянный Зад, да, наш Деревянный Зад из Нельской башни!

Он понизил голос и добавил испуганным шепотом:

— Они сказали мне: «Пусть поберегутся те парни, которые, как вы, прячутся в юбках предательницы!»

Анжелике показалось, что у нее кровь застыла в жилах.

— Ты думаешь, они знают, что это я убила Коротенького Ролина?

— Они ничего не говорят насчет этого. И однако... Черный Хлеб говорит о том, что ты позвала полицейского, чтобы он помог тебе против цыган.

Молодая женщина разговаривала с мальчиком на воровском жаргоне, из которого Давид не мог понять ни слова, но он уловил их встревоженные и испуганные интонации. Он был одновременно и потрясен и испуган, обнаружив, что его новый предмет страсти так непостижимо хорошо знаком с этим неуловимый и вездесущим сбродом, который играл такую значительную роль в жизни Парижа.

Анжелика молчала всю обратную дорогу, но переступив порог таверны решительно отбросила прочь все свои опасения.

«Вполне может случиться, моя девочка, — сказала она себе, — что в одно прекрасное утро ты окажешься в Сене с перерезанным горлом. Если тебя преследуют не принцы, так нищие. Ну, ничего! Ты должна бороться. Нельзя избавиться от трудностей, если не будешь бороться с ними и делать свое дело... Разве не так говорил мне когда-то управляющий Молин?..»

— А ну-ка, дети! — сказала она вслух. — Эти цветочные дамы должны растаять, как масло на солнце, как только переступят наш порог.

Дамы, действительно, были совершенно очарованы, когда в сумерках спустились по трем ступенькам, ведущим в «Бронзового петуха». Мало того, что атмосфера была насыщена восхитительными и аппетитными запахами, но даже сам вид комнаты был оригинальным и возбуждающим аппетит.

От высокого пламени в камине падали золотые отблески. От них, так же как и от нескольких свечей, расставленных на столах, сверкала и блестела оловянная посуда, со вкусом размещенная на боковых полках: тарелки, котелки, миски для рыбы, противни для пирогов. В добавление к этому оловянному богатству Анжелика реквизировала еще и серебряную посуду, ревниво хранимую метром Буржую под замком: Два кувшина, графинчик для уксуса, две полоскательные чашки. Последние были наполнены фруктами — виноградом и грушами — и поставлены на столы рядом с прекрасными кувшинами, наполненными красным и белым вином, которые в отблесках пламени искрились рубиновым и золотым отблеском. Эти детали обстановки произвели самое сильное впечатление на цветочниц.

Как опытные деловые женщины, они не хотели слишком явно выражать свое удовлетворение, и критически оглядывали окорока и зайцев, свисающих с балок, недоверчиво принюхивались к тарелкам, полным свинины, холодного мяса, рыбы под зеленым соусом, опытными пальцами ощупывали тушки птицы. Наконец старшая в гильдии, матушка Маржолина, обнаружила недостаток в этой совершенной картине.

— Здесь не хватает цветов, — сказала она. — Вот эта телячья голова выглядела бы еще лучше, если бы в ее ноздри воткнули по гвоздике, а между рогов положили пион.

— Мадам, мы не осмелились даже зеленью петрушки соперничать с тем умением и мастерством, которое вы проявляете в области, принадлежащей вам безраздельно, — очень галантно ответил ей метр Буржую.

Три дамы уселись перед камином, и специально для них был принесен кувшин вина из подвала. Очаровательный Лино, усевшись на

каминный выступ, крутил ручку своей шарманки, в то время как Флоримон играл с Пикколо.

Праздничное меню было согласовано в самой сердечной обстановке, и очень быстро было достигнуто полное взаимопонимание.

— Ну вот, — простонал хозяин таверны, когда он с многочисленными поклонами наконец окончательно проводил цветочниц к дверям. — Что мы теперь будем делать со всей этой дрянью на столах? Рабочие и ремесленники, которые придут сюда, чтобы съесть свой обычный салат, не будут есть эти деликатесы, не желая платить за них. К чему были эти ненужные расходы?

— Вы меня удивляете, метр Жаке, — возмутилась Анжелика. — Я считала вас более искушенным в делах человеком. Эти ненужные расходы обеспечат вам заказ, который в десять раз окупит все, что вы потратили сегодня. Это если еще не считать добавочных заказов, которые дамы могут сделать в разгар банкета. Они будут у нас петь и танцевать, и прохожие с улицы немедленно захотят присоединиться к их веселью, когда увидят харчевню, где люди так хорошо проводят время.

Метр Буржю вполне разделял оптимистические ожидания Анжелики, хотя и не желал этого показывать. Бурная деятельность, которую он развернул во время подготовки праздника, заставила его позабыть о бутылке. Перекатываясь на своих коротеньких ножках, он вновь вспомнил былое кулинарное искусство и вновь приобрел свой командирский голос, разговаривая с поставщиками и торговцами. Вернулась к нему и естественная приторная любезность, свойственная каждому уважающему себя хозяину. Анжелике в конце концов удалось убедить его в том, что от внешнего вида хозяев зависит успех всего дела, и он заказал полный комплект одежды поварят для своего племянника и Флипо. Огромные поварские колпаки, куртки, брюки, фартуки вместе со скатертями и салфетками были отправлены в прачечную и вернулись оттуда белоснежными и нестигаемыми от крахмала.

Утром великого дня метр Буржю подошел к Анжелике, улыбаясь и потирая руки.

— Моя дорогая, — сказал он, сияя, — вы вернули моему дому веселье и оживленность, которыми когда-то наполняла его моя жена. И

это подало мне одну мысль. Пойдемте-ка со мной на минутку.

Подбадривая ее многозначительным подмигиванием, он пригласил следовать за собой. Она начала подниматься вслед за ним по шатким ступеням лестницы. На первой площадке они остановились. Когда Анжелика вошла в спальню метра Буржую, ее охватил страх при мысли, которая до сих пор не приходила ей в голову. Уж не пришла ли в голову хозяина харчевни мысль насчет того, чтобы предложить ей, так хорошо справляющейся с деловыми обязанностями его жены, полностью войти в эту щекотливую роль?

Хитрая улыбка, появившаяся на его лице, когда он закрыл дверь и направился в гардеробную, не слишком успокоила ее. Неужели ей придется отказаться от блестящих проектов, оставить этот уютный кров и снова отправиться куда-то со своими детьми и всем ее несчастным маленьким семейством? Подчиниться? Ее щеки вспыхнули при одной только мысли об этом, и она начала встревожено осматривать комнату лавочника, в которой стояла большая кровать под зеленым саржевым пологом, два небольших кресла, туалет из орехового дерева, в котором находились таз для умывания и серебряный кувшин.

Над камином висели две картины на тему Страстей Господних, и на специальной подставке было выставлено оружие, составляющее предмет гордости всякого ремесленника и буржуа: два небольших ружья, мушкет, аркебуза, пика и шпага с серебряным эфесом.

Анжелика слышала, как хозяин пыхтит и возится в маленьком смежном помещении.

Наконец он появился оттуда, толкая перед собой огромный сундук из черного дерева.

— Помоги-ка мне, девушка.

Она помогла ему вытащить сундук на середину комнаты. Метр Буржую стер пот с лица.

— Ну так вот, — сказал он, — я подумал — да, ведь это ты сама все время говорила, что мы на этом банкете должны сверкать, как швейцарская гвардия, все мы. Давид, два мальчика и я — все мы разодеты как на парад. Я еще надену свои коричневые шелковые чулки. Но ты, бедная девочка, не делаешь нам чести своим нарядом, несмотря на твое хорошенькое личико. Поэтому я думал...

Он замолчал, какое-то время поколебался, потом открыл сундук. В нем, тщательно сложенные, надушенные лавандой, хранились юбки, корсажи, чепчики, косынки мадам Буржую и даже ее красивый головной убор из черного атласа.

— Она была немного полнее тебя, — сказал хозяин харчевни сдавленным голосом, — но, если заколоть тут и там...

Он смахнул пальцем слезу и проворчал:

— Нечего стоять, уставившись на меня! Выбирай!

Анжелика принялась вытаскивать наряды. Это были скромные платья из простой материи, но по их отделке из бархата, яркой подкладке, прекрасному белью, можно было понять, что к концу своей жизни мадам Буржую стала одной из самых зажиточных женщин квартала. У нее была даже маленькая муфта из красного бархата с вышитыми золотом цветами, которую Анжелика приложила к себе с нескрываемым удовольствием.

— Безрассудство! — проворчал метр Буржую со снисходительной улыбкой. — Она увидела ее под аркадами дворца и не могла больше говорить ни о чем другом. Я говорил ей: «Армандина, что ты будешь делать с такой муфтой? Это больше подходит знатной даме из района Марай, которая кокетничает на прогулке в ясный зимний день, в садах Тюильри». — «Очень хорошо, — отвечала она, — значит я пойду пококетничать в Тюильри». Это просто сводило меня с ума! Я сделал ей этот подарок на последнее Рождество. В каком она была восторге!.. И кто мог подумать, что уже через несколько дней... она... будет мертва...

Анжелика подавила свое волнение.

— Я уверена, что она счастлива там, на небе, видя, как вы добры и щедры. Я не буду носить эту муфту, потому что она слишком красива для меня. Но я с радостью принимаю ваш дар, метр Буржую. Я должна посмотреть, что мне подойдет. Не смогли бы вы прислать Барбу, чтобы она помогла мне подогнать платье по фигуре?

Она отметила про себя, что то, как она стояла перед зеркалом, со служанкой, копошащейся у ее ног, было первым шагом к поставленной ею цели. Барба, рот которой был полон булавок, тоже как будто почувствовала это, с явным удовлетворением непрестанно называя ее «мадам».

«И подумать только, что все мое богатство заключается в нескольких су, которые дала мне цветочница с Понт-Нефа!» — весело подумала Анжелика.

Она выбрала юбку и корсаж из зеленой саржи, отделанные черным атласом. Фартук из черного же атласа с крошечными золотыми цветочками дополнял ее наряд зажиточной лавочницы. Поскольку у мадам Буржо была весьма пышная грудь, оказалось невозможным полностью подогнать корсаж к маленькой, твердой, высокой груди Анжелики. Этот недостаток костюма был скрыт шейной косынкой, розовой, с зеленой вышивкой.

В небольшом мешочке Анжелика обнаружила простые украшения покойной дамы: три золотых кольца с сердоликом и бирюзой, два крестика, серьги и восемь великолепных четок, одни из которых были из черного агата, а остальные из хрусталя.

Анжелика снова спустилась вниз. Из-под чепчика, скрывающего ее короткие волосы, виднелись серьги с агатом и жемчугом, на шее висел небольшой золотой крестик на черной бархатной ленточке. Добрый хозяин не мог скрыть своей радости, увидев, как привлекательно она стала выглядеть.

— Клянусь Святым Никола, ты похожа на нашу дочь, о которой мы всегда мечтали и которой у нас никогда не было! Мы часто представляли себе ее. Теперь ей уже пятнадцать, шестнадцать лет, говорили мы друг другу. Она одета так или вот так... Она приходит в нашу лавку и бегаёт по ней, весело смеясь с покупателями...

— Это так любезно с вашей стороны, метр Жаке, делать мне такие приятные комплименты. Увы! Мне уже не пятнадцать и не шестнадцать... Я — мать семейства...

— Я не знаю, что ты такое, — растроганно сказал он, покачав своей большой головой. — Ты не производишь впечатления чего-то реального. С тех пор, как ты ворвалась в мой дом, как будто все изменилось, даже само время. Я совсем не уверен, что ты в один прекрасный день не исчезнешь так же внезапно, как появилась... Теперь кажется таким далеким вечер, когда ты появилась прямо из ночи с распущенными по плечам волосами и спросила у меня: «Нет ли у вас служанки по имени Барба?» Это прозвучало в моей голове, как удар колокола... Возможно, это должно было означать, что тебе суждено сыграть определенную роль в моей жизни.

«Мне хотелось бы на это надеяться», — подумала про себя Анжелика, но вслух она сказала преувеличенно ворчливым голосом:

— Просто вы были пьяны, вот поэтому в вашей голове и звенели колокола!

Банкет гильдии, пользующейся покровительством святого Вальбонна, прошел с большим успехом. Целых три корзины цветов послужили для украшения столов. Метр Буржую и Флипо, сверкая своими ослепительными нарядами, разносили блюда гостям и поднимали репутацию заведения. Розина помогала Барбе на кухне. Анжелика переходила от одного к другому, наблюдала за вертелами и котлами, весело отвечала на сердечные приветствия обедающих и поддерживала то комплиментами, то упреками кулинарные таланты Давида, поскольку он ради этого случая был произведен в звание высокого специалиста по южным блюдам. Но она и на самом деле не ошиблась, представив его, как талантливого мастера своей профессии. Он знал очень много, и только лень, а может быть, еще и отсутствие подходящих возможностей мешали ему до сих пор проявить свои способности. Но сейчас, невольно заражаясь необыкновенным воодушевлением Анжелики, переполняясь счастьем от ее похвал, следуя ее советам, он превзошел самого себя. Когда она вытащила его, багрового от смущения, в общую комнату, его встретили овациями. Дамы, разгоряченные добрым вином, нашли, что у него красивые глаза, забросали его разнообразными, иногда и нескромными вопросами, целовали, похлопывали, щекотали его...

Лино крутил свою шарманку, и вскоре гости уже пели, подняв стаканы в руках, а потом раздались взрывы смеха, когда на сцену выступил Пикколо, безжалостно передразнивающий матушку Маржолину и ее подруг.

Отряд мушкетеров, проходивший по улице в поисках какого-нибудь развлечения, услышал взрывы смеха, женские голоса, доносящиеся из «Бронзового петуха», и ворвался туда, громко требуя «жаркого и пинту вина».

После этого события приняли такой оборот, что святой Вальбонн определенно нахмурился бы, если бы только этот добрый провансальский святой, который, как все южане, любил веселье и солнце, не отнесся с естественной для него снисходительностью к

шумному беспорядку, установившемуся на этой праздничной встрече цветочниц и галантных военных... С колокольни церкви Святого Оппортюне прозвенел «Анжелюс». Анжелика, у которой пылали щеки, отяжелели веки, ныли руки от тяжести полных подносов и кувшинов, а губы горели от нескольких дерзких поцелуев усатых ртов, сразу ожила, когда увидела, что метр Буржую не спеша пересчитывает золотые монеты.

Она воскликнула:

— Не правда ли, метр Жаке, мы неплохо поработали?

— Определенно неплохо, моя девочка. Уже очень давно моя харчевня не видела таких пиров! А эти господа, как оказалось, платили не так уж плохо, как можно было ожидать по их плюмажам и шпагам.

— Как вы думаете, они пришлют к нам своих друзей?

— Вполне возможно.

— Вот что я теперь хочу предложить вам, — заявила Анжелика. — Я буду продолжать помогать вам вместе со своими детьми: Розиной, Лино, Флипо и обезьянкой. А вы будете отдавать мне четверть выручки!

Хозяин таверны нахмурился.

— Мы заключим контракт у нотариуса, — продолжала Анжелика, — но это останется между нами. Вам совсем не надо сообщать соседям о наших с вами деловых отношениях. Скажите им, что я ваша родственница, и мы работаем по-семейному. Вы увидите, метр Жаке, что у нас с вами будет торговля, пользующаяся шумным успехом. Вы прославитесь на весь район своей деловой хваткой, и вам будут завидовать. Матушка Маржолина говорила мне, что готовится банкет гильдии продавцов апельсинов, который отмечается в день Святого Фиакре. Поверьте мне, это полностью в ваших интересах — оставить нас у себя. А вот это то, что вы должны мне на сегодняшний день.

Она быстро отсчитала причитающуюся ей четвертую часть и вышла, оставив доброго человека в некотором замешательстве, но, тем не менее твердо убежденного в том, что он является очень смелым предпринимателем.

Анжелика вышла во двор, чтобы вдохнуть свежего утреннего воздуха. Она прижала к груди руку, в которой были зажаты золотые монеты. Эти кусочки золота были ключом к свободе. Она явно не обидела метра Буржую при разделе доходов. Анжелика подсчитала, что

поскольку ее маленькое семейство будет довольствоваться едой, остающейся после банкетов, ее заработки в конце концов составят целое богатство. Тогда наступит время попробовать свои силы в чем-нибудь другом. Например, почему бы не пустить в ход патент, которым, как утверждает Давид, обладает он один, и который дает право на производство и продажу экзотического питья под названием «шоколад»? Простые люди, вероятно, не проявят большого интереса к этому напитку, но светские дамы и щеголи, всегда ищущие нового и оригинального, вполне могут сделать его очередным капризом моды.

Анжелика представила себе экипажи знатных дам и вельмож, останавливающиеся на улице Вале-де-Мизере.

Она покачала головой, чтобы стряхнуть это видение. Не надо заглядывать слишком далеко. Жизнь все еще оставалась неустойчивой и ненадежной. Прежде всего, она должна копить, копить, как муравей. Она будет запирать золото в своей деревянной шкатулке, драгоценной реликвии самого ужасного периода в ее жизни, куда она уже положила кинжал Родогона Египтянина. Рядом с этим, теперь уже бесполезным оружием, она положит золото — оружие, которое дает силу. Богатство даст право не умирать, а жить, право видеть, не как умирают от голода твои дети, а как они улыбаются. «Если бы все мое имущество не было тогда опечатано, — сказала себе молодая женщина, — я наверняка сумела бы спасти Жоффрея». Она снова покачала головой. Она больше не должна об этом думать, потому что каждый раз, когда она возвращалась мыслями к своему прошлому, ей хотелось умереть, ее охватывало желание забыться, уснуть навсегда.

Она никогда больше не должна думать об этом. У нее есть другие занятия. Она должна спасти Флоримона и Кантора. Она должна копить, копить!..

Анжелика подняла глаза к сырому небу, на котором уже появились золотые проблески зари, но теперь они бледнели, и все небо становилось тяжелым, свинцово-серым. На улице зазывно кричал продавец, расхваливая свои крепкие напитки. У входа во двор таверны какой-то оборванец тянул заунывную жалобу. Присмотревшись к нему, она увидела, что это Черный Хлеб, со всеми своими болячками, лохмотьями и раковинами вечного пилигрима нищеты.

Охваченная страхом, она побежала на кухню, схватила булку хлеба и миску супа и вынесла ему. Бродяга свирепо посмотрел на нее

из-под седых лохматых бровей.

Глава 18

В течение нескольких дней Анжелика делила свои таланты между кастрюлями и сковородами метра Буржю и цветами матушки Маржолины. Цветочница просила помочь ей, потому что неминуемо приближалось рождение дофина, и все цветочницы были завалены работой.

Однажды ноябрьским днем, когда они сидели на Понт-Нефе, начали бить часы на дворцовой башне. Немедленно схватил свой молоток часовщик Самаритянки, и слышно было, как вдали грохочут выстрелы пушек Бастилии.

Все население Парижа обезумело от радости.

— Королева родила! Королева родила!

Затаив дыхание, толпа считала:

— Двадцать, двадцать один, двадцать два...

Когда раздался двадцать третий пушечный удар, люди начали бросаться друг другу в объятия. Над охваченным лихорадочной радостью Парижем продолжал разноситься звон колоколов со всех церквей и пушечные выстрелы. Ни у кого больше не было сомнений: мальчик!

— Дофин! Дофин! Да здравствует дофин! Да здравствует королева! Да здравствует король!

Все обнимались и целовались. На Понт-Нефе звенели песни. Все мастерские и лавки прекратили работу. Фонтаны начали извергать потоки вина. На улицах лакеями короля были установлены длинные столы, уставленные пирожными и вареньем. Вечером был устроен грандиозный фейерверк.

Когда королева вернулась из Фонтенбло и снова поселилась в Лувре вместе со своим царственным младенцем, городские гильдии приготовились принести ей поздравления.

Матушка Маржолина сказала Анжелике:

— Ты тоже пойдешь с нами. Это не совсем по правилам, но я возьму тебя с собой как ученицу, которая понесет мои корзины. Ведь

тебе хотелось бы, не правда ли, повидать жилище королей, прекрасный Лувр?

Анжелика не посмела отказаться. Добрая женщина оказывала ей великую честь. Кроме того, хотя она и не хотела сознаваться в этом себе самой, ей хотелось хотя бы еще раз оказаться в том месте, которое было сценой для стольких событий и драм ее жизни. Увидит ли она мельком со слезами волнения на глазах Великую Мадемуазель или наглуго герцогиню де Суассон, остроумного Лозена, мрачного де Гиша, де Варда?.. Кому из высокопоставленных господ и дам сможет придти в голову, что среди этих лавочниц может находиться женщина, которая еще не так давно проходила по коридорам Лувра в придворном наряде, в сопровождении бесстрастного мавра, подходила то к одному, то к другому, вначале растерянная, потом просящая, умоляющая оказать милость своему мужу, осужденному заранее?..

В назначенный день она оказалась перед дворцом, где звучали пронзительные голоса и шуршали накрахмаленные юбки торговки цветами и апельсинами и жен рыбаков с центрального рынка. Они явились сюда вместе со своим товаром.

Корзины с цветами, закрытые корзины с фруктами, бочонки с селедкой будут поставлены в ряд перед монсьёром Дофином, чья крошечная ручка должна будет прикоснуться к ним ко всем, — к розам, сверкающим апельсинам и прекрасной серебристой рыбе.

Поднимаясь по лестнице, ведущей в королевские апартаменты, шумная толпа женщин повстречалась с папским нунцием, который только что передал будущему наследнику королевского трона приданое для младенца — традиционный подарок Папы «в знак признания его старшим сыном Церкви».

В приемной, где их попросили обождать, женщины пришли в восторг при виде сокровищ, которые были извлечены из трех красных бархатных ларцов с серебряными застежками.

Затем их провели в спальню королевы. Дамы из торговых гильдий опустили на колени и начали произносить свои приветственные речи. Стоя среди них на коленях на ярких коврах, Анжелика увидела королеву, возлежащую в полутьме в роскошном одеянии на сверкающей позолотой большой кровати. На ее лице еще сохранилось то несколько напряженное, застывшее выражение, которое она привезла из мрачных дворцов Мадрида и которое Анжелика впервые

видела в Сен-Жан де Луз, но французский стиль одежды и прически менее шли ей, чем то фантастическое одеяние и огромная прическа, увеличенная накладными локонами, которые обрамляли строгими и неопределенными линиями лицо и фигуру молодого идола, которого обручали с Королем-Солнцем.

Королева Мария-Тереза, счастливая молодая мать и любящая жена, успокоенная заверениями и вниманием короля, соизволила улыбнуться при виде пестрой, кричаще одетой толпы, заполнившей ее покои сразу после елейно-льстивого сопровождения папского посланника. Король стоял рядом с ней. Он улыбался.

Анжелику охватило такое жестокое волнение, когда она осознала, что стоит на коленях у ног короля вместе с этими смиренными женщинами, что она как будто ослепла и потеряла способность двигаться, как парализованная. Она видела только одного короля.

Позже, когда она уже вышла из королевских покоев вместе со своими спутницами, они рассказали ей, что там присутствовали и королева-мать, мадам Орлеанская и Мадемуазель де Монпансье, герцог Энгиенский, сын принца Конде, и еще большое число молодых дам и господ из их окружения.

Она не видела никого, только одного короля, который улыбался, стоя на ступеньках около кровати королевы. Она почувствовала, что ее охватывает страх. Он совсем не походил на того молодого человека, который принимал ее в Тюильри и которого ей так хотелось потрясти, ухватив за жабо. В тот день они встретились как два молодых существа, наделенных одинаковой силой и вступивших в свирепую схватку, причем каждый из них был убежден, что именно он должен победить.

Какое безумие! Как она могла не понять с первого же взгляда, что в этом монархе, внешне легко ранимом и чувствительном человеке, каким он тогда еще казался, уже скрывался неукротимый и властный характер, который не прощал ни малейшего посягательства на свой авторитет! Этот король с самого начала мог быть только победителем, и Анжелика была сломана, как тростинка, за то, что не поняла этого.

Она последовала за группой учениц через покои слуг к дворцовым воротам. Члены гильдий остались на большой банкет, но ученицы не удостоились чести быть приглашенными на этот королевский пир.

Когда они проходили через кладовые, где приготовленные блюда и груды дичи ждали момента, когда их понесут в залы, Анжелика услышала, что за ее спиной кто-то свистит: один длинный свисток, за ним два коротких. Она узнала сигнал шайки Каламбредена, и подумала, что это ей кажется. Здесь, в Лувре?..

Она обернулась. Маленькая фигурка, стоящая в открытых дверях, отбрасывала тень на каменный пол.

— Баркароль!

Она бросилась к нему в порыве искренней радости. Карлик приосанился, преисполнившись гордости и важного достоинства.

— Идем, сестра. Идем, моя самая дорогая Маркиза. Давай позволим себе немного поболтать.

Она засмеялась.

— Ох, Баркароль! Какой ты стал красивый! И как ты хорошо говоришь!

— Я — карлик королевы, — очень самодовольно заявил Баркароль.

Он провел ее в небольшую гостиную и заставил выражать восхищение его атласной курткой, одна половина которой была оранжевой, а другая желтой. В талии ее перехватывал пояс, увешенный множеством колокольчиков. После этого он принялся скакать и кувыркаться, чтобы дать ей возможность оценить тот звон и грохот, который он производил при этом. Со своими волосами, подстриженными на уровне затылка, огромным пышным жабо, тщательно выбритыми щеками, карлик выглядел здоровым и счастливым. Анжелика сказала ему, что он как будто помолодел на много лет.

— В самом деле, я и сам чувствую нечто похожее, — скромно согласился Баркароль. — Жизнь здесь не лишена комфорта, и, кроме того, я считаю, что люди здесь, пожалуй, даже любят меня. Я счастлив тем, что в мои годы уже достиг вершины своей карьеры.

— Сколько же тебе лет, Баркароль?

— Тридцать пять. Это возраст зрелости, расцвета моральных и физических возможностей мужчины. Идем дальше, сестра. Я хочу представить тебя одной знатной даме, к которой, я не стану скрывать от тебя, я питаю нежные чувства... и на которые она отвечает взаимностью.

— Донья Терезита, я представляю вам донью Анжелику, самую прекрасную из всех мадонн Парижа, — пышно провозгласил карлик.

Женщина подняла на Анжелику умные темные глаза и что-то сказала по-испански, но Анжелика разобрала из всех ее слов только «Маркиза Ангелов». Баркароль подмигнул Анжелике.

— Она спрашивает, не ты ли та самая Маркиза Ангелов, о которой я ей постоянно рассказываю. Как видишь, сестренка, я не забываю своих друзей.

Они обошли вокруг стола и Анжелика увидела, что у доньи Терезиты были крошечные ножки, едва достававшие до края стула, на котором она сидела. Это была карлица королевы.

Анжелика взялась двумя пальцами за свою юбку и слегка присела в реверансе, чтобы выразить свое уважение столь высокопоставленной особе. Карлица движением головы пригласила Анжелику сесть на другой стул, в то время как сама продолжала помешивать свое варево. Баркароль вскочил на стол. Он щелкал орехи и рассказывал по-испански своей подруге бесконечные истории. К Анжелике подошла великолепная белая борзая, обнюхала ее и легла у ее ног.

— Это Пистоле, борзая короля, — сказал Баркароль, представляя пса.

В этой части дворца, где отдыхали, занимаясь легкой беседой и флиртом карлики в перерывах между своими прыжками, было тепло и тихо. У Анжелики затрепетали ноздри от любопытства, когда их коснулся необычный запах, исходивший из кастрюли. Это был неопределенный, но приятный аромат, заглушаемый сильным запахом корицы и красного перца. Она посмотрела на продукты, разложенные на столе: орехи и миндаль, стручки красного перца, горшочек меда, половина сахарной головы, чашки с анисом и корицей.

Поглощенная своим занятием карлица, казалось, не имела особого желания вступать в разговоры с гостями. Однако многословные речи Баркароля время от времени вызывали у нее улыбку.

— Я сказал ей, — объяснил он Анжелике, — что ты нашла, что я помолодел, и что этому я обязан ей и тому счастью, которым она меня одарила. Моя дорогая, я здесь и в самом деле живу, как сыр в масле! По правде говоря, я стал слишком благоразумным и уравновешенным. Это иногда меня беспокоит. Королева — самая добрая женщина на свете. Когда ей становится уж очень грустно, она подзывает меня к

себе и, похлопывая меня по щекам, говорит: «Ах! Мой бедный мальчик! Мой бедный мальчик!» Я к этому не привык. Это вызывает у меня слезы, у меня, у Баркароля!

— Почему королева грустит?

— Ну, видишь ли, она начинает подозревать, что ее муж ей изменяет!

— Значит это правда, эти разговоры о том, что у короля есть фаворитка?

— Конечно! Он прячет ее, свою Ла Вальер. Но королева в конце концов начала догадываться. Бедная аленькая женщина! Она бесхитростна и мало знает о жизни. Видишь ли, сестра, жизнь принцев, если взглянуть поближе, не так уж отличается от жизни бродяг и потаскух. Видела бы ты ее, королеву Франции, когда она тщетно ждет своего мужа, который по ночам развлекается в объятиях другой женщины. Если нам, французам, и есть чем гордиться, так это разве что неистощимой любовной силой нашего господина. Бедная маленькая королева Франции!

Карлик Баркароль, вне всяких сомнений, превратился из циника в сострадательного философа. Он увидел, что Анжелика улыбается, и подмигнул ей.

— Приятно, не правда ли, Маркиза Ангелов, время от времени позволить себе расчувствоваться, поддаться сентиментальности, подумать о том, какой ты честный, храбрый, зарабатывающий себе на жизнь добросовестной работой человек?!

Она не ответила, потому что ей не понравился пресыщенный тон карлика. Чтобы сменить тему разговора, она спросила:

— Можешь ты мне сказать, что варит с таким усердием донья Терезита? У этого кушанья какой-то странный запах, который я не могу узнать.

— Ну, так ведь это же шоколад королевы.

Анжелика быстро вскочила и, подбежав к кастрюльке, заглянула в нее. Она увидела густую, черноватую жидкость, которая имела не очень-то аппетитный вид. С помощью Баркароля она вступила в разговор с карлицей, которая рассказала ей, что для приготовления шедевра требуется сотня бобов какао, два стручка мексиканского перца, горсть аниса, шесть александрийских роз, двенадцать

миндалин, две драхмы корицы, двенадцать орехов и половина сахарной головы.

— Мне это кажется ужасно сложным, — разочарованно сказала Анжелика. — Это вкусно? Можно мне попробовать?

— Попробовать шоколад королевы! Такая нечестивая оборванка, как ты! Какое святотатство! — с издевательской усмешкой воскликнул карлик.

Но карлица, хотя и ей требование Анжелики показалось весьма дерзким, протянула Анжелике немного густой массы на золотой ложечке. Эта паста была так насыщена острыми специями, что обжигала рот, кроме того, она была невероятно сладкой. Из вежливости Анжелика сказала:

— Это великолепно.

— Королева просто не может без него обходиться, — объяснил Баркароль. — Она выпивает несколько чашек в день, но их приносят к ней тайком, потому что король и весь двор насмехается над ее пристрастием. Во всем Лувре больше нет никого, кто бы его пил, кроме королевы-матери, тоже испанки.

— А где можно достать эти бобы какао?!

— Королева получает их из Испании, через посла. Их следует поджарить, очистить, растолочь...

В комнату ворвалась маленькая девочка, потребовав по-испански шоколад для Ее Величества. Анжелика узнала Филиппу. Утверждали, что этот ребенок был незаконнорожденным отпрыском короля Филиппа IV Испанского, и что инфанта Мария-Терезия, обнаружив совершенно заброшенную девочку в коридорах Эскуриала, воспитала ее. Она была среди испанской свиты, сопровождавшей инфанту.

Анжелика поднялась и попрощалась с доньей Терезитой. Карлик провел ее к маленькой калитке, которая выходила на набережную.

— Ты даже, не спросил меня, как я выкарабкалась, — сказала ему Анжелика.

Внезапно ей показалось, что карлик превратился в большую тыкву, потому что теперь она видела только огромную шелковую шляпу. Баркароль смотрел в землю. Анжелика присела на порог, чтобы быть на одном уровне с маленьким человечком; она заглянула ему в глаза.

— Отвечай мне!

— Я знаю, как ты выкарабкалась. Ты бросила Каламбредена.

— Твои слова звучат так, как будто ты меня осуждаешь! Разве ты ничего не слышал о сражении на Сен-Жерменской ярмарке? Каламбреден исчез. А мне удалось бежать из Шатле. В Нельской башне теперь Родогон.

— Ты больше не принадлежишь к миру дна.

— Так же, как и ты.

— О нет, я принадлежу к нему и всегда буду принадлежать! Это мое королевство, — заявил Баркароль со странной торжественностью.

— Кто рассказал тебе обо мне?

— Деревянный Зад.

— Ты снова виделся с ним?

— Я ходил выразить ему почтение. Он теперь — наш Великий Кезр. Я полагаю, что тебе это известно?

— Да, в самом деле, известно.

— Я ходил туда, чтобы выложить кошелек, набитый луидорами. Хуу! Хуу! Моя дорогая, я был самым богатым франтом во всей компании.

Анжелика взяла руку карлика, забавную, пухлую, круглую ручку ребенка.

— Баркароль, они хотят отомстить мне?

— Я полагаю, что во всем Париже нет женщины, у которой ее хорошенькая шкура так ненадежно держалась бы на теле, как твоя.

— Тут уж ничему не поможешь. Я умру, но никогда не вернусь обратно. Ты можешь так и сказать Деревянному Заду.

Карлик королевы заслонил свои глаза трагическим жестом.

— Ах! Как это ужасно — увидеть такую хорошенькую девушку с перерезанным горлом!

Когда она уже выходила, он ухватил ее за юбку.

— Между нами говоря, было бы гораздо лучше, если бы ты сама сказала все это Деревянному Заду.

Начиная с декабря, Анжелика посвящала все свое время и силы делам харчевни. Число посетителей все увеличивалось. Известия об успешном пире цветочниц распространялись со скоростью лесного пожара. «Бронзовый петух» начал специализироваться на банкетах различных гильдий. Торговцы были счастливы «промочить как следует

свои глотки» и всласть поесть в хорошей компании во славу своего святого покровителя.

Постепенно в «Бронзовом петухе» начали появляться компании вольнодумцев, которые проповедовали право на всевозможные чувственные удовольствия, презирали женщин и отрицали бога. Было не легко увертываться от их шарящих рук. Кроме того, они были очень привередливы в отношении еды. Но Анжелика, хотя ее иногда и пугал их цинизм, рассчитывала, что они создадут заслуженную известность ее скромному заведению, которая привлечет к нему, в свою очередь, посетителей более высокого ранга.

Несмотря на то, что ее руки были измазаны салом, щеки пылали от кухонного жара, на лбу выступал пот, Анжелика упорно трудилась, не думая ни о чем, кроме настоящей минуты. Ей не доставляло никакого труда смеяться, обмениваться шутками с посетителями, бить по дерзко протянутым к ней рукам. Ей даже нравилось размешивать соусы, крошить травы, украшать блюда.

Она вспомнила, что когда была еще маленькой девочкой в Монтелу, ей всегда нравилось помогать на кухне. Но только в Тулузе она получила настоящие знания гастрономии под руководством привередливого Жоффрея де Пейрака, слава о столе которого в Отеле Веселой Науки гремела по всему королевству. Ей доставляло печальную радость воспоминание о некоторых забытых рецептах или восстановление некоторых утраченных принципов кулинарного искусства.

Когда пришла зима, серьезно заболел Флоримон. У него текло из носа, гноились уши.

Анжелика по двадцать раз в день улучала момент, чтобы одним махом взлететь по семи пролетам лестницы на чердак, где горящее в жару маленькое тельце вело одинокую борьбу со смертью. Каждый раз, приближаясь к его постели, она трепетала от страха и выпускала вздох облегчения, увидев, что ее сын еще дышит. Она нежно гладила и целовала его большой выпуклый лоб, на котором выступали жемчужинки пота.

— Любовь моя! Сокровище мое! О господи, дай мне сохранить моего маленького хрупкого мальчика! Милый боже, я больше ничего не хочу в жизни. Я снова пойду в церковь, я закажу мессу, только оставь мне моего мальчика...

На третий день болезни Флоримона метр Буржую сердито приказал Анжелике переехать в большую спальню на первом этаже, в которой никто не спал после смерти его жены. Разве можно как следует ухаживать за ребенком на чердаке, который по размеру не больше гардероба, и где ночью собирается шесть человек, не считая обезьяны? Так поступают только цыганки да бессердечные нищенки!..

Флоримон выздоровел, но Анжелика так и осталась в большой спальне на первом этаже вместе со своими двумя детьми, а для Флипо и Лино был выделен еще один чердак. Розина продолжала ночевать вместе с Барбой.

— И еще, — заключил Буржую, пылая гневом, — мне хотелось бы, чтобы ты прекратила оскорблять мой взор зрелищем этого негодяя-лакея, который каждое утро притаскивает дрова ко мне во двор прямо под носом у соседей. Если тебе надо согреться, можешь всегда взять дров из общей кучи.

Итак, Анжелика сообщила герцогине де Суассон через ее лакея, что она больше не нуждается в ее дарах и благодарит за милостивую помощь. Она дала лакею на чай, когда он посетил ее в последний раз. Он так и не мог придти в себя от потрясения, испытанного им в первый день их знакомства, только покачал головой.

— За свою жизнь я многое видел, но никогда не встречал женщины, подобной тебе!

— Это было бы еще полбеды, — отпарировала Анжелика, — но ведь и мне пришлось повстречать тебя!

Позднее она разделила остатки пищи и одежды, присланные ей герцогиней де Суассон между бродягами и попрошайками, которые, все увеличиваясь в числе, собирались на подступах к «Бронзовому петуху». Среди них стало попадаться много знакомых ей лиц, хмурых и молчаливых. Она молча умоляла этих нищих даровать ей право на свободную жизнь. Но они становились все назойливее с каждым днем. Их лохмотья и костыли все с большей угрозой окружали ее убежище. Даже посетители «Бронзового петуха» начали протестовать против этого нашествия, жалуясь на то, что окрестности харчевни усеяны нищими гуще, чем церковная паперть. Их вид ни у кого не вызывал аппетита.

Метр Буржю разразился приступом ярости, на сей раз неподдельной.

— Это ты привлекаешь их сюда, как виверра змей! Прекрати раздавать им подаяния и избавь меня от этих паразитов, или мне придется расстаться с тобой!

Она горячо запротестовала:

— С чего это вы вообразили, что нищие осаждают вашу лавку больше, чем все остальные? Разве вы не слышали разговоров о том, что в деревнях голод? Говорят, что изможденные крестьяне собираются целыми армиями и наводняют города, и что число этих несчастных все увеличивается...

Но она была напугана сама.

Следующие три месяца были ужасны. Холод и голод становились все сильнее. Нищие вели себя все более дерзко. Анжелика решила отправиться навестить Деревянного Зада. Ей уже давно следовало это сделать; так ей советовал и Баркароль. Но ее охватывала головокружительная слабость при одной только мысли о том, что ей придется снова оказаться перед домом Великого Кезра.

Но она должна была еще раз преодолеть свой страх, пройти еще один отрезок пути, выиграть еще одну битву. В черную и морозную ночь она направилась в предместье Сен-Дени.

Ее провели к Деревянному Заду. Он восседал на некотором подобии трона в самой глубине своего дома, перед ним стоял медный таз. Комната была полна дыма и гари от масляных светильников. Анжелика бросила в таз тяжелый кошелек и преподнесла ему еще один подарок: жареное плечо барана и булку хлеба, что было редким деликатесом в то трудное время года.

— Не слишком-то ты поторопилась, — проворчал Деревянный Зад. — Я долго ждал тебя, Маркиза. Ты знаешь, что затеяла опасную игру?

— Я знаю, что все еще жива только благодаря тебе.

Она подошла к нему поближе. По обеим сторонам трона калеки стояли жуткие персонажи его свиты: Большой и Маленький Евнухи со знаками отличия дураков — метлой и пикой с насаженной на нее дохлой собакой, и Жан Седобородый со своей развевающейся бородой и пучком розог, символом власти бывшего хозяина Наваррского коллежа.

Деревянный Зад, по-прежнему заботящийся о своей внешности, восседал в роскошной шляпе с двойным плюмажем из красных перьев.

Анжелика дала обещание, что она каждый месяц будет приносить или передавать ему ту же самую сумму денег, и что его стол никогда не будет страдать от недостатка каких-либо продуктов. Но взамен она потребовала, чтобы ей позволили спокойно вести ее новую жизнь, и чтобы нищим было приказано очистить подступы к «ее» харчевне.

По выражению лица Деревянного Зада она поняла, что на этот раз действовала так, как и следовало, и что он считает себя вполне удовлетворенным.

Прощаясь с ним, она присела в почтительном реверансе.

В 1663 году Анжелика воспользовалась вынужденным бездельем дней Великого Поста для претворения в жизнь трех проектов, которые она долго вынашивала в своем сердце.

Прежде всего, она сменила дом. Ей никогда не нравился тесно застроенный и шумный район, на который, кроме того, отбрасывала свою мрачную тень крепость Шатле. Она подыскала себе в прекрасном районе Маре двухэтажную квартирку, состоящую всего из трех комнат, которая, тем не менее, показалась ей настоящим дворцом.

Она была расположена на улице Франс-Буржуа, недалеко от ее пересечения с улицей Вейли-де-Тампль. Во времена Генриха IV какой-то богатый финансист начал строить здесь красивый городской дом из кирпича и тесаного камня. Однако, разоренный войнами или просто пошатнувшимися делами, он оставил его незаконченным. Были выстроены только ворота, с расположенными по обе стороны от них небольшими строениями, за которыми находился большой внутренний двор. Маленькая старушка, бывшая владелица всего этого строения, жила в одном из боковых домиков, расположенных по обе стороны сводчатого проезда, а второй она за весьма умеренную цену сдала Анжелике.

На нижнем этаже два окна, защищенные тяжелыми решетками, освещали коридор, который вел в небольшую кухню и довольно просторную комнату, которую Анжелика оставила для себя. Большая комната наверху была предназначена для детей, которые переселились вместе со своей воспитательницей, Барбой, оставившей службу у метра Буржю, чтобы перейти к «мадам Моран», как решила называть

себя Анжелика. Быть может, наступит день, когда она сможет добавить к этому имени дворянскую частицу «де». Тогда ее дети будут носить одно из имен своего отца: де Моран. А потом она попытается вернуть им и его титул, если не его наследство.

Она питала безумные надежды. Деньги могут сделать все. Разве она уже не добилась своего собственного уголка?

Барба рассталась с харчевней без всяких сожалений. Она не любила торговлю и была счастлива только со «своими детьми». На какое-то время она полностью посвятила себя им. Вместо нее Анжелика наняла двух кухонных служанок и судомойку. Таким образом, включая Розину, которая к тому времени превратилась в миленькую и веселую горничную, Флипо, помогавшего на кухне, и Лино, который специализировался на увеселении посетителей и торговал бисквитами и пирожными, штат «Бронзового петуха» стал довольно внушительным.

На улице Франс-Буржуа дети и Барба могли наслаждаться тишиной и покоем.

В день переезда Анжелика без усталости бегала вверх и вниз по лестнице, охваченная возбуждением. Обстановки было не слишком много: кровать в каждой из комнат, небольшие кроватки для детей, два стола, три стула, и квадратные плюшевые подушки для сидения. Но в камине пылал огонь и вся комната наполнилась запахом оладий. Так они отпраздновали новоселье.

Вертел хвостом пес Пату, и маленькая няня Жавотта улыбалась Флоримону, который тоже отвечал ей улыбкой.

Анжелика специально съездила в Нейли, чтобы забрать бывших товарищей Флоримона и Кантора. Решив обосноваться на улице Франс-Буржуа, Анжелика подумала, что им, пожалуй, необходима сторожевая собака. Район Маре был небезопасным по ночам, потому что в нем было много больших пустых участков и все дома отделялись друг от друга обширными садами. Анжелика находилась под покровительством Деревянного Зада и была уверена в надежности такой защиты, но в темноте грабители могли и ошибиться. Тогда она вспомнила о маленькой девочке, которой, вне всякого сомнения, были обязаны жизнью ее дети, и о большом псе, который укрывал Флоримона от беды.

Кормилица не узнала ее, потому что Анжелика была в маске и приехала в наемном экипаже. Увидев деньги, она расцвела улыбками и с радостью рассталась и с девочкой, и с собакой. Анжелика немного беспокоилась насчет того, как встретит их Флоримон, но вновь прибывшие явно не вызывали в нем никаких воспоминаний, кроме приятных. И только сама Анжелика, глядя на Жавотту и Пату, страдала от мучительных воспоминаний о Флоримоне, скрывающемся в собачьей конуре.

В этот вечер она была безрассудно расточительна. Она накупила игрушек, не тех дешевых бумажных мельниц и коней на палочках, которые за несколько су можно приобрести на Понт-Нефе, а дорогих, которые, как говорили, изготавливают в Нюренберге: маленькую карету из позолоченного дерева с четырьмя куклами внутри, трех маленьких стеклянных собачек, свисток из слоновой кости и для Кантора раскрашенное деревянное яйцо, внутри которого было еще несколько яиц меньшего размера.

Любуясь своим маленьким семейством, Анжелика сказала Барбе:

— Барба, в один прекрасный день эти молодые господа отправятся в Академию Монпарнаса, и мы представим их ко двору.

На что Барба, стиснув руки, ответила:

— Я верю в это, мадам.

В этот момент по улице прошел глашатай смерти.

— Эй вы, все, кто спит в своих постелях,

Молитесь за мертвых...

Анжелика бросилась к окну и опрокинула ему на голову ведро холодной воды.

Следующим желанием Анжелики было сменить вывеску над харчевней «Бронзовый петух», которая благодаря ее стараниям превратилась в таверну «Красная маска», в честь той красной маски, в которой она обычно появлялась в обеденных комнатах. Честолюбие вызывало в ней желание приобрести кроме железной вывески, торчащей поперек улицы и изображавшей карнавальную маску, еще и вывеску, написанную художником, чтобы поместить ее над входом.

Однажды, возвращаясь с рынка, она внезапно остановилась перед оружейной лавкой. На ее вывеске был нарисован старый солдат с

седой бородой, который пил вино из своего шлема, а его пика сверкала.

— Да ведь это старый Гийом! — воскликнула она.

Она влетела в магазин и хозяин рассказал ей, что этот шедевр над дверью был работой живописца по имени Гонтран Сансе, который живет в предместье Сен-Марсель.

Анжелика с отчаянно бьющимся сердцем отправилась по адресу, полученному от оружейника. На третьем этаже скромного дома ей открыла дверь маленькая, розовая, улыбающаяся молодая женщина. Гонтран был в мастерской около мольберта, среди разбросанных повсюду красок: лазури, красно-коричневой, синей, венгерской зелени... Он курил трубку и рисовал обнаженного херувима, моделью для которого служила маленькая прелестная девочка, лежащая на голубом бархатном ковре.

Посетительница в маске начала свой разговор с вывески оружейника. Потом, со смехом приподняв свою маску, дала узнать себя. Она чувствовала, что Гонтран пришел в восторг, снова увидев ее. Он становился все более и более похожим на отца, даже по манере складывать руки на коленях, когда кого-нибудь слушал. Он рассказал Анжелике, что прошел через положенные испытания и женился на дочери своего бывшего хозяина, Ван Оссела.

— Но ведь ты женился на девушке, которая гораздо ниже тебя по положению! — с ужасом воскликнула Анжелика, выждав момент, когда маленькая голландка вышла на кухню.

— А ты сама? Если я правильно понял, ты в настоящее время являешься хозяйкой таверны и угощаешь вином людей, которые наверняка много ниже по своему общественному положению, чем я.

Помолчав с минуту, он продолжал, но без ехидства:

— И, тем не менее, ты без всякого ложного стыда примчалась навестить меня! А так ли бы уж ты спешила предстать перед Раймоном, который только что получил назначенце на должность духовника королевы-матери; или перед Мари-Аньес, нашей сестрой, которая теперь фрейлина королевы и шлюха в Лувре, согласно порядкам, царящим среди тамошней стаи красоток; или даже перед юным Альбером, который стал пажом маркиза де Рошана?

Анжелика призналась, что она не слишком интересовалась судьбой своих братьев и сестер. Потом она спросила, что делает Дени.

— Он служит в армии. Отец на вершине блаженства. Наконец-то де Сансе на королевской службе! Жан-Мари, наш последний, учится в коллеже. Раймону, возможно, удастся достать для него церковный пост, потому что он поддерживает очень хорошие отношения с духовником короля, в руках которого находятся все назначения. Вполне возможно, что в нашей семье со временем появится епископ.

— Тебе не кажется, что мы составляем несколько странную компанию? — спросила его Анжелика, кивнув головой. — Смотри, де Сансе и поднимаются вверх, и спускаются вниз.

— А Ортанс со своим муженьком-законником болтается где-то посередине. У них очень много связей, но живут они весьма скромно. Затевая это дело по выкупу своей прежней конторы, они за последние четыре года не получили от государства ни одного гроша.

— Ты их видишь?

— Да. Так же, как Раймона и всех остальных. Они не испытывают особой гордости при виде меня, но им нравятся их портреты.

Анжелика немного поколебалась.

— А... когда ты их видишь... вы когда-нибудь говорите обо мне?

— Никогда! — резко сказал художник. — Воспоминания, связанные с тобой, слишком ужасны. Это была катастрофа, которая разбила наши сердца. Эта рана не затянулась и до сих пор. К счастью, мало кто знает, что ты наша сестра, что ты — жена колдуна, сожженного на Гревской площади!

Однако, произнося эти слова, он взял ее руку в свою, испачканную красками и сожженную кислотами. Он потрогал ее пальцы, прикоснулся к маленькой ладони, хранившей следы ожогов от кухонного очага, потом прижался к ней щекой, тем самым жестом, который сохранился у него с раннего детства...

У Анжелики так сжалось горло, что она подумала, что сейчас расплачется. Но она так давно уже не плакала! Свои последние слезы она пролила перед смертью Жоффрея де Пейрака. С тех пор она разучилась плакать.

Почти резко выдернув свою руку, она посмотрела на холсты, прислоненные к стенам вокруг нее:

— А ты создаешь прекрасные вещи, Гонтран.

— Да. И, однако, знатные дворяне позволяют себе фамильярно обращаться со мной, и даже буржуа смотрят на меня сверху вниз,

потому что я создаю эти вещи своими собственными руками. Неужели им больше понравилось, если бы я работал ногами? Почему считается более почетным и менее физическим трудом держать в руках шпагу, а не кисть?

Он покачал головой и его лицо озарилось улыбкой. После женитьбы он стал веселее и разговорчивее.

— Маленькая моя сестра, я полон уверенности в себе. Придет тот день, когда мы оба отправимся в Версаль, будем приняты при дворе. Король призывает к себе огромное количество художников. Я буду расписывать потолки королевских апартаментов, писать портреты принцев и принцесс, и однажды король скажет мне: «Вы создаете прекрасные вещи, сударь». А тебе он скажет: «Мадам, вы самая прекрасная женщина во всем Версале».

И они оба разразились смехом.

Глава 19

Анжелика в осенних сумерках прогуливалась по Понт-Нефу. Она пришла сюда купить цветов и воспользовалась случаем, чтобы походить от одной лавки к другой.

Остановившись перед платформой Большого Матье, она почувствовала, как у нее дрогнуло сердце. Большой Матье тащил зуб у стоящего перед ним на коленях человека. Рот пациента был широко раскрыт и растянут щипцами хирурга, но Анжелика сразу узнала прямые волосы цвета соломы и поношенный черный костюм. Это был человек с баржи с сеном.

Молодая женщина принялась проталкиваться сквозь толпу зрителей, чтобы попасть в первый ряд.

Несмотря на то, что было весьма прохладно, Большой Матье покрылся потом.

— О боже, это так тяжело!

Он отер пот с лица, вынул инструмент изо рта жертвы и спросил:

— Больно?

Тот повернул к наблюдателям свое лицо, улыбнулся и покачал головой. Не было никакого сомнения. Это был он, с его бледным лицом, длинным ртом, его гримасами!

— Вот видите, дамы и господа! — заревел Большой Матье. — Разве это не удивительно? Вот перед вами человек, который не чувствует никакой боли, несмотря на то, что его зуб тверже гранита! А какому чуду он обязан тем, что не страдает от боли? Это только потому, что я натер его десну перед операцией дивной мазью. Вот в этой маленькой бутылочке, дамы и господа, хранится забвение от всех страданий и недугов. Со мной вы никогда не будете чувствовать боли, благодаря моим чудесным лекарствам. Я могу вытащить вам все зубы так, что вы этого даже не заметите. Ну, мой друг, давай снова займемся работой.

Пациент с готовностью раскрыл свой рот. Шарлатан со стонами и ругательствами снова ухватился за непокорную челюсть. Наконец, с криками триумфа, Большой Матье поднял зажатый щипцами беспокойный зуб.

— Вот он! Очень было больно, мой друг?

Тот поднялся, все еще улыбаясь, и сделал отрицательный жест.

— Что я могу еще сказать, господа? Вот человек, который на ваших глазах прошел через такое тяжелое испытание, и, как вы видите, он уходит здоровый и бодрый. Благодаря чудесной мази, которой из всех практикующих врачей пользуюсь я один, никто больше не должен иметь ни малейших колебаний и немедленно избавиться от вонючих обломков во рту, которые позорят честных христиан. Вы будете улыбаться, когда я буду вытаскивать ваши зубы. Не надо больше колебаться, дамы и господа. Смелее вперед! Боли больше не существует, боль умерла.

Пациент тем временем нахлобучил свою остроконечную шляпу и начал спускаться по ступенькам. Анжелика последовала за ним. Ей хотелось подойти к нему, но она не была уверена в том, узнает ли он ее.

Он пошел вдоль набережной де Морфондю, ниже Дворца Правосудия. Следуя за ним на расстоянии нескольких шагов, Анжелика видела его странный тощий силуэт, возникающий из тумана, поднимающегося с Сены. Он опять казался чем-то нереальным. Он шел очень медленно, останавливался, потом снова продолжал идти.

Внезапно он исчез. Анжелика даже вскрикнула. Но потом она поняла, что он просто спустился по трем или четырем ступенькам к берегу реки. Не задумываясь ни на минуту, она тоже спустилась вниз и чуть не наткнулась на незнакомца, прислонившегося к стене набережной. Он согнулся пополам и хрипло стонал.

— Что случилось? Что с вами? — спросила Анжелика. — Вы больны?

— О! Я умираю! — слабо простонал он. — Эта скотина чуть не сломала мне шею. А моя челюсть вывихнута. Я в этом уверен.

Он выплюнул тонкую струйку крови.

— Но ведь вы говорили, что вам не больно?

— Я ничего не говорил. Это было свыше моих сил. К счастью, Большой Матье хорошо заплатил мне за то, чтобы я разыграл эту комедию.

Он застонал и снова сплюнул. Она подумала, что он вот-вот потеряет сознание.

— Вы не должны были на это соглашаться! — сказала она.

— Я три дня ничего не ел.

Анжелика обхватила руками истощенное тело незнакомца. Он был выше ее, но так худ и легок, что она могла бы унести на руках его бедный скелет.

— Пойдемте, вы хорошо поужинаете сегодня вечером, пообещала она. — И это вам ничего не будет стоить. Ни единого су... и ни одного зуба.

Оказавшись снова в харчевне, она бросилась на кухню, торопливо отыскивая что-нибудь подходящее для жертвы зубодера, к тому же умиравшей от истощения. Она принесла ему мясной бульон, превосходный говяжий язык с гарниром из огурцов и корнишонов, кувшин красного вина и банку горчицы.

— Начнем с этого. А дальше мы посмотрим.

У бедняги даже ноздри затрепетали.

— О! Дивный аромат супа! — пробормотал незнакомец, выправляясь, как будто сразу начиная оживать. — Благословенная эссенция богов овощей!

Она оставила его в одиночестве, чтобы он мог спокойно поесть. Отдав необходимые распоряжения и посмотрев, все ли готово к приему посетителей, она направилась в кладовую, чтобы приготовить там соус. Это была крошечная комнатка, куда она всегда удалялась, если ей надо было приготовить особенно трудное блюдо.

Через несколько минут дверь приоткрылась и в щель просунулась голова ее гостя.

— Скажите мне, моя дорогая, вы не та ли маленькая женщина, которая знает латынь?

— Да, это я... и это не я, — сказала Анжелика, не зная, сердиться или радоваться из-за того, что он ее узнал. — Теперь я племянница метра Буржую, владельца этой таверны.

— Другими словами, вы уже больше не находитесь под устрашающим покровительством господина Каламбредена?

— Боже сохрани!

Он проскользнул в комнатку, подошел к ней своими неслышными шагами, обнял за талию и прильнул поцелуем к ее губам.

— Ну! Вы, кажется полностью восстановили свои силы! — сказала Анжелика, когда ей удалось перевести дыхание.

— А как же иначе? Я искал тебя по всему Парижу долго-долго, Маркиза Ангелов!

— Шшшш! — испуганно сказала она, оглядевшись.

— Не бойся. В зале нет полицейских. Я никого не заметил, а я знаю их всех, можешь мне поверить. Итак, маленькая женщина, ты, как я вижу, умеешь устраивать себе гнездышко. У тебя теперь свои баржи с сеном? Я тогда оставил бледное, измученное существо, чумазый маленький цветочек, а теперь я встретился с добропорядочной женщиной, прекрасно устроенной... И все-таки, это несомненно ты. Твои губы все так же хороши, только теперь они имеют вкус вишни, а не горьких слез. Дай-ка мне их снова...

— Я тороплюсь, — сказала Анжелика, отталкивая руки, которые пытались поймать ее щеки.

— Две секунды блаженства стоят двух лет жизни. Кроме того, я все еще голоден, знаешь ли!

— Хочешь лепешек с вареньем?

— Нет, я хочу тебя. Для того, чтобы утолить мой голод, мне надо только видеть тебя и прикоснуться к тебе. Я хочу твои вишневые губы, твои персиковые щеки. Все в тебе съедобно. Нельзя придумать ничего лучшего для изголодавшегося поэта... Твое тело так нежно, что мне хочется укусить его. И ты такая теплая!.. Это просто удивительно.

— Ох! Ты просто невозможен! — запротестовала она, стараясь освободиться. — Со своей лирической чепухой ты сведешь меня с ума.

— Именно этого я и добиваюсь. Ну давай же, не прикидывайся недотрогой.

Он властным жестом, доказывающим, что к нему и в самом деле вернулись силы, привлек ее к себе и начал целовать.

Стук деревянного половника по столу жестоко вернул их к действительности, заставив отпрянуть друг от друга.

— Клянусь Святым Жаке! — завопил метр Буржую. — Этот проклятый писака! Этот приспешник дьявола, этот клеветник, этот сплетник, этот негодяй — в моем доме, в моей кладовой, позволяющий себе вольности с моей девушкой! Вон отсюда, мародер, или я сам выпну тебя на улицу!

— Сжальтесь, сударь, сжальтесь над моими штанами! Они уже так ветхи, что ваша августейшая нога может нанести им непоправимый вред и устроить неприличный спектакль для дам!

— Вон отсюда, мерзавец, бумагомаратель, ядовитая тварь! Ты позоришь мою лавку своими лохмотьями и своей шарлатанской шляпой!

Но незнакомец, строя рожи, смеясь и прикрывая обеими руками свой зад, которому угрожала такая опасность, уже бежал к выходу на улицу. В дверях он показал нос хозяину и исчез.

Анжелика несколько смущенно сказала:

— Этот парень явился ко мне в кладовую, и я не могла от него избавиться.

— Гмм! — проворчал хозяин таверны. — Что-то незаметно, что ты была недовольна. Ну, ну, моя дорогая, не надо протестовать. Меня это совсем не раздражает: хорошенькая девушка может позволить себе время от времени немного поразвлекаться, это только оживит ее. Но, говоря честно, ты меня разочаровала, Анжелика. Разве здесь мало бывает порядочных людей? Почему тебе надо было выбрать этого журналиста?

У королевской фаворитки, мадемуазель де Ла Вальер, был несколько крупноватый рот. Кроме того, она немного хромала. Правда говорили, что это придавало ей особую грацию и не мешало ей очаровывать всех своими танцами, но факт оставался фактом: она хромала.

У нее не было груди. Ее сравнивали с Дианой, говорили об очаровании гермафродитов, но факт оставался фактом: ее грудь была плоской. Ее кожа была слишком сухой. Слезы, вызванные изменами короля, унижениями, которые ей приходилось выносить при дворе, черными кругами обвели ее глаза. Она становилась худой и высохшей. И, в довершение всего, после своего второго материнства она страдала интимным недугом, подробности о котором знал один Людовик XIV. И еще... Отверженный Поэт.

И из всех этих явных и тайных несчастий, из всех этих физических недостатков он создал удивительный памфлет, полный остроумия, но настолько злой и непристойно-грубый, что даже самые невзыскательные горожане боялись показывать листки текста своим женам, и тем приходилось посылать за ними слуг.

«Если Вы хромаете, и Вам немного лет,

*Если ни груди у Вас, ни талантов нет,
Если происходите Бог знает, от кого,
Если Вы, невинная, рождаете сынков,
Вас возьмет тогда в постель наш Первый Кавалер:
Доказательством тому служит Ла Вальер...»*

Так начиналась песня.

Эти пасквили можно было найти по всему Парижу, в отеле Вирон, где жила Луиза де Ла Вальер, в Лувре, и даже в апартаментах королевы. Последняя, прочитав, как расписывают ее соперницу, засмеялась впервые за долгое время и даже потеряла от радости свои маленькие руки.

Раненная в самое сердце, умирающая от стыда, мадемуазель де Ла Вальер бросилась в первый же попавшийся экипаж и попросила отвезти ее в монастырь Шайо, где она собиралась принять монашество.

Король приказал ей немедленно вернуться и явиться ко двору. Он послал за ней мсье Кольбера. Это распоряжение было вызвано не столько любовью, сколько яростью монарха, над которым осмелился посмеяться его народ, но который, тем не менее, начинал понимать, что вряд ли может гордиться своей любовницей.

По следу памфлетиста были брошены лучшие силы парижской полиции.

На этот раз никто не сомневался в том, что его повесят.

Анжелика уже собиралась лечь спать в своей маленькой комнате на улице Франс-Буржуа. Жавотта только что удалилась, сделав прощальный реверанс. Дети уже спали.

На улице слышались звуки шагов бегущего человека, приглушенные тонким слоем начинавшего падать снега. Снег шел в эту декабрьскую ночь еще очень медленно. Затем послышался стук в дверь. Анжелика накинула на себя пеньюар и подошла к смотровому глазку.

— Кто там?

— Открывай быстрее, малютка, быстрее! Собака!

Анжелика, не задумываясь, отодвинула засов. В дверях она столкнулась с журналистом. В то же мгновение из темноты возникла

какая-то белая масса, прыгнула и схватила его за горло.

— Сорбонна! — закричала Анжелика.

Она бросилась вперед, и ее рука коснулась мокрой шкуры собаки.

— Отпусти его, Сорбонна. Ласс ин! Ласс ин! (Lass ihn — оставь его (нем.))

Сорбонна зарычала, ее клыки впились в воротник жертвы. Но через какое-то мгновение до ее сознания дошел голос Анжелики. Она замахала хвостом и соизволила выпустить добычу, продолжая, однако, сердито ворчать. Мужчина пробормотал, задыхаясь:

— Я мертв!

— Ничего подобного. Входите побыстрее.

— Собака останется за дверями и предупредит полицейского.

— Входите, вам говорят!

Она втокнула его внутрь, захлопнула дверь и осталась стоять у входа под аркой, крепко держа Сорбонну за ошейник. Свет фонаря падал на снежную пелену, застилавшую улицу перед выходом из портика. Наконец она услышала приглушенные шаги, которые всегда можно было услышать вслед за появлением собаки, шаги полицейского Дегре.

Анжелика выступила вперед.

— Вы ищете вашу собаку, метр Дегре?

Он остановился, потом тоже вошел под портик. Она не видела его лица.

— Нет, — ответил он очень спокойно. — Я ищу памфлетиста.

— Сорбонна пробежала мимо меня. Представляете, я узнала вашу собаку. Я позвала ее и она подошла ко мне.

— Должно быть она просто очарована вами, мадам. Вы что же, дышите свежим воздухом у дверей в такую дивную погоду?

— Я только закрывала дверь. Но мы разговариваем в темноте, метр Дегре, и я уверена, что вы не догадываетесь, с кем имеете дело.

— Мне не надо догадываться, мадам, я знаю это. Я уже в течение определенного времени знаю, что вы живете в этом доме, и, поскольку в городе нет таверны, которой бы я не знал, я видел вас в «Красной маске». Вы называете себя мадам Моран и имеете двоих детей, старшего из которых зовут Флоримон.

— От вас ничего не скроешь. Но, раз уж вам известно, кто я такая, почему же тогда мы встретились только благодаря чистой

случайности?

— Я не был уверен, что вам будет приятно, мадам, если я нанесу вам визит. В последний раз, когда мы с вами виделись, мы плохо расстались.

Она мысленно представила себе ночь в предместье Сен-Жермен, свое бегство. Ей показалось, что у нее во рту все пересохло.

Она спросила бесцветным голосом:

— Что вы имеете в виду?

— Ночь была такой же снежной, как и сегодня, и в боковом выходе из Тампля было так же темно, как и в вашем портике.

У Анжелики вырвался вздох облегчения.

— Мы расстались совсем не плохо. Мы были расстроены и потерпели поражение, но это же совсем другое дело, метр Дегре.

— Вы не должны больше называть меня «метр», мадам, потому что я продал свою должность адвоката и был вычеркнут из университетских списков. Однако, я продал ее очень выгодно, и поэтому смог купить себе чин капитана полиции, в результате чего и посвятил себя более выгодной, но не менее полезной деятельности: погоне за бандитами и злоумышленниками. Таким образом, с высот красноречия я опустил в глубины молчания.

— Однако, вы говорите все так же хорошо, метр Дегре.

— Когда представляется такой случай. Тогда я вновь обретаю свое пристрастие к ораторским приемам. Вне всякого сомнения, именно поэтому моим заботам поручают тех, кто злоупотребляет речами или в своих письменных творениях позволяет себе лишнего: поэтов, журналистов, бумагомарак всех сортов. Сегодня ночью, например, я иду по следу одной ядовитой личности, по имени Клод Ле Пти, называемого также Отверженным Поэтом. Этот парень, несомненно, должен благословлять вас за ваше вмешательство.

— Почему же?

— Потому что вы остановили нас сразу после того, как он пробежал здесь.

— Я прошу прощения за то, что задержала вас.

— Лично я просто в восторге от этого, несмотря на то, что этот маленький салон, где вы меня принимаете, не слишком-то уютен.

— Простите меня. Вы должны придти снова, Дегре.

— Я приду, мадам.

Снежные хлопья начали падать еще гуще. Полицейский поднял воротник, сделал шаг в сторону, потом остановился.

— Мне сейчас кое-что припомнилось, — сказал он. — Этот Отверженный Поэт написал несколько достаточно жестоких пасквилей во время процесса над вашим мужем. Я бы хотел узнать...

— О, ради всего святого, замолчите! — воскликнула Анжелика, зажимая руками уши. — Не упоминайте больше об этом. Я ничего уже не помню. Я не хочу помнить...

— Значит, прошлое для вас умерло, мадам?

— Да, прошлое умерло!

— Ну что ж, это самое лучшее, что могло быть. Я больше не упомяну о нем. До свидания, мадам, и... доброй ночи!

Анжелика, стуча зубами, задвинула засов. Она замерзла до костей, стоя на морозе совсем раздетая, в одном пеньюаре. К холоду прибавилось волнение, вызванное новой встречей с Дегре и его откровениями.

Она вошла в комнату и затворила за собой дверь. Белокурый человек сидел на краю камина, обхватив колени руками. Он походил на сверчка.

Прислонившись к двери, молодая женщина спросила ничего не выражающим голосом:

— Вы — Отверженный Поэт? Он улыбнулся.

— Отверженный? Определенно. Поэт? Может быть.

— Так это вы написали эти... гнусности о мадемуазель де Ла Вальер? Неужели вы не могли позволить людям спокойно любить друг друга? Король и эта девушка сделали все, что могли, чтобы никто не узнал об их любви, а вы раздули из тайны отвратительный скандал! Поведение короля, конечно, заслуживает порицания. Но ведь он — молодой и пылкий человек, которого против его желания женили на принцессе, не отличающейся ни красотой, ни умом.

Он усмехнулся.

— Как ты его защищаешь, моя любимая! Или он поразил и твое сердечко?

— Нет, но мне отвратительно видеть, как оскверняют порядочное и высокое чувство.

— В этом мире нет ничего порядочного или высокого.

Анжелика прошла через комнату и прислонилась к камину с другой стороны. Поэт смотрел на нее снизу вверх. Она видела, как в его глазах отражаются языки пламени.

— Разве ты не знала, кто я? — спросил он.

— Мне никто этого не говорил, а как я сама могла догадаться об этом? Ваше перо ядовито и безжалостно, а вы...

— Продолжай.

— Вы казались мне добрым и веселым.

— Я добр с маленькими нищенками, которые плачут на барже с сеном, и безжалостен к принцам.

Анжелика вздохнула. Она никак не могла согреться. Подбородком она указала на дверь.

— Теперь вы должны уйти.

— Уйти! — воскликнул он. — Уйти, когда эта собачка Сорбонна только и ждет случая, чтобы вцепиться в меня? И этот дьявол полицейский уже держит наготове кандалы?

— Их нет на улице.

— О нет, они там. Они подкарауливают меня в темноте.

— Я клянусь вам, что они не подозревают, что вы здесь.

— Откуда ты это знаешь? Неужели ты не знаешь двух этих приятелей, моя хорошая, ты, которая принадлежала к шайке Каламбредена?

Она быстро приказала ему знаком замолчать.

— Вот видишь? Ты и сама чувствуешь, что они затаились в снегу и поджидают меня. А ты хочешь, чтобы я убрался отсюда!

— Да, убирайся!

— Но ведь я не причинил тебе никакого вреда, не так ли?

— Так.

Он пытливо смотрел на нее, потом протянул к ней руки.

— А если это так, давай помиримся. Иди ко мне.

И, видя, что она не пошевелилась, добавил:

— Собака охотилась за нами обоими. Что будет, если мы поссоримся?

Он продолжал держать свои руки протянутыми.

— Твои глаза стали твердыми и холодными, как изумруды. Они потеряли солнечный отблеск маленького ручейка, бегущего под тенью зеленых листьев, который говорил: люби меня, целуй меня...

— Ручеек это говорил?!

— Это говорили твои глаза, когда я еще не был твоим врагом. Ну, иди же!

Она неожиданно подчинилась его просьбе и присела рядом с ним. Он сразу же обнял ее за плечи.

— Ты вся дрожишь. С твоего лица исчезло самоуверенное выражение госпожи. Что-то испугало, ранило тебя. Что же это, кто? Собака? Полицейский?

— Это собака. И полицейский. И вы тоже, господин Отверженный поэт.

— О, ядовитая троица Парижа!

— Послушай, ты, знающий все, имеешь ли ты хоть какое-нибудь представление о том, кем я была до того, как встретила с Каламбреном?

Он скорчил раздосадованную мину.

— Нет. После того, как я снова встретился с тобой, я более или менее понял, как тебе удалось добиться твоего сегодняшнего положения, и как ты ладишь со своим хозяином. Но что касается времени до Каламбрена, — уввы, тут я теряю все нити.

— Это уже лучше.

— Больше всего меня раздражает мысль, что этот дьявол полицейский тут одержал надо мной верх и знает все о твоём прошлом.

— Вы что же, соперничаете друг с другом в получении наибольшего количества сведений?

— Часто случается, что мы обмениваемся имеющимися у нас сведениями.

— Вы и в самом деле очень похожи друг на друга.

— И все-таки между нами существует огромная разница.

— Какая же?

— Я не могу убить его, а он может загнать меня до смерти. Если бы сегодня ты не открыла мне дверь, я теперь был бы, благодаря его сердечным заботам, в Шатле. Я уже вырос бы дюйма на три на дыбе у метра Обена, а завтра на рассвете качался бы на виселице.

— А почему ты говоришь, что ты не можешь его убить?

— Я не могу убивать. Меня тошнит от вида крови.

Она начала смеяться при виде его гримасы. Мускулистая рука поэта коснулась ее шеи.

— Когда ты смеешься, ты похожа на маленькую голубку.

Он склонился над ее лицом. Глядя на его нежную, насмешливую улыбку, она вдруг заметила между его зубов темную брешь, сделанную щипцами Большого Матье, и ей захотелось плакать и любить этого человека.

— Это хорошо, — пробормотал он. — Ты больше ничего не боишься. Все прошло... все ушло... Остался только снег, падающий там, за окном, и мы здесь, в уюте и тепле — не часто у меня бывает такое гостеприимное убежище! На тебе ничего нет под этим пеньюаром? Да, ничего, я чувствую. Не двигайся, любовь моя... Не говори ничего...

Его рука нежно скользнула по округлости ее плеча, освободив его от пеньюара, потом опустилась еще ниже. Почувствовав дрожь, пробежавшую по ее телу, он засмеялся.

— Это весенние бутоны. А ведь еще зима!..

Он прильнул к ее губам. Потом растянулся перед огнем и нежно привлек ее к себе.

— Тише, любимая! Слышится мне,
Будто разносчик кричит в тишине?
Значит, и вправду, уже рассвело,
Значит, расстаться нам время пришло...

Поэт снова натянул на себя дырявую куртку и большую шляпу. Наступил рассвет, сумрачный и снежный. По безмолвной, белой от снега улице как медведь переваливался и скользил закутанный до бровей торговец водкой.

Анжелика подозвала его. Он налил им обоим по стакану своего крепкого напитка. После того, как он отошел, они улыбнулись друг другу.

— Куда ты теперь отправишься?

— Сообщить людям Парижа о новом скандале. Сегодня ночью мсье Бриенн застал свою жену с любовником.

— Этой ночью? Как же ты можешь об этом знать?

— Я все знаю. Прощай, любовь моя.

Она удержала его за полу куртки и сказала:

— Возвращайся сюда.

Он вернулся. Он появлялся вечером, тихонько стучал в окно заранее обусловленным стуком. Она бесшумно открывала двери и выпускала его. И в теплой маленькой комнате, рядом с этим болтливым, язвительным существом, она забывала об изнурительном повседневном труде. Он рассказывал ей о всех последних скандалах, как при дворе, так и в городе. Это забавляло ее, потому что она знала большинство из замешанных в них людей.

— Я богат страхами всех тех, кто боится меня.

Но деньгам он не придавал никакого значения. Она тщетно пыталась поприличнее одеть его. После хорошего обеда, который он принимал, даже не пытаясь раскрыть свой кошелек, он опять исчезал на целую неделю, и когда появлялся вновь, голодный, тощий и ухмыляющийся, она тщетно пыталась расспрашивать его. Почему он, находясь в самых прекрасных отношениях со всеми бандами парижского дна, никогда не принимал участия в их случайных пирушках? Он никогда не появлялся и в Нельской башне. И тем не менее, как один из самых знаменитых людей Понт-Нефа, он мог занимать почетное место среди них. И со всеми секретами, которые он знал, он мог держать людей в постоянном напряжении и зависимости от себя.

— Куда забавнее видеть, как они ревут и скрежещут зубами, — говорил он.

Он соглашался принимать помощь только от любимых женщин. Маленькая цветочница, проститутка, горничная имели право, уступив его ласкам, немного побаловать его. Они говорили ему: «Ешь, малыш», и с нежностью наблюдали за тем, как он наедается.

Потом он исчезал. И Анжелика, точно так же, как и цветочница, проститутка или горничная иногда испытывала желание удержать его при себе. Лежа в уютном тепле постели рядом с этим человеком, чьи объятия были такими легкими и быстрыми, она обвивала рукой его шею и привлекала всего его к себе. Но он сразу же открывал глаза и замечал, что за маленьким окном со свинцовыми стеклами уже рассвело. Он вскакивал с постели и поспешно начинал одеваться.

Дело было в том, что он не мог долго оставаться на одном месте. Он был одержим жаждой, которая была редкостью в те времена, и за которую во все времена приходится дорого платить: жаждой свободы.

Глава 20

Анжелика отложила в сторону перо и с удовлетворением посмотрела на сделанные ею расчеты.

Она только что вернулась из «Красной маски», куда как раз явилась шумная компания молодых дворян. Их кружевные воротники и модные костюмы свидетельствовали о платежеспособности; они все были в масках, что являлось еще одним доказательством их высокого положения. Она знала, что некоторые высокопоставленные лица предпочитали оставаться неузнанными, посещая таверны.

Анжелика предоставила метру Буржю, Давиду и служанкам принимать этих привилегированных посетителей; она часто так делала в последнее время. Теперь, когда положение и репутация заведения были вполне устойчивыми, а Давид достаточно набил себе руку в изготовлении кулинарных шедевров, Анжелика стала работать уже не так много, посвящая большую часть своего времени закупкам и финансовому управлению делами.

Близился конец 1664 года. Дела постепенно приняли такой оборот, что скажи об этом кто-нибудь тремя годами раньше, вся улица Вальде-Мизере покатила бы со смеху: Анжелика еще не купила дом метра Буржю, что было вообще-то ее тайным намерением, но стала его фактической хозяйкой. Владельцем числился старый лавочник, но она оплачивала все расходы, и ее доля прибыли соответственно росла. Метр Буржю получал уже меньшую долю, но он был совершенно удовлетворен, полностью избавлен от всяческих хлопот и наслаждался спокойной жизнью в своей таверне, откладывая еще кое-что на старость. Анжелика могла свободно распоряжаться всеми деньгами. Метр Буржю хотел только одного — чтобы она оставила его под своим крылышком и не лишала его предусмотрительной и требовательной заботы. Говоря о ней, он иногда называл ее «моя дочь», и делал это с таким убеждением, что посетители «Красной маски» не сомневались в их родственных отношениях. Склонный к меланхолии и всегда уверенный, что конец его уже недалек, он рассказывал всем, что завещал все свое состояние, не ущемляя, конечно, интересов племянника, одной Анжелике. Давид же ни в малейшей степени не

обижался на дядюшку, поскольку тот принял решение в пользу женщины, до сих пор ослеплявшей его. Анжелика стряхнула песок с листка, на котором записала цифры, и засмеялась.

— Я попала в довольно затруднительное положение с этими пылкими поварами, каждый из которых по разным причинам обожает меня! Может быть, в этом виновата их профессия — от кухонного жара их сердца тают, как индюшачье сало.

Вошла Жавотта, чтобы помочь ей раздеться и расчесать волосы.

— Что там за шум? — спросила Анжелика.

— Я не знаю. Вроде бы под дверями царапается крыса.

Шум стал громче. Анжелика вышла в вестибюль и здесь поняла, что шум раздается не снизу, а около маленького Смотрового отверстия посредине двери. Откинув деревянную заслонку, она вскрикнула, увидев просунувшуюся сквозь решетку маленькую черную ручку.

— Это Пикколо! — воскликнула Жавотта.

Анжелика отодвинула все засовы, открыла дверь и обезьянка бросилась в ее объятия.

— В чем дело? Он еще никогда не приходил сюда сам. Похоже на то, — да, так оно и есть, что он оборвал цепочку.

Она принесла зверька в свою комнату и посадила его на стол.

— Боже милостивый! — смеясь, воскликнула служанка. — Он действительно попал в хорошую переделку! Его шкура вся красная и липкая! Как будто искупался в бочонке с вином.

Анжелика, ласкавшая Пикколо, тоже заметила, что ее пальцы стали липкими. Она понюхала их и мгновенно побелела.

— Это не вино, — сказала она, — это кровь!

— Он ранен?

— Сейчас посмотрим.

Она сняла с него вышитую курточку и штанишки, то и другое было пропитано кровью. Но на самом зверьке она не обнаружила ни ранений, ни царапин, хотя обезьянка вся тряслась.

— Что случилось, Пикколо? — ласково спросила Анжелика. — В чем дело, мой маленький дружок? Объясни нам!

Обезьянка смотрела на нее блестящими, широко раскрытыми глазами. Внезапно она вскочила, схватила коробочку с сургучом и принялась расхаживать степенными шагами, потрясая коробочкой перед собой.

— Ах, маленький негодяй! — воскликнула Жавотта со смехом. — Сначала он нас так пугает, а потом начинает передразнивать Лино с его подносом для бисквитов. Ну разве это не забавно, мадам?

Но обезьянка, пройдясь вокруг стола, как маленький продавец бисквитов, вдруг как будто чего-то испугалась. Она обернулась, огляделась вокруг, отпрянула назад. На ее мордочке появилось жалобное, растерянное выражение. Она повернулась направо, потом налево. Казалось, она о чем-то умоляет кого-то невидимого. Потом, внезапно выронив коробку, изображающую поднос, она прижала обе руки к животу и с пронзительным криком упала.

— Что с ним? Что с ним? — в замешательстве бормотала Жавотта. — Он заболел. Он сошел с ума!

Анжелика, очень внимательно наблюдавшая за представлением, устроенным обезьянкой, быстро подошла к своему гардеробу, взяла с вешалки плащ и надела маску.

— Мне кажется, что с Лино стряслась какая-то беда, — хрипло сказала она. — Я сейчас же пойду в таверну.

— Я с вами, мадам.

— Если хочешь. Ты понесешь фонарь. Но сначала отнеси обезьянку наверх, к Барбе, чтобы она ее почистила, выкупала и напоила молоком.

Анжелику охватило предчувствие беды. Несмотря на успокаивающее бормотание Жавотты, она ни на минуту не сомневалась в том, что обезьянка изображала виденное, и эта сцена была ужасна. Но действительность оказалась хуже самых мрачных ее предположений. Едва они подошли к набережной де Танье, как ее чуть не сшибли с ног. Это был несущийся опроретью Флипо, обезумевший от ужаса.

Она схватила его за плечи и встряхнула, чтобы привести в чувство.

— Я бежал как раз за тобой, Маркиза Ангелов, — с трудом проговорил мальчик. — Они... они убили Лино!

— Кто «они»?

— Они... ну те люди, посетители.

Бедный поваренок сглотнул, и торопливо, будто рассказывая выученный наизусть урок, начал говорить:

— Лино был на улице со своей корзиной. Он пел: «Бисквиты! Бисквиты! Кто позовет продавца бисквитов?..» Один из посетителей, один из тех замаскированных господ, знаете, в кружевном воротнике, сказал: «Какой прелестный голос. Я вдруг вспомнил что люблю бисквиты. Пусть кто-нибудь позовет этого парня». Лино пришел. И этот господин сказал: «Клянусь Юпитером, парень еще привлекательнее, чем его голос!» Он посадил Лино на колени и начал целовать. Подошли другие и тоже начали целовать его — все они были пьяны, как свиньи. Лино выронил корзину и начал вырываться и пинаться. Тогда один из дворян вытащил шпагу и вонзил ее в живот Лино. Потом еще один всадил в него свою шпагу. Лино упал; кровь так хлынула, что залила все кругом.

— И метр Буржую даже не пытался защитить его?

— Пытался, но они убили его.

— Что? Что ты сказал? Кого?

— Метра Буржую.

— Ты сошел с ума.

— Нет, это не я, это они сошли с ума. Когда метр Буржую услышал крик Лино, он выбежал из кухни. Он сказал: «Господа! Ради бога, господа!» Но они набросились на него. Они хохотали, колотили его и кричали: «Большой бочонок! Большой котел!» Я даже засмеялся. А потом один из них сказал: «Я узнаю его, это же бывший владелец «Бронзового петуха»! Другой сказал: «На мой взгляд, ты мало похож на петуха, сейчас я разделаю тебя для печи». Он выхватил большой нож для мяса, они все набросились на него и...

Мальчик закончил свой рассказ выразительным жестом, не оставляющим никаких сомнений в том, каким ужасным мучениям подвергся несчастный хозяин таверны.

— Он ревел, как осел! Мы больше не могли это слышать! Давид тоже хотел остановить их. Они начали колоть его в голову своими шпагами. Увидев это, мы все, Давид, я, поварята, служанки и Розина, мы все бросились бежать, как безумные!

Улица Вале-де-Мизере сейчас выглядела необычно. Всегда оживленная в этот карнавальнй сезон, она была еще наполнена гуляками, которые стучали кружками в тавернах и громко пели. Но в дальнем конце улицы можно было увидеть необычного вида толпу, которую составляли белые фигуры в высоких колпаках. Все владельцы

соседних лавок и их слуг толпились около таверны «Красная маска», вооружившись вертелами и скалками.

— Мы не знаем, что делать! — крикнул один из них Анжелике. — Эти дьяволы забаррикадировали дверь скамейками. И у них есть пистолет...

— Надо послать за стражей...

— Давид пытался это сделать, но...

Владелец «Ощипанного каплуна», расположенного рядом с «Красной маской», сказал, понизив голос:

— Лакеи остановили стражу на улице де ла Триперме. Они сказали, что посетители, которые веселятся сейчас в «Красной маске» — высокопоставленные знатные господа, вельможи из свиты самого короля, и что стражники влипнут в хорошую историю, если сунут свой нос в это дело. Тем не менее, Давид отправился прямо в Шатле, но лакеи успели предупредить стражу и там. В Шатле ему сказали, что он сам должен уладить дело со своими посетителями.

Из таверны «Красная маска» доносился устрашающий шум: грохот, непристойные песни и такие дикие крики, что у добрых лавочников волосы вставали дыбом.

Окна были изнутри завалены столами и скамейками. Увидеть, что происходит внутри, было невозможно, но можно было услышать звуки бьющегося стекла и посуды и, время от времени, глухой удар пистолетного выстрела, нацеленного, вполне вероятно, в один из прекрасных графинов из драгоценного хрусталя, которыми Анжелика украсила столы и камин.

Тут Анжелика увидела Давида. Он был блее своего белоснежного фартука, а салфетка, которой была обвязана его голова, пропиталась кровью. Он подошел к ней и, запинаясь, рассказал всю историю этой вакханалии. Дворяне с самого начала вели себя заносчиво. Они уже пили перед этим в других тавернах. Начали они с того, что опрокинули на голову одного поваренка полную миску горячего, почти кипящего супа. Потом они надоели своими бесконечными попытками ворваться в кухню, где хотели поймать Розину, не обращая внимания на ее сопротивление. Наконец, произошла трагическая история с Лио, чье очаровательное личико вызвало у них мерзкие желания...

— Идем, — сказала Анжелика, схватив молодого человека за руку.
— Мы должны посмотреть, что там делается. Мы войдем со двора.

Не менее двадцати рук удержали ее.

— Ты сошла с ума?.. Они проткнут тебя насквозь! Это же волки!..

Она вырвалась и, таща за собой Давида, вошла во двор. Оттуда они проникли в кухню.

Дверь из кухни в обеденный зал была тщательно заперта Давидом, перед тем, как он убежал вместе с другими слугами. Анжелика вздохнула с облегчением. По крайней мере, большая часть дорогих продуктов, которые хранились здесь, не пострадала.

С помощью молодого человека она приставила стол к стене и влезла на него, чтобы заглянуть в комнату через небольшое оконце над дверью.

Она увидела разоренную комнату, пол, усыпанный осколками тарелок и стаканов, изорванные в клочья скатерти и салфетки. Окрока и тушки зайцев были сорваны с балок. Пьяные негодяи, спотыкаясь о них, отбрасывали их в сторону пинками. Теперь непристойные слова их песен, проклятия и богохульства были слышны совершенно отчетливо.

Большинство из них толпились около стола, рядом с камином. По позам и их все более низким голосам было видно, что они вот-вот свалятся в кучу. Было что-то невероятно зловещее в этих орущих, широко раскрытых ртах под черными масками, освещенными только пламенем очага. Их роскошные костюмы были перепачканы вином и соусом, а может быть, и кровью.

Анжелика попыталась разглядеть, где находились тела Лино и хозяина таверны, но все свечи были поломаны и перебиты, и дальняя часть комнаты утопала во мраке.

— Кто из них первым напал на Лино? — чуть слышно сказала она.

— Вон тот маленький человек, который сидит на углу стола, с розовыми лентами на лавандовом камзоле. Он вообще, похоже, задает у них тон и подбивает всех остальных.

В этот самый момент человек, на которого указал Давид, с трудом поднялся на ноги и, подняв трясущейся рукой стакан, закричал фальцетом:

— Господа, я пью за здоровье Астрей и Асмодея, князей дружбы!

— О! Этот голос! — воскликнула Анжелика, отпрянув.

Она узнала бы его повсюду. Это был тот самый голос, который до сих пор пугал еще ее в жутких ночных кошмарах: «Мадам, вы должны умереть!»

Значит, это был он — всегда он. Неужели сам ад послал его неустанно являться ей в облике неумолимой судьбы?

— Это он первым ударил Лино шпагой? — спросила она.

— Может быть, я не помню. Но вон тот, сзади него, в красных рингравах, ударил его вторым.

Этому человеку тоже не надо было снимать свою маску, чтобы она могла его узнать. Брат короля и шевалье Лоррен! Теперь она была уверена, что смогла бы назвать имена и всех остальных замаскированных убийц!

Один из пьяниц начал швырять в огонь стулья и табуреты. Другой схватил бутылку и кинул ее через всю комнату. Бутылка попала в камин и там разбилась. Это была водка. Сразу же вспыхнуло огромное пламя, охватившее набросанную в очаг мебель. Огонь поднялся до самого дымохода, с шумом разгорался все сильнее, искры и пылающие головешки полетели на каменный пол.

Анжелика быстро спустилась со своего возвышения.

— Они сожгут весь дом. Мы должны остановить их!

Но помощник повара нервно сжал ее в своих объятиях.

— Не ходите. Они убьют вас.

Какое-то мгновение они боролись друг с другом. Ее гнев и страх перед пожаром придали ей силы, она ухитрилась вырваться и оттолкнула Давида.

Анжелика поправила маску. Ей тоже не хотелось быть узнанной. Потом она решительно отодвинула засовы и с шумом распахнула дверь из кухни в обеденный зал.

Появление этой женщины в красной маске, закутанной в черный плащ, на мгновение обескуражило гуляк. Песни и крики умолкли.

— О! Красная маска!

— Господа! — сказала Анжелика очень громко. — Вы что, сошли с ума? Вы не боитесь гнева, который вызовут у короля слухи о ваших преступлениях?

По наступившему вслед за ее словами растерянному молчанию она поняла, что нашла то единственное слово — король! — которое

могло еще проникнуть в затуманенные мозги пьяниц и пробудить в них хоть искру сознания.

Воспользовавшись вызванным ею замешательством, она смело выступила вперед. Она собиралась добраться до камина и вытащить оттуда горящие стулья, чтобы уменьшить пламя и не дать ему охватить дымоход.

Но в этот момент она увидела под столом тело метра Буржо. Рядом с ним Лино, с распоротым животом, белым, как снег, личиком, делавшим его похожим на спящего ангела. Кровь двух жертв смешивалась с вином, натекившим из валяющихся повсюду бутылок. Это жуткое зрелище на какой-то момент парализовало ее, и она утратила власть над озверевшей стаей.

— Женщина! Женщина!

— Как раз ее и не хватало!

Жестокая рука схватила Анжелику за шею. Тут же она получила сильный удар в висок. Все вокруг стало черным. Она почувствовала, что ее душит тошнота. Она больше не сознавала, где она, что с ней.

Где-то возник пронзительный, незамолкающий женский голос...

Она поняла, что это кричит она сама.

Она лежала на столе, и над ней склонялись черные маски, дико хохочущие. Ее запястья и лодыжки были стиснуты чьими-то беспощадными руками. Ее юбки были грубо задраны.

— Чья очередь? Кто первый попробует девку?

Она закричала, как кричат в кошмарном сне, вне себя от ужаса и отчаяния. Ее придавило чье-то тело. Чей-то рот прильнул к ее рту.

Потом наступила тишина, настолько глубокая, что Анжелика подумала — она просто потеряла сознание. Однако дело было не в этом. Ее мучители стояли, окаменев. Их понимающие, испуганные взгляды были прикованы к чему-то, находящемуся на полу, чего Анжелика не могла увидеть.

Человек, который минуту назад залез на стол и едва не изнасиловал молодую женщину, поспешно соскользнул вниз. Почувствовав, что ее ноги и руки свободны, Анжелика села и быстро поправила юбки. Она была растеряна. Казалось, будто чья-то волшебная рука внезапно превратила в камень распоясавшихся безумцев.

Она медленно спустилась на пол. И только тут она увидела Сорбонну, которая сбила с ног человека в лавандовом камзоле и крепко держала его за горло страшными клыками. Собака проникла через кухонную дверь, и ее нападение было молниеносным.

Один из распутников пробормотал, заикаясь от страха:

— Отзовите вашу собаку... Где... Где пистолет?

— Не двигаться! — скомандовала Анжелика. — Если кто-нибудь из вас сделает хоть одно движение, я прикажу собаке задушить брата короля!

Ее ноги дрожали и подкашивались, как у загнанной лошади, но голос был ровным.

— Не двигайтесь, господа, — повторила она, — или вы все будете отвечать перед королем за эту смерть.

После этого она очень спокойно сделала несколько шагов. Она посмотрела на Сорбонну. Та держала свою жертву так, как учил ее Дегре. Одно только слово, и железные челюсти полностью сомкнутся, разорвав мускулы, затрещат сломанные кости. Из горла герцога Орлеанского вырывались какие-то несвязные звуки. Его лицо стало фиолетовым.

— Варте, (Warte — подожди (нем.)) — ласково сказала Анжелика.

Сорбонна слегка махнула хвостом в знак того, что она поняла, и будет ждать дальнейших приказаний. Вокруг них неподвижно стояли участники оргии. Они все были слишком пьяны, для того, чтобы осознать случившееся. Единственное, что они видели, был брат короля, который оказался на волосок от смерти и этого было достаточно, чтобы испугать их.

Анжелика, не отрывая от них глаз, выдвинула один из ящичков стола, достала оттуда нож и подошла к человеку в красных рингравах, который был к ней ближе всех.

Увидев, что она поднимает нож, он в ужасе отпрянул.

— Не двигаться! — сказала она тоном, не терпящим никаких возражений. — Я хочу только знать, как выглядят убийцы, разодетые в кружева.

И быстрым движением она перерезала шнурок, на котором держалась маска шеваље де Лоррена. Посмотрев в это красивое лицо, на котором уже оставили следы разврат и пьянство, и которое она

знала слишком хорошо, после того, как оно надвигалось на нее в Лувре в ту ночь, которую она никогда не забудет, она пошла дальше.

Ошеломленные, находящиеся на последней стадии опьянения, они позволили ей беспрепятственно переходить от одного к другому, и она узнала их всех, каждого из них: Бриенна, маркиза д'Олонна, красавца де Гиша, его брата Лувиньи и еще одного, который, когда она обнажила его лицо, попытался пробормотать с насмешливой гримасой:

— Черная маска против красной маски.

Это был Пегилен де Лозен. Она узнала также и Сен-Тъери, Фронтенака. Среди осколков бутылок, разлитого вина и следов рвоты храпел, растянувшись на полу, элегантный дворянин. Анжелику захлестнули ненависть и горечь, когда она узнала в нем маркиза де Варда.

Ах! Прекрасные молодые люди из королевского окружения! Когда-то она восхищалась их великолепными плюмажами, но теперь хозяйке «Красной маски» было дано заглянуть в их черные души!

Трое из них были ей незнакомы. Один, правда, вызывал в ней какие-то смутные воспоминания, но они были настолько неопределенными, что она не могла остановиться на них. Это был высокий, худощавый юноша в роскошном парике из белокурых, с золотым отливом, волос. Не такой пьяный, как все остальные, он стоял, прислонившись к одной из колонн, и делал вид, что полирует ногти. Когда Анжелика приблизилась к нему, он не стал дожидаться, пока она срежет шнурки его маски, и сорвал ее сам изящным, небрежным движением. Его очень светлые голубые глаза смотрели с ледяным презрением. Это задело ее. Нервное напряжение, благодаря которому она держалась, подходило к концу; на нее наваливалась бесконечная усталость. На лбу у нее выступил пот, потому что жара в комнате становилась невыносимой.

Она вернулась к собаке и взяла ее за ошейник, чтобы заставить выпустить жертву. Она надеялась, что появится Дегре, но его не было, и она была совершенно одна среди этих опасных привидений. Единственным реальным существом ей казалась Сорбонна.

— Вставайте, господа, — сказала она усталым голосом. — А теперь убирайтесь вон, все вы. Вы и так причинили здесь достаточно вреда.

Пошатываясь, держа в руках свои маски, пьяницы удалились, вытащив за собой неподвижные тела маркиза де Варда и брата короля. На улице им пришлось отбиваться шпагами от лавочников, которые, вооружившись вертелами, напали на них с гневными криками.

Сорбонна понюхала кровь и зарычала, обнажая черные челюсти. Анжелика прижала к себе маленькое, легкое тело продавца бисквитов и поцеловала его чистый, ледяной лоб.

— Лино! Лино! Мой милый маленький мальчик... бедное маленькое семечко нищеты и горя...

Громкий шум, доносящийся с улицы, вырвал ее из отчаяния.

— Пожар! Пожар!

Из трубы вырвалось пламя, быстро охватившее все чердаки старого дома. Горящие головешки начали падать обратно в камин и комната наполнилась густым дымом.

Анжелика бросилась бежать, унося Лино в своих объятиях. На улице было светло, как днем. Посетители и владельцы соседних таверн и лавок с ужасом показывали на огонь, вырывающийся из-под крыши. Снопы искр падали на крыши соседних домов.

Люди бросились к Сене, образовав цепь, по которой передавались из рук в руки ведра и ушаты с водой; воду приходилось поднимать по лестницам соседних домов, потому что лестница «Красной маски» обрушилась.

Анжелика с Давидом попытались снова проникнуть в таверну, чтобы вытащить тело метра Буржую. Но они были вынуждены отступить, задыхаясь от дыма. Тогда они бросились в кухню со двора и принялись вытаскивать без разбора все, что попадалось им под руку.

В это время появились капуцины. Толпа приветствовала их радостными возгласами. Люди любили этих монахов, которым их устав предписывал помогать жертвам пожаров, и которые постепенно остались единственными пожарными города. Они принесли с собой приставные лестницы, железные крючья и свинцовые насосы, позволявшие отбрасывать на длинное расстояние мощные струи воды.

Как только они подошли к зоне огня, монахи засучили рукава своих ряс, и, не обращая внимания на пылающие обломки, сыплющиеся им на головы, бросились к соседним домам. Выбравшись на крыши, они принялись взламывать все вокруг себя большими крючьями. Благодаря этим энергичным мерам, горящий дом был,

наконец, изолирован, и, поскольку, к счастью, не было ветра, огонь не мог распространиться на весь район. Так что можно было не опасаться, что вспыхнет один из тех устрашающих пожаров, которые два или три раза в столетие обрушивались на Париж, пожирая массу плотно прилегающих друг к другу старых деревянных домов. На том месте, где еще вчера стояла веселая таверна «Красная маска», теперь зияло пустое пространство над еще дымящейся грудой обломков и золы. Но огонь был потушен.

Анжелика, с измазанными сажей щеками, наблюдала, как рушатся все ее надежды. Рядом с ней стояла собака Сорбонна.

«Где Дегре? Как бы мне хотелось увидеть Дегре, — подумала она про себя. — Он сказал бы мне, что делать». Она взяла собаку за ошейник.

— Веди меня к твоему хозяину.

Ей не пришлось идти далеко. Всего в нескольких ярдах от места трагедии, под сводами темного портика она различила шляпу полицейского и его длиннополое одеяние. Он спокойно разминал табак.

— Добрый вечер, — сказал он самым будничным тоном. — Скверная ночка, не правда ли?

— Вы были здесь, всего в двух шагах! — задыхаясь, воскликнула Анжелика. — И вы не пришли!

— А почему я должен был придти?

— Разве вы не слышали, как я кричала?

— Я не знал, что это были вы, мадам.

— Какая разница! Ведь все равно это был женский крик.

— Не могу же я бросаться на помощь всем кричащим женщинам, — добродушно заявил Дегре. — Однако, мадам, можете мне поверить, если бы я знал, что это вы, я пришел бы.

Она с горькой обидой проворчала:

— Я в этом не уверена!

Дегре вздохнул.

— Разве я не рисковал прежде своей карьерой и даже жизнью ради вас? Так что я вполне мог рискнуть и во второй раз. Увы, мадам, вы стали прискорбной привычкой в моей жизни, и я очень боюсь, что, несмотря на мое врожденное благоразумие, в один прекрасный день эта привычка станет причиной моей смерти.

— Они держали меня на столе — хотели изнасиловать.

Дегре саркастически посмотрел на нее сверху вниз.

— И только-то? Они могли сделать что-нибудь и похуже.

Анжелика в растерянности провела рукой по лбу.

— Это правда! Я почувствовала некоторое облегчение, когда поняла, что им нужно только это. А потом появилась Сорбонна... как раз вовремя!

— Я всегда питал величайшее доверие к этой собаке.

— Вы послали ее?

— Очевидно.

Молодая женщина глубоко вздохнула и, в порыве внезапной слабости и желания как-то загладить свою вину, прислонилась щекой к жесткому плечу молодого человека.

— Спасибо.

— Видите ли, — продолжал Дегре своим спокойным голосом, который одновременно и бесил и успокаивал ее, — я только по видимости состою в государственной полиции. На самом деле, я стою выше всех полицейских короля. Не мое дело — вмешиваться в восхитительные развлечения знатных вельмож. В конце концов, моя дорогая, неужели вы так мало повидали в жизни, что до сих пор еще остаетесь в неведении относительно того, в каком мире мы живем? Пьянство становится просто шуткой, распущенность, доведенная до гнусного разврата — милым времяпровождением, оргии, доходящие до преступления, — легкая шалость. Днем, при дворе — красные каблуки и изысканные поклоны; ночью — любовь, притоны, таверны. Разве не это дает ощущение насыщенной, полной жизни? Вы ошибаетесь, моя дорогая, если воображаете, что этих людей следует бояться. На самом деле, их маленькие развлечения не представляют никакой опасности! Единственным врагом, самым ужасным злодеем всего королевства является человек, который может одним-единственным словом разрушить все их могущество: писака, пасквильянт. Лично я — за пасквильянтов.

— Хорошо! Вы можете начинать охоту, — сказала Анжелика, выпрямившись и стиснув зубы, — потому что я гарантирую вам массу работы.

Ее осенила внезапная мысль.

Она отодвинулась от него и немного отошла. Потом вернулась обратно.

— Их было тринадцать. Имена троих мне неизвестны. Вы должны раздобыть их для меня.

Полицейский приподнял свою шляпу и поклонился.

— К вашим услугам, мадам, — сказал он с улыбкой и интонацией адвоката Дегре.

Глава 21

Как и при первой их встрече, Анжелика нашла Клода Ле Пти спящим на барже с сеном. Она разбудила его и рассказала обо всех событиях ночи. Все ее надежды были развеяны; распутники в кружевах и лентах еще раз опустошили ее жизнь с той же зловещей добросовестностью, с какой опустошает местность армия проходящих через нее мародеров.

— Ты должен отомстить за меня, — твердила она с лихорадочным блеском в глазах. — Ты один можешь это сделать. Ты один, потому что ты их злейший враг. Так сказал Дегре.

Поэт зевнул, громко лязгнув челюстями.

— Ты странная женщина, — сказал он наконец.

Потом он обнял ее за талию и хотел привлечь к себе. Она нетерпеливо высвободилась.

— Да слушай же, что я тебе говорю!

— Ты теперь уже не маленькая нищенка, а знатная дама, отдающая приказания. Ну что ж, я к вашим услугам, Маркиза. У меня, в общем-то уже есть кое-какие соображения. С кого ты хотела бы начать? Может, с Бриенна? Я припоминаю, что он волочился за мадемуазель де Ла Вальер, с тех пор король его едва терпит. Так что мы зажарим де Бриенна вместо гуся на обед Его Величеству.

Он повернулся бледным лицом к востоку, где вставало солнце.

— Да, мы вполне успеем к обеду. Пресс метра Гилберта работает очень быстро, когда дело касается размножения моих издевок над сильными мира сего. Говорил ли я тебе когда-нибудь, что сын метра Гилберта был приговорен к галерам за какой-то совершенно незначительный проступок? Это прекрасная возможность для нас, не так ли?

И, вытащив из своей драной куртки старое гусиное перо, Отверженный Поэт принялся писать.

Начинался новый день. Весело зазвонил «Анжелюс».

Около полудня король, выйдя из часовни, где он слушал мессу, проходил через приемную, в которой его ожидали просители. Он

заметил, что каменный пол был усеян листками белой бумаги, которые торопливо собирал смущенный лакей, как будто только что заметивший их. Немного погодя, когда король спускался по лестнице, ведущей в его собственные апартаменты, он заметил тот же самый беспорядок и выразил свое неудовольствие.

— Что это значит? Здесь идет дождь из пергаментных листков. Ими усеяно все, как опавшими осенними листьями. Дайте мне это, пожалуйста.

Вперед выступил герцог де Крикуи, красный, как индюк.

— Ваше Величество, это просто вздор, не представляющий никакого интереса...

— А! Я уже вижу, что это такое, — сказал король, нетерпеливо протягивая руку. — Новые непристойности этого проклятого Отверженного Поэта с Понт-Нефа, который ухитряется ускользать, как угорь, меж пальцев всех сыщиков и имеет наглость разбрасывать свои мерзости прямо у меня во дворце! Дайте это мне, будьте любезны... И в самом деле, это его перо! Когда вы увидите Гражданского лейтенанта и Его Честь Прево Парижа, господа, можете передать им мои поздравления...

Усевшись перед обеденным столом, на котором стояли три куропатки, начиненные изюмом, рыбная запеканка, жаркое с гарниром из огурцов и зажаренный мелкими кусочками язык, Людовик XIV положил рядом со своим прибором зловещий листок бумаги» на котором типографская краска была настолько свежей, что еще пачкала пальцы. Король от души любил поесть и, кроме того, давно научился обуздывать свои эмоции. Поэтому то, что он читал, нисколько не мешало его аппетиту. Однако, когда он закончил чтение, в комнате, где обычно придворные непринужденно болтали со своим господином, воцарилось тягостное молчание, напоминавшее тишину склепа.

Памфлет был написан грубым и непристойным языком, но его слова разили, словно отравленные стрелы.

В нем расписывались подвиги господина де Бриенна, видного человека из королевского окружения, который, не довольствуясь попыткой вырвать у своего хозяина, которому он обязан всем, «нимфу с волосами, похожими на лунный луч», не довольствуясь постоянными скандалами из-за разногласий с собственной женой, отправился накануне ночью в харчевню на улице Вале-де-Мизере. Там этот

доблестный молодой человек вместе со своими компаньонами напал на юного продавца бисквитов, который потом был заколот их шпагами. Они напали и на владельца заведения, который умер от нанесенных ему ран, раскололи голову его племяннику, изнасиловали его дочь и закончили свои развлечения, устроив пожар, после которого от лавки не осталось ничего, кроме золы.

— Клянусь Святым Дени! — воскликнул король. — Если все это правда, Бриенн заслуживает виселицы. Кто-нибудь из вас, господа, слышал об этих преступлениях?

Придворные начали бормотать что-то невнятное и, наконец, заявили, что им почти ничего не известно. Тогда король, заметив молодого пажа, помогавшего офицерам, прислуживавшим за королевским столом, спросил его в упор:

— Тогда может быть ты, дитя мое, поскольку ты наверняка любопытен, как и положено в твоём возрасте, расскажешь мне, о чем говорят в это утро на Понт-Нефе?

Юнец вспыхнул, но ответил без особого смущения:

— Сир, говорят, что все, о чем пишет Отверженный Поэт — правда, и что все это случилось минувшей ночью в таверне «Красная маска». Я сам, возвращаясь с товарищами с пирушки, видел пламя, и мы побежали посмотреть на пожар. Но капуцины уже почти потушили его к тому времени. Весь район охвачен возмущением.

— Говорил ли кто-нибудь, что пожар был вызван какими-то дворянами?

— Да, сир, но никто не называл их имен, потому что все они были в масках.

— Что еще тебе известно?

Король впился взглядом в несчастного пажа. Мальчик, который был уже достаточно опытным придворным, боялся сказать что-либо, понимая, что одно слово может стоить ему карьеры. Но, подчиняясь приказу властных глаз, он опустил голову и прошептал:

— Сир, я видел тело маленького разносчика. Он был мертв. Его вытащила из огня женщина, которая продолжала и потом держать его в своих объятиях. Я видел также племянника хозяина, его лоб был забинтован.

— А сам хозяин?

— Они не смогли вытащить его тело из огня. Люди говорят... — паж попытался улыбнуться с похвальным намерением как-то сгладить напряженность, — ...люди говорят, что это самая подходящая смерть для торговца жареным мясом...

Но лицо короля осталось застывшим, и придворные быстро прикрыли рты руками, чтобы спрятать выражение неподдельного веселья.

— Пусть господин де Бриенн немедленно явится ко мне, — сказал король. — А вы, сударь, — повернулся он к герцогу де Креки, — передайте господину д'Обрею следующие распоряжения: во-первых, он должен собрать все данные и разузнать все подробности о событиях последней ночи и немедленно передать мне отчет об этом; во-вторых, проследить за тем, чтобы все продавцы или распространители этих листков немедленно задерживались и переправлялись в Шатле; и, наконец, довести до всеобщего сведения, что всякий прохожий, замеченный в том, что он поднял или прочитал один из этих листков, будет подвергаться значительному штрафу, не исключая даже судебного привлечения и заключения в тюрьму. Я также хочу, чтобы были предприняты самые энергичные меры по обнаружению печатника этих пасквилей и аресту человека по имени Клод Ле Пти.

Графа Бриенна разыскали в его собственном доме, куда он был доставлен слугами и где отсыпался после тяжелого опьянения.

— Мой дорогой друг, — сказал ему капитан гвардии маркиз де Жевре, — я вынужден выполнить неприятный для меня долг. Несмотря на то, что ничего определенного сказано не было, мне кажется, что я, в сущности, прибыл сюда, чтобы арестовать вас.

И он сунул под нос своему приятелю поэму, которую с удовольствием прочел по дороге.

— Это мой конец, — сдавленным голосом заявил Бриенн. — Однако, быстро же путешествуют новости в нашем королевстве! Я еще не успел... избавиться от всего вина, которое я выпил в этой проклятой таверне, как меня уже приглашают расплачиваться за него.

— Сударь, — сказал ему Людовик XIV, — в силу самых различных причин разговор с вами для меня крайне неприятен. Поэтому давайте будем краткими. Сознаетесь вы или нет в том, что прошлой ночью принимали участие в гнусных деяниях, описанных в этом листке?

— Сир, я был там, но я не совершал всех этих злодеяний. Ведь и сам Отверженный Поэт не утверждает, что именно я убил маленького разносчика.

— Кто же тогда?

Граф де Бриенн молчал.

— Мне нравится, что вы не хотите целиком переложить на плечи других ответственность, которая в значительной мере ложится и на вас. Я вижу это по вашему лицу. Тем хуже для вас, сударь, если вы позволили узнать себя. Поэтому вам придется заплатить за всех. Люди ропщут... и у них для этого достаточно причин. Поэтому правосудие должно свершиться, и притом быстро. Я хочу, чтобы уже сегодня вечером люди на Понт-Нефе могли сказать, что господин де Бриенн в Бастилии... и что он будет сурово наказан. Лично я просто в восторге оттого, что мне представилась такая возможность избавиться от необходимости видеть человека, который становится мне все более неприятен. Вы знаете, почему.

Бедняга Бриенн вздохнул, подумав о тех робких поцелуях, которые он пытался украдкой сорвать у нежной Ла Вальер еще в то время, когда ничего не знал о пристрастии своего господина к этой хорошенькой девушке.

Значит, он одновременно будет расплачиваться и за невинный маленький флирт, и за бесстыдную оргию. В Париже стало одним человеком больше, который имел все основания проклинать Отверженного Поэта. На пути в Бастилию экипаж, в котором перевозили Бриенна, был остановлен толпой рыбачек с центрального рынка. Они размахивали листками с поэмой и разделочными ножами, требуя, чтобы им передали узника, с которым они поступят точно так же, как он и его товарищи обошлись с несчастным поваром Буржю.

Бриенн испустил вздох облегчения только тогда, когда за ним захлопнулись тяжелые тюремные ворота.

На следующее утро весь Париж был наводнен новым потоком белых листков. Король был потрясен, обнаружив эпиграмму прямо под своей тарелкой с завтраком, который он собирался съесть перед тем, как отправиться на оленью охоту в Булонский лес.

Охота была отменена, а господин д'Олонн, начальник Королевской охоты отправился в направлении, прямо противоположном тому, в котором собирался следовать. А именно,

вместо того, чтобы поехать вниз, в Кур-ля-Рен, он поехал вверх, по дороге, ведущей в Бастилию.

Согласно новым сообщениям, именно он держал несчастного метра Буржую, когда другие его убивали.

*«Мы в день называть вам по имени будем,
И самым последним, как гром, прозвучит
Высокое имя, известное всюду,
Злодея, кем милый ребенок убит.
Кем мальчик-разносчик загублен?»*

Вслед за ним наступила очередь Лозена. Он услышал, как на улице громко кричат его имя, когда ехал в своей карете к королю. Пегилен проворно развернул лошадей и направился в Бастилию.

— Приготовьте мои апартаменты, — сказал он коменданту.

— Но, ваша светлость, я не получал относительно вас никаких распоряжений.

— Можете не беспокоиться. Вы их получите.

— Но где ордер на ваш арест?

— Да вот он, — сказал Пегилен, протягивая господину де Вану листок бумаги, который был только что куплен им за десять су у какого-то подозрительного оборванца.

Фронтенак предпочел удрать, не дожидаясь, пока наступит его черед. Де Вард усиленно отговаривал его от подобного опрометчивого шага.

— Ваш побег будет равносильно признанию вины. Это полностью изобличит вас. Если же вы будете вести себя, как ни в чем не бывало, вы, может быть, еще сможете выскользнуть целым и невредимым из этого потока разоблачений. Посмотрите на меня: разве я кажусь обеспокоенным? Я шучу, я смеюсь. Никто ни в чем меня не подозревает, и сам король делится со мной беспокойством, которое вызывает в нем это дело.

— Вы прекратите смеяться, когда очередь дойдет до вас.

— Мне кажется, что она не дойдет до меня. «Их было тринадцать», — говорится в песне. Но до сих пор названо только три имени, и говорят, что уже арестовано несколько продавцов, которые

назвали под пыткой имя своего печатника. Через несколько дней поток этих листков иссякнет и все придет в норму.

— Я не разделяю вашего оптимизма, — заметил маркиз де Фронтенак, поднимая ворот дорожного плаща. — Лично я предпочитаю изгнание тюрьме. Прощайте.

Он добрался уже до границы с Германией, когда было обнародовано его имя, что, впрочем, осталось почти никем не замеченным. Только за день до этого было предано общему позору имя де Варда, причем в таких выражениях, которые наносили оскорбления самому королю. Отверженный Поэт на этот раз зашел настолько далеко, что обвинил этого «всемирного мерзавца» в том, что он был автором Испанского письма, двумя годами раньше попавшего в апартаменты королевы и имевшего милосердную цель ознакомить Ее Величество с неверностью мужа, изменявшего ей с мадемуазель де Ла Вальер. Это обвинение разбередило и без того незажившую рану в сердце короля, потому что он так и не смог найти виновного и не раз сетовал на это де Варду, спрашивая у него совета. Пока он допрашивал капитана швейцарской гвардии и вызывал мадам де Суассон, любовницу и союзницу де Варда; пока его невестка, Генриетта Английская, тоже замешанная в деле с этим письмом, бросалась к его ногам, а де Гиш и Маленький Мсье сердито спорили с шевалье де Лорреном; список преступников, неистовавших в таверне «Красная маска», неуклонно пополнялся. Каждый день толпа узнавала имя новой жертвы. Лувињи и Сен-Тъери, заранее примирившиеся с ожидавшей их участью, и сделавшие соответствующие приготовления, в одно прекрасное утро узнали, что всему Парижу точно известно количество их любовниц и все их интимные тайны. Все эти детали сопровождались обычным припевом: «... кем милый ребенок убит? Кем мальчик-разносчик загублен?..»

Благодаря тому, что король все еще не мог придти в себя из-за разоблачений, сделанных относительно де Варда, Лувињи и Сен-Тъери отделались сравнительно легко: им было приказано оставить занимаемые ими должности и удалиться в свои загородные имения.

Весь Париж был охвачен величайшим возбуждением.

— Кто следующий? Кто следующий? — кричали каждое утро продавцы листков с песнями. Листки прямо рвали у них из рук. Люди с улицы кричали в окна имя нового «героя дня».

В высшем обществе у людей появилась привычка таинственно шептать друг другу при встрече:

— Ну, так кто же мог убить маленького разносчика?..

И потихоньку смеялись.

Но потом разнесся некий слух, и все смешки мгновенно прекратились. В Лувре атмосфера паники и крайнего замешательства отбила желание забавляться у всех, кто, имея чистую совесть, весело следил за развитием этой головокружительной игры. Видели, как королева-мать сама лично несколько раз приезжала в Пале-Рояль для переговоров со своим младшим сыном. На подступах к дворцу, где жил Маленький Мсье, начали собираться кучки молчаливых, враждебно настроенных зрителей. Никто еще не сказал этого, никто еще не высказал такого обвинения, но все шире и шире распространялся слух о том, что брат короля принимал участие в оргии в таверне «Красная маска», и что это он убил маленького разносчика бисквитов.

Анжелика узнавала новости о том, как реагирует на появляющиеся памфлеты двор, от Дегре.

В то самое утро, когда Бриенн по пути в Бастилию испытал немало страха, полицейский постучал в дверь маленького домика на улице Франс-Буржуа, который был убежищем Анжелики.

Она с каменным лицом выслушала его сообщение о словах и решениях короля.

— Он воображает, что отделается одним Бриенном, — пробормотала она сквозь стиснутые зубы. — Но пусть он побережется! Это только начало. Первым был назван тот, кто виновен менее других. Потом будут называться другие имена, пока в один прекрасный день не разразится настоящий скандал, и кровь Лино окропит тогда подножие трона!

Она страстно сжала свои ледяные, бескровные руки.

— Я только что отвезла его на кладбище Святых Младенцев. Все рыбачки бросили свои лотки и отправились провожать несчастное дитя, не получившее от судьбы ничего, кроме красоты и обаяния. И надо было явиться развращенным принцам, чтобы отнять у него единственное сокровище — его жизнь.

— Эти дамы с рыбного рынка в настоящий момент устроили небольшой эскорт господину де Бриенну.

— Пусть они его повесят, сожгут его карету, сожгут дотла королевский дворец! Пусть сожгут все замки за городом: Сен-Жермен, Версаль...

— Поджигательница! А где же тогда вы будете танцевать, когда опять станете знатной дамой?

Она пристально посмотрела на него и покачала головой.

— Никогда, никогда уже я не стану знатной дамой. Я сделала все, что могла, и опять ее потеряла. Они для меня слишком сильны. Узнали ли вы имена, о которых я просила вас?

— Вот они, — сказал Дегре, вытаскивая из кармана свиток пергамента. — Результаты абсолютно частного расследования, известные только мне одному. Были замечены входящими в таверну «Красная маска» в октябрьский вечер 1664 года: Мсье д'Орлеанский, шевалье де Лоррен, его светлость герцог де Лозен...

— О, ради бога, избавьте меня от их титулов, — вздохнула Анжелика.

— Я не мог удержаться от этого, — сказал Дегре со смехом, — вы ведь знаете, что я самый почтительный чиновник во всем королевстве. Ладно, будем говорить просто: де Бриенн, де Вард, дю Плесси-Бельер, де Лувиньи, де Сен-Тъери, де Фронтенак, де Каву, де Гиш, де Ла Вальер, д'Олонн, де Торм.

— Де Ла Вальер? Брат фаворитки?

— Он самый.

— Это просто удивительно, — прошептала она, и ее глаза засверкали мстительной радостью. — Но... погодите, но ведь, выходит, их было четырнадцать? А я насчитала только тринадцать.

— Вначале их было четырнадцать, потому что с ними был маркиз де Торм. Это человек среднего возраста, который любит принимать участие в проказах молодежи. Однако, когда он понял намерения Мсье относительно маленького разносчика, он удалился, заявив: «Доброй ночи, господа, я не испытываю желаний следовать за вами по этим извилистым тропинкам. Я предпочитаю идти по своей проторенной простой дороге и поэтому сейчас спокойно отправлюсь в кровать к маркизе де Ракене». Как всем известно, эта пухленькая дама — его любовница.

— Какая блестящая возможность заставить его заплатить за трусость!

Дегре некоторое время пристально смотрел на окаменевшее лицо Анжелики, потом лукаво улыбнулся.

— А злорадство идет вам на пользу. Когда я увидел вас впервые, вы принадлежали скорее к патетическому типу людей — тому, который всегда подвергается травле.

— А когда я впервые увидела вас, вы были искренним, веселым, приветливым человеком. А теперь вы временами вызываете у меня настоящую ненависть.

Она пронзила его пламенным взглядом зеленых глаз и процедила сквозь зубы:

— Чертов полицейский!

Полицейский засмеялся от удовольствия.

— Мадам, если вас послушать, то можно подумать, что вы водите компанию с уличным сбродом.

Анжелика пожала плечами, подошла к камину и ухватила щипцами полено.

— Вы боитесь, не так ли? — продолжал Дегре, растягивая слова, как парижанин из простонародья. — Вы боитесь за своего маленького Отверженного Поэта. И я должен предупредить вас, что на этот раз он действительно кончит виселицей.

Молодая женщина удержалась от ответа, хотя ей хотелось крикнуть ему: «Он никогда не попадет на виселицу! Вы не сможете поймать поэта Понт-Нефа. Он упорхнет от вас, как легкая птичка, и сядет на башни Нотр-Дама».

Она была охвачена таким возбуждением, что ее нервы могли сдать в любой момент. Она помешала огонь, не поднимая лица. На лбу у нее остался небольшой ожог от упавшей накануне ночью головешки. Почему Дегре не уходит? И однако она была рада тому, что он с нею. По старой привычке, вероятно.

— Какое имя вы назвали? — неожиданно спросила она. — Дю Плесси-Бельер? Маркиз?

— Теперь вы настаиваете на титулах! Так вот, это действительно был маркиз дю Плесси-Бельер, маршал королевского лагеря... победитель при Норгене, если вам это известно.

— Филипп! — вырвалось у Анжелики.

Как же она не узнала его, когда он сорвал свою маску и обратился к ней тот же самый ледяной взгляд голубых глаз, которым он когда-то

презрительно смотрел на свою кузину в сером платье? Филипп дю Плесси-Бельер! Перед ее глазами вновь возник замок дю Плесси, плывущий в воздухе, как белая кувшинка посреди пруда...

— Как странно, Дегре! Этот молодой человек — мой родственник, кузен, который жил в нескольких милях от нашего замка.

— И теперь, когда этот маленький кузен пришел поиграть с вами в таверне, вы собираетесь пощадить его?

— Может быть. В конце концов, известно, что их было тринадцать. Так что с маркизом де Тормом будет полный комплект.

— Моя дорогая, а вам не кажется, что вы поступаете не совсем благоразумно, открывая свои секреты чертову полицейскому?

— То, что я говорю» не поможет вам найти печатника Отверженного Поэта или узнать, как листки попадают в Лувр. И, во всяком случае, меня вы не выдадите!

— Да, мадам, я действительно вас не выдам, но я не хочу вас и обманывать. На этот раз Отверженный Поэт будет качаться в петле!

— Ну, это мы еще увидим!

— Увы, мадам, я боюсь, что мы и в самом деле увидим это, — отпарировал он. — До свидания, мадам.

После того, как он ушел, она долго не могла унять сотрясавшую ее дрожь. На улице Франс-Буржуа свистел осенний ветер. Буря ворвалась и в сердце Анжелики. Она никогда еще не испытывала такого смятения. Ей были знакомы прежде и страх, и гнев, и боль. Но на этот раз ее охватило такое нестерпимое, бесконечное отчаяние, что его ничем нельзя было успокоить или смягчить.

Глава 22

Маркиз де Ла Вальер, поняв, что приближается его очередь, решил признаться во всем сестре, для чего отправился в Отель Бирон, куда поместил свою фаворитку Людовик XIV. Испуганная и расстроенная, Луиза де Ла Вальер тем не менее посоветовала своему юному брату чистосердечно признаться во всем королю. Так он и сделал.

— Если бы я слишком сурово наказал вас, мне было бы больно увидеть слезы на любимых мною прекрасных глазах, — сказал Его Величество, — Оставьте Париж, мсье, и присоединитесь к своему полку в Руссильоне. Мы замнем скандал.

Однако, это оказалось не таким уж простым делом. Скандал не желал прекращаться. Несмотря на многочисленные аресты, заключения и пытки, каждый день, с регулярностью явления природы, появлялось новое имя. Теперь уже скоро должна была подойти очередь маркиза де Ла Вальера, шеваляе де Лоррена и брата короля. Все типографии подвергались обыскам и находились под непрерывным наблюдением. Большинство продавцов книги печатных изданий томились в темницах Шатле.

Но памфлеты по-прежнему проникали прямо в спальню королевы!

Было установлено наблюдение над всеми, кто приходил в Лувр или выходил из него, все выходы из дворца охранялись, как ворота крепости. Любой, кто появлялся во дворце рано утром — разносчики воды, молочницы, лакеи — тщательно обыскивались. Перед всеми окнами и проходами стояли часовые. Ни один человек не мог незамеченным выйти из Лувра или попасть туда.

«Ни один человек, но может быть, это не относится к половине человека?» — размышлял Дегре, сильно подозревая, что союзником Анжелики является карлик королевы, Баркароль.

Ее союзниками и помощниками были все оборванцы на улицах, прятавшие кипы листов под своими лохмотьями и разбрасывающие их на ступенях церквей и монастырей; вооруженные головорезы, которые, сорвав ночью с почтенных горожан их ценности, в обмен на

это вручали им несколько листков, чтобы те прочитали их в утешение; или Большой Матье, который распространял последние творения Отверженного Поэта под видом бесплатных рецептов, вручаемых уважаемым клиентам.

И, наконец, последним, но отнюдь не маловажным ее помощником был сам новый Великий Кезр, Деревянный Зад, к которому Анжелика одной безлунной ночью переправила три чемодана, набитых оттисками памфлетов с именами последних пяти виновных. Вероятность того, что полиция рискнет устроить налет на зловонные логова предместья Сен-Дени была ничтожной. Момент был совсем не подходящим для того, чтобы осаждать район, который явно не сдался бы без жестокого сражения.

Несмотря на всю свою бдительность, стражники, полицейские и сержанты Шатле не могли поспеть всюду. Ночь была им неподвластна, так что Маркиза Ангелов могла без всяких осложнений переправить с помощью своих мужчин чемоданы из университетского района в цитадель Деревянного Зада.

Через два часа после этого полиция явилась к печатнику, арестовав его и его рабочих. Продавец листков, попавший в Шатле, назвал его имя после того, как палач влил в него пять кувшинов холодной воды. В доме печатника они нашли явные доказательства его вины, но не обнаружили и следа будущих разоблачений. Некоторые люди уже возымели надежду, что больше не появится никаких листков, но утром весь Париж узнал о трусости маркиза де Торма, который, вместо того, чтобы защитить маленького продавца бисквитов, расстался со своими веселыми собутыльниками со словами: «До свидания, господа. Я по своей привычке отправлюсь в постель к маркизе де Ракене».

Маркиз де Ракене прекрасно знал о своих супружеских неприятностях. Но услышав, как об этом кричат со всех парижских крыш, он счел необходимым послать вызов на дуэль сопернику. Дуэль состоялась, и муж был убит. Мсье де Торм не успел надеть плащ, как появился маркиз де Жевре с ордером на арест. Маркиз де Торм, который еще не видел обвиняющих его памфлетов, решил, что его арестовывают за участие в дуэли.

— Еще четыре! Только четыре! — пели уличные мальчишки, взявшись за руки и приплясывая.

— Еще четыре! Только четыре! — орала толпа, собравшаяся под окнами Пале-Рояля.

Стража хлыстами разогнала беснующуюся, насмехающуюся толпу.

Измученный, загнанный преследователями, от которых он должен был бежать из одного тайного убежища в другое, Клод Ле Пти в конце концов нашел приют в доме Анжелики. Он был еще бледнее, чем обычно, несмотря на темневшую на его лице бороду.

— На этот раз, радость моя, в воздухе пахнет паленым, — сказал он с кривой улыбкой. — У меня есть предчувствие, что на этот раз мне не выскользнуть из их сетей.

— Не говори так! Ты сам сто раз говорил, что тебя никогда не повесят.

— Так говорит каждый, пока еще ничто не подорвало его силу. А потом, внезапно, появляется какая-нибудь трещина, и вся твоя сила вытекает через нее.

Он поранился, убегая через окно. Ему пришлось сломать стекло и изогнуть свинцовый переплет. Она уложила его на кровать, перевязала, накормила. Он внимательно следил за всеми ее движениями, и она почувствовала непонятную тревогу, не увидев в его глазах обычного насмешливого блеска.

— Это ты — моя щель, — отрывисто сказал он. — Не надо было мне встречаться с тобой... и любить тебя. С тех самых пор, как ты разбудила меня на той барже с сеном, я знал, что ты сделаешь из меня слугу.

— Клод, — сказала она, раненная в самое сердце, — почему ты хочешь поспорить со мной? Я... я чувствовала, что ты мне очень близок, что ты что-то делаешь для меня. Но, если ты хочешь, я могу быть более церемонной с тобой.

Она присела на край кровати и, взяв его руку, нежно прижалась к ней щекой.

— Мой поэт...

Он отдернул руку и закрыл глаза.

— Ах! — вздохнул он. — Вот это-то и губит меня. Около тебя я начинаю мечтать о жизни, в которой ты всегда была бы со мной. Я начинаю рассуждать как любой из этих дураков — достопочтенных

обывателей. Я говорю себе: мне хотелось бы каждый вечер возвращаться в теплый, светлый дом, где ждала бы меня она! Мне хотелось бы каждую ночь находить ее в своей постели, теплую, мягкую, покорную всем моим желанием. Мне хотелось бы обзавестись толстым пузом, стоять вечерами у своих дверей и, рассказывая о ней соседям, называть ее «моя жена». Вот что ты сделала с парнем. И я начинаю замечать, что столы в тавернах — не такие уж мягкие подушки, что спать между ног бронзового коня довольно холодно, и что я одинок в этом мире, как бездомная дворняжка.

— Ты говоришь, как Каламбреден, — задумчиво сказала Анжелика.

— Ты сломала и его тоже, потому что ты, в сущности, только видение, мимолетное и непостоянное, как бабочка, прозрачное, неуловимое...

— Ты должен покинуть Париж, — решила она. — Твоя задача выполнена, поскольку все памфлеты уже отпечатаны и спрятаны в надежном месте.

— Покинуть Париж? Но куда мне идти?

— К твоей старой няне, о которой ты мне рассказывал, которая вырастила тебя в горах. Скоро наступит зима, все дороги заметет снегом и никто не найдет тебя там. Ты должен уйти из моего дома, потому что здесь небезопасно, и спрятаться у Деревянного Зада. В полночь, сегодня, ты должен явиться к Монмартрским воротам, которые всегда охраняются хуже других. Ты найдешь там коня, а в седельных сумках будут деньги и пистолет.

— Хорошо, Маркиза, — сказал он, зевая. Он поднялся и собрался идти.

Его покорность встревожила Анжелику гораздо больше, чем любое, самое неожиданное безрассудство. Чем это объяснялось — усталостью, страхом или последствиями травмы? Он походил на лунатика. Перед тем, как уйти, он посмотрел на нее долгим, без тени улыбки, взглядом.

— Теперь, — сказал он, — ты стала очень сильной и можешь оставить нас на обочине.

Она не поняла, что он хотел этим сказать. Слова уже не доходили до ее сознания, и все тело ныло от боли, как избитое. Она не стала

ждать, пока легкая черная фигура Отверженного Поэта исчезнет за пеленой мелкого дождя.

После обеда она отправилась на скотный рынок Сен-Жерменской ярмарки и купила коня, что стоило ей значительной части ее сбережений, потом дошла до улицы Вал-д'Амур, чтобы позаимствовать у Красавчика пистолет.

Было условлено, что около полуночи Красавчик, Пион и еще несколько человек доставят коня к Монмартрским воротам. Там их должен встретить Клод Ле Пти с кем-нибудь из доверенных людей Деревянного Зада. Этот небольшой эскорт вооруженных людей будет сопровождать его по городским окраинам и пригородам, пока он не доберется до сельской местности.

После того, как был разработан и пущен в ход ее план, Анжелика несколько успокоилась. Вечером она зашла в детскую, потом поднялась на чердак, служивший пристанищем для Давида. Юноша метался в жару, потому что его рана загноилась из-за отсутствия надлежащего ухода.

Вернувшись в свою комнату, Анжелика начала считать часы. Дети и слуги уже спали, обезьянка Пикколо сидела на выступе камина. Опершись руками на колени, Анжелика неотрывно смотрела в огонь. Через два часа, через час Клод Ле Пти будет вне опасности. Она сможет тогда свободно вздохнуть и попытается уснуть. После пожара в таверне «Красная маска» она забыла, что значит спать.

Снаружи послышался стук лошадиных копыт, потом он затих. Послышался стук в дверь. Она с отчаянно бьющимся сердцем бросилась к смотровому отверстию и отодвинула небольшую заслонку.

— Это я, Дегре.

— Вы пришли как друг или как полицейский?

— Откройте. Я потом скажу вам.

Она отодвинула засовы, подумав, что не могло быть ничего менее приятного сейчас, чем визит полицейского, но в душе она была рада увидеть Дегре, чтобы не сидеть одной перед огнем и не чувствовать, что каждая минута, которую отсчитывают часы, падает на сердце, как капля расплавленного свинца.

— Где Сорбонна? — спросила она.

— Сегодня ее нет со мной.

Она заметила, что под мокрым плащом на нем был красный камзол, отделанный черными лентами и украшенный кружевными манжетами. В сапогах со шпорами и со шпагой он походил на небогатого провинциального дворянина, гордящегося своим пребыванием в столице.

— Я только что из театра, — весело сказал он. — Очень деликатное поручение, связанное с прекрасной дамой...

— Значит, вы больше не отслеживаете отверженных памфлетистов?

— Вероятно, поняли, что в данном случае я не использую все свои возможности...

— И вас отстранили от этого?

— Не совсем так. Мне предоставили полную свободу, знаете ли. Им известно, что у меня есть собственные методы.

Он стоял перед огнем, растирая замерзшие руки. Свои черные перчатки и шляпу он бросил на табурет.

— Почему вы не стали солдатом королевской армии? — спросила Анжелика, восхищенная его обликом, вытеснившим из ее памяти прежний образ оборванного адвоката. — Вас можно считать красивым мужчиной, и вы далеко не ленивы... Подождите немного, я принесу для вас кувшин белого вина и немного бисквитов.

— Нет, благодарю! Несмотря на ваше любезное гостеприимство, мне лучше удалиться. У меня еще есть дело около Монмартрских ворот.

Анжелика резко вздрогнула и бросила взгляд на часы: полдвенадцатого. Если Дегре сейчас отправится туда верхом, он вполне может наткнуться на Отверженного Поэта и его союзников. Было ли простым совпадением то, что он собирался поехать к Монмартрским воротам, или этот дьявол в образе человеческого что-то пронюхал? Нет, это невозможно! Внезапно она приняла решение.

Дегре надевал плащ.

— Уже! — запротестовала Анжелика. — Что у вас за странные манеры! Вы появляетесь в неподобающее время, вытаскиваете меня из постели, и после этого исчезаете сразу же после того, как пришли.

— Я не вытаскивал вас из постели. Вы даже не раздевались. Вы грезили наяву перед огнем.

— Действительно... я скучала. Садитесь же, прошу вас.

— Нет, — ответил он, завязывая шнурки плаща, — Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что должен поторапливаться.

— Ох уж, эти мужчины, — недовольно сказала она, мучительно выискивая предлог, чтобы задержать его.

Она не настолько даже из-за Отверженного Поэта, сколько из-за самого Дегре боялась стычки, которая неминуемо произошла бы, если бы он отправился сейчас к воротам Монмартра. У полицейского шпага и пистолет, но и те, другие тоже вооружены, и их было много. Более того, в этот вечер с ним не было Сорбонны. Во всех отношениях неразумно было сопровождать побег Клода Ле Пти дракой, во время которой легко мог погибнуть капитан полиции Шатле. Она просто обязана предотвратить это.

Но Дегре уже выходил из комнаты.

«Ну нет, это уж слишком глупо! — с отчаянием подумала Анжелика. — Если я не могу задержать мужчину на четверть часа, то непонятно, для чего только создал меня бог!»

Она вышла за ним в прихожую и, когда он уже взялся за дверную ручку, положила на его руку свою. Он, казалось, был удивлен нежностью этого жеста и слегка заколебался.

— Доброй ночи, мадам, — сказал он с улыбкой.

— Эта ночь не будет для меня доброй, если вы уйдете, — прошептала она. — Ночь длится слишком долго... когда ты одна.

И она прижалась щекой к его плечу.

«Я веду себя как куртизанка, — подумала она, — но дело не в этом! Ценой нескольких поцелуев я выиграю необходимое время. И если даже он потребует большего, то почему бы и нет? В конце концов, мы с ним старые знакомые».

— Мы с вами так давно знаем друг друга, Дегре, — сказала она вслух. — Неужели вам ни разу не приходило в голову, что между нами...

— Это не походит на вас, виснуть на шее у мужчины, — сказал сбитый с толку Дегре. — Что с вами сегодня, моя дорогая?

Но его рука все-таки оставила в покое дверную ручку и легла на ее плечо. Очень медленно, как бы против своего желания, он поднял другую и обвил ей талию молодой женщины. Однако он не прижимал ее к себе. Он держал ее скорее как какой-то хрупкий, изящный предмет, с которым непонятно, как следует обращаться. Тем не менее,

она почувствовала, что сердце полицейского Дегре забилося быстрее. Разве не забавно было бы нарушить равновесие этого безразличного, неизменно владеющего собой человека?

— Нет, — сказал он наконец. — Нет, я никогда не думал о том, что мы можем вместе лечь в постель. Видите ли, для меня любовь представляет нечто весьма обычное. В этом, как и в остальном, я не привык к роскоши, и она меня не прельщает. Холод, голод, розги хозяев не привили мне изящного вкуса. Я — человек таверн и борделей. Все что мне надо от девушки — это чтобы она была славным, здоровым животным, удобным куском товара, с которым можно делать все, что тебе захочется. Если говорить откровенно, вы не в моем вкусе.

Она слушала его, уткнувшись головой в изгиб его плеча, испытывая определенное удовольствие от его слов. Она чувствовала тепло обеих рук Дегре на своей спине. Он презирал ее совсем не так, как хотел это показать. Женщина, подобная Анжелике, не могла ошибиться в таких вещах. Слишком многое связывало ее с Дегре. Она приглушенно засмеялась.

— Вы говорите так, как будто я кажусь вам каким-то предметом роскоши... неудобным, как вы выразились. На вас, несомненно, производит впечатление богатство моей одежды, моего дома?

— О! Одежда здесь не при чем. Вы всегда сохраняете то сознание своего превосходства, которое сквозило в ваших глазах в далекий день, когда вам представили некоего оборванного адвоката из простонародья.

— Много изменилось с тех пор, Дегре.

— Есть вещи, которые никогда не меняются, в том числе надменность женщины, предки которой были рядом с королем Иоанном Добрым II, в битве при Пуатье в 1356 году.

— Вы всегда все обо всех знаете!

— Да... так же, как и ваш друг, Отверженный Поэт.

Он взял ее за плечи и нежно, но твердо отстранил от себя, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Ну? Значит, это правда, что он должен был быть около Монмартрских ворот в эту полночь?

Она затрепетала, но потом подумала, что опасность уже миновала. Где-то далеко слышны были последние удары часов, отбивавших

полночь. Дегре заметил торжествующий блеск в ее глазах.

— Да... да, уже слишком поздно, — пробормотал он, качая головой, — Слишком много людей собиралось сегодня встретиться около этих ворот! И в числе других сам Гражданский Лейтенант и с ним двадцать стражников из Шатле. Может быть, если бы я немного опередил их, я мог бы посоветовать им отправиться ждать дичь где-нибудь в другом месте... Или мог бы посоветовать наглой дичи выбраться за город по какой-нибудь другой дороге... Но теперь, я думаю... да, теперь я думаю, что уже слишком поздно...

Рано утром Флипо отправился на рынок за молоком для детей. Анжелика только забылась в коротком, беспокойном сне, когда услышала, что он примчался обратно. Забыв постучать в дверь, он просунул в комнату свою всклокоченную голову. Его глаза вылезали из орбит.

— Маркиза Ангелов, — выдохнул он. — Я только что видел его... Отверженного Поэта... на Гревской площади.

— На Гревской площади? — повторила она. — Должно быть, он окончательно спятил! Что он там делает?

— Высовывает язык! — ответил Флипо. — Они повесили его!

Глава 23

Я обещал господину д'Обрею, Гражданскому Лейтенанту Парижа, который, в свою очередь дал такое же обещание королю, что три последних имени не будут обнародованы. Однако, в это утро, несмотря на то, что автор памфлетов был повешен, на потеху всей парижской публике было выдано имя графа де Гиша. Его Величество понял, что, уничтожив главного виновника, он не остановил руку неминуемого правосудия, готовую опуститься на голову Мсье, то есть его собственного брата. Я, со своей стороны, дал понять Его Величеству, что знаю сообщников или сообщника памфлетиста, которые, несмотря на его смерть, намерены продолжать его дело. И, повторяю, я обещал ему, что последние три имени не появятся.

— Они появятся!

— Нет!

Анжелика и Дегре снова стояли друг перед другом на том же самом месте, где накануне вечером Анжелика опустила голову на его плечо. Взгляды противников скрестились:

Дом был пуст. Только Давид метался в жару на своем чердаке. С улицы не доносилось почти никакого шума. Рокот народного возмущения не проникал в этот аристократический район.

— Я знаю, где спрятаны кипы листов, которые вы намерены распространять, — сказал Дегре. — Я могу попросить содействия у армии, напасть на предместье Сен-Дени и разорвать на куски каждого прохвоста, который осмелится воспрепятствовать полиции в ее поисках берлоги Великого Кезра. Однако было бы гораздо проще уладить дело мирно. Послушайте меня, маленькая глупышка, вместо того, чтобы сверкать на меня глазами, как разъяренный котенок, — Клод Ле Пти мертв. Так должно было случиться. Его наглость зашла слишком далеко, а король никогда не позволит черни судить о себе.

— Король! Король! Он у вас с языка не сходит. Вы были гораздо более гордым в старые дни!

— Гордость — грех ваш, мадам. Но, прежде чем предавать этому греху, надо знать, против кого направлена ваша гордость. Я в свое время столкнулся с волей короля, и это едва не уничтожило меня. Урок

был достаточно убедительным: король сильнее меня. Поэтому я сейчас на стороне короля. По-моему, вам, мадам, имеющей на своем попечении двух маленьких детей, стоит последовать моему примеру.

— За молчите, вы мне отвратительны.

— Мне кажется, я что-то такое слышал о патентных письмах, которые вам хотелось бы получить, чтобы производить экзотический напиток, или что-то в этом роде?.. Не кажется ли вам, что значительная сумма денег, скажем 50 000 ливров, весьма пригодится вам для занятия каким-нибудь делом? Или еще какие-нибудь привилегии, которые могут в этом помочь, скажем, освобождение от налогов, или не знаю, что еще? Такая женщина, как вы, не может не иметь в голове кучу идей. Король готов предоставить вам все, что вы потребуете, в обмен на ваше окончательное и немедленное молчание. Так что есть возможность покончить с этой дракой на выгодных для всех условиях. Гражданский Лейтенант получит поздравления от короля, я займу новый, более высокий пост, Его Величество вздохнет с облегчением, а вы, моя дорогая, вновь спустите на воду свою лодку и будете продолжать плыть навстречу своей необыкновенной судьбе. Ну, не дрожите же так, словно кобылица под хлыстом наездника. Подумайте над этим. Через два часа я зайду за ответом...

Париж чувствовал, что в воздухе пахнет восстанием. Город помнил, что Отверженный Поэт был первым, кто в 1650 году начал пускать отравленные стрелы мазаринад. Пока он был жив, можно было быть уверенным, что его язвительный язык будет извлекать на белый свет все последние обиды и происшествия, и можно было не беспокоиться. Но теперь, когда он умер, парижан охватила паника. Им показалось, что их внезапно оглушили, заткнули рот. Все снова выплыло на поверхность: голод 1656, 1658, 1662 годов, новые налоги. Какая жалость, что Итальянец уже умер! Они сожгли бы его дворец!..

Вдоль набережных танцевали цепи взявшихся за руки людей, которые кричали:

— Кто заколол маленького разносчика бисквитов?

А другие отбивали ритм со словами:

— Завтра... мы узнаем! Завтра... мы узнаем!

Но на следующий день город не расцвел, как обычно, белыми лепестками листков со стихами. То же было и в следующие дни.

Наступила тишина. Кошмар кончился. Народ так никогда и не узнал, кто убил маленького разносчика. Париж понял, что Отверженный Поэт действительно мертв.

Он сам сказал это Анжелике: «Теперь ты стала очень сильной и можешь оставить нас на обочине».

Бесконечными ночами, в которые она не могла ни на минуту сомкнуть глаз, она видела его перед собой, видела, как он обращает на нее свои глаза, светлые и блестящие, как вода Сены, когда на нее падают солнечные лучи.

Она не могла заставить себя пойти на Гревскую площадь. Достаточно было и того, что Барба, отправившись туда с детьми якобы для того, чтобы послушать проповедь, не пощадила ее, описав подробности ужасного зрелища: белокурые волосы Отверженного Поэта, свисающие на его раздувшееся лицо, мешковатые черные чулки на тонких икрах, его чернильницу и гусиное перо, не отобранные суеверным палачом.

На третий день, поднявшись после еще одной бессонной ночи, она сказала себе:

— Я больше не могу выносить эту жизнь.

Вечером этого дня она должна была явиться к Дегре, в его дом на улице Понт-Нотр-Дам. Оттуда он должен был отвезти ее на встречу с важными персонами, чтобы выработать с ними секретное соглашение, которое должно было положить конец этому странному делу.

Предложения Анжелики были приняты. Она же, в свою очередь, должна была передать заинтересованным лицам три чемодана с отпечатанными, но нераспространенными памфлетами, из которых господа из полиции, вне всякого сомнения, разведут огромный костер.

И жизнь начнется снова. Анжелика снова получит много денег. Она также сможет наслаждаться единственной в стране привилегией производства и продажи напитка, называемого шоколадом.

«Я не могу больше выносить эту жизнь», — повторила она про себя.

Она зажгла свечу, потому что еще не рассвело. В зеркале, стоящем на ее туалетном столике, отразилось измученное, осунувшееся лицо.

«Зеленые глаза, — сказала она себе. — Цвет, приносящий несчастье. Да, это правда, я приношу несчастье всем, кого люблю... или всем, кто меня любит».

Поэт Клод?.. Повешен. Никола?.. Исчез. Жоффрей?.. Сожжен заживо.

Она медленно провела руками по лбу. Внутри у нее все дрожало так, что она не могла дышать. Но ладони ее были холодны, как лед.

«Что я здесь делаю, почему сражаюсь со всеми этими сильными и могущественными людьми? Мое место не здесь. Место женщины в ее доме, около мужа, которого она любит, около теплого очага, в уютной домашней обстановке, рядом с ребенком, спящим в деревянной кроватке. Помнишь ли ты, Жоффрей, маленький замок, где родился Флоримон?.. За окнами бушевал ветер, обрушивающийся с гор, а я сидела у тебя на коленях; я прижималась своей щекой к твоей. И я смотрела с некоторым страхом и удивительным доверием на твое необыкновенное лицо, на котором играли отсветы огня... Как весело ты смеялся, сверкая белыми зубами! Или еще — как я лежала на нашей широкой кровати, а ты пел для меня своим глубоким бархатным голосом, который, казалось, отражается от гор. Потом я засыпала, и ты ложился рядом со мной на прохладные вышитые простыни, надушенные ирисом. Я много отдала тебе. А ты, ты отдал мне все... И в своих мечтах я говорила себе, что мы будем счастливы долго, всегда...»

Она, спотыкаясь, прошла через комнату, рухнула на колени перед кроватью и спрятала лицо в сбитых простынях.

— Жоффрей, любовь моя!..

Вопль, подавляемый так долго, вырвался наружу.

— Жоффрей, любовь моя, вернись, не покидай меня одну... Вернись.

Но он никогда не вернется, она знала это. Он ушел слишком далеко. Где она могла бы найти его? Не было даже могилы, на которой она могла бы молиться... Пепел Жоффрея был развеян ветрами с Сены.

Анжелика поднялась, лицо ее было залито слезами.

Она села за стол, взяла листок бумаги и подточила перо.

«Когда Вы прочтете это письмо, господа, я уже окончу счеты с жизнью. Я знаю, что это большой грех — самому погубить свою жизнь, но Бог, который может читать в глубине человеческих душ, простит мне это преступление. Я отдаю себя на милость его. Я вверяю судьбу моих сыновей милосердию и справедливости короля. В обмен на молчание, от которого зависела честь королевской фамилии и на

которое я согласилась, я умоляю Его Величество проявить отеческую заботу о двух маленьких жизнях, начавшихся под знаком величайших несчастий. Если король не вернет им имя и состояние их отца, графа де Пейрака, он сможет, по крайней мере; обеспечить их поддержку, необходимую для их существования, а позднее помочь им получить образование и устроиться...»

Она продолжала писать, добавила некоторые подробности, касающиеся детей, и попросила также оказать милость молодому сироте Давиду Шелу. Потом она написала письмо Барбе, в котором умоляла ее никогда не оставлять Флоримона и Кантора и завещала ей свои платья и драгоценности. Сунув первое письмо в конверт, она запечатала его.

После этого ей стало легче. Она умылась и оделась, потом пошла в детскую, где провела все утро. Глядя на детей, она успокоилась. Мысль о том, что она покидает их навсегда, не беспокоила ее. Они больше не нуждались в ней. У них была Барба, которую они любили, и которая отвезет их в Монтелу. Они вырастут на свежем деревенском воздухе, под солнцем, далеко от парижской вони и грязи.

Даже Флоримон утратил свою зависимость от матери. Она возвращалась поздно вечером в дом, который они превратили в свое собственное маленькое королевство, со своими двумя служанками, собакой Пату, своими игрушками, птицами. Поскольку игрушки им приносила Анжелика, они каждый раз бросались к ней и капризно требовали чего-нибудь новенького. Сегодня Флоримон, подергав свое красное платьице, сказал:

— Мама, когда у меня будут настоящие штаны, как у мальчика? Я ведь, знаешь ли, уже мужчина!

— Милый, у тебя и так есть большая фетровая шляпа с прекрасным розовым плюмажем. Многие мальчики твоего возраста вполне довольны такими капорами, как у Кантора.

— Мне нужны штаны! — закричал Флоримон, швырнув на пол игрушечную трубу.

Анжелика тихонько выскользнула из детской, боясь, что не выдержит и в порыве гнева накажет его.

После полудня она воспользовалась тем, что дети уснули, надела плащ и вышла из дома. Запечатанный конверт она взяла с собой. Она вручит его Дегре и попросит его доставить письмо к месту

условленной встречи. После этого она уйдет от него и пойдет вдоль по берегу Сены. У нее в распоряжении еще несколько часов. Она собиралась на очень долгую прогулку. Она хотела добраться до сельской местности и унести с собой, как последнее видение, пожелтевшие осенние луга и золотые деревья, в последний раз вдохнуть запах мха, напоминавший ей Монтелу и ее детство...

Глава 24

Анжелика ждала Дегре в его новом доме. Обстановка в нем весьма отличалась от той, которую Анжелика застала, нанеся ему свой первый визит, в одном из полуразрушенных домов около Маленького моста, много лет назад.

Теперь у него был свой собственный дом в очень богатом районе улицы Понт-Нотр-Дам, почти новый, построенный в кричащем вкусе разбогатевших буржуа, с фасадом, украшенным статуями богов, держащих фрукты и цветы, медальонами с изображением королей, их статуями, причем все это было раскрашено яркими «естественными» красками.

Комната, в которую провели Анжелику, была обставлена с той же роскошью. Но молодая женщина бросила только беглый взгляд на широкую кровать с балдахинном, поддерживаемым витыми колонками, и на письменный стол, уставленный предметами из позолоченной бронзы. Она не спрашивала себя, при каких обстоятельствах адвокат мог обзавестись всем этим скромным богатством. Дегре был для нее и прошлым, и настоящим. Ей казалось, что он знает о ней все, и это успокаивало ее. Он был суровым и безразличным, но твердым, как скала. Отдав свое последнее послание в его руки, она могла умереть спокойно: ее дети не будут брошены на произвол судьбы.

Открытое окно выходило на Сену. День был прекрасным, теплым. Мягкое осеннее солнце бросало свои отблески на белые и черные плиты каменного пола.

Наконец Анжелика услышала в коридоре чьи-то решительные шаги, сопровождавшиеся звяканьем шпор. Она узнала походку Дегре. Он вошел и нисколько не удивился.

— Сорбонна, друг мой, останься-ка снаружи со своими грязными лапами.

Он опять был одет если и не элегантно, то, по крайней мере, богато. Воротник его широкого плаща, который он швырнул на стул, был отделан черной бархатной тесьмой. Но она узнала старого Дегре по тому небрежному движению, которым он стащил с себя шляпу и

парик. Потом он отстегнул шпагу. Он, казалось, был в прекрасном настроении.

— Я только что от господина д'Обрея. Все идет прекрасно. Моя дорогая, вы встретитесь с самыми значительными лицами из коммерческого и финансового мира. Говорят даже, что сам мсье Кольбер будет на этой встрече.

Анжелика вежливо улыбнулась. Его слова казались ей ничего не значащими и не могли вывести из оцепенения. Она не будет иметь чести познакомиться с господином Кольбером. В тот самый час, когда соберутся эти всемогущие господа, тело Анжелики де Сансе, графини де Пейрак, Маркизы Ангелов, будет плыть по течению Сены мимо ее золотых берегов. Она будет тогда свободна и недосыгаема для всех. И, может быть, Жоффрей выйдет ее встречать...

Она вздрогнула, потому что Дегре продолжал что-то говорить.

— Что вы сказали?

— Я говорил, что вы пришли слишком рано для встречи, мадам.

— Да, в самом деле, я пришла не за этим. Я просто зашла по пути, потому что меня ждет очаровательный молодой человек, с которым я собираюсь отправиться в галереи дворца, чтобы посмотреть там новинки. А оттуда, возможно, пойду в Тюильри. Это поможет мне скоротать время до часа решающей встречи. Но у меня с собой конверт, который несколько мешает мне. Не могли бы вы оставить его у себя? Я заберу его на обратном пути.

— Як вашим услугам, мадам.

Он взял запечатанный конверт, подошел к столу, на котором стоял небольшой сейф, открыл его и опустил туда письмо.

Анжелика повернулась, чтобы взять перчатки и веер. Все было очень просто. Точно так же, не спеша, она отправится на свою прогулку. Нужно только в определенный момент свернуть поближе к Сене... Солнце будет бросать отблески на поверхность воды так же, как на белые и черные плиты пола...

Ее заставил поднять голову какой-то скрип. Она увидела, что Дегре повернул ключ в двери. Потом, с самым естественным видом, он опустил ключ к себе в карман и направился к молодой женщине.

Он возвышался над ней, улыбаясь, но в его глазах загорелся красноватый огонек. Прежде чем она успела сделать хоть одно

движение, чтобы защититься, он схватил ее и поднял на руки. Склонив к ней лицо, он пробормотал:

— Идем, моя прелестная зверушка.

— Я не желаю, чтобы вы так разговаривали со мной! — закричала она. И разразилась рыданиями.

Все это нахлынуло на нее совершенно неожиданно: буря рыданий, ливень слез, душащих, разрывающих ее сердце.

Дегре отнес ее на кровать. Долгое время он сидел и пристально, спокойно смотрел на нее. Потом, когда неистовое отчаяние несколько утихло, он начал раздевать ее. Она почувствовала его пальцы на своей шее, когда он с ловкостью горничной расстегнул корсаж. Захлебываясь слезами, она уже не могла найти в себе силы для сопротивления.

— Вы злой, Дегре, — рыдала она.

— Нет, моя радость, нет, я не злой.

— Я думала, что вы мой друг... Я думала, что... О! Господи! Как я несчастна!

— Ну! Ну! Что за мысли! — сказал он сердито.

Он умелыми руками поднял ее широкие юбки, развязал подвязки, снял шелковые чулки, туфли.

Когда она осталась в одной сорочке, он отступил назад, и она слышала, как он, насвистывая, раздевается, расшвыривая свои сапоги, камзол и пояс по всем углам комнаты. Потом он одним прыжком присоединился к ней на кровати и задернул занавески балдахина.

В теплом полумраке алькова волосатое тело Дегре под черным бархатистым пушком казалось красным. Но он не утратил своей напористости.

— Опля, моя девочка! К чему эти стоны? Не плакать больше! Мы не плохо позабавимся сейчас. Поди-ка сюда!

Он стащил с нее сорочку и одновременно так звучно шлепнул ее, что она подпрыгнула, и, взбесившись от неожиданного унижения, вонзила ему в плечо свои острые маленькие зубы.

— Ах ты, дрянь! — воскликнул он. — Это заслуживает наказания!

Но она начала бешено бороться. Они сцепились. Она кричала ему в лицо самые низкие ругательства, какие только знала. Весь словарь Полак посыпался с ее губ, и Дегре хохотал, как сумасшедший. Этот хохот, сверканье его белых зубов, острый запах табака,

смешивавшийся с запахом мужского пота, довели Анжелику до неистовства. Она была уверена, что ненавидит Дегре, даже желает его смерти. Она кричала, что убьет его своим кинжалом. Он хохотал еще сильнее. Наконец ему удалось подмять ее под себя и найти ее губы.

— Поцелуй меня, — сказал он. — Поцелуй полицейского... слушайся, или я задам тебе такую трепку, что будешь болеть три дня... Поцелуй меня. Нет, лучше. Я уверен, что ты умеешь очень хорошо целоваться...

Она больше не могла сопротивляться. Она подчинилась. Она подчинилась настолько, что через несколько минут нахлынувшее желание заставило ее прильнуть к телу мужчины. Любовное веселье Дегре было поразительным, неистощимым. Анжелика заразилась им, словно лихорадкой. Молодая женщина убеждала себя, что Дегре обращается с ней без всякого уважения, что никто с ней так никогда не обращался, даже Никола, даже капитан из Шатле. Но, откинув голову на край кровати, она хохотала, как бесстыдная девка. Она чувствовала, как ее охватывает невероятное возбуждение.

Наконец мужчина снова привлек ее к себе. На какое-то мгновение перед ней открылось совсем иное лицо: сомкнутые глаза, серьезная страстность, лицо, с которого исчез весь цинизм, слетела вся ирония под наплывом одного-единственного чувства. В следующее мгновение она почувствовала, что принадлежит ему. И он засмеялся снова, жадным, диким смехом. Она возненавидела его за это. Именно теперь ей нужна была его нежность. Новый любовник всегда вызывал в ней после первого объятия чувство удивления, сопротивления, может быть, даже отвращения.

Ее возбуждение спало. На нее навалилась свинцовая усталость.

Она отдавала ему себя совершенно инертно, но его это нисколько не задело. У нее сложилось впечатление, что он обращался с ней, как с первой встречной девкой. Она начала умолять его, мотая головой из стороны в сторону:

— Оставь меня... оставь меня!

Но он не обращал на это никакого внимания.

Все стало черным вокруг нее. Нервное напряжение, на котором она держалась в течение нескольких последних дней, исчезло, уступив место сокрушительной усталости. Она была уже на пределе. У нее больше не было ни сил, ни слез, ни страсти...

Проснувшись, она обнаружила, что лежит на растерзанной кровати, разбросав руки и ноги, как морская звезда, в той самой позе, в которой ее настиг непреодолимый сон. Занавески кровати были подняты. На каменном полу танцевали розовые отблески солнечного света. Она слышала, как журчит вода под сводами Нотр-Дамского моста. К этому звуку примешался другой: какое-то негромкое монотонное царапанье.

Она повернула голову и увидела Дегре, что-то пишущего за столом. Он был в парике и накрахмаленном галстуке. Он казался очень спокойным и был, по-видимому, полностью поглощен работой. Она смотрела на него, ничего не понимая. Воспоминания были весьма смутными. Тело ее словно налито свинцом, но голова была ясной и легкой. Осознав, в какой нескромной позе лежит, она сдвинула ноги.

В этот момент Дегре поднял голову. Увидев, что она проснулась, он отложил перо на подставку и направился к кровати.

— Как вы себя чувствуете? Вы хорошо спали? — спросил он самым вежливым и естественным тоном.

Она тупо смотрела на него. Где она видела его устрашающим, грубым, распутным? Вероятно, во сне.

— Спала? — пробормотала она. — Разве я спала? Как долго?

— Ну, я по крайней мере три часа любовался этим очаровательным зрелищем.

— Три часа! — повторила Анжелика, натягивая на себя простыню. — Какой ужас! А как же встреча с господином Кольбером?

— В вашем распоряжении есть еще час.

Он вышел в соседнюю комнату.

— У меня есть комфортабельная ванная комната и в ней все, что необходимо для дамского туалета: пудра, румяна, духи, мушки.

Он вернулся в комнату, держа в руках шелковый пеньюар:

— Наденьте вот это, моя дорогая, и поторопитесь.

Слегка ошеломленная, испытывая ощущение, что она передвигается по облаку из ваты, Анжелика отправилась умываться и одеваться. Ее одежда была аккуратно сложена на сундуке. Перед зеркалом была устроена целая выставка принадлежностей, мягко говоря, неожиданных в этом жилище холостяка: баночки с белилами и румянами, черный крем для век, целый ряд флакончиков с духами.

К Анжелике медленно возвращалась память. Однако это стоило ей некоторого труда, потому что мысли ее все еще путались. Она вспомнила звучный хлопок, которым Дегре так ошеломил ее. О! Это было мерзко! Он обращался с ней, как с последней девкой. Теперь она была уверена в том, что он знал, что это она была Маркизой Ангелов. Что он намерен делать с ней теперь?

Она слышала поскрипывание гусяного пера. Потом Дегре поднялся и спросил:

— Как вы там справляетесь? Не могу ли я заменить даме горничную?

Не дожидаясь ее ответа, он вошел в ванную и начал умело завязывать шнурки ее корсажа.

Анжелика уже не знала, что и думать.

Она корчилась от стыда при воспоминаниях о его ласках. Но голова Дегре, казалось, была занята уже совсем другим. Она решила бы, что все это просто приснилось ей, если бы не зеркало, в котором отражалось ее лицо — лицо чувственной женщины, с темными от любовной усталости веками и губами, распухшими от страстных поцелуев. Какой позор! Даже самые несведущие глаза заметят на ее лице следы бурной любовной схватки, в которую вовлек ее Дегре. Она машинально провела пальцами по распухшим губам, которые все еще болели.

Она встретила в зеркале взгляд Дегре. Он слегка улыбнулся.

— О да! Это заметно, — сказал он, — Но не имеет никакого значения. Это произведет некоторое впечатление на тех господ, с которыми вы собираетесь встретиться, а, может быть, даже вызовет смутную зависть.

Ничего не ответив, она пригладила локоны и приклеила на щеку мушку. Полицейский застегнул пояс и надел шляпу... Он действительно выглядел элегантно, хотя в его костюме было что-то суровое, мрачное.

— Вы шагаете вверх по ступенькам социальной лестницы, мсье Дегре, — сказала Анжелика, изо всех сил стараясь подражать его небрежному тону. — Теперь вы носите шпагу, и у вас апартаменты, как у преуспевающего буржуа.

— У меня бывает очень много посетителей. И, видите ли, их тип странно изменяется. Разве я виноват в том, что следы, по которым я

иду, начинают вести меня все выше и выше? Сорбонна стареет. Когда она умрет, я не буду никем заменять ее, потому что самые закоренелые убийцы в наше время прячутся не в лачугах. Их следует искать в других местах.

Он немного подумал, потом добавил, покачав головой:

— В гостиных, например... Вы готовы, мадам?

Анжелика взяла веер и знаком показала «да».

— Вернуть вам ваш конверт?

— Какой конверт?

Молодая женщина нахмурилась. Потом она вспомнила, и легкая краска выступила у нее на лице. Неужели это был тот самый конверт, в котором содержалась ее последняя воля и который она вручила Дегре, собираясь после этого покончить с собой?

Покончить с собой? Что за странная мысль! С чего это ей пришло в голову покончить с собой? Это был совсем неподходящий момент. Когда впервые за многие годы она наконец должна была вот-вот увидеть успешное завершение всех своих усилий, когда она практически держала в зависимости от своей милости самого короля Франции!..

— Да, да, — торопливо сказала она. — Отдайте его мне обратно.

Он открыл сейф, достал из него запечатанный конверт и протянул ей. Но держал он его так, что Анжелика с трудом могла до него дотянуться, и она непонимающе посмотрела на него. В глазах Дегре снова зажегся красноватый огонек, проникающий, как луч света, в самую глубину ее души.

— Вы хотели умереть, не так ли?

Анжелика уставилась на него, как ребенок, пойманный на месте преступления. Потом она опустила голову и кивнула.

— А теперь?

— Теперь?.. Я уже не знаю. Во всяком случае, я определенно не намерена делать это до тех пор, пока не воспользуюсь случаем, который предоставляется мне благодаря трусости этих господ. Это уникальный случай, и я убеждена, что, если мне удастся вызвать интерес к шоколаду, я смогу вернуть себе былое богатство.

— Великолепно.

Он взял конверт и бросил его в огонь. Потом он снова подошел к ней, как всегда спокойный и улыбающийся.

— Дегре, — прошептала она, — как вы догадались?..

— Ох, моя дорогая! — воскликнул он, засмеявшись. — Неужели вы считаете, что я глуп настолько, чтобы не заподозрить ничего неладного, если ко мне приходит женщина с совершенно диким взглядом, без румян, без пудры на лице, и пытается уверить меня, что собирается на свидание, после которого будет прогуливаться по торговым галереям?.. Кроме того...

Он как будто колебался.

— Я слишком хорошо вас знаю, — продолжал он. — Я сразу увидел, что что-то стряслось, что это достаточно серьезно и требует быстрых и энергичных действий. Учитывая мои дружеские побуждения, простите ли вы меня, мадам, за несколько непочтительное обращение с вами?

— Я еще не знаю, — ответила она обиженно. — Я подумаю над этим.

Но Дегре начал хохотать, глядя на нее теплым, дружеским взглядом. Это показалось ей унижительным. Но тут же она подумала, что во всем мире у нее нет лучшего друга. Он добавил:

— Я хочу дать вам еще один небольшой совет, мадам, если вы позволите такую дерзость полицейскому: смотрите всегда только вперед. Никогда не оборачивайтесь к своему прошлому. Старайтесь не ворошить пепел — этот пепел уже развеян всеми четырьмя ветрами. Потому что каждый раз, когда вы подумаете о нем, вам мучительно захочется умереть. А я не всегда буду рядом с вами, чтобы вовремя встряхнуть вас...

Анжелика в маске и, для большей предосторожности, с завязанными глазами, была доставлена в карете с задернутыми окнами в маленький дом в предместье Вожирар. Повязка с ее глаз была снята только тогда, когда она оказалась в гостиной, освещенной несколькими светильниками, где сидели четверо или пятеро людей в париках. Чопорные и надутые, они словно были разочарованы, недовольны, увидев ее.

Если бы не присутствие Дегре, Анжелика подумала бы, что ее просто заманили в ловушку, из которой ей не выбраться живой. Однако, в мыслях господина Кольбера, буржуа с холодным, суровым лицом, не было ничего нечестного или коварного. Никто не мог лучше

этого простолюдина, обличающего распущенность и расточительность, царящие при дворе, оценить по достоинству ходатайство Анжелики к королю.

Монарх и сам понимал это, правда, может быть, несколько вынужденно, после столкновения со скандальными листками Отверженного Поэта. Анжелика быстро почувствовала, что спор был нужен только для проформы. Ее позиция была неуязвимой.

Оставив через два часа почтенное собрание, она унесла с собой обещание, что ей будет передана сумма в 50 000 ливров, взятая непосредственно из королевской казны, для восстановления таверны «Красная маска». Были также подтверждены патентные письма на производство шоколада, выданные когда-то отцу молодого Шелу. В них будет внесено имя Анжелики, причем будет специально оговорено, что она не попадает под влияние ни одной из гильдий.

Ей были предоставлены все виды льгот на получение сырья для производства нового напитка. В заключение она просила, в качестве возмещения, разрешить ей стать владелицей одной доли в только что организованной Восточно-Индийской Компании. Это ее требование было встречено с некоторым удивлением. Но финансисты уже поняли, что молодая женщина очень хорошо разбирается в делах. Она подчеркнула, что, поскольку ее дело связано с экзотическим товаром, Восточно-Индийская Компания наверняка будет только приветствовать нового клиента, который крайне заинтересован в процветании Компании и пользуется поддержкой самых значительных состояний страны.

Господин Кольбер признал, хотя и с ворчанием, что все требования этой молодой особы, несмотря на свою значительность, были уместными и хорошо обоснованными. Она получила все, что просила. В обмен на это доверенные лица лейтенанта полиции д'Обрея должны были явиться в лачугу, расположенную в открытой местности, где они найдут чемоданы, набитые памфлетами, в которых в самых нескромных выражениях упоминались имена маркиза де Ла Вальера, шевалье де Лоррена и Мсье, брата короля.

Возвращаясь в Париж в том же самом экипаже с опущенными занавесками, Анжелика пыталась подавить свое ликование. Казалось бы, что у нее не было особых оснований чувствовать себя счастливой, особенно если вспомнить, на каком ужасе был основан ее триумф. Но,

в конце концов, если все пойдет так, как было задумано, ничто не помешает ей стать одной из самых богатых женщин Парижа. Она попадет в Версаль, она будет представлена королю, вернет себе свое положение, ее дети будут воспитаны, как и подобает молодым дворянам.

На обратном пути ее глаза остались не завязанными, потому что ночь была темной. Она была одна в карете, но путешествие показалось ей коротким, потому что она была поглощена своими мечтами и расчетами. Она слышала, как стучат копыта лошадей, маленьким эскортом сопровождавших ее карету.

Неожиданно карета остановилась, и одна из занавесок приподнялась. Она увидела освещенное фонарем лицо Дегре, смотрящего на нее через оконце кареты. Он был верхом.

— Я оставлю вас здесь, мадам. Карета доставит вас домой. Через два дня я снова встречу с вами, чтобы передать вам все, что вы должны получить. Все в порядке?

— Мне кажется, что да. О! Дегре, это просто удивительно. Если я сумею развернуть шоколадное дело, то наверняка составлю себе целое состояние.

— Вы сумеете. Трижды ура шоколаду! — сказал Дегре. Он помахал шляпой и, наклонившись, поцеловал ей руку.

— Прощайте, Маркиза Ангелов!

Она чуть заметно улыбнулась ему.

— Прощайте, полицейский!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ВЕРСАЛЬ

Глава 25

Анжелика шла по берегу Сены, вновь перебирая в памяти различные этапы пути, пройденного с того памятного вечера, когда она под величайшим секретом была доставлена к господину Кольберу.

Прежде всего, это была шоколадная лавка, очень быстро ставшая самым модным местом свиданий в Париже. Вывеска ее гласила: «У испанских лилипутов». Сама королева, восхищенная тем, что теперь она не одна в Париже пьет шоколад, нанесла туда визит. Ее Величество явилась в сопровождении женщины-лилипутки и своего карлика, величественного Баркароля.

Окрыленная успехом, Анжелика основала несколько филиалов своего заведения в небольших городках по соседству с Парижем: в Сен-Жермене, Фонтенбло и Версале, и даже в Лионе и Нанте.

Она с особенной тщательностью подбирала людей, которые должны были управлять этими новыми предприятиями. Она предоставила им большие льготы, но требовала честного ведения денежных дел и оговаривала в контракте, что если в течение первых шести месяцев предприятие не будет пользоваться все нарастающим успехом, управляющий должен быть смещен. Поэтому управляющие немедленно развивали лихорадочную деятельность, стараясь убедить провинциалов в том, что их долг состоит в употреблении нового напитка.

Все это принесло ей огромное богатство.

Поглощенная размышлениями, Анжелика не заметила, как ушла с набережной и оказалась на улице Ботрейи. Оживленная толчея, царившая на этой улице, вернула ее к действительности. Прогулка пешком, среди водоносов и служанок, спешащих по поручениям, не соответствовала ее теперешнему положению. Она уже не носила коротких юбок, обычных для женщин из простонародья, и теперь с огорчением смотрела на забрызганный грязью подол.

Внезапная суматоха, поднявшаяся среди толпы, заставила ее прижаться к стене дома. Дородный горожанин, чуть не раздавивший ее, обернулся и крикнул:

— Потерпите, милая дама. Это принц выезжает.

И действительно, распахнулись широкие ворота, и выехала карета, запряженная шестеркой лошадей. Анжелика успела заметить в окне насуспенный профиль принца де Конде. Несколько человек закричали:

— Да здравствует принц!

Он небрежно махнул рукавом с кружевным манжетом. Для народа он всегда оставался победителем Рокруа. К несчастью, Пиренейский мир заставил его выйти в отставку, что было ему совсем не по вкусу.

После того, как он отъехал, толчея возобновилась. Анжелика прошла к фасаду роскошного особняка, из которого он только что выехал, и посмотрела на него. С недавнего времени ее перестали удовлетворять апартаменты на площади Вогез. Она мечтала о таком же вот особняке, с широким выездом для карет, двором, где могут разворачиваться экипажи, с конюшней и кухонными помещениями, квартирами для слуг, и, в глубине поместья, прекрасным садом с апельсиновыми деревьями и цветочными клумбами.

Резиденция, которой она любовалась, была построена сравнительно недавно. Ее белый строгий фасад с высокими окнами, балконами из кованого железа, нарядная черепичная крыша и некоторые другие архитектурные детали соответствовали моде недавних лет.

Ворота снова медленно закрылись. Анжелика все еще медлила. Она заметила, что резной герб над воротами как будто недавно выломан. Это явно не было действием плохой погоды или времени, нет, прекрасный герб был уничтожен вполне обдуманно резцом ремесленника.

— Чей это особняк? — спросила она у цветочницы, чья лавка находилась неподалеку.

— Ну, конечно же, принца, — ответила та, прихорашиваясь.

— А почему же принц убрал герб над воротами? Мне кажется, этого не стоило делать, ведь все остальные скульптуры так прекрасны!

— О! Это другая история! — воскликнула добрая женщина, и ее лицо помрачнело. — Это был герб человека, построившего особняк. Проклятого дворянина. Он занимался колдовством и вызывал дьявола. Его сожгли на костре.

Анжелика замерла. Потом она почувствовала, что кровь медленно отхлынула от лица. Так вот почему она испытала странное чувство при

виде этих светлых дубовых ворот, сверкавших на ярком солнце, будто видела их когда-то прежде...

Это сюда она приехала, впервые появившись в Париже. Это были те самые ворота, на которых она тогда увидела печати, наложенные королевским правосудием...

— Говорят, он был очень богат, — продолжала женщина. — Король поделил все его богатство. Его Высочество принц получил большую часть вместе с этим домом. Прежде чем переехать сюда, он приказал выломать герб колдуна и побрызгать всюду святой водой. Можно понять его... он хотел спать спокойно!

Анжелика поблагодарила цветочницу и медленно пошла дальше.

Она переехала на Королевскую площадь (или площадь Вогез) через несколько месяцев после открытия шоколадной лавки. Деньги уже хлынули к ней рекой. Оставив улицу Франс-Буржуа ради аристократического квартала, молодая женщина перешагнула на другую, более высокую ступень социальной лестницы.

На Королевской площади знатные господа устраивали дуэли, а прекрасные дамы беседовали о философии или астрономии, или слагали вирши.

Удалившись от всепроникающего запаха какао, Анжелика чувствовала себя здесь возрожденной и широко раскрытыми глазами с удовольствием смотрела на это избранное и такое парижское общество.

На этой площади, обрамленной розовыми домами с высокими черепичными крышами и тенистыми арками, в первых этажах которых располагались лавки новинок, она находила убежище, где могла отдохнуть после тяжелого труда.

Жизнь здесь была обособленной и изысканной. Скандалы — фальшивыми и театральными.

Анжелика начала понимать вкус удовольствия от разговора, этого инструмента культуры, который за последние полстолетия преобразил французское общество. К сожалению, она еще боялась попасть в неловкое положение. Ее ум так долго был занят вещами, не имеющими никакого отношения к проблемам, поставленным в эпиграмме, мадригале или сонете! Кроме того, из-за ее незнатного происхождения, вернее из-за того, что оно считалось таковым, самые лучшие салоны оставались для нее закрытыми. Для того, чтобы завоевать их,

требовалось большое терпение. Одевалась она богато, однако у нее не было полной уверенности, что ее наряды достаточно изысканны и соответствуют последней моде.

Когда ее мальчики выходили на прогулку под деревья на площади, люди оборачивались, чтобы посмотреть на них, так они были красивы и хорошо одеты. Теперь Флоримон и даже Кантор уже носили настоящие мужские костюмы из шелка, парчи и бархата, с большими кружевными воротниками, вышитыми чулками, башмачками на каблуках и с бантами. На их прелестных локонах сидели нарядные шляпы с плюмажами, а у Флоримона была маленькая шпага, приводившая его в восторг. Несмотря на хрупкую, нервную внешность, он обожал драки. Он вызывал на дуэль обезьянку Пикколо или даже миролюбивого Кантора, который в свои четыре года все еще почти не говорил. Если бы не живой ум, светившийся в его зеленых глазах, Анжелика решила бы, что он несколько отстает в умственном развитии. Однако он просто был молчаливым от природы и не испытывал потребности в разговоре, поскольку Флоримон всегда его понимал, а слуги угадывали любое его желание.

У Анжелики теперь была кухарка и еще один лакей. Вместе с кучером и Флипо, тоже возведенным теперь в ранг лакея, мадам Моран обладала солидным штатом прислуги и могла производить впечатление на соседей. Барба и Жавотта носили кружевные чепчики, золотые крестики, индийские шали.

Но Анжелика вполне отчетливо понимала, что в глазах людей она всего лишь разбогатевшая выскочка. Ей хотелось подняться выше, и гостиные квартала Маре были самым подходящим местом для честолюбивых женщин, мечтавших подняться от буржуазии к аристократии, потому что здесь собирались под эгидой остроумия и знатные дамы, и женщины из буржуазии.

Она начала с того, что завязала дружбу со старой девой, занимавшей апартаменты ниже этажом. Эта дама в свое время застала расцвет жеманного общества и его женских ссор. Она встречалась с мадам де Рамбулье, часто посещала мадемуазель де Скюдери. Ее язык был до того изысканным, что его нелегко было понять.

Филонида Парайонк утверждала, что существует семь различных степеней уважения, и подразделяла вздохи на пять категорий. Она

презирала мужчин и испытывала отвращение к Мольеру. Любовь, по ее мнению, была «адскими оковами».

Однако она не всегда была настроена так презрительно к подобным вещам. Перешептывались, что в юности она отнюдь не удовлетворялась скучной областью сентиментального Флирта, не пренебрегала королевством Кокетства и не раз добиралась до его столицы, Чувственного Восторга. Она и сама признавалась, закатывая глаза: «Любовь иссушила мое сердце!»

Анжелика вместе с мадемуазель Парайонк посещала сборища в Изысканном дворце. Здесь она встречалась с многими богатыми женщинами, церковниками, молодыми учеными.

Однажды Анжелика попросила мадемуазель Парайонк сопровождать ее на прогулку в парк Тюильри. Мадемуазель Парайонк знала всех и каждого, могла назвать имя любого встречного своей подруге, которая таким образом знакомилась с новыми лицами, появившимися при дворе. Кроме того, она подчеркивала красоту Анжелики. Впрочем, Анжелика пользовалась этим совершенно бессознательно, потому что бедная Филонида, накрашенная белилами сверх всякой меры, с черными, как у старой совы, веками, все еще была уверена в неотразимости своих чар, как и в те дни, когда она заставляла непрестанно вздыхать поклонников.

Она учила Анжелику, как следует гулять по Тюильри, так образно при этом жестикулируя, что наглые прохожие начинали хихикать. Но она видела в этом только новую дань уважения своим чарам.

— В Тюильри, — говорила она, — вы должны неустанно прогуливаться по главной аллее. Вы должны все время болтать, чтобы показаться остроумной, и при этом не говорить ни о чем. Вы должны смеяться без всякого повода, чтобы казаться веселой... Вы должны постоянно выпрямляться, чтобы иметь возможность демонстрировать свою грудь... широко открывать глаза, чтобы они казались больше, кусать губы, чтобы они становились краснее... кивать головой одному, махнуть веером другому... Наконец, моя дорогая, держитесь несколько свободнее! Немного элегантности, побольше жестов, непрестанно улыбайтесь, даже против желания, и подчеркните все это томным видом...

Это был совсем неплохой урок, и Анжелика применяла его на практике с большей сдержанностью и также с большим успехом, чем

ее компаньонка.

Тюильри, по словам мадемуазель де Парайонк, был местом для прогулок высшего общества, а Кур-ля-Рен — империей нежных взглядов. Одни прогуливались по Тюильри, дожидаясь времени, когда можно будет отправиться на прогулку на Кур-ля-Рен, другие встречались здесь после вечера, проведенного там, чередуя поездки в экипаже с пешей прогулкой.

Тенистые рощи парка были притягательным местом для поэтов и любовников. Аббаты готовили здесь проповеди, адвокаты — свои речи. Сюда приезжали на свидания все знатные лица, и часто можно было встретить здесь самого короля, королеву, или Монсеньора Дофина с его гувернантками.

Анжелика потащила компаньонку к большой цветочной клумбе, где обычно можно было встретить самых высокопоставленных людей. Принц де Конде приходил сюда почти каждый вечер. Она была так разочарована, не увидев его в этот день, что даже топнула ногой.

— Мне бы очень хотелось узнать, почему вы так жаждете увидеть принца, — с удивлением заметила Филонида.

— Я просто хочу его увидеть.

— Вы хотите вручить ему какое-нибудь прошение? Тогда перестаньте скорбеть, потому что вот он идет.

И действительно, только что появившийся принц дё Конде пересекал широкую аллею в сопровождении господ из своего постоянного окружения. Анжелика поняла, что она никак не сможет обратиться к нему. Разве она могла сказать: «Монсеньор, верните мне особняк на улице Ботрейи, который принадлежал мне и который вы получили прямо из рук короля». Или по-другому: «Монсеньор, я жена графа де Пейрака, чей герб вы уничтожили и чей дом вы очистили с помощью святой воды...»

Порыв, который привел ее в Тюильри, чтобы увидеться здесь с принцем де Конде, был глупым и по-детски наивным. Она всего лишь недавно разбогатевшая шоколадница. Не было никого, кто мог бы представить ее великому вельможе, да и что она могла сказать ему?.. Она упрекала себя: «Идиотка! Если ты будешь вести себя» так необдуманно и безрассудно всегда, твои дела примут плачевный оборот!..»

— Пойдемте, — сказала она старой деве.

И резко отвернулась от блестящей, весело болтающей группы, проходившей мимо них.

Несмотря на чудесный вечер и по-весеннему мягкое небо, Анжелика до конца прогулки пребывала в плохом настроении. Филонида спросила, не поедут ли они на прогулку. Она отказалась. Ее карета была слишком простой.

К ним подошел изнеженный, женоподобный фронт:

— Мадам, — сказал он, обращаясь к Анжелике, — я и мои друзья поспорили из-за вас. Одни держат пари, что вы — жена проктора, другие, — что вы не замужем, и что вы жеманница. Разрешите наши сомнения.

Это могло бы рассмешить ее. Но сейчас она была в плохом настроении, и, кроме того, она терпеть не могла этих женоподобных юнцов, раскрашенных, как куклы, с приторными манерами, которые считали хорошим тоном выращивать ноготь на мизинце гораздо длиннее, чем на других пальцах.

— Почему бы вам не поспорить о том, что вы — дурак, — отпарировала она. — В этом случае вы никогда бы не проиграли.

И она отошла от щеголя, буквально потерявшего дар речи. Филонида де Парайонк была просто потрясена.

— Ваш ответ не лишен остроумия, но от него за три мили отдает лавочницей. Вы никогда не будете пользоваться успехом в гостиных, если...

— Ох! Филонида! — воскликнула Анжелика, внезапно остановившись. — Посмотрите ... вон там!

— Где?

— Там, — повторила Анжелика и ее голос упал до шепота. В нескольких шагах от них, обрамленный нежной зеленью кустарника, стоял высокий молодой человек, небрежно опирающийся на постамент мраморной статуи. Он был необыкновенно красив, и его красота еще подчеркивалась элегантностью одежды. Бархатный костюм цвета миндаля был вышит замысловатым рисунком из птиц и цветов. Немного экстравагантно, но прекрасно, как наряд самой весны. Его белокурый волнистый парик украшала белая шляпа с зеленым плюмажем. На бело-розовом, слегка припудренном лице, обрамленном длинными локонами парика, выделялись белокурые усы, красиво подстриженные и вытянутые в одну линию. Его большие глаза

прозрачно-голубого цвета в густой лиственной тени приобретали зеленоватый оттенок.

Черты дворянина были совершенно бесстрастными, он смотрел в одну точку, не мигая. Мечтал ли он? Или размышлял?.. Взгляд голубых глаз был отсутствующим. В этой напряженности и неподвижности неизвестно куда устремленных глаз было что-то напоминающее холодный взгляд змеи. Он, казалось, не замечал вызываемого им интереса.

— Ну, Анжелика? — кисло сказала мадемуазель де Парайонк. — Вы просто лишились чувств, честное слово! Это же ужасно вульгарно — так смотреть на мужчину!

— Как... как его имя?

— Маркиз дю Плесси-Бельер, конечно. Что в нем вас так поразило? Он, несомненно, ждет свой идеал. Я положительно не понимаю, почему вы, питающая такое отвращение к этим женоподобным щеголям, вдруг словно приросли к месту?

— Прощу прощения, — пробормотала Анжелика, приходя в себя.

На какое-то мгновение она опять превратилась в маленькую дикарку, охваченную восхищением. Филипп! Ее большой презрительный кузен. Монтелу, запах столовой, где от горячего супа поднимался пар от сырых скатертей на столах. Смешанное чувство боли и восторга!

Мимо него прошли две дамы. Он как будто заметил их, пошевелился, снял шляпу и с видом величайшей скуки приветствовал их.

— Он ведь из королевской свиты, не так ли? — спросила Анжелика, когда они отошли на достаточное расстояние.

— Да, он участвовал в войнах вместе с Его Высочеством принцем еще во время сражений с испанцами. После этого он получил титул Великого Начальника королевской охоты на волков. Он так красив и так обожает войну, что король зовет его Марсом. Однако о нем рассказывают ужасные вещи.

— Ужасные вещи?.. Что же это может быть? Мадемуазель де Парайонк засмеялась немного снисходительно.

— Вот и вы совершенно шокированы, услышав нечто, бросающее тень на этого красивого молодого вельможу. В этом вы похожи на всех остальных женщин. Все они бегают за ним и падают в обморок при

виде его белокурых волос и свежего цвета лица, очаровываются его элегантностью. Они не успокаиваются до тех пор, пока не попадают в его постель. Но после этого они начинают петь на иной лад. Да, да, Арманда де Серсе и мадемуазель Жакари рассказали мне по секрету... Красавец Филипп кажется нежным и вежливым. Он витает мыслями в облаках, как старый ученый. Но в любви он оказывается настоящей скотиной: последний конюх гораздо внимательнее и предупредительнее относится к жене, чем он к своим любовницам. Все женщины, которых он заключал в объятия, ненавидят его и презирают...

Анжелика слушала ее вполслуха. Перед ее глазами все еще стоял Филипп, опирающийся на мраморную статую, неподвижный и нереальный, как видение. Когда-то, в былые дни, он взял ее за руку, чтобы танцевать с ней. Это было в Плесси, белом замке на краю огромного Ньельского леса.

— Можно подумать, что его воображение просто неиссякаемо, когда дело касается жестоких истязаний любовниц, — продолжала Филонида. — Он за какую-то ничегу не значащую мелочь так избил мадам де Серее, что она неделю не могла шевелиться, и это было очень затруднительно для нее из-за ее мужа. Его поведение во время военных кампаний в случае его победы вызывает настоящий скандал! Его войска вызывают больший ужас, чем войска печально знаменитого Жана де Верта. Они преследуют женщин даже в церквях и, не задумываясь, насилюют их там. В Норгене он призвал к себе дочерей всех значительных лиц, чуть не убил их за то, что те пытались сопротивляться, а потом, после ночной оргии, в которой участвовали все его офицеры, отдал несчастных солдатам. Несколько девушек после этого умерли, другие сошли с ума. Если бы не вмешательство Его Высочества принца, вступившегося за Филиппа дю Плесси, тот определенно попал бы в немилость.

— Филонида, вы просто завистливая и желчная старая дева! — воскликнула Анжелика, охваченная внезапным гневом. — Этот молодой человек совсем не такой, он просто не может быть таким людоедом, каким вы его расписываете! Вы нарочно преувеличиваете все сплетни, которые вам удалось собрать о нем.

Мадемуазель де Парайонк резко остановилась, задохнувшись от негодования.

— Я!.. Сплетни!.. Вы же знаете, что я не выношу их, все эти соседские пересуды, все эти женские болтливые излияния в детской! Обвинять меня в сплетнях!.. Когда я стараюсь держаться подальше от всех этих вульгарных вещей! Если я говорила вам это, так только потому, что это правда!

— Ну, если даже и так, это не только его вина, — заявила Анжелика. — Он стал таким из-за того, что женщины преследуют его из-за красоты.

— Откуда... откуда вы это знаете? Вы знакомы с ним?

— Н-нет.

— Тогда вы просто сумасшедшая! — крикнула мадемуазель де Парайонк, побагровев от ярости. — Вот уж никогда не думала, что вы позволите вскружить себе голову такому ничтожеству, мальчишке! Прощайте...

Она повернулась и направилась к воротам парка. Анжелике ничего больше не оставалось, как последовать за ней, потому что она совсем не хотела поссориться с мадемуазель, де Парайонк, к которой была очень привязана.

Если бы Анжелика и старый синий чулок не поссорились в этот день в Тюильри из-за Филиппа дю Плесси-Бельер, они не ушли бы из парка так рано. А если бы они не ушли из парка именно в тот самый момент, они не стали бы жертвами вульгарного пари, только что заключенного лакеями, толпившимися за оградой парка. Господин де Лозен и господин де Монтеспан не сразились бы на дуэли из-за прекрасных зеленых глаз мадам Моран. И Анжелике, возможно, пришлось бы еще очень долго ждать, прежде чем она снова попала бы в общество сильных мира сего. Так что иногда бывает полезно оказаться несдержанным и вспыльчивым.

Поскольку вход в парк, как гласила записка на воротах, был запрещен лакеям и черни, за оградой всегда стояла шумная толпа лакеев, слуг и кучеров, которые коротали долгие часы ожидания за игрой в карты или кегли, если только не дрались или не пили в ближайшей таверне за углом. В этот вечер лакеи герцога де Лозена решили заключить пари. Они договорились, что поставят выпивку тому, кто осмелится поднять подол первой же даме, выходящей из парка.

Случилось так, что этой дамой оказалась Анжелика, догнавшая Филониду и пытавшаяся успокоить ее.

Прежде чем она успела предугадать наглый жест, она почувствовала, что ее схватил долговязый неуклюжий парень, которого несло вином, и ее юбки были задраны самым бесстыдным образом. Почти в это же мгновение она ударила деревенщину в лицо. Мадемуазель де Парайонк верещала, как попугай.

Дворянин, который уже собирался сесть в карету и оказался свидетелем этой сцены, дал знак своим людям, которые, с удовольствием воспользовавшись случаем, обрушились на лакеев господина де Лозена. Последовала бурная потасовка в окружении заинтересованных зрителей, победа осталась за людьми неизвестного дворянина. Он сам бурно аплодировал им.

Потом он подошел к Анжелике и отсалютовал ей.

— Благодарю вас, сударь, за вашу помощь, — сказала она.

Она была взбешена и унижена, но главным был пережитый ею страх, потому что она едва не расправилась с пьяницей хорошо испытанным в «Красной маске» способом, подкрепив урок несколькими энергичными выражениями из лексикона Полак. Все усилия, которые она приложила, чтобы снова стать знатной дамой, чуть было не свелись на нет. Уже на следующий день все дамы района Маре с удовольствием злословили бы по поводу этого инцидента.

Побелев от ужаса при одной только мысли об этом, молодая женщина решила изобразить небольшой обморок.

— Ах! Мсье!.. какой позор! Это ужасно! Подвергнуться оскорблению этих низких негодяев!

— Успокойтесь, мадам, — сказал ее защитник, поддерживая ее сильной и заботливой рукой.

Это был молодой светлоглазый человек, чей певучий акцент не позволял ошибиться. Еще один гасконец, вне всякого сомнения! Он представился:

— Луи Анри де Нардальян де Гондри, владелец де Пардальяна и других имений, маркиз де Монтеспан.

Это имя было знакомо Анжелике. Ее новый знакомый принадлежал к древней знати провинции Гиень. Она поощряюще улыбнулась, и маркиз, явно восхищенный встречей, принялся

настойчиво спрашивать, где и когда он может узнать о состоянии ее здоровья. Ей не хотелось называть свое имя, поэтому она ответила:

— Приходите завтра в Тюильри в это же время. Я надеюсь, что обстоятельства будут более благоприятными, и мы сможем мило поговорить.

— Где мне вас ждать?

— Около Эхо.

Это место было многообещающим. Там встречались назначившие друг другу свидания галантные кавалеры и их дамы. Совершенно очарованный, маркиз поцеловал протянутую ему руку.

— Вы в портшезе? Можно проводить вас до дому?

— Моя карета недалеко отсюда, — уверила его Анжелика, не желавшая, чтобы он увидел ее простой экипаж.

— Тогда до завтра, моя таинственная красавица.

На этот раз он быстро поцеловал ее в щеку и весело побежал, дурачась, к своей карете.

— Вам не хватает скромности... — начала мадемуазель де Парайонк.

Но в этот момент в воротах парка появился герцог де Лозен. Увидев, в каком печальном состоянии находятся его люди — один выплевывает зубы, у другого бежит из носа кровь, и все измазаны в грязи, в порванных одеждах, — он начал кричать и ругаться. Когда ему объяснили, что все эти злодеяния были совершены лакеями знатного вельможи, он заорал:

— Эти слуги вместе со своим господином заслуживают того, чтобы их отколотили палками! Подобные им не достойны прикосновения шпаги!

Маркиз де Монтеспан еще не успел сесть в карету. Он спрыгнул с подножки, помчался к Лозену, схватил его за руку, так что тот крутнулся вокруг себя, нахлобучил ему на глаза его же собственную шляпу и назвал его негодяем и невежей.

Через минуту в воздухе уже сверкали две оголенные шпаги, а два гасконца с увлечением сражались перед глазами все более увлекающихся этим зрелищем зрителей.

— Господа, ради всего святого! — вопила мадемуазель де Парайонк. — Ведь дуэли запрещены! Вы оба сегодня будете спать в Бастилии!

Но вельможи не обратили внимания на это разумное предсказание, и шпаги продолжали звенеть, в то время как толпа оказывала настоящее пассивное сопротивление отряду швейцарских гвардейцев, пытавшихся проложить себе путь к дуэлянтам.

К счастью, маркизу де Монтеспану удалось ранить Лозена в бедро. Пегилен покачнулся и выронил шпагу.

— Бежим быстрее, дорогой друг! — воскликнул маркиз, поддерживая своего противника. — Давайте ускользнем от Бастилии! Помогите мне, дамы!

Карета тронулась в тот самый момент, когда швейцарские гвардейцы, раздавая во все стороны удары алебардами, растрепанные, со сбитыми набок брыжами, прорвались к ней через толпу.

Когда карета вынеслась на улицу Сент-Оноре, Анжелика, перевязавшая наспех рану Пегилена своим шарфом, осознала, что ее затащили в карету вместе с маркизом де Монтеспаном, мадемуазель де Парайонк и даже с тем самым лакеем, виновником происшествия, который теперь, полуголушенный, был брошен на пол кареты.

— Тебя приговорят к колодкам и галерам, — сказал Пегилен, пнув его в живот своим каблуком. — И уж конечно, я не Страну и одного ливра, чтобы выкупить тебя!.. Мой дорогой Пардальян, благодаря вам моему хирургу не нужно будет пускать мне кровь в этом сезоне.

— Вас нужно перевязать, — сказал маркиз. — Едем ко мне. Я надеюсь, что сегодня моя жена дома, вместе со своими приятельницами.

Женой господина де Монтеспана была, как обнаружила Анжелика, ни кто иная, как прекрасная Атенаис де Мортемар, бывшая школьная подруга Органс, с которой они вместе наблюдали за триумфальным вступлением короля в Париж.

Мадемуазель де Мортемар вышла замуж в 1662 году. Она гала еще прекраснее. Благодаря цвету лица, напоминавшему лепестки розы, голубым глазам и золотистым волосам, она тала одной из самых видных при дворе женщин. К сожалению, несмотря на древность рода как ее собственной семьи, так и мужа, обе семьи отличались одинаковой бедностью. Заученная долгами и кредиторами, прекрасная Атенаис не могла показать свою красоту во всем блеске и иногда была вынуждена даже пропускать придворные балы из-за отсутствия нового платья.

Апартаменты, куда в конце концов прибыли дуэлянты из Тюильри, в сопровождении Анжелики и мадемуазель де Парайонк, носили следы почти откровенной бедности, и в то же время повсюду были разбросаны элегантные наряды.

Роскошные платья свисали с покрытой пылью мебели. Несмотря на то, что погода была еще довольно прохладной, здесь было натоплено, и Атенаис, как сварливая баба, несмотря на изящный наряд из тафты, отчаянно торговалась с работником, присланным от ювелира, требовавшим внести задаток за заказанное ожерелье из золота и серебра, которое молодая женщина собиралась впервые надеть на следующей неделе в Версале.

Мсье де Монтеспан немедленно взял инициативу в свои руки и пинком вышвырнул ремесленника из своего дома. Атенаис возмутилась. Она хотела получить ожерелье. Последовал бурный спор, во время которого кровь бедного Лозена продолжала капать на каменный пол. Мадам де Монтеспан наконец-то увидела это и позвала подругу, Франсуазу де Обиньи, которая пришла к ней помочь навести порядок в доме, потому что все слуги отказались служить еще за день до этого.

Вскоре появилась вдова поэта Скаррона, такая же, как всегда, в своей обычной поношенной одежде, с большими черными глазами и чопорно поджатыми губами. Анжелике показалось, что они расстались в Тампле только вчера.

«Еще минута, и я увижу Ортанс», — подумала она.

Она помогла Франсуазе перенести на козетку потерявшего сознание герцога де Лозена.

— Я принесу из кухни немного воды, — сказала мадам Скаррон. — Будьте так добры, забинтуйте как следует его рану... мадам.

По этой, почти незаметной заминке, Анжелика поняла, что мадам Скаррон узнала ее. Но это не имело значения. Мадам Скаррон принадлежала к людям, которые сами вынуждены скрывать многие подробности своей жизни. К тому же Анжелика все равно была намерена, рано или поздно, вновь открыто встретиться с лицами из своего прошлого.

В соседней комнате Монтеспаны продолжали ссориться.

— Как ты мог не узнать ее?.. Да ведь это же мадам Моран! Значит, ты теперь дерешься на дуэли из-за лавочниц?

— Она восхитительна... и не забывай, что она одна и а самых богатых женщин Парижа. Если это, действительно, она, я нисколько не раскаиваюсь в своем жесте.

— Ты отвратителен!

— Моя дорогая, тебе нужно ожерелье или нет?

«Ну что ж, — сказала про себя Анжелика, — я теперь вижу, как мне следует выразить благодарность этим людям, принадлежащим к самой высокой знати. Роскошным подарком или даже туго набитым кошельком, конечно, при условии, что это будет сделано с надлежащей осмотрительностью и тактом».

Герцог де Лозен открыл глаза. Его взгляд непонимающе остановился на Анжелике.

— Я вижу сон, — пробормотал он. — Может ли это быть? Неужели это вы, моя дорогая?

— Может быть, так оно и есть, — улыбнулась ему Анжелика.

— Будь я проклят, я не надеялся снова увидеться с вами, Анжелика! Мне часто хотелось узнать, что с вами стало.

— Может быть, вы и хотели это узнать, но признайтесь, не пытались это сделать.

— Это правда, моя радость. Я придворный. А все придворные ведут себя как трусы по отношению к тем, кто впал в немилость.

Он внимательно оглядел платье и драгоценности молодой женщины.

— Все как будто снова в порядке, — сказал он.

— Так и должно было случиться. Теперь меня зовут мадам Моран.

— Клянусь Юпитером, я о вас слышал! Вы продаете шоколад, не так ли?

— Я так развлекаюсь. Некоторые занимаются астрономией или философией. Что касается меня, то я продаю шоколад. А как дела у вас, Пегилен? Ваша жизнь все так же ослепительна? Король по-прежнему достаивает вас своей дружбой?

Лицо Пегилена помрачнело, и он как будто сразу утратил свою любознательность.

— Ох, моя дорогая, мое положение ужасно неустойчиво. Король вообразил, что я вместе с де Вардом принимал участие в деле с этим испанским письмом, знаете, тем самым письмом, которое кто-то передал королеве, чтобы она узнала о том, что ее августейший супруг

изменяет ей с Ла Вальер... Я никак не могу развеять это подозрение, и Его Величество иногда бывает невероятно груб со мной!.. Слава богу, меня любит Великая Мадемуазель.

— Мадемуазель де Монпансье?

— Да, — прошептал Пегилен, закатывая глаза. — Я даже верю, что она может предложить мне жениться на ней.

— Ох! Пегилен! — воскликнула Анжелика, разразившись смехом. — Вы невозможны, вы неисправимы, вы нисколько не тенились!

— И вы тоже. Вы прекрасны, как может быть прекрасна вновь воскресшая к жизни женщина.

— Что вы знаете о красоте таких женщин, Пегилен?

— Ну, только то, что говорит нам церковь!.. Какое прекрасное тело!.. Идите сюда, моя дорогая, чтобы я мог вас поцеловать.

Он взял ее лицо обеими ладонями и привлек ее к себе.

— Ад и проклятье! — закричал с порога Монтеспан. — Мало того, что я распорол твое бедро, чтобы помешать тебе бегать, так ты продолжаешь вырывать землю из-под моих ног в моем собственном доме, проклятый Пегилен! Я был дураком, не позволив тебе попасть в Бастилию!

Глава 26

В результате этой встречи Анжелика начала часто встречаться с герцогом де Лозен и маркизом де Монтеспан в Тюильри и на бульваре ля Рен. Они познакомили ее со своими друзьями, и постепенно перед ней вновь стали появляться лица из ее прошлого. Однажды, когда она ехала по бульвару с Пегиленом, ее карета проехала мимо кареты Великой Мадемуазель, которая узнала ее. Ничего не было сказано. Была ли это осторожность, безразличие? У каждого свои заботы!

Вначале избегавшая ее Атенаис де Монтеспан вдруг вспылала симпатией к ней и пригласила к себе. Она заметила, что хозяйка шоколадной лавки не какая-нибудь пустая болтуня, а удивительно остроумная собеседница.

Мадам Скаррон, которую Анжелика часто встречала в доме Монтеспан, представила ее Нинон де Ланкло.

Анжелика была очень горда, когда ее внесли в списки лиц, которым Великая Мадемуазель разрешала доступ в Люксембургский сад. Однажды, когда она прибыла туда, жена сторожа открыла ей ворота в отсутствие мужа.

Анжелика начала прогуливаться по прекрасным, дорожкам, по сторонам которых были посажены ивы и магнолии. Вскоре она заметила, что сад, в котором обычно царило оживление, сегодня был почти пустынным. Она видела только двух лакеев в ливреях, бегущих изо всех сил и исчезнувших в кустах. Больше никого не было. Заинтригованная и немного встревоженная, она продолжала одинокую прогулку.

Проходя мимо маленькой пещерки в скалах, она услышала какой-то едва различимый шорох и, обернувшись, заметила фигуру человека, присевшего на корточки в кустах. «Должно быть, это какой-нибудь воришка, — подумала она, — один из мелких подданных Деревянного Зада. Было бы весьма забавно поймать его врасплох и заговорить с ним на воровском жаргоне, просто для того, чтобы посмотреть, какое у него при этом будет выражение лица».

Она улыбнулась своей выдумке. Определенно, не каждый день карманнику, подкарауливающему жертву, предоставлялась

возможность встретиться лицом к лицу со знатной дамой, которая безукоризненно говорит на языке Нельской башни и предместья Сен-Дени. «А после этого я отдам ему кошелек, чтобы он, бедняга, скорее пришел в себя!» — подумала она, восхищенная своим озорным замыслом, впрочем, не лишенным остроумия.

Однако, когда она бесшумно приблизилась к человеку в кустах, она увидела, что он одет богато и изысканно, несмотря на то, что его костюм испачкан. Он стоял в странной позе: на коленях, опираясь на локти. Внезапно он нервно поднял голову, будто прислушиваясь, и она узнала герцога Энгиена, сына принца де Конде. Она встречала его во время прогулок по Тюильри или на бульваре ля Рен. Он был весьма энергичным молодым человеком, но говорили, что он несколько несдержан и не желает считаться с правилами этикета.

Анжелика заметила, что он очень бледен, и на лице у него дикое, испуганное выражение.

«Что он здесь делает? Почему прячется? Чего боится?» — размышляла она, чувствуя некоторое беспокойство.

После недолгого колебания она бесшумно удалилась, вернувшись на широкие аллеи парка. Когда она проходила мимо сторожа, тот вытаращил глаза, увидев ее.

— О, мадам! Что вы здесь делаете? Уходите скорее!

— Почему же? Вы ведь знаете, что я внесена в списки мадемуазель де Монпансье. Кроме того, меня впустила ваша жена.

Сторож с огорчением огляделся вокруг. Анжелика всегда была очень щедра с ним.

— Пусть мадам извинит меня, — прошептал он, подойдя к ней поближе, — но моя жена не знает тайны, которую я вам доверю: сад сегодня закрыт для публики, потому что мы с самого утра ловим Его Высочество герцога Энгиенского, который воображает себя кроликом.

Увидев, что молодая женщина смотрит на него с округлившимися от изумления глазами, он постучал пальцем себе по лбу.

— Да, бедный парень, на него находит время от времени; очевидно, это болезнь. Когда он думает, что он кролик или куропатка, он боится, что его убьют, и убегает, чтобы спрятаться. Мы ищем его часами.

— Он в кустарнике, недалеко от маленького грота. Я его видела.

— Боже милостивый! Мы должны сказать об этом Его Высочеству Принцу. Ах! Вот и он.

К ним приблизился портшез. Принц де Конде высунул голову из окна.

— Что вы здесь делаете, мадам? — гневно спросил он. Сторож поспешил вмешаться:

— Монсеньор, мадам только что видела Его Светлость около скалистого грота.

— А! Прекрасно. Откройте мне дверь. Помогите мне выйти, черт бы вас побрал! Да не шумите так, вы его спугнете. Вы идите за его первым камердинером, а вы идите и соберите всех людей, которых сможете найти, и расставьте их в воротах...

Через несколько минут Анжелика услышала треск кустарника, потом быстрый бег. Герцог Энгийенский выскочил из кустов и бросился бежать изо всех сил. Но двоим лакеям, бросившимся вдогонку, удалось схватить его и удержать. Камердинер начал нежно уговаривать его:

— Никто не убьет вас, монсеньор... Никто не запрет вас в клетку... Вас сейчас же освободят, и вы снова сможете бегать по полям.

Герцог Энгийенский был пристыжен. Он не сказал ни слова, но в его глазах оставалось трогательное, вопросительное выражение животного, за которым охотятся. Подошел его отец. Юноша начал энергично вырываться, по-прежнему ничего не говоря.

— Заберите его отсюда, — сказал принц де Конде. — Пошлите за врачом и хирургом. Пусть ему пустят кровь, вымоют и свяжут. Я задам трепку тому, кто снова его упустит.

Группа удалилась. Принц вернулся к Анжелике, которая была глубоко потрясена развернувшейся перед ней печальной сценой: она была почти так же бледна, как и бедный больной.

Конде остановился перед ней и вперил в нее мрачный взор.

— Ну? — спросил он. — Вы видели? Он велик, не так ли, этот потомок Конде и Монморанси?!.. Его прадед был маньяком, его бабка была сумасшедшей. Я должен был жениться на ее дочери. Я знал, что расплачиваться за это придется моему потомству, но все равно был вынужден жениться на ней. Это был приказ короля Людовика XIII. И вот вам мой сын! Иногда ему нравится считать себя собакой, и тогда он изо всех сил старается не залаять перед королем. Или он воображает себя летучей мышью и боится налететь на стенную панель

в своих апартаментах. А на другой день он превращается в растение, и его слуги должны поливать его — забавно, не правда ли? Вы не смеетесь?

— Монсеньор... как вы могли хоть на минуту допустить, что мне захочется смеяться?.. Конечно, вы меня не знаете...

— Я не знаю! В самом деле! Я хорошо вас знаю, мадам Моран. Я видел вас у Нинон и в других местах. Вы веселы, как молодая девушка, прекрасны, как куртизанка, у вас доброе сердце матери. Более того, я подозреваю, что вы одна из самых умных женщин королевства. Но вы скрываете это, потому что вы достаточно хитры, и знаете, что мужчины боятся ученых женщин.

Анжелика улыбнулась, пораженная этим неожиданным заявлением.

— Вы мне льстите, монсеньор... и мне было бы любопытно узнать, кто сообщил вам эти сведения обо мне...

— Я не нуждаюсь в информаторах, — сказал он в грубоватой, прямодушной манере старого военного. — Я наблюдал за вами. Разве вы не замечали, что я часто смотрел на вас? Мне кажется, что вы немного боитесь меня. И однако, вы не из робких...

Анжелика подняла свои глаза на победителя Лена и Рокруа. Она уже не первый раз так смотрела на него. Но у принца наверняка не осталось даже самого смутного воспоминания о маленькой серой перепелочке, которая так смело противостояла ему когда-то, и которой он сказал тогда: «Клянусь честью, что когда вы вырастете, мужчины будут сходить из-за вас с ума!»

Она всегда была уверена, что таит в себе глубокую неприязнь к принцу Конде, и сейчас была вынуждена бороться с чувством симпатии и понимания, которое возникло между ними. Разве не он годами шпионил за ними, за ней и ее мужем с помощью дворецкого Клемана Тоннеля? Разве не он унаследовал имущество Жоффрея де Пейрака? Анжелика давно ломала голову над тем, как ей узнать совершенно точно, какую роль играл принц де Конде в ее трагедии. Теперь ей пришел на помощь странный случай.

— Вы не ответили, — продолжал принц. — Значит, это правда, что я отпугиваю вас?

— Нет! Но я чувствую себя недостойной разговаривать с вами, монсеньор. Ваша слава...

— Ба! Моя слава — вы слишком молоды, чтобы что-нибудь тать о ней. Мое оружие уже заржавело, и, если король не решится дать урок этим негодьям голландцам или англичанам, я рискую умереть в своей постели. А что касается разговора, то Нинон сто раз говорила мне, что слова не пули, которые посылаешь в живот противнику, и уверяла меня, что все еще не усвоил ее уроки. Ха! Ха!

Он разразился громким смехом и непринужденно взял ее за руку.

— Идемте. Мой экипаж ждет за воротами, но при ходьбе я вынужден опираться на какую-нибудь милосердную руку. Вот чем я обязан моей славе: моя нога в некоторые дни волочится, как у старика. Не составите ли вы мне компанию? Ваше присутствие кажется мне единственным, что я могу вынести после сегодняшних неприятностей. Вы знаете мой Отель Ботрейи?

Анжелика ответила с бьющимся сердцем:

— Нет, монсеньор.

— Говорят, что это одно из лучших творений старого Мансара. Лично я не люблю там бывать, но я знаю, что все дамы захлебываются от восторга, расписывая красоту этого дома. Поедемте, посмотрим на него.

Анжелика, не желая признаваться в этом себе самой, была польщена честью сидеть в карете принца крови, которого прохожие приветствовали громкими криками.

Она была удивлена тем уважением, которое проявлял к ней ее спутник. Было общеизвестно, что после того, как его подруга Марта Виже вступила в орден кармелиток в монастыре предместья Сен-Жаке, принц Конде больше не удостаивал ни одну женщину тем вниманием, какое обычно проявляло по отношению к женщинам дворянство Франции. Он не просил от них ничего, кроме физического наслаждения, и в течение последних лет не было слышно ни об одном его романе, если не считать мимолетных связей с женщинами незнатного происхождения. Его грубость по отношению к прекрасному полу, которую он проявлял в гостиных, обезоруживала всех. На этот раз, однако, принц, казалось, сделал усилие, чтобы угодить своей спутнице.

Карета въехала во двор Отеля де Ботрейи.

Анжелика поднялась на мраморную террасу. Каждая деталь этой светлой резиденции говорила ей о Жоффрее де Пейраке. Это он хотел,

чтобы все линии были такими же плавными, как изгибы виноградных лоз на кованых переплетах балконов и балюстрад, это он запланировал резные фризы из позолоченного дерева, обрамляющие высокие стенные панели из мрамора или зеркального стекла, эти статуи и бюсты, каменных животных и птиц, вездесущих, как грациозные духи счастливого дома.

— Вы ничего не говорите? — удивленно спросил принц де Конде после того, как они осмотрели два этажа приемных комнат. — Обычно мои гости верещат от восторга, как попугай. Этот дом не в вашем вкусе? Вы как будто хорошо разбираетесь в убранстве домов.

Они стояли в маленькой гостиной с голубыми атласными драпировками, затканными золотом. Резная железная ширма с изящным рисунком отделяла их от длинной галереи, выходящей в сад. В глубине комнаты виднелся камин, по бокам которого стояли два изваянных льва, а на его фронтоне зияла свежая выбоина.

— Почему разрушен этот орнамент? — спросила она. — Это уже не первая поломка, которую я заметила. Даже на окнах гостиной в нескольких местах нарушен рисунок.

Лицо Его Светлости нахмурилось.

— Это были знаки прежнего владельца дома. Я уничтожил их. Когда-нибудь я исправлю все это. Хотя будь я проклят, если знаю, когда это будет!.. Я предпочитаю тратить деньги на устройство загородного дома в Шантильи.

Анжелика не убирала руки с искаленного герба.

— Почему вы не оставили все так, как было?

— Мне было неприятно видеть герб этого человека. Он проклят!

— Проклят? — как эхо повторила она.

— Да. Этот дворянин добывал золото с помощью секрета, открытого ему дьяволом. Он был сожжен на костре. А король подарил мне его имущество. Однако я не вполне уверен, что Его Величество не хотел навлечь на меня несчастье таким подарком.

Анжелика медленно отошла к окну.

— Вы его знали, монсеньор?

— Кого? Проклятого дворянина?.. Да нет, и благодарен за это богу.

— Мне кажется, я припоминаю это дело, — сказала она, испугавшись своей смелости, и, тем не менее, совершенно спокойно.

— Не был ли этот человек из Тулузы, господин... де Пейрак?

— Совершенно верно:

Она провела языком по пересохшим губам.

— Разве не было слухов о том, что он был приговорен, главным образом, из-за того, что знал какую-то опасную тайну господина Фуке, который был тогда еще таким могущественным?

— Вполне возможно. Господин Фуке долгое время считал себя настоящим королем Франции. У него было достаточно денег для этого. Он заставлял делать любые глупости массу людей. Меня, например. Ха! Ха! Ха!.. Ну ладно, все это прошло и не вернется.

Анжелика отвернулась от окна, чтобы посмотреть на принца. Он грохнулся в кресло и обводил концом своей трости рисунок на ковре. Несмотря на то, что он горько усмехнулся при воспоминании о тех глупостях, которые заставлял его делать мсье Фуке, он никак не реагировал на упоминание о Жоффрее де Пейраке. Молодая женщина почувствовала уверенность в том, что это не он поместил на долгие годы в их дом Клемана Тоннеля. Зачем было теперь Его Высочеству беспокоить себя воспоминаниями, как он однажды хотел отравить короля и Мазарини, как он продался Фуке? У него хватало забот о том, как вернуть себе расположение все еще не доверявшего ему короля.

— Во время процесса над Пейраком я не был во Франции, — закончил он. — Я не следил за этим делом. Но ничего! Я получил этот дом, хотя, должен признаться, он доставляет мне мало удовольствия. Колдун, очевидно, никогда не жил здесь. И тем не менее, в этих стенах мне чудится что-то печальное и мрачное. Все напоминает декорации для пьесы, которая так никогда и не была сыграна... Все изящные предметы, собранные здесь, словно ждут хозяина, но не меня. Я держу здесь старого конюха, который принадлежал к штату слуг графа де Пейрака. Он уверяет, что иногда по ночам видит призрак... Это вполне возможно. Иногда я чувствую здесь чье-то присутствие, которое словно отталкивает меня и гонит прочь отсюда. У вас тоже сложилось такое неприятное впечатление?

— Нет, напротив, — пробормотала она.

Ее взгляд обежал комнату. «Я здесь дома, — подумала она. — Я и мои дети — как раз те хозяева, которых ждут эти стены».

— Так вам нравится этот дом?!

— Очень! Он восхитителен. О! Мне хотелось бы жить здесь! — воскликнула она, с неожиданной страстностью прижав руки к сердцу.

— Вы могли бы жить здесь, если вам этого хочется, — сказал принц.

Она резко повернулась к нему. Он обратил на нее свой все еще величественный и властный взгляд, тот самый взгляд, о котором однажды красноречиво скажет мсье Буше: «Этот принц... тот, который носит победу в своих глазах...»

— Жить здесь? — повторила Анжелика. — В качестве кого, монсеньор?

Он опять улыбнулся и резко поднялся, чтобы подойти к ней.

— Так вот! Мне сорок четыре года, я уже не молод, но еще и не стар. Иногда у меня бывают боли в коленях, это правда, но все остальное в полном порядке. Я говорю с вами напрямик. Я считаю себя вполне сносным любовником. Не думаю, чтобы вы были шокированы таким заявлением. Я не знаю, откуда вы появились, но что-то подсказывает мне, что вы слышали в своей жизни гораздо худшие вещи, и я во всяком случае не пытаюсь одурачить вас. Я никогда не развожу ненужных церемоний с женщинами; мне кажется пустой тратой времени ходить вокруг да около, когда в конце концов все сводится к одному вопросу: «Хотите вы или не хотите?..» Нет, пока не отвечайте мне. Мне хотелось бы сначала сказать вам о тех преимуществах, которые я могу предложить вам. Вы получите пенсию — да, я знаю, что вы очень богаты. Но, послушайте! Я отдам вам Отель Ботрейи, раз он пришелся вам по вкусу. Я позабочусь о ваших сыновьях и помогу им получить хорошее образование. Я знаю также, что вы вдова и ревниво относитесь к своей безукоризненной репутации. Это и в самом деле ценное качество, но... учтите, что вы потеряете ее не ради какого-нибудь низкого мошенника. И, поскольку уж вы упомянули о моей славе, позвольте мне заметить, что...

Он заколебался с искренней и несколько трогательной скромностью.

— ...Что быть любовницей великого Конде совсем не бесчестье. Так уж устроено наше общество. Я повсюду представляю вас... К чему эта скептическая улыбка, мадам?

— Потому что, — ответила Анжелика, — я вспомнила песенку, которую распевала на улицах Урлюретта, старая мошенница:

*«Принцы — странный народ,
Счастлив тот, кто их не знает.
А еще счастливей тот,
Кто на них не уповаает...»*

— Разрази чума вашу наглость! — закричал он с притворной яростью.

Потом он обнял ее за талию и привлек к себе:

— Вот что мне в вас нравится, моя дорогая, — сказал он приглушенным голосом. — Я заметил, что в своей профессии женщины вы обладаете безрассудной смелостью настоящего воина. Вы нападаете в самый подходящий момент, с макиавеллиевской хитростью пользуетесь слабостью противника и наносите ему ужасные удары. Но вы недостаточно быстро отходите обратно на свои позиции. Вот я и поймал вас теперь! Как вы свежи и крепки! У вас здоровое, приносящее успокоение маленькое тело!.. Ах! Мне так хотелось бы, чтобы вы послушали меня не как принца, а как того, кем я являюсь на самом деле — бедного, даже несчастного человека. Вы так непохожи на бессердечных кокеток!

Он прижался щекой к волосам Анжелики.

— В ваших золотых волосах есть седая прядь, которая трогает меня. Мне кажется, что несмотря на вашу внешнюю юность и веселость, вы пережили немало горя. Я ошибаюсь?

— Нет, монсеньор, — покорно ответила Анжелика.

Она думала, что если бы кто-нибудь сказал ей этим утром, что еще до наступления ночи она окажется в объятиях принца де Конде и будет послушно склоняться головой на его августейшее плечо, она возмутилась бы и сказала, что жизнь не может быть настолько сумасшедшей. Однако ее жизнь никогда не была простой, и она уже начинала привыкать к сюрпризам, которые обрушивала на нее судьба.

— С самой юности, — продолжал он, — я никогда не любил никого, кроме одной-единственной женщины. Я не всегда был верен ей, но любил только ее одну. Она была прекрасной, нежной подругой. Интриги и заговоры, постоянно затеваемые для того, чтобы разлучить нас, в конце концов утомили ее. Что осталось мне, после того, как она приняла монашеское покрывало? Я знал только две любви в моей

жизни: ее и войну. Моя возлюбленная удалилась в монастырь, а этот мерзавец Мазарини заключил Пиренейский мир. Я теперь всего лишь представительный болван, который добивается расположения короля, чтобы выпросить у него — бог знает когда — какого-нибудь военного губернаторства, или командного поста, если ему в голову вдруг придет хорошая мысль потребовать у фламандцев приданое королевы. Об этом ходят разговоры... Но не будем углубляться в это — я не хочу утомлять вас. Скажу только, что при виде вас во мне вспыхнул огонь, который, как я думал, навсегда угас. А смерть сердца — это самое страшное... Мне хотелось бы удержать вас около себя...

Анжелика мягко высвободилась, пока он еще продолжал говорить, и немного отступила назад.

— Монсеньор...

— Ведь да, не так ли? — спросил он с беспокойством; — О! Я умоляю вас... Что вас удерживает?

Он закусил губу.

— О господи! Вы неприступны. Но ничего! Я желаю вас такой, какая вы есть.

Он не мог понять, какую дилемму выдвигал перед ней. Что она ответила бы ему, выскажи он свои предложения где-нибудь в другом месте? Она не знала.

Но здесь, в этом доме, куда попала впервые, она была окружена тенью. Рядом с принцем де Конде, восставшим из прошлого со своим несколько старомодным видом, стояла строгая фигура Филиппа, одетая в светлый атлас, а за ними виднелся дух в маске, одетый в черное с серебром, с одним кроваво-красным рубином на пальце, проклятый дворянин, который был ее господином и единственной любовью.

Среди них, освобожденных жизнью или смертью, она одна оставалась пленницей давней трагедии.

— В чем дело? — спросил принц. — Почему у вас на глазах слезы? Я чем-то обидел вас? Оставайтесь здесь, где вам как будто понравилось. Позвольте мне любить вас. Я буду осторожен...

Она медленно покачала головой:

— Нет, монсеньор, это невозможно.

Глава 27

Это был памятный день. Именно в этот вечер состоялась знаменитая ХОКА между мадам Моран и принцем де Конде, которая вызвала столько разговоров в фешенебельных кругах, так шокировала чопорных дам и господ, привела в восторг вольнодумцев и позабавила весь Париж.

Партия началась, как обычно, в тот час, когда зажигают свечи. В зависимости от переменчивого счастья игроков, она могла длиться три или четыре часа. После нее подавался легкий ужин. Потом все отправлялись по домам.

Игра ХОКА начинается с неограниченным количеством сроков. В этот вечер их было человек пятнадцать. Ставки были высокими. Первые же партии быстро сократили количество участвующих. Темп игры замедлился.

Внезапно Анжелика, которая рассеянно думала об Ортанс, с удивлением заметила, что она безрассудно вступила в тесную схватку с Его Высочеством принцем, маркизом де Тианже и президентом Жомерсеном. Именно она в течение некоторого времени вела игру. Маленький герцог де Ричмон записывал ее ставки, и теперь, взглянув на его записи, она увидела, что выиграла средних размеров состояние.

— Вам сегодня везет, мадам, — сказал маркиз де Тианже, скривив лицо. — Вы уже почти час держите банк и, кажется, не собираетесь его бросать.

— Я никогда не видел игрока, который бы так долго держал банк! — воскликнул крайне возбужденный маленький герцог. — Не забывайте, мадам, что если вы проиграете, вам придется заплатить каждому из игроков ту самую сумму, которую вы так быстро выиграли. Еще не поздно остановиться. Это ваше право.

Мсье Жомерсен начал кричать, что зрители не имеют права вмешиваться в игру, и если это повторится, он прикажет очистить комнату. Окружающие поспешили успокоить его и объяснили, что он находится не у себя в суде, а у Нинон Ланкло. Все ждали решения Анжелики.

— Я продолжаю, — сказала она.

И раздала карты. Судья глубоко вздохнул. Он много проиграл и теперь надеялся на внезапную удачу, которая вознаградит его за смелость. Никто еще никогда не видел, чтобы игрок так долго держал банк, как эта дама. Если мадам Моран будет продолжать упорствовать, она неизбежно проиграет, и тем лучше для остальных; к счастью, у нее не было мужа, который мог бы ее образумить.

Потом президент Жомерсен был вынужден открыть карты, оказавшиеся совершенно никчемными, и он, крайне подавленный, выбыл из игры.

Вокруг Анжелики образовался кружок зрителей, и все, кто собирался уже уходить, теперь не могли решиться оставить комнату и остались стоять, вытягивая шеи, чтобы не упустить подробностей игры.

В следующих партиях игроки оказывались в равном положении, ставки переходили к Анжелике, но никто из игроков не выбывал. Потом мсье де Тианже проиграл и вышел из-за стола, утирая пот с лица. Это был бурный вечер! Что скажет его жена, когда узнает, что они должны заплатить сумму своего двухгодичного дохода мадам Моран, шоколаднице? Это, конечно, при условии, что она выиграет. Если она проиграет, она заплатит принцу Конде в два раза больше того, что она уже выиграла. Даже при одной мысли об этом начинала кружиться голова! Эта женщина безумна! Она шла прямо навстречу своему разорению. На той стадии игры, которую она достигла, даже самый безрассудный игрок не дерзнул бы продолжать.

— Остановитесь, любовь моя! — умоляюще шепнул на ухо Анжелике маленький герцог. — По всей вероятности, вы больше не сможете выиграть.

Анжелика положила руку на колоду карт. Этот гладкий, твердый маленький брусок обжигал ее ладонь.

Она пристально посмотрела на принца де Конде. Теперь игра зависела не только от него, но и от судьбы.

Перед ней сидела сама судьба. Она приняла облик принца де Конде, с его пламенными глазами, орлиным носом, белыми, плотоядными зубами, сверкавшими в улыбке. А то, что она держала в руках, было уже не колодой карт, а маленькой шкатулкой, в которой блестел флакон с зеленым ядом.

Вокруг все было объято темнотой и молчанием.

Потом тишина разлетелась на куски, как стекло, разбитая звуками ее голоса:

— Я продолжаю.

На руках еще раз оказалось «эгалите». Вилларсо высунулся в окно. Он закричал прохожим, что они должны немедленно подняться, что такой сенсационной игры не случалось с тех пор, как его дед поставил свою жену и свой полк на карту, играя с королем Генрихом IV в Лувре.

Гостиная наполнилась людьми. Даже лакеи залезли на кресла, чтобы издалека наблюдать за сражением. Свечи отчаянно коптели. Никто не обращал на них внимания.

Жара была удушающей.

— Я продолжаю, — повторила Анжелика.

— Эгалите.

— Еще три хода и будет «выбор ставок».

— Высший бросок ХОКИ... который можно увидеть только раз в десять лет!

— Раз в двадцать, дорогой друг.

— Вспомните финансиста Тортеме, который потребовал у Монморанси его герб.

— А тот в свою очередь потребовал у него весь его флот.

— И Тортеме проиграл...

— Вы продолжаете, мадам?

— Я продолжаю.

Толпившиеся вокруг зрители чуть не перевернули столик и не раздавили игроков.

— Ад и проклятие! — выругался принц, нащупывая свою трость.

— Клянусь, что я избью вас, если вы не дадите нам возможность свободно вздохнуть. Какого дьявола! Отодвиньтесь...

На лбу Анжелики выступил пот. Однако это было вызвано только нестерпимой жарой. Она не испытывала никакого беспокойства. Она не думала ни о сыновьях, ни о всех своих усилиях, которые сейчас могла мгновенно свести на нет.

Все казалось ей совершенно логичным. Слишком много лет она боролась с судьбой, как трудолюбивый крот. А теперь она, наконец-то, столкнулась с ней лицом к лицу, на ее собственной территории, в безумной схватке. Она собиралась схватить ее за горло и вонзить в нее

нож. Она сама теперь была опасной, сумасшедшей и слепой, как Судьба. Они боролись на равных!

— Эгалите.

Последовала суматоха, раздались крики:

— Выбор ставок! Выбор ставок!

Анжелика выждала, пока сумятица немного улеглась и спросила тоном примерной ученицы, в чем именно заключается суть этого финального хода ХОКИ.

Все начали говорить разом. Потом шевалье де Мере уселся около игроков и дрожащим голосом объяснил им суть дела.

Во время этого последнего круга игроки начинают игру как бы с начала. Все предыдущие выигрыши и долги не идут в счет. Каждый из игроков выбирает ставку, то есть говорит не то, что он предлагает, а то, что он требует в случае выигрыша. И это должно быть что-нибудь значительное. Примеры уже приводились: финансист Тортеме в прошлом веке потребовал от Монморанси титул его дворянства, а дед Вилларсо согласился в случае проигрыша уступить противнику свою жену и свой полк.

— Я еще могу отступить? — спросила Анжелика.

— Это ваше абсолютное право, мадам.

Она сидела, не двигаясь, с мечтательным выражением на лице. В комнате воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как пролетит муха. Анжелика в течение нескольких часов «держала банк». Покинет ли ее удача в самый последний момент?

Она улыбнулась:

— Я продолжаю.

Шевалье де Мере с трудом сглотнул и сказал:

— Для выбора ставок правилами предписывается следующая фраза: «Партия принята. Если я выиграю, я требую!..»

Анжелика послушно кивнула головой и, все еще улыбаясь, повторила:

— Партия принята, монсеньор. Если я выиграю, я требую от вас Отель де Ботрейи.

У мадам Ламенон вырвалось восклицание, которое ее муж в бешенстве заглушил, быстро зажав ей рот рукой. Все взоры обратились к принцу, на лице которого вспыхнуло гневное выражение. Однако он был прямым, неуклоняющимся игроком.

Он улыбнулся и приподнял надменную бровь:

— Партия принята, мадам. Если я выиграю, вы будете моей любовницей.

На этот раз все головы в одном общем движении повернулись к Анжелике. Она по-прежнему улыбалась. Отблески света играли на ее полуоткрытых губах. Испарина, выступившая на ее золотистой коже, сделала ее сияющей, блестящей, как лепестки цветка, покрытого утренней росой. Усталость, окружившая ее глаза синеватыми тенями, придала ей выражение странной чувственности и отрешенности.

Все присутствующие мужчины затрепетали. Тишина стала тяжелой и насыщенной.

Шевалье де Мере тихо сказал:

— За вами еще остается выбор, мадам. Если вы отказываетесь, скажите только: партия отменяется, и все вернется к предыдущему положению. Если вы принимаете условие, то говорите: партия согласована.

Анжелика взяла карты.

— Партия согласована, монсеньор.

У нее на руках не было ничего, кроме валетов, королей и низших карт, это был самый худший подбор из того, что было у нее с начала игры. Однако, после нескольких ходов она сумела составить более или менее сносную комбинацию. Перед ней были две возможности: сразу раскрыть свои карты, рискуя тем, что у принца могут оказаться на руках более сильные, или попытаться с помощью «лотереи» улучшить свой подбор. В этом случае принц, возможно, и сам имеющий не слишком хорошие карты, может воспользоваться случаем и бросить ей тузов и королей.

Она поколебалась, потом раскрыла карты.

Даже удар пушечного ядра не мог бы сильнее поразить аудиторию.

Принц, не отводя глаз от своих карт, не шевелился.

Потом он резко поднялся, разложил карты на столе и склонился в глубоком поклоне:

— Отель де Ботрейи ваш, мадам.

Глава 28

Она не верила своим глазам. Карточная игра, и вот самая невероятная, нелепая удача вернула ей Отель де Ботрейи!

Она бежала по роскошному особняку, держа за руки мальчиков. Она не в силах сказать: «Это принадлежало вашему отцу», но все время повторяла им: «Это ваше! Ваше!»

Она подробно изучила каждую деталь дома: веселое украшение из фигурок богинь, детей и вычеканенных листьев, рисунок на балюстрадах, деревянные панели, сделанные в модном стиле, которые заменили тяжелые устаревшие гобелены. В полумраке лестничных пролетов и коридоров блестела обильная позолота и сверкали многочисленные гирлянды цветов, время от времени прерываемые блестящей рукой статуи, держащей светильник.

Принц де Конде не занимался меблировкой дома, который был ему не по вкусу. Он забрал только несколько предметов, а все остальное с щедростью вельможи оставил Анжелике. Умея проигрывать, он удалился сразу же, как только передал проигранную ставку. Впрочем, он, возможно, был огорчен больше, чем ему хотелось это показать, полным отдалением от него молодой женщины. Она видела только один Отель де Ботрейи, и он размышлял с мрачной меланхолией, не была ли та дружеская теплота, которую он иногда читал в глазах своей очаровательной победительницы, всего лишь стратегическим маневром.

Кроме того, принц был несколько озабочен тем, чтобы слух об этой сенсационной игре не донесся до ушей Его Величества, который не слишком одобрял подобные эксцентричные выходки, особенно, если они получали широкую огласку. Его Высочество решил удалиться в Шантильи.

Анжелика осталась наедине со своей воплощенной мечтой. С неподдельным наслаждением она принялась украшать дом. Были приглашены обойщики, ювелиры, столяры. Она заказала мсье Буле изготовить для нее мебель из полупрозрачного дерева, инкрустировав ее слоновой костью, черепаховыми пластинками и позолоченной бронзой. Ее резная кровать, кресла и стены в спальне были обиты

бледно-зеленым атласом с рисунком из крупных золотых цветов. В будуаре столик, стулья и комод были отделаны изумительной голубой эмалью. Пол в обеих ее комнатах был сделан из узорного дерева, такого ароматичного, что его запах пропитывал одежду всех, кто ступал по нему.

Она попросила Гонтрана расписать потолок большого салона. Она купила тысячу всяких предметов, китайских безделушек, картин, белья, предметов из золота и хрусталя. Ее письменный стол представлял из себя редкий образец работы итальянской школы и был почти единственным антикварным предметом в доме. Он был сделан из эбенового дерева, инкрустированного розовыми и вишнево-красными рубинами, гранатами и аметистами.

В лихорадочной поспешности она также купила маленькую белую лошадь для Флоримона, чтобы он мог скакать по аллеям парка, который она украсила группами апельсиновых деревьев. Кантор получил двух суровых на вид, но добрых мастифов, которых он мог запрягать в специальную позолоченную тележку и кататься в ней.

Она сама поддалась моде сезона и приобрела себе одну из длинношерстных маленьких комнатных собачек, которые тогда как раз повсюду входили в моду. Она назвала ее Хризантемой. Флоримон и Кантор, любившие больших, свирепых животных, открыто выражали презрение к этому лохматому миниатюрному существу.

В конце концов, чтобы отметить новоселье, она решила устроить большой ужин с балом. Этот прием должен был ознаменовать новый этап жизни мадам Моран, которая была теперь уже не шоколадницей из предместья Сен-Оноре, а одной из знатных дам квартала Марэ.

Бал, данный мадам Моран в ее Отеле де Ботрейи, имел большой успех.

Его посетили самые высокопоставленные люди Парижа. Мадам Моран танцевала с Филиппом дю Плесси-Бельер, одетым в костюм из голубого атласа. Платье Анжелики, сшитое из голубого королевского бархата с золотой отделкой, идеально подходило к наряду ее партнера. Они были самой блестящей парой на балу. Анжелика была очень удивлена, увидев, что холодное лицо Филиппа оживила улыбка, когда он вел ее в танце через весь огромный зал, высоко подняв ее руку.

— Сегодня вы уже не Баронесса Унылого Платья, — сказал он.

Она спрятала эти слова в своем сердце с ревнивым чувством человека, получившего драгоценный, редкостный подарок. Тайна ее происхождения сделала их сообщниками. Он помнил маленькую серую куропаточку, чья рука так трепетала в руке красавца-кузена.

«Как я тогда была глупа!» — подумала она с улыбкой.

Когда дом был полностью обставлен, Анжелику охватила глубокая тоска. Ее угнетала пустота роскошного дома. Отель Ботрейи слишком много для нее значил. Это жилище, в котором никогда не жил Жоффри, и которое, тем не менее, казалось, было насыщено воспоминаниями, мучило ее тем, что было ровесником давно прошедшей трагедии.

«Воспоминания о том, что только должно быть», — думала она.

Она часами сидела около камина или у окна весенними ночами. Ничто теперь ее не занимало, и это безразличие было мучительно ей. Ум и сердце были отданы призраку; вдруг она внезапно поднималась и со свечой шла к дверям, чтобы ждать в темноте галереи неизвестно чего...

Кто-то идет?.. Все было тихо. Дети спали в своей комнате под присмотром преданных слуг. Она вернула им дом их отца. Однажды ночью Анжелика лежала без сна в великолепной постели, ей было холодно. Она положила руки на свои прекрасные плечи, и это прикосновение отозвалось в ней печалью. Никто не мог унять ее томление. Она была одна на всю жизнь!

И в этот самый момент откуда-то из глубины ночного молчания возникла песня, дивная, чарующая, как будто пел один из ангелов, парящих над миром в Сочельник.

Сначала Анжелика решила, что ей просто кажется. Но, когда она вышла в коридор, то отчетливо, поняла, что это поет детский голос.

Взяв свечу, она направилась в детскую. Осторожно приподняв драпировку на двери, она замерла, очарованная представшей перед ее взором картиной.

Серебряный с позолотой ночной светильник мягко освещал альков, в котором стояла кровать двоих ее сыновей. Стоя на этой большой кровати в белой рубашке с кружевами, прижав пухлые ручонки к животу и подняв вверх глаза, Кантор пел, как маленький

херувим в раю! У него был необыкновенной чистоты голос, но слова он произносил с трогательной детской шепелявостью:

*«Это в Рождество
Родился Иисус
Он родился в конюшне
На куче соломы.
Он родился в углу,
На сене».*

Флоримон слушал его с нескрываемым восторгом, опершись локтями на подушку. Рядом стояла Барба и вытирала слезы.

— Мадам не знала, что у нашего сокровища такой дивный голос? — прошептала служанка. — Я хотела, чтобы это было сюрпризом для мадам. Он стесняется. Он хочет петь только для Флоримона.

И снова радость вытеснила печаль из сердца Анжелики.

Дух трубадуров вселился в маленького Кантора. Он поет. Жоффрей де Пейрак не умер, потому что он продолжает жить в двух своих сыновьях. Один походит на него, как две капли воды, другой унаследовал его голос...

Однажды поздно вечером, когда Анжелика присыпала песком только что написанное письмо к ее дорогой подруге Нинон де Ланкло, вошел лакей с сообщением, что какое-то духовное лицо с тонзурой действительно спрашивает ее. У входа Анжелика встретила аббата, который сказал ей, что ее брат, отец де Сансе, хочет увидеться с ней.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас, мадам!

Анжелика поднялась наверх за плащом и маской. Странный час для возобновления отношений иезуита со своей сестрой, которая к тому же была вдовой колдуна, сожженного на Гревской площади!

Аббат сказал, что идти недалеко. И действительно, буквально через несколько шагов молодая женщина оказалась перед небольшим домом, бывшей средневековой гостиницей, примыкавшим к дому Иезуитской Коллегии. В вестибюле проводник Анжелики растаял, как черное привидение. Она начала подниматься по лестнице, не отрывая

взгляда от верхней площадки, на которой, перегнувшись через перила, стоял высокий человек со свечой в руке.

— Это ты, сестра моя?

— Это я, Раймон.

— Поднимайся, пожалуйста.

Она последовала за ним, ни о чем не спрашивая. Он ввел ее в маленькую каменную келью, скудно освещенную масляной лампой. В глубине алькова Анжелика разглядела бледное, тонкое лицо — женщины или ребенка — с закрытыми глазами.

— Она больна. Возможно, она умрет, — сказал иезуит.

— Кто это?

— Мари-Аньес, наша сестра.

Помолчав минуту, он добавил:

— Она пришла ко мне просить убежища, Я уложил ее, но, имея в виду особый характер ее болезни, мне нужна помощь женщины. Я подумал о тебе.

— Что с ней?

— Она уже потеряла много крови. Я думаю, что устроила выкидыш.

Анжелика осмотрела юную сестру. Кровотечение было не очень сильным, но оно не прекращалось.

— Мы должны как можно быстрее остановить его, или она умрет.

— Я думал послать за врачом, но...

— За врачом!.. Все, что он может сделать — это пустить кровь, а это ее погубит.

— К несчастью, я не могу позвать акушерку, которая может оказаться нескромной и болтливой. Наши правила одновременно и очень свободны, и очень строги. Никто не упрекнет меня за то, что я приютил тайком свою сестру. Но я должен всячески избегать скандала. Мне затруднительно держать ее здесь, в этом доме, примыкающем к великой семинарии, сама понимаешь...

— Как только мы остановим кровотечение, я перевезу ее в свой дом. А сейчас надо послать за Большим Матье.

Четверть часа спустя Флипо уже мчался к Понт-Нефу, то и дело посвистывая, чтобы дать себя узнать. Анжелика знала, что у Большого Матье есть почти чудодейственные средства, останавливающие

кровотечение. В случае необходимости, кроме того, он умел становиться скромным и не болтливым...

Он явился незамедлительно и принялся за молодую пациентку с энергией и умением, рожденным долгим опытом, по своему обыкновению, произнося длинный монолог:

— Ах! Маленькая дама, ну почему вы не употребляли эликсир целомудрия, который продает на Понт-Нефе Большой Матье? Он приготовлен из камфоры, масла, виноградных семян и семян кувшинки. Принимайте по две драхмы утром и вечером, запивая стаканом сыворотки, в которую опустили кусок раскаленного докрасна железа... Поверьте мне, маленькая дама, нет ничего лучше для того, чтобы подавить излишнее рвение Венеры, за которое приходится платить так дорого...

Но бедная Мари-Аньес была не в состоянии услышать эти запоздалые рекомендации. Лежа без сознания, она со своим тонким, вытянувшимся, почти прозрачным личиком, обрамленным копной черных волос, казалась красивой, безжизненной восковой фигурой.

Наконец Анжелика заметила, что кровотечение начинает утихать; на щеках сестры появился едва заметный румянец. Большой Матье ушел, оставив Анжелике отвар из трав, который она должна была давать пациентке каждый час, чтобы заменить ту кровь, которую она потеряла. Он посоветовал подождать несколько часов, прежде чем перевозить ее на другое место.

После того, как он ушел, Анжелика села за маленький столик, на котором стояло огромное распятие, отбрасывающее жуткую тень на стену.

— Я думаю, что на рассвете мы сможем перевезти ее ко мне, — сказала Анжелика, — но было бы разумнее немного подождать, чтобы она хоть чуть-чуть окрепла.

— Подождем, — согласился Раймон.

Его тонзура стала немного шире из-за начинающейся лысины, но в целом он почти не изменился.

— Раймон, откуда ты узнал, что я живу в Отеле Ботрейи под именем мадам Моран?

Иезуит сделал неопределенный жест белой рукой.

— Мне было нетрудно сделать запросы. Я восхищаюсь тобой, Анжелика. Ужасное событие, жертвой которого ты оказалась, теперь

стало делом далекого прошлого.

— Не такого уж далекого, — с горечью сказал Анжелика, — раз я до сих пор еще не могу смело предстать перед всеми. Многие дворяне гораздо менее знатного происхождения, чем я, смотрят на меня сверху вниз, как на разбогатевшую лавочницу, и мне никогда не вернуться ко двору, в Версаль.

Он устремил на нее проницательный взгляд.

— А почему бы тебе не выйти замуж за человека с громкой фамилией? У тебя нет недостатка в поклонниках, и твое богатство, если уж не красота, может соблазнить не одного знатного вельможу. Ты получишь новое имя и титул.

Анжелика неожиданно подумала о Филиппе и вспыхнула при этой мысли. Выйти за него замуж? Маркиза дю Плесси-Бельер...

— Раймон, почему я не додумалась до этого раньше?

— Вероятно потому, что еще не поняла, что ты вдова и свободна, — твердо ответил он. — У тебя теперь есть все, чтобы с честью вернуться в высшее общество. Это положение не лишено определенных преимуществ и я помогу тебе, используя все влияние, каким я располагаю.

— Спасибо, Раймон. Это было бы чудесно, — мечтательно сказала она. — Я прошла такой длинный путь, ты себе и представить не можешь. Из всей нашей семьи я падала ниже всех, и однако нельзя сказать, чтобы хоть кто-нибудь из нас блестяще устроил свою судьбу. Почему мы все оказались такими неудачниками?

— Благодарю тебя за твое «мы», — ответил он со сдержанной улыбкой.

— О! Стать иезуитом — это тоже не самая большая удача. Вспомни, отец был не в восторге от этого. Жослен исчез в Америке. Дени, единственный военный в семье, пользуется репутацией сорви-головой и, что еще хуже, плохого игрока. Гонтран? Не будем о нем и говорить. Он сам опустился до теперешнего положения, чтобы иметь удовольствие пачкать холсты, как ремесленник. Альбер — паж у маршала де Рошана. Он в любовниках у рыцаря, до тех пор пока не попадет под унылые чары мадам Рошан. А Мари-Аньес...

Она остановилась, прислушиваясь к еле слышному дыханию, доносящемуся из алькова, и продолжала шепотом:

— Я думаю, при дворе она имела дело с каждым. Имеет ли кто-нибудь понятие о том, кто был отцом ее ребенка?

— Не думаю, чтобы она сама это знала, — грубовато ответил иезуит. — Больше всего мне хотелось бы узнать, что это было — выкидыш или тайные роды. Я содрогаюсь при мысли, что она могла оставить крошечное живое существо в руках этой Катерины Монвуазин.

— Она была у Ла Вуазин?

— Она называла это имя в бреду.

— Кто только не имеет с ней дела? — с содроганием сказала Анжелика. — Недавно к ней ходил герцог Вандомский, замаскировавшись под савояра, чтобы послушать откровения этой женщины о сокровищах, будто бы, спрятанных господином де Тюренном. А Мсье, брат короля, вызывал ее в Сен-Клу, чтобы она показала ему дьявола. Не знаю, удалось ли ей это, но заплатил он так, как будто видел его. Предсказательница, отравительница, — эта женщина мастерица на все руки...

Раймон слушал эти сплетни без улыбки. Потом он закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Анжелика, сестра моя, я в ужасе, — медленно сказал он. — Мы живем в век такой пошатнувшейся морали, таких отвратительных преступлений, что будущие поколения содрогнутся при воспоминании о нас. Только за один год несколько сотен женщин признались мне на исповеди, что избавились от плода, который носили в чреве. И это еще ничего; это только естественное последствие распущенности и супружеской неверности. Но почти половина из исповедающихся признались в том, что отравили кого-то из своей семьи или пытались с помощью дьявольских заклинаний избавиться от мешавшего им человека. Неужели мы совсем еще дикари? Какая ужасная дисгармония между законами и склонностями людей! И церковь должна указать путь через этот хаос...

Анжелика с удивлением слушала откровения великого иезуита.

— Почему ты говоришь это мне, Раймон? Ведь, судя по тому, что тебе известно обо мне, я могу быть одной из тех женщин, которые...

Глаза священника вновь обратились к ней. Он как будто изучал ее некоторое время, потом покачал головой.

— Ты, ты — как алмаз, — сказал он, — благородный камень, твердый и неподдающийся, но простой и прозрачный. Я не знаю, какие грехи ты могла совершить за те годы, когда я о тебе ничего не знал, но уверен, что если ты их и совершила, то только потому, что у тебя не было выбора. Ты как настоящий бедняк, моя Анжелика, грессишь, сама того не ведая, в отличие от богатых и могущественных...

Эти удивительные слова, которые Анжелика расценила как голос Милосердия, как знак прощения Неба, наполнили ее сердце наивной благодарностью.

Ночь дышала покоем. Запах ладана, наполнявший комнату, тень креста, охранявшего изголовье ее лежавшей почти при смерти сестры, впервые за многие годы показались Анжелике добрыми и успокаивающими.

Под влиянием неожиданного порыва она опустилась на колени на каменный пол.

— Раймон, ты выслушаешь мою исповедь?

В Отеле Ботрейи выздоровление Мари-Аньес пошло быстро. Тем не менее, молодая девушка оставалась в крайне подавленном состоянии духа. Вначале она не высказывала ни малейшей благодарности Анжелике за ее заботу. Но как только она окрепла, Анжелика воспользовалась первым же ее капризом и закатила сестре звучную пощечину. С этого времени Мари-Аньес начала заявлять, что Анжелика — единственная женщина, с которой можно поладить. Зимними вечерами она с заискивающей ласковостью прижималась к сестре, когда они коротали время перед камином, играя на мандолине или занимаясь вышиванием. Они обменивались своими впечатлениями об общих знакомых, и, так как обе были наблюдательны и остры на язык, то часто смеялись.

Поправившись, Мари-Аньес, казалось, не проявляла ни малейшего намерения расстаться со «своей подругой мадам Моран». Никто не знал, что они были сестрами. Это забавляло их. Королева пожелала узнать о состоянии здоровья своей фрейлины. Мари-Аньес велела передать, что она чувствует себя хорошо, но собирается удалиться в монастырь. Эта как будто шутивная угроза оказалась более серьезной, чем можно было предположить вначале. Мари-Аньес упорно отказывалась кого-нибудь видеть, погрузилась в изучение

посланий Святого Павла и постоянно посещала мессы вместе с Анжеликой.

Анжелика была очень рада тому, что у нее хватило мужества исповедаться Раймону. Это позволило ей без тайных терзаний и ложного стыда вновь предстать перед алтарем Господа и со всей полнотой исполнять роль дамы из квартала Маре. Она с удовлетворением погрузилась в атмосферу долгих служб, наполненную запахом ладана и звуками органа.

Самым утешительным было то, что теперь у нее было время молиться и думать о своей душе.

Слух об их обращении вызвал целый поток негодующих посетителей Отеля Ботрейи. Поклонники Анжелики и бывшие любовники Мари-Аньес возмущенно протестовали.

— Что такое мы слышим? Вы занимаетесь покаянием? Вы удаляетесь в монастырь?

Мари-Аньес в ответ на все расспросы молчала с непроницаемой презрительностью маленького сфинкса. В большинстве случаев она предпочитала вообще не показываться гостям или демонстративно раскрывала свой молитвенник. Анжелика же, со своей стороны, усиленно опровергала такие слухи. Момент был совсем для них неподходящим. Поэтому, когда мадам Скаррон взяла ее с собой к своему духовнику, достопочтенному аббату Годину, Анжелика даже упоминания о власянице слышать не хотела. В тот самый момент, когда она так оживленно строила планы о том, как ей выйти замуж за Филиппа дю Плесси-Бельер, она совсем не собиралась портить кожу и соблазнительные изгибы своего тела колючим поясом и прочими атрибутами покаяния.

Ей требовалось все ее обаяние, все чары для того, чтобы нарушить безразличие этого странного молодого человека, который со своими белокурыми волосами и светлыми атласными костюмами казался закованным в лед.

Однако он был весьма частым гостем в Отеле Ботрейи. Он появлялся с безразличным видом и почти ничего не говорил. Когда Анжелика смотрела на его презрительную красоту, к ней вновь возвращалось смешанное чувство унижения и восхищения, которое она испытывала когда-то маленькой девочкой, благоговевая перед высоким, элегантным кузенком. Потом в ее памяти всплывало другое,

неприятное воспоминание, тем не менее вызывавшее у нее какую-то чувственную дрожь. Она вспоминала белые руки Филиппа на своих бедрах, царапины от его колец... Теперь, когда он был таким холодным и далеким, она иногда даже испытывала сожаление о своем избавлении. Филипп и не подозревал, что это она была той самой женщиной, на которую он набросился в таверне «Красная маска».

Каждый раз, когда он останавливал на Анжелике взгляд своих ясных глаз, ее терзало чувство, что он просто не замечает ее красоты. Он никогда не делал ей комплиментов, даже самых банальных. Он был не слишком любезен, и дети, отнюдь не очарованные его манерами, боялись его.

— Ты так смотришь на красавца Плесси, что это начинает меня тревожить, — сказала однажды вечером Мари-Аньес сестре. — Только не говори мне, Анжелика, что ты, самая разумная из всех женщин, которых я знаю, позволила себе попасть под чары этого...

Она как будто подбирала какой-нибудь уничтожающий эпитет, и, не найдя подходящего, заменила его гримасой отвращения.

— Что ты против него имеешь? — удивленно спросила Анжелика.

— Что я против него имею? Ну, только вот что: он, такой красивый, такой привлекательный, даже не знает, как нужно брать женщину в объятия. Я думаю, ты согласишься со мной, что это имеет большое значение?

— Мари-Аньес, это весьма фривольный предмет разговора для молодой особы, собирающейся уйти в монастырь!

— Вот именно. Поэтому давай будем ковать железо, пока оно еще не остыло. Я всегда оцениваю мужчину по тому, как он обнимает меня. Его властные и одновременно нежные руки... Ах, что за удовольствие чувствовать себя в этот момент хрупкой и слабой!

Ее красивое, словно вырезанное резцом скульптора личико с глазами жестокого котенка смягчилось, и Анжелика улыбнулась, увидев на нем мимолетное выражение чувственного восторга, которое обычно видели только мужчины. Потом девушка нахмурилась.

— Я должна признать, что очень немногие мужчины обладают этим талантом. Но они, по крайней мере, пытаются сделать все, что могут. А Филипп даже не пытается. Он знает только один способ обращения с женщинами: он швыряет их на пол и насилует. Должно

быть, он учился любви на полях сражений. Даже самой Нинон не удалось добиться от него чего-нибудь. Возможно, он приберегает ласки для любовников!.. Все женщины ненавидят его тем больше, чем больше их разочарование в нем.

Анжелика, наклонившись над огнем, в котором она жарила каштаны, почувствовала, что слова сестры вызвали в ней гнев, и сама рассердилась на себя.

Она решила выйти замуж за Филиппа дю Плесси. Это было самым лучшим выходом, который мог все уладить. Но ей хотелось сохранить некоторые иллюзии насчет человека, которого она выбрала в качестве второго мужа. Ей хотелось, чтобы он оказался заслуживающим любви, и тогда она имела бы право полюбить его.

Желая быть искренней перед самой собой, она на следующий же день помчалась к Нинон и сразу же приступила к делу.

— Что вы думаете о Филиппе дю Плесси?

Куртизанка подумала, прижав палец к щеке.

— Я думаю, что когда кто-то знает его хорошо, он находит его гораздо менее приятным, чем он кажется с первого взгляда. Но когда он узнает его еще лучше, то находит, что он гораздо лучше, чем кажется.

— Я вас не понимаю, Нинон.

— Я хочу сказать, что он не обладает ни одним из тех качеств, которые обещает его красота, он даже не имеет склонности к любви. С другой стороны, если вы посмотрите поглубже, он заслуживает уважения, потому что представляет собой редкостный экземпляр почти вымершей расы: он дворянин в высшей степени. Он помешан на вопросах этикета и ужасно боится посадить пятно на свои шелковые чулки. Но он не боится смерти, и когда он будет умирать, будет одинок, как волк, и ни у кого не попросит помощи. Он принадлежит только королю и себе.

— Я не ожидала от него такого величия!

— Но тогда вы не замечали также и его мелочности, моя дорогая! У истинного дворянина мелочность в крови. Его герб веками забирал у него остатки человечности. Почему кто-то должен считать, что добродетель и ее противоположность не могут жить бок о бок в одном и том же человеке? Дворянин одновременно и велик, и ничтожен.

— А что он думает о женщинах?

— Филипп!.. Моя дорогая, когда вы узнаете его, вы придете ко мне и расскажете.

— Нинон, не будете же вы уверять меня, что он не спал с вами.

— Увы, моя дорогая, именно это я и собираюсь сказать. Я должна сознаться, что все мои таланты оказались бессильными перед ним.

— Нинон, вы меня пугаете!

— Если говорить откровенно, этот Адонис с суровым взглядом сильно искушал меня. Говорили, что он груб с женщинами, но я не испытываю отвращения к некоторой грубоватости и люблю ее укрощать. Так что я ухитрилась затащить его в свой альков...

— А потом?

— А потом ничего. Я добилась бы большего успеха со снежной бабой во дворе. В конце концов он признался, что я вообще его не вдохновляю, потому что он относится ко мне по-дружески. Мне кажется, что ему необходимо испытывать ненависть к женщине, чтобы быть в хорошей форме.

— Он сумасшедший!

— Может быть... но я бы сказала, что он просто не вовремя родился. Ему надо было родиться лет на пятьдесят раньше.

Когда я смотрю на него, он чем-то трогает меня, может быть тем, что напоминает мне молодость.

— Вашу молодость, Нинон? — переспросила Анжелика, глядя на тонкое, без морщин, лицо куртизанки. — Но ведь вы моложе меня!

— Нет, радость моя. Иногда, когда хотят утешить женщину, ей говорят: тело стареет, но душа остается молодой. Со мной же происходит как раз обратное: мое тело, благодарение богу, остается молодым, но душа моя состарилась. Дни моей молодости совпали с окончанием предыдущего правления и началом нынешнего. Мужчины тогда были совсем другими. Они сражались повсюду: с гугенотами, со шведами, с восставший людьми герцога Орлеанского. Молодые люди умели сражаться, но не умели любить. Они были дикарями в кружевных воротниках... А что касается Филиппа — знаете, кого он мне напоминает? Сен-Мара, который был фаворитом Людовика XIII. Бедный Сен-Мар! Он влюблен в Марион Делорм. Но король был ревнив. И кардиналу Ришелье понадобилось потратить совсем немного усилий, чтобы подготовить его падение. Сен-Мар сложил

свою прекрасную белокурую голову на плахе. В те дни многие судьбы сложились трагически!

— Нинон, не говорите со мной, как бабушка. Это вам совсем не подходит.

— Но я вынуждена принять тон бабушки, чтобы немного побранить вас. Анжелика, мое прелестное дитя, не говорите мне, что вы, зная в жизни великую любовь, вдруг опрометчиво влюбились в Филиппа. Он слишком далек от вас. Вас он разочарует еще больше, чем других женщин.

Анжелика вспыхнула, и уголки ее губ задрожали, как у ребенка.

— Почему вы говорите, что я знала великую любовь?

— Потому что я вижу это по вашим глазам. Так редко встречаются женщины, которые носят в своих глазах этот печальный и удивительный свет. Да, я знаю — теперь это уже позади. Почему?.. Не имеет значения. Может быть, вы обнаружили, что он женат, может быть, он обманул вас, может быть, он умер...

— Он умер, Нинон!

— Тем лучше. Значит, ваша глубокая рана ничем не отравлена. Но...

Анжелика гордо выпрямилась.

— Нинон, пожалуйста, не будем больше говорить об этом! Я хочу выйти замуж за Филиппа. Я должна выйти за него. Вы не можете понять, но это так, Я не люблю его, это правда, но он привлекает меня. И я всегда была уверена, что когда-нибудь он станет моим. Не говорите мне ничего больше...

Вернувшись домой, Анжелика обнаружила в своей гостиной этого самого загадочного Филиппа; он был частым посетителем, но ее планы не продвинулись вперед ни на йоту.

Анжелика уже начала спрашивать себя, не является ли он ради того, чтобы повидаться с Мари-Аньес, но когда ее молодая сестра удалилась в кармелитский монастырь в предместье Сен-Жак, чтобы подготовиться к пасхе, он продолжал регулярно посещать ее дом. Однажды она узнала, что он хвастается тем, что пьет в ее доме лучший в Париже розолио. Возможно, он приходил просто для того, чтобы посмаковать изысканный напиток, который она готовила сама. Анжелика гордилась своими талантами хозяйки и не видела причины,

по которой ей следовало пренебрегать любой приманкой. Но эта мысль ранила ее гордость. Неужели ни ее красота, ни ее остроумие не имеют никакой привлекательности в глазах Филиппа?

С наступлением первых весенних дней ее охватило отчаяние, тем более, что она была ослаблена тяжелым постом. Она слишком пылко лелеяла тайное намерение выйти замуж за Филиппа, чтобы теперь найти в себе мужество отказаться от этой затеи. Став маркизой дю Плесси, она снова была бы представлена ко двору, снова обрела бы свою родину, свою семью и воцарилась бы в прекрасном белом замке, который так восхищал ее когда-то.

Ее нервы уже не выдерживали бесконечной смены надежд и отчаяния, и она изнемогала от желания поговорить с Ла Вуазин, чтобы та подтвердила ей будущее. Подходящий случай представился ей благодаря мадам Скаррон, которая навестила ее однажды после обеда.

— Анжелика, я пришла за вами, потому что вы просто должны сопровождать меня. Эта сорви-голова, Атенаис, вбила себе в голову отправиться за советом к невероятной, совершенно дьявольской прорицательнице, женщине по имени Катерина Монвуазин. Мне кажется, что присутствие двух благочестивых женщин было бы более чем необходимо, для того, чтобы молитвами бороться против дьявольских чар, которые могут быть насланы на эту безрассудную девушку.

— Вы совершенно правы, Франсуаза, — поспешила согласиться Анжелика.

Оберегаемая двумя ангелами-хранителями, Атенаис де Монтеспан, сгорающая от нетерпения и нимало не испуганная, вошла в логово колдуньи. Это был прекрасный дом в предместье Тампля, куда недавно разбогатевшая колдунья переехала из той зловещей лачуги, где долго отворял гостям двери карлик Баркароль. Тогда гости были тайными, сегодня они посещали ее почти открыто.

Обычно колдунья принимала клиентов, сидя на некотором подобии трона, закутанная в плащ, расшитый золотыми пчелами, но в этот день Катерина Монвуазин, чьи привычки несколько не изменились от соприкосновения с высшим обществом, была мертвецки пьяна.

Как только три женщины переступили порог указанной им гостиной, они поняли, что ничего не смогут добиться от

предсказательницы.

Долгое время не сводившая с них затуманенного взгляда, ведьма вдруг поднялась со своего помоста, сильно пошатываясь, и, бросившись к перепуганной Франсуазе Скаррон, схватила ее за руку.

— У тебя, — сказала она, — у тебя самая необыкновенная судьба. Я вижу Океан, потом Ночь, и в конце концов, Солнце. Ночь — это нищета. Мы знаем, что это такое! Ничего нет ее черней! Точно так же, как и ночь! Но Солнце — это король.

Так вот, моя милочка, король полюбит тебя, и даже женится на тебе.

— Но вы ошибаетесь! — в бешенстве воскликнула Атенаис. — Это я пришла к вам, чтобы узнать, полюбит ли меня король. Вы все перепутали.

— Не гневайтесь, маленькая дама, — возразила колдунья хрипло. — Я не настолько пьяна, чтобы перепутать судьбы двух персон. Каждому свое, не так ли? Дай-ка мне свою руку. Король и твой тоже. А вот и Удача. Да, король полюбит и тебя, но он не женится на тебе.

— Разрази чума эту налакавшуюся каргу, — пробормотала Атенаис, в ярости отдергивая руку.

Но Ла Вуазин была намерена воздать каждой из них полной мерой. Она быстро схватила руку Анжелики, вытаращила глаза, покачала головой.

— Сказочная, невероятная судьба! Ночь, но еще и Огонь. Огонь, который подавляет все.

— Мне хотелось бы узнать, выйду ли я замуж за маркиза?

— Не могу сказать, будет ли он маркизом, но я вижу два замужества. Вот, две эти маленькие линии. И шестерых детей...

— Боже милостивый!

— И еще... любовные приключения! — одно, второе, третье, четвертое, пятое...

— Довольно, не беспокойтесь, — запротестовала Анжелика, пытаясь высвободить руку.

— Нет, подожди! Этот огонь просто удивителен. Он горит всю твою жизнь... до самого конца. Он пылает так неистово, что затмевает само Солнце. Король будет любить тебя, но ты не полюбишь его из-за этого Огня...

Возвращаясь домой в карете, Атенаис дала выход переполнявшей ее ярости.

— Эта женщина не заслуживает ни одного су из тех денег, что платят ей люди. Я еще никогда не слышала такого вороха бредней. Король полюбит тебя!.. Король полюбит тебя!.. Она говорит каждому одно и то же!

Анжелика узнала новости от мадемуазель де Парайонк. Она совсем не ожидала этого, и ей потребовалось некоторое время, чтобы понять правду, преподнесенную на немыслимом жаргоне синего чулка. Гостья явилась к ней вечером, незадолго до ужина, возникнув из тумана, как угрюмая сова, увешенная множеством лент, с цепкими и наблюдательными глазами. Анжелика, усадив ее у камина, предложила ей горячих лепешек. Филонида долго рассказывала о своей соседке, мадам де Гоффре, которая только что «почувствовала последствия дозволенной любви», что должно было означать, что та через десять месяцев после замужества родила маленького мальчика. Потом она пожаловалась на то, как ее беспокоят «дорогие бедняжки». Анжелика решила, что она имеет в виду своих престарелых родителей, но на самом деле ее подруга говорила о собственных ногах, страдавших от мозолей. В конце концов, после бесконечных разговоров о ничего не значащих мелочах, после рассуждений о чувствах и заявлениях типа «падает третий элемент», по поводу хлеставшего в окна дождя, Филонида, переполненная радостью из-за того, что может сообщить свеженькую новость, решила перейти на язык простых смертных:

— Вы знаете, что мадам де Ламенон собирается выдать замуж свою дочь?

— Это прекрасно! Девушка некрасива, но у нее достаточно денег, чтобы составить себе блестящую партию.

— Вы, как обычно, проницательнее всех, моя дорогая. Действительно, только приданое этой маленькой мышки может привлечь такого человека, такого красавца дворянина, как Филипп дю Плесси.

— Филипп?

— Разве вы не слышали об этом? — спросила Филонида, уставившись, на нее, не мигая.

Анжелика справилась с собой и сказала, пожав плечами:

— Может быть, и слышала... но не сочла это хоть сколько-нибудь вероятным. Филипп дю Плесси не может опуститься до брака с дочерью судьи, который, хотя и занимает высокий пост, имеет совсем не знатное происхождение.

Старая дева ухмыльнулась.

— В моем поместье крестьяне часто говорят: «Деньги можно найти только на земле, и, чтобы поднять их, приходится нагибаться». Все знают, что молодой дю Плесси всегда испытывает затруднения в денежных делах. Он много играет в карты в Версале и, кроме того, потратил целое состояние на снаряжение для последней кампании; за ним ехала вереница мулов, которые везли его имущество. Шелк его шатра был так богато вышит, что испанцы использовали его, как мишень... Хотя я должна признать, моя дорогая, что этот бесчувственный прельститель дьявольски красив...

Анжелика не мешала ей продолжать монолог. После первого удивления она поняла, что ее покинуло мужество. Рухнул последний порог, который она должна была перешагнуть, чтобы насладиться теплом Короля-Солнца, — ее замужество с Филиппом. Она всегда знала, что это будет слишком трудным для нее делом, что у нее не хватит силы. Она была измучена, опустошена... Она всего лишь шоколадница, и никогда больше не сможет удерживаться на уровне дворянства, которое относилось к ней не слишком дружелюбно. Ее принимали, но желанной среди них она никогда не была... Версаль! Версаль! Блеск двора, сияние Короля-Солнца! Филипп! Прекрасный, недостижимый бог Марс!.. Она снова опустится до уровня мелкой буржуазии. И ее дети никогда не будут господами...

Поглощенная своими мыслями, она не заметила, что прошло немало времени. Огонь в камине погас, свеча начала чадить.

Анжелика услышала, как Филонида окликнула Флипо, стоявшего около дверей:

— Бездельник, убери излишек с этого мерцателя.

Увидев, что Флипо открыл рот от изумления, Анжелика устало перевела:

— Лакей, снимите нагар со свечи.

Филонида де Парайонк, вполне удовлетворенная, поднялась:

— Моя дорогая, вы как будто задумались. Я оставляю вас наедине с вашими размышлениями...

Глава 29

В эту ночь Анжелика не могла уснуть. Утром она посетила мессу. На обратном пути домой она была совершенно спокойна. Однако, она еще не приняла никакого решения, и когда наступил час прогулок, села в свою карету, все еще не зная, что будет делать.

Но она проявила особую тщательность в выборе туалета. Сидя в карете и расправляя шелка и тафту, она ругала себя. Почему она сегодня надела новое платье с тремя ниспадающими друг из-под друга юбками — коричнево-каштановой, цвета осенних листьев и нежно-зеленой? Похожая на паутину тонкая золотая вышивка, униженная жемчугом, сверкающей сетью покрывала ее верхнюю юбку, накидку и корсаж. Кружево воротника и манжет повторяло рисунок вышивки. Анжелика специально заказывала это кружево в мастерских Алансона по рисунку, созданному господином Моне, декоратором королевского двора. Анжелика вначале приберегала этот наряд, одновременно и пышный, и торжественный, для посещений знатных дам, таких, как мадам д'Олбре, где разговоры велись, по возможности, без фривольностей. Анжелика знала, что это платье удивительно идет к цвету ее лица и глаз.

Но почему она надела его сегодня на прогулку по Кур-ла-Рен? Надеялась ли она ослепить непроницаемого Филиппа ли внушить ему доверие строгостью своего наряда?.. Она нервно обмахивалась веером, чтобы хоть немного охладить пылающие щеки.

Хризантема сморщила маленькую влажную мордочку и бросила хитрый взгляд на хозяйку.

— Мне кажется, я собираюсь сделать глупость, — печально сказала себе молодая женщина. — Но я не могу отступить от него. Нет, в самом деле не могу.

Потом, к великому удивлению собачки, она откинулась на стенку кареты и закрыла глаза, как будто разом лишившись всех сил.

Когда карета приблизилась к Тюильри, Анжелика мгновенно ожила. Со сверкающими глазами она схватила маленькое зеркальце, висевшее на ее поясе, и придиричливо осмотрела свой грим. Подчерненные веки, красные губы. Это было все, что она себе

позволила. Она не делала попыток сделать белее свою кожу, потому что в конце концов поняла, что теплый оттенок золотистой кожи вызывает гораздо больше комплиментов. Ее зубы, тщательно натертые порошком из лепестков дрока и прополосканные горячим вином, влажно блестели.

Она улыбнулась своему отражению.

Взяв Хризантему под руку и придерживая другой рукой накидку, она прошла через ворота Тюильри. Через минуту она сказала себе, что если здесь не окажется Филиппа, она прекратит борьбу! Но он был здесь! Она увидела его около Большой Клумбы, рядом с принцем де Конде.

Анжелика смело направилась к ним. Она внезапно поняла, что раз уж судьба привела сегодня Филиппа в Тюильри, она будет ее союзником и в том, что она задумала сделать.

День был приятным и свежим. Прошедший недавно короткий ливень смочил гравий и отполировал первые листья на деревьях.

Анжелика подошла, улыбаясь и кивая головой. Она с досадой сказала себе, что ее платье ужасно не подходит к костюму, в котором был сегодня Филипп. Всегда одевающийся в светлых тонах, он сегодня был в необыкновенном камзоле павлинье-синего цвета с петлицами, украшенными золотой вышивкой. Всегда идущий в авангарде моды, он уже принял новый фасон камзолов с длинными полами, которые сзади приподнимались его шпагой.

Его манжеты были великолепны, но «пушки» практически отсутствовали, и штаны плотно обтягивали колени. Те, кто еще носил рингравы, вспыхивали от смущения, повстречавшись с ним. Алые шелковые чулки с золотыми уголками гармонировали с красными каблуками кожаных туфель, пряжки которых были усыпаны бриллиантами. В руке Филипп держал небольшую шляпу из бобрового меха, так прекрасно выделанного, что он походил на отполированное серебро. Плюмаж был небесно-голубого цвета. В белокуром парике, локоны которого ниспадали на плечи, Филипп дю Плесси-Бельер походил на прекрасную птицу, расправившую свои перья.

Анжелика поискала глазами фигуру мадемуазель де Ламенон, но ее жалкой соперницы здесь не было. Со вздохом облегчения она направилась прямо к принцу де Конде, который всегда, где бы они не встречались, подчеркнуто изображал перед ней смиряющуюся страсть.

— Ну вот, дама моего сердца! — вздохнул он, потеревшись длинным носом о лоб Анжелики. — Моя жестокая любовь, не окажете ли вы нам честь разделить с нами экипаж для прогулки по Бульварам?

Анжелика сделала вид, что бросает смущенный взгляд на Филиппа и тихо пробормотала:

— Пусть Ваше Высочество простит, но меня уже пригласил на прогулку мсье дю Плесси.

— Пусть дурная болезнь поразит всех этих только что оперившихся петушков! — проворчал принц. — Эй! Маркиз, неужели вы настолько самонадеянны, что намерены долго задерживать одну из самых прекрасных женщин столицы для своего личного и исключительного удовольствия?

— Да сохранит меня господь, монсеньор, — ответил молодой человек, который явно не следил за их разговором и не знал даже, о какой даме идет речь.

— Очень хорошо! Вы можете забирать ее. Я вручаю ее вам. Но в дальнейшем будьте любезны вовремя спускаться с заоблачных высот, чтобы заметить, что вы — не единственный господин на прогулке, и что другие тоже имеют право на самую ослепительную в Париже улыбку.

— Я приму это к сведению, монсеньор, — уверил его придворный, подметая песок плюмажем шляпы.

Анжелика, присев перед компанией в глубоком реверансе, вложила маленькую ручку в руку Филиппа и повела его прочь. Бедный Филипп! Почему все люди словно боятся его? Он казался таким безоружным, незащитным, несмотря на свой надменно-отсутствующий вид.

Она опустила глаза и у нее перехватило горло, когда она увидела, как уверенно и величественно ступают по мокрому гравию красные каблуки Филиппа. Ни один дворянин не умеет так красиво ставить ноги, ни у кого нет таких безукоризненно очерченных ног, «Даже у короля...» — подумала молодая женщина. Но для того, чтобы быть в этом уверенной, ей надо было увидеть короля поближе, а для этого требовалось поехать в Версаль. Она поедет в Версаль! Вот так же, как сейчас, вложив свою руку в руку Филиппа, она войдет в королевскую галерею. И перекрестные взгляды придворных будут подмечать каждую деталь ее дивного туалета. Она остановится в нескольких

шагах от короля — мадам дю Плесси-Бельер... Ее пальцы слегка сжались. Филипп сказал с недоумением:

— Я никак не могу понять, почему Его Высочество навязал мне ваше присутствие...

— Потому, что он думал, что вам это будет приятно. Вы же знаете, что он любит вас больше, чем Герцога. Вы — сын его воинственной души.

Потом она добавила, бросив на него заискивающий взгляд:

— Неужели вам так уж неприятно мое присутствие? Вы ожидали кого-нибудь другого?

— Нет. Но я не собирался сегодня на Бульвар.

Она не осмелилась поинтересоваться, почему. Для этого могло и не быть какой-то особой причины. С Филиппом это бывало часто. Его решения часто не имели серьезного обоснования, но никто не осмеливался спрашивать его.

На бульваре мало гуляли. Воздух под тенистыми куполами высоких деревьев был насыщен запахом свежей листвы и грибов.

Усевшись в карете Филиппа, Анжелика заметила, что серебряная бахрома попон его лошадей почти касалась земли. Где он берет деньги для такого излишнего проявления элегантности? Насколько она знала, он уже глубоко в долгах. Было ли это результатом щедрости судьи Ламенона по отношению к будущему зятю?

Никогда еще Анжелике не было так тяжело выносить молчание Филиппа.

Она делала вид, что занята проказами Хризантемы. Несколько раз она уже была готова заговорить, но невозмутимый профиль молодого человека лишал ее мужества. Его глаза были недвижно устремлены в пространство, а щеки медленно двигались, как будто он сосал пастилку. Анжелика дала себе слово, что отучит его от этой привычки, как только они поженятся. Когда человек так неправдоподобно красив, он не имеет право предаваться занятию, делающему его похожим на жвачное животное.

Стало темнее, потому что деревья росли очень густо. Кучер прислал лакея узнать, должен ли он развернуться, или они поедут дальше через Булонский лес.

— Поехали дальше, — приказала Анжелика, не дожидаясь согласия Филиппа.

И, поскольку молчание было наконец-то нарушено, она весело продолжала:

— Знаете, какую чепуху болтают о вас, Филипп? Оказывается, вы собираетесь жениться на дочери Ламенонов.

Он слегка наклонил красивую голову.

— Эта чепуха — правда, моя дорогая.

— Но... — Анжелика глубоко вздохнула и словно нырнула в воду. — Но это невозможно! Вы, образец элегантности, никогда не сможете убедить меня, что этот бедный маленький кузнечик мог чем-то очаровать вас.

— Я не имею никакого представления об ее очаровании.

— Что же тогда привлекает вас в ней?

— Ее приданое.

Значит, мадемуазель де Парайонк не лгала. Анжелика вздохнула с облегчением. Если дело только в деньгах, все еще можно исправить. Но она попыталась придать лицу оскорбленное выражение:

— О! Филипп? Я не считала вас таким материалистом.

— Материалистом? — повторил он, подняв брови.

— Я имею в виду, что не думала, что вы так много значения придаете земным делам.

— А чему же еще, по вашему мнению, я должен придавать значение? Мой отец не предназначал меня для Святого ордена.

— Даже не будучи церковником, человек может считать женитьбу не только денежным делом!

— А чем же еще?

— Ну!.. Делом любви.

— О! Если вас беспокоит только это, моя дорогая, то я могу вас заверить, что собираюсь наградить этого кузнечика целой кучей детей.

— Нет! — в ярости закричала Анжелика.

— Она получит вознаграждение за свои деньги.

— Нет! — снова сказала Анжелика, топнув ногой. Филипп повернул к ней удивленное лицо.

— Вы не хотите, чтобы я подарил жене детей?

— Дело не в этом, Филипп. Я не хочу, чтобы она была вашей женой, вот и все.

— А почему бы ей не быть моей женой?

Анжелика в изнеможении вздохнула.

— Ох! Филипп, ведь вы так часто посещаете салон Нинон, что я просто не могу понять, как вам удалось не научиться искусству разговора. Своими бесконечными «почему» и своим ошеломленным видом вы заставляете людей чувствовать себя последними дураками.

— Может быть, они ими и являются, — ответил он с полуулыбкой.

Эта улыбка наполнила сердце Анжелики, которой только что хотелось ударить его, нелепой нежностью. Он улыбался... Почему он так редко улыбается? Ей казалось, что только она сможет понять его и вызвать у него улыбку.

«Дурак» — говорят одни. «Животное» — говорят другие. А Нинон де Ланкло говорит: «Когда кто-то знает его хорошо, он находит его гораздо менее приятным, чем он кажется с первого взгляда. Но когда он узнает его еще лучше, то находит, что он лучше, чем кажется... Он дворянин... Он принадлежит только королю и самому себе...»

«Он принадлежит еще и мне», — яростно подумала Анжелика.

Она была просто в бешенстве. Ну как вывести этого парня из его безразличия? Запахом пороха? Ну что ж, если он желает войны, он получит ее. Она нервно столкнула с колен Хризантему, кусавшую кисти ее плаща, сделала над собой усилие, преодолевая нерешительность, и сказала небрежным тоном:

— Если все дело заключается только в том, чтобы восстановить ваше состояние, Филипп, то почему бы вам не жениться на мне? У меня куча денег, и это не те деньги, которые всегда рискуешь потерять в случае неурожая. У меня хорошее, надежное торговое предприятие, которое будет развиваться и дальше.

— Жениться на вас? — повторил он.

Его изумление было неподдельным. Он разразился неприятным смехом.

— Мне? Жениться на лавочнице, торгующей шоколадом? — сказал он с выражением крайнего презрения.

Анжелика вспыхнула до корней волос. Этот проклятый Филипп всегда обладал даром уничтожить ее под тяжестью стыда и гнева. Сверкая глазами, она сказала:

— Можно подумать, что я предлагаю смешать королевскую кровь с кровью простолюдина! Не забывайте, что мое имя Анжелика де

Ридуэ де Сансе де Монтелу. Моя кровь так чиста, как и ваша, дорогой кузен, и даже более древняя, потому что моя семья ведет начало от первых Капетов, в то время как вы, по мужской линии, можете похвастаться только каким-то незаконнорожденным отпрыском Генриха II.

Он долго смотрел на нее немигающим взглядом; в его светлых глазах, казалось, появилось заинтересованное выражение.

— Вы уже однажды говорили мне что-то в этом роде. Это было в Монтелу, в этой вашей осыпающейся твердыне. Меня ждал у подножья лестницы злобный маленький ужас в лохмотьях, сообщивший, что ее кровь гораздо древнее моей. Ох, это было ужасно забавно и нелепо.

Анжелика снова увидела себя в ледяном коридоре Монтелу, смотрящей на Филиппа снизу вверх. Она вспомнила, как холодны были ее руки, как пылала ее голова, как болел живот, когда она наблюдала за ним, спускавшимся по большой каменной лестнице. Все ее юное тело, терзаемое тайной наступившей зрелости, трепетало при виде прекрасного юноши. Она упала в обморок. Когда она пришла в себя в своей большой кровати, мать объяснила ей, что она теперь уже не маленькая девочка, и что с ней случилось нечто новое.

То, что Филипп оказался каким-то образом замешанным в эти первые проявления ее женской природы, действовало на нее даже в последующие годы. Да, это было нелепо, как он сказал. Но не лишено блаженства.

Она посмотрела на него с неопределенным выражением и сделала попытку улыбнуться. Так же, как и в тот давно прошедший вечер, она была готова трепетать перед ним. Она прошептала тихо и умоляюще:

— Филипп, женитесь на мне. Вы получите столько денег, сколько захотите. Я благородного происхождения. Люди скоро забудут о моей торговле. Кроме того, в наше время многие дворяне уже не считают зазорным для себя заниматься каким-нибудь делом. Мсье Кольбер говорил мне...

Она остановилась. Он не слушал. Вероятно, он думал о чем-нибудь другом... или ни о чем. Если бы он спросил ее: «Почему вы хотите выйти за меня?» — она закричала бы: «Потому что я люблю вас!» В эту минуту она поняла, что любит его той же томительной,

наивной любовью, которая осветила ее детство. Но он ничего не говорил. Поэтому она неуклюже продолжала, вне себя от отчаяния:

— Поймите меня... Я хочу снова обрести свое место, иметь имя, великое имя... быть представленной ко двору... в Версале...

Именно это ей не следовало говорить ему. Она немедленно пожалела о вырвавшемся у нее откровении, но понадеялась, что он не слышал его. Но он пробормотал с едва заметной улыбкой:

— Кто-то наверняка может рассматривать замужество не как денежное дело!

Потом тем же тоном, каким он отказывался от протянутой коробки конфет, добавил:

— Нет, моя дорогая, право же, нет...

Она поняла, что его решение было окончательным и непоколебимым. Она проиграла.

Через несколько минут Филипп заметил, что она не ответила на приветствие мадемуазель де Монпансье.

Анжелика увидела, что их карета возвращается к аллеям Кур-ля-Рен, где теперь царило оживление. Она начала машинально отвечать на поклоны и приветствия. Ей казалось, что солнце померкло, а жизнь имеет вкус пепла. Она почти теряла рассудок при мысли о том, что Филипп сидит с ней рядом, и что это обезоруживает ее. Что она еще могла сделать? Ее аргументы, ее страсть, соскальзывая с него, как будто он был закован в гладкий, холодный панцирь, не достигали его. Нельзя заставить человека жениться на вас, если он не любит и даже не желает вас, и если его собственные интересы вполне могут быть удовлетворены другим способом. Может быть, только страх мог подействовать на него. Но какой страх может поразить этого бога Марса?

— Вот и мадам де Монтеспан, — продолжал Филипп. — Она вместе со своей сестрой, аббатисой, и мадам де Тианже. Они и в самом деле блестящие создания.

— Я полагала, что мадам де Монтеспан в Руссильоне. Она упростила мужа увезти ее туда, чтобы избавиться от своих кредиторов.

— Насколько я могу судить по состоянию ее кареты, кредиторы позволили уговорить себя. Вы обратили внимание на то, как прекрасен бархат? Только почему он черный? Это такой зловещий цвет.

— Монтеспаны все еще наполовину соблюдают траур по своей матери.

— Меньше, чем наполовину. Прошлой ночью мадам де Монтеспан танцевала в Версале. Это был первый раз после смерти королевы-матери, когда мы смогли немного повеселиться. Король пригласил танцевать мадам де Монтеспан.

Анжелика сделала над собой усилие, чтобы спросить, означает ли это, что мадемуазель де Ла Вальер скоро потеряет благосклонность короля. Она с большим трудом поддерживала этот светский разговор. Ей было в высшей степени наплевать на то, станет ли мсье де Монтеспан рогоносцем, а ее неустрашимая подруга — любовницей короля.

— Вам машет Его Высочество принц, — сказал Филипп немного погодя.

Анжелика движением веера ответила на приветствие принца, который махал ей своей тростью из окна кареты.

— Вы и в самом деле единственная женщина, которой Монсеньор оказывает какое-то внимание, — заявил маркиз с легкой усмешкой, то ли издевательской, то ли восхищенной, понять было трудно. — С самой смерти дорогой подруги, мадемуазель дю Виже, он клянется, что ни разу не потребовал от женщины ничего, кроме чисто чувственного удовольствия. Он сам сделал мне это признание. Что касается меня, я не могу понять, что же он мог требовать от них раньше.

Потом, вежливо зевнув, добавил:

— Он хочет теперь только одного: получить командование. С тех пор, как он узнал о том, что ходят разговоры о военной кампании, он ни разу не пропустил приема у короля и оплачивает свои долги золотыми пистоллями.

— Какой героизм! — усмехнулась Анжелика, вконец измученная усталым, изысканным тоном Филиппа. — И как далеко зайдет этот примерный придворный в стремлении вернуть себе милость короля?.. Подумать только, что было время, когда он пытался отравить короля и его брата!

— О чем вы говорите, мадам? — запротестовал Филипп. — Он и сам не отрицает, что восстал против монсеньора Мазарини. Ненависть

завела его дальше, чем он хотел. Но ему никогда не могла придти в голову даже мысль о покушении на жизнь короля!

— Ох, не изображайте из себя самую невинность, Филипп. Вы так же хорошо, как и я, знаете, что это правда, потому что заговор затевался в вашем собственном замке.

Последовала пауза, и Анжелика поняла, что попала в цель.

— Вы сошли с ума! — сказал Филипп приглушенным голосом.

Анжелика повернулась к нему. Неужели она так быстро нашла единственный способ испугать его?

Она увидела, что он побледнел, и его глаза смотрели на нее с выражением, по меньшей мере, внимательным. Она тихо сказала:

— Я была там. Я их слышала. Я их видела. Принца де Конде, монаха Экзили, герцогиню де Бофор, вашего отца и еще многих других, которые живы до сих пор и в настоящее время старательно кланяются и расшаркиваются в Версале. Я слышала, как они продавали себя господину Фуке.

— Это ложь!

Закрыв глаза, она начала декламировать:

— «Я, Луи II, принц де Конде, даю слово и гарантию господину Фуке в том, что я буду хранить верность только ему и никому больше, что я предоставляю в его распоряжение все свои крепости и фортификации, а также...»

— Замолчите! — крикнул он в ужасе.

— «Дано в Плесси-Бельер, 20 сентября 1649 года».

Она с ликованием заметила, что он побледнел еще сильнее.

— Маленькая дурочка, — сказал он, презрительно пожав плечами.

— Зачем вы выкапываете эти старые истории? Прошлое есть прошлое. Сам король не придаст им никакого значения.

— Король никогда не держал в руках эти документы. Он никогда не знал, до какой степени доходило предательство его людей.

Она замолчала, чтобы поприветствовать карету мадам д'Альбер, потом очень нежно продолжала:

— Прошло всего только пять лет, Филипп, с тех пор, как был вынесен приговор господину Фуке...

— Ну и что из того? К чему вы клоните?

— К тому, что король еще очень долго не сможет хорошо относиться к людям, чьи имена были связаны с господином Фуке.

— Он их не узнает. Документы уничтожены.

— Не все.

Молодой человек придвинулся поближе к ней на бархатном сиденье. Она мечтала, что он вот так придвинется и подарит ей поцелуй, но сейчас ситуация мало подходила для ухаживания. Он схватил ее запястье и так сжал его своей изящной рукой, что побелели суставы. Анжелика от боли закусил губы, но испытываемое ею удовольствие было сильнее боли. Она определенно предпочитала видеть его вот таким, грубым, неистовым, чем отдаленным, ускользящим, непроницаемым для любых атак в панцире своего презрения.

Под тонким слоем грима лицо маркиза дю Плесси было мертвенно-бледным. Он еще сильнее сжал ее руку.

— Шкатулка с ядом... — прошипел он. — Так это вы ее взяли!

— Да, это я.

— Маленькая шлюха! Я всегда был уверен, что вы что-то знаете. Мой отец не верил в это. Исчезновение шкатулки мучило его до самой его кончины. А это были вы! И эта шкатулка все еще у вас?

— Все еще у меня.

Он начал ругаться сквозь зубы. Анжелика подумала, что просто удивительно видеть, как эти прекрасные свежие губы извергают такой поток мерзких ругательств.

— Отпустите меня, — сказала она, — вы делаете мне больно.

Он медленно отодвинулся, но глаза его все еще сверкали от бешенства.

— Я знаю, — сказала Анжелика, — что вам хотелось бы причинить мне гораздо большую боль. Вам хотелось бы мучить меня до тех пор, пока я не замолчу навсегда. Но вы ничего этим не выиграете, Филипп. В тот же день, когда я умру, королю будет передано мое завещание, в котором он найдет все необходимые указания и пояснения о потайном месте, где можно найти документы.

Она с кривой улыбкой сняла с запястья золотую цепочку, звенья которой от жестокой хватки пальцев Филиппа впились в руку.

— Вы животное, Филипп, — беспечно сказала она. Потом она сделала вид, что смотрит в окно. Она была совершенно спокойна.

Заходящее солнце уже не бросало золотистые пятна сквозь зелень деревьев. Карета ехала обратно через Булонский лес. Было еще

довольно светло, но вскоре должна была опуститься ночь.

В воздухе чувствовалась сырость, и Анжелика замерзла. Удерживая дрожь, она повернулась к Филиппу. Он был белым и неподвижным, как статуя, но она заметила, что его белокурые усы стали влажными от пота.

— Я люблю принца, — сказал он. — И мой отец был честнейшим человеком. Вы не можете так поступить... Сколько денег вы хотите получить в обмен за эти документы? Я возьму в долг, если это будет необходимо.

— Мне не нужны деньги.

— Чего же вы тогда хотите?

— Я только что говорила вам, Филипп. Я хочу выйти за вас замуж.

— Никогда! — сказал он, отпрянув.

Неужели она до такой степени внушала ему отвращение? И однако их связывало нечто большее, чем ничего не значащий светский разговор. Разве он не искал ее общества? Разве это не отметила сама Нинон?

Они не нарушали молчания. И только когда карета остановилась перед Отелем Ботрейи, Анжелика поняла, что они уже в Париже. Было уже совсем темно. Молодая женщина не могла разглядеть лицо Филиппа. Это было к лучшему.

У нее хватило дерзости язвительно спросить:

— Итак, маркиз? Как далеко вы зашли в своих размышлениях?

Он пошевелился, как будто просыпаясь после дурного сна.

— Хорошо, мадам, я женюсь на вас! Будьте любезны явиться завтра поздно вечером в мой дом на улице Сен-Антони. Мы обсудим условия контракта с моим управляющим.

Анжелика не протянула ему руки на прощание. Она знала, что он не возьмет ее.

Она отказалась от легкого ужина, предложенного ей лакеем, и, вопреки обыкновению, не поднялась в детскую, а сразу скрылась в убежище своего китайского кабинета.

— Оставь меня, — сказала она Жавотте, которая пришла, чтобы помочь ей раздеться.

Оставшись одна, она задула свечу, потому что боялась увидеть в зеркале свое отражение. Долгое время она оставалась неподвижной,

стоя в темной оконной нише. Сквозь ночную темноту до нее доносился аромат цветов из ее прекрасного сада.

Караулил ли ее черный призрак Великого Хромого?

Она не хотела оглядываться, разбираться в своих чувствах. «Ты оставил меня одну! Что мне оставалось делать?» — крикнула она призраку своей любви. Она сказала себе, что скоро будет маркизой дю Плесси-Бельер, но не испытала при этом никакого восторга. Она чувствовала только усталость и опустошенность.

«То, что ты сделала — подло, отвратительно!..»

По ее щекам текли слезы, и, прижавшись лбом к оконной раме, с которой святотатственная рука сорвала герб графа де Пейрака, она плакала короткими, судорожными рыданиями, клянясь, что это будут последние слезы слабости в ее жизни.

Глава 30

Когда мадам Моран на следующий вечер явилась в дом на улице Сен-Антони, она уже в значительной мере обрела вновь самоуверенность. Она была твердо намерена не дать запоздалым сомнениям разрушить то, чего добилась поступком, на который было так трудно решиться. «Вино налито, его надо выпить», — сказал бы метр Буржую.

Поэтому она с невысоко поднятой головой вошла в гостиную, освещенную только огнем камина. В комнате никого не было. Она успела снять плащ, маску и подержать руки над огнем. Несмотря на то, что она не позволила себе хоть чем-нибудь выдать свое смятение, руки ее были ледяными, а сердце отчаянно билось.

Через несколько минут занавес на двери приподнялся, в комнату вошел пожилой, одетый в черное человек, и низко поклонился Анжелике. Она ни на одно мгновение не допускала в мыслях, что управляющим Плесси-Бельера все еще может быть мсье Молин. Узнав его теперь, она вскрикнула от радости и непроизвольным движением сжала обе его руки.

— Господин Молин!.. Возможно ли это? А что... о! Как я рада снова увидеть вас!

— Вы оказываете мне слишком большую честь, мадам, — ответил он, снова поклонившись. — Будьте любезны сесть вот в это кресло.

Сам он уселся около камина за маленький столик, на котором были разложены письменные принадлежности — бумага, чернильница и чашка с песком.

Пока он заострял перо, Анжелика, все еще не пришедшая в себя от удивления, пристально рассматривала его. Он постарел, но его черты остались такими же резкими, а глаза не утратили остроты и пытливости. Его волосы, на которые была надета черная матерчатая шапочка, стали совсем белыми. Анжелика не могла не представить рядом с ним крепкую фигуру своего отца, который часто сидел у огня в доме гугенота, обсуждая с ним будущее выводка наследников.

— Не можете ли вы сообщить мне новости о моем отце, господин Молин?

Управляющий сдул со стола обрезки гусиного пера.

— Его Светлость барон в добром здравии, мадам.

— А мулы?

— Они процветают. Я считаю, что ваш отец находит истинное удовлетворение в этом маленьком предприятии.

Анжелика села рядом с Молином, так же, как она сидела когда-то чистой молодой девушкой, немного непримиримой, но очень прямой. Молин устроил ее брак с графом де Пейраком. И вот теперь он появился снова, но на этот раз по поводу брака с Филиппом. Как паук, терпеливо плетущий сеть, Молин всегда оказывался замешанным в основу ткани ее жизни. Было так утешительно снова увидеться с ним. Не было ли это знаком того, что ее настоящее снова соединилось с ее прошлым? Мир ее родных мест, сила, возникающая из глубин ее семейного наследия, но одновременно и горести ее детства, усилия несчастного барона обеспечить свое потомство, непонятная щедрость Молина...

— Вы помните? — мечтательно спросила она. — Вы были там, в Монтелу, в ночь моей свадьбы. Я отнеслась к вам так неприветливо. И однако я была удивительно счастлива — благодаря вам.

Старик посмотрел на нее поверх больших очков в черепаховой оправе.

— Мы здесь для того, чтобы предаваться воспоминаниям о вашем первом замужестве, или для того, чтобы обсудить договор относительно второго?

Щеки Анжелики стали пунцовыми.

— Вы суровы, Молин.

— Вы тоже суровы, мадам, насколько я могу судить по тем методам, которыми вы вынуждаете моего молодого хозяина жениться на вас.

Анжелика глубоко вздохнула, но не отвела глаз. На этот раз она чувствовала себя совсем иначе, чем тогда, когда, сначала запуганным ребенком, потом бедной девушкой, она со страхом смотрела на всемогущего управляющего Молина, державшего в руках судьбу всей ее семьи. Теперь она была деловой женщиной, разговором с которой не гнушался сам господин Кольбер. Ее четкие аргументы обескураживали даже банкиров.

— Молин, однажды вы сказали мне: «Если хочешь достичь своей цели, ты должен быть готов принести для этого определенные жертвы». В данном случае я жертвую чем-то очень ценным для меня — чувством собственного достоинства... Но ничего! Я все-таки достигла своей цели.

Тонкие губы управляющего раздвинулись в улыбке.

— Если мое скромное одобрение может хоть сколько-то утешить вас, мадам, то считайте, что вы его получили.

Теперь настала очередь Анжелики улыбнуться. Они с Молином всегда понимали друг друга. Это придало ей мужества.

— Мадам, — продолжал он, — давайте будем краткими. Маркиз дал мне понять, что на карту поставлены очень серьезные вещи. Вот почему я должен объявить вам несколько условий, которым вы должны будете подчиниться. После этого вы назовете свои условия. Затем я составлю контракт и прочитаю его в присутствии обеих сторон. Прежде всего, мадам, вы должны поклясться на распятии, что вам действительно известно тайное местонахождение некой шкатулки, которую желает получить его светлость. Только после этой клятвы документы будут представлять какую-то ценность.

— Я готова это сделать, — подтвердила Анжелика, протягивая руку.

— Через несколько минут сюда прибудет господин дю Плесси со своим капелланом. Тем временем давайте выясним положение. Будучи убежденным в том, что мадам Моран владеет секретом, который в высшей степени интересует его светлость, маркиз дю Плесси-Бельер согласен жениться на мадам Моран, урожденной Анжелике де Сансе де Монтелу, на следующих условиях: как только брак будет заключен, то есть сразу после венчания, вы обещаете расстаться с вышеупомянутой шкатулкой в присутствии двух свидетелей, которым, по всей вероятности, будут капеллан, совершивший обряд венчания, и я, ваш покорный слуга. Кроме того, его светлость требует, чтобы ему была предоставлена свобода при распоряжении вашими деньгами.

— О! Одну минуточку! — быстро сказала Анжелика. — Маркиз получит в свое распоряжение столько денег, сколько он пожелает, и я готова, кроме того, установить сумму, которую я буду выплачивать ему ежегодно. Но я останусь единственной владелицей и управителем всех своих предприятий. Я отказываюсь передать ему какую-нибудь долю в

управлении делами, потому что ни в коей мере не хочу снова оказаться в нищете. Я знаю, какими способностями к мотовству обладают вельможи!

Молин несколько строчек вычеркнул и что-то вписал. Затем он попросил Анжелику по возможности подробнее описать состояние своих предприятий. Она с гордостью рассказала управляющему о своих делах, довольная тем, что она оставалась на высоте в споре с ним, и упомянула важных персон, которые могли подтвердить ее слова: пробивая себе дорогу в запутанном лабиринте финансов и коммерции, она узнала, что слова хороши только тогда, когда они могут быть подкреплены неопровержимыми фактами. Она заметила оттенок восхищения во взгляде старого лиса, когда объяснила ему свое положение и то, как она его достигла.

— Согласитесь, что я не так уж плохо потрудились, господин Молин, — заключила она.

Он кивнул.

— Ваши заслуги трудно отрицать. Я должен признать, что дела ведутся достаточно умело. Но, конечно, все зависит еще от того, сколько вы имели в своем распоряжении в самом начале.

Анжелика коротко, горько рассмеялась.

— В начале?.. Я не имела ничего, Молин, меньше, чем ничего. Бедность, в которой мы жили в Монтелу, ничто по сравнению с тем, что я узнала после смерти графа де Пейрака.

После упоминания этого имени они оба надолго замолчали. Увидев, что огонь почти погас, Анжелика взяла полено из стоявшей рядом подставки для дров и сунула его в камин.

— Я должен рассказать вам о вашем руднике в Аржантьере, — сказал наконец Молин все тем же невозмутимым тоном. — Он очень помог в последние годы вашей семье, но будет только справедливо, если с этого времени доходами с него будете пользоваться исключительно вы и ваши дети.

— Значит, этот рудник не был конфискован, как все остальное имущество графа де Пейрака?

— Он избежал алчности королевских инспекторов. Кроме того, рудник является вашим приданым. Его легальная принадлежность остается несколько двусмысленной...

— Так же как и все, что попадает вам в руки, метр Молин, — сказала Анжелика, смеясь. — Вы обладаете талантом служить сразу нескольким хозяевам.

— Совсем нет! — запротестовал управляющий. — У меня нет нескольких хозяев, мадам, у меня несколько деловых предприятий.

— Я уловила эту тонкую разницу, метр Молин. Так что давайте перейдем к делам дю Плесси-Бельера младшего. Я согласна со всеми условиями, которые касаются передачи мною шкатулки. Я готова выделить необходимую сумму для предоставления ее ежегодно его светлости. В обмен за это я требую, чтобы он женился на мне, чтобы я была признана маркизой и владелицей всех имений и титулов, принадлежащих моему мужу. Я также «требую, чтобы я была представлена всем его родственникам и друзьям, как его законная жена. Далее, я требую, чтобы два моих сына нашли теплый прием и покровительство в доме их отчима. В заключение мне хотелось бы узнать о ценности имений, которые находятся во владении маркиз?

— Хмм!.. Боюсь, мадам, что вы найдете здесь мало утешительного. Не стану скрывать от вас тот факт, что мой хозяин погряз в долгах. Кроме своего городского дома, он владеет двумя замками, один из которых находится в Турени и перешел к нему от матери, другой — в Пуату. Но оба поместья заложены.

— Может быть, вы не слишком усердно занимались делами хозяина, господин Молин?

— Увы, мадам! Даже сам мсье Кольбер, который работает по пятнадцать часов в сутки, не может ничего сделать с расточительностью короля, которая сводит на нет все расчеты его министра. Точно так же и маркиз безрассудно проматывает доходы, уже и так значительно уменьшившиеся из-за роскошного образа жизни его отца, в военных кампаниях или дворцовых похождениях. Король несколько раз делал ему подарки в виде официальных постов, которые могли бы приносить финансовую выгоду. Но он спешил поскорее продать их, чтобы заплатить карточный долг или купить новый экипаж. Нет, мадам, дела Плесси-Бельер для меня не представляют никакого интереса. Я занимаюсь ими... по сентиментальной привычке. Позвольте мне теперь записать ваши условия, мадам.

Несколько минут в комнате слышался только скрип пера.

«Когда я выйду замуж, — размышляла Анжелика, — Молин станет и моим управляющим. Как странно! Я никогда не могла и подумать об этом. Он определенно попытается сунуть свой длинный нос в мои дела. Мне придется быть настороже. Но, вообще-то говоря, это прекрасно. Я найду в нем великолепного советника».

— Могу ли я взять на себя смелость предложить дополнительный пункт контракта? — спросил Молин, подняв голову.

— В мою пользу, или в пользу вашего хозяина?

— В вашу.

— Я полагала, что вы представляете интересы господина дю Плесси?

Старик улыбнулся, ничего не ответив, и снял свои очки. Потом он откинулся на спинку кресла и посмотрел на Анжелику тем же живым и пронизательным взглядом, каким смотрел когда-то, десять лет назад, когда он сказал ей: «Я думаю, что знаю вас, Анжелика, и поэтому буду говорить с вами иначе, чем с вашим отцом...»

— Я думаю, — сказал он, — что ваш брак с моим хозяином — хорошее дело. Я не верил, что когда-нибудь снова увижусь с вами. Но вот вы здесь, вопреки всякой вероятности, и господин дю Плесси взял на себя обязательство жениться на вас. Если говорить по справедливости, я не имел ничего общего с обстоятельствами, которые способствовали этому союзу. Но теперь дело заключается в том, как сделать этот союз удачным: это в интересах моего хозяина, в ваших интересах и, в сущности, в моих, потому что счастье хозяев гарантирует счастье для их слуг.

— Я с вами абсолютно согласна, Малин. Так в чем же заключается этот новый пункт?

— В том, что вы должны потребовать завершения брака...

— Завершения брака? — повторила Анжелика, широко раскрыв глаза, как девочка, только что вышедшая из монастыря.

— Ну да, мадам... я надеюсь, вы поняли, что я имею в виду.

— Да... я поняла, — с запинкой пробормотала Анжелика, приходя в себя. — Но вы меня удивили. Ведь это же очевидно, что выходя замуж за господина дю Плесси...

— Это совсем не очевидно, мадам. Взяв вас в жены, маркиз отнюдь не заключает брака по любви. Я мог бы даже сказать, что он заключает брак по принуждению. Будет ли для вас большим

сюрпризом, если я скажу вам, что чувства, которые вы вызвали в господине дю Плесси, весьма далеки от любви и гораздо более похожи на гнев и даже ярость?

— Могу себе представить, — пробормотала Анжелика, пожав плечами, как надеялась, с небрежным видом.

Но она испытала острую боль. Она неистово воскликнула:

— Ну и что?.. Почему я должна заботиться о том, любит он меня или нет? Все что мне от него надо — это его имя и титул. Остальное меня не интересует. Он может презирать меня и спать с деревенскими девками, если ему это угодно. Я не собираюсь бегать за ним!

— Вы глубоко заблуждаетесь, мадам. Мне кажется, вы просто не очень хорошо знаете мужчину, за которого собираетесь выйти замуж. В настоящее время ваша позиция очень сильна, поэтому вы считаете его слабым. Но позднее вам придется тем или иным способом взять над ним верх. Иначе...

— Иначе?..

— Вы будете очень несчастны.

Лицо молодой женщины окаменело, и она сказала сквозь стиснутые зубы:

— Я уже была очень несчастна, Молин. У меня нет желания начинать все сначала.

— Вот поэтому я и предлагаю вам способ самозащиты. Послушайте меня, Анжелика, я достаточно стар, чтобы говорить с вами напрямик. После того, как ваш брак будет заключен, вы уже не будете иметь никакой власти над Филиппом дю Плесси. Деньги, шкатулка, все будет принадлежать ему. Призывы к его сердцу не оказывают на него никакого действия. Поэтому вы должны подчинить его с помощью чувств.

— Это опасная власть, господин Молин, и очень непрочная.

— Это власть. И вы вполне можете сделать ее прочной.

Анжелика была глубоко тронута. Она не испытала ни малейшего смущения, услышав такой совет из уст строгого гугенота. Вся личность Молина была насыщена хитрой пронизательностью, он никогда не обращал внимания на законы и правила, а руководствовался для достижения своих целей только неустойчивостью человеческой природы. Молин, безусловно, был прав и на этот раз. Анжелика внезапно вспомнила минутные приступы страха, которые вызывал в

ней Филипп, и то чувство беспомощности, которое она испытывала перед его безразличием и ледяным спокойствием. Она знала, что, втайне от себя самой, рассчитывала на брачную ночь, чтобы поработить его. В конце концов, женщина, когда она держит мужчину в объятиях, всегда обладает огромной силой. В этот момент мужская настороженность уступает и сдается перед соблазном чувственного удовольствия. Умная женщина знает, как воспользоваться этим моментом. Позже мужчина все равно вернется к источнику наслаждения, даже вопреки самому себе. Анжелика знала, что как только прекрасное тело Филиппа сольется с ее телом, как только его свежие, упругие губы найдут ее рот, она станет самой послушной и умелой любовницей. В этой любовной схватке они обретут взаимопонимание, которое Филипп, может быть, и постарается забыть, когда наступит утро, но которое, тем не менее, свяжет их теснее, чем любые, самые пылкие заявления.

Ее несколько отсутствующий взгляд вернулся к Молину. Он должно быть, понял по лицу ход ее мыслей, потому что слегка улыбнулся несколько иронической улыбкой и сказал:

— Я также считаю, что вы достаточно красивы, чтобы иметь шанс на победу. Но чтобы выиграть, надо... иметь возможность сыграть. Что, впрочем, совсем не означает, что вы обязательно выиграете в первом же круге.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мой хозяин не любит женщин. У него, конечно, бывают интрижки, но женщины для него — горький, тошнотворный плод.

— И однако ему приписывают громкие любовные истории. А эти его знаменитые оргии во время военных кампаний, в Норгене, например...

— Это просто реакция солдата, опьяненного войной. Он берет женщин так же, как поджигает дом, как протыкает шпагой живот ребенка, — для того, чтобы причинять зло.

— Молин, вы говорите ужасные вещи!

— Я не хочу пугать вас, хочу только предупредить. Вы происходите из благородной, но здоровой, простой семьи. Вы, как мне кажется, не имеете никакого представления о том образовании, которое получает молодой господин, родители которого очень богаты и живут в соответствии с духом времени. С самого детства он служит

игрушкой для лакеев и горничных, а потом для дворян, которым его отдают в качестве пажа. Согласно итальянским обычаям, его научили...

— Ох! Замолчите. Все это ужасно неприятно, — пробормотала Анжелика, отводя глаза в крайнем смущении.

Молин не настаивал и снова надел свои очки.

— Так добавить мне это условие?

— Добавляйте все, что вы сочтете нужным, Молин. Я...

Она замолчала, потому что услышала, что дверь отворилась. В полутьме гостиной фигура Филиппа, одетого в светлый атлас, вначале казалась снежной статуей, потом приобрела более отчетливые очертания. Светлый и белокурый, весь в золоте, молодой человек как будто собрался на бал. Он приветствовал Анжелику с надменным безразличием.

— Как далеко, Молин, вы зашли в ваших переговорах?

— Мадам Моран вполне согласна принять все предложенные условия.

— Вы готовы поклясться на распятии, что действительно знаете место, где спрятана шкатулка?

— Я могу в этом поклясться, — сказала Анжелика.

— В таком случае мы можем приступить, господин Каре... Капеллан, чья худая, черная фигура была совсем не видна из-за хозяина, теперь выступил вперед. Он держал распятие, на котором Анжелика поклялась, что знает тайник, где спрятана шкатулка, и обязуется передать ее господину дю Плесси сразу после венчания. После этого Молин объявил сумму, которую Анжелика должна будет потом передать мужу. Цифра была весьма внушительной. Анжелика слегка поморщилась, но не подала виду: если ее дела и впредь будут процветать и укрепляться, ей будет совсем не трудно выполнять свои денежные обязательства. С другой стороны, когда она станет маркизой дю Плесси, она посмотрит, как извлечь максимальную прибыль из двух имений Филиппа.

Филипп не сделал никаких возражений. Он сохранял вид глубокой скуки.

— Очень хорошо, Молин, — сказал он, подавляя зевоту. — Попробуйте, по возможности, скорее покончить с этим неприятным делом.

Управляющий кашлянул и смущенно потер руки.

— Есть еще одно условие, ваша светлость, которое мадам Моран, здесь присутствующая, попросила включить в контракт. Вот оно: все финансовые условия вступают в силу только после того, как брак будет завершен.

Филипп, казалось, не сразу понял, о чем идет речь, потом побагровел.

— Ну, знаете! — сказал он. — Ну, знаете!..

Он настолько лишился дара речи, что Анжелика почувствовала к нему странную жалость и нежность, которые иногда он вызывал в ней.

— Ну, это уж предел всему! — выдохнул он наконец. — Бесстыдство, соединенное с наглостью!

Он был теперь белым от ярости.

— А не можете ли вы сказать мне, Молин, как я должен доказать миру, что я оказал честь ложу этой персоны? Нарушив девственность потаскухи, которая имеет уже двоих детей и повалялась по кроватям всех мушкетеров и финансистов королевства?.. Представ перед судом закона, как этот болван Ланже, который должен был доказать мужские способности в присутствии десяти свидетелей? Мадам Моран уже подобрала свидетелей, которые будут участвовать в этой церемонии?

Молин сделал успокаивающий жест обеими руками.

— Я не могу понять, ваша светлость, почему это условие привело вас в такое состояние. На самом деле оно, если вы мне позволите высказать мое мнение, скорее... в интересах ваших, так же, как и вашей жены. Ведь если вы, под влиянием плохого настроения или из-за понятной обиды станете пренебрегать супружескими обязанностями, мадам Моран будет вынуждена через несколько месяцев потребовать расторжения брака и вовлечет вас в смехотворный и дорогостоящий судебный процесс. Я член реформистской общины, но я знаю, что незавершение брака является одной из причин развода, признанных церковью. Не так ли, господин кюре?

— Совершенно верно, господин Молин, протестантская и католическая женитьба имеют одну-единственную цель: продолжение рода.

— Вот так! — медленно сказал управляющий. Анжелика, хорошо знавшая его, была единственной, кто уловил его иронию. — А что касается доказательства ваших добрых намерений, — продолжал он с лукаво-заискивающим выражением, — я думаю, что самым лучшим

доказательством было бы, если бы ваша жена в скором времени подарила вам наследника.

Филипп повернулся к Анжелике, которая старалась во время этого разговора сохранять бесстрастный вид. Однако, когда он посмотрел на нее, она не смогла удержаться и подняла на него глаза. Суровое выражение его прекрасного лица вызвало у нее непроизвольную дрожь, которая отнюдь не была дрожью наслаждения.

— Ну что ж, хорошо, — медленно сказал Филипп, и его губы искривились в жестокой улыбке. — Мы сделаем все необходимое, Молин, мы сделаем все необходимое...

Уходя, Филипп сообщил ей, что свадьба состоится в Плесси. Он не собирается обставлять эту церемонию с большой торжественностью. Это вполне устраивало Анжелику, потому что она таким образом получала возможность достать знаменитую шкатулку, не привлекая при этом к себе особого внимания. Временами у нее выступал холодный пот при мысли о том, что шкатулка, быть может, уже не лежит в том месте, в маленькой башенке замка. Кто-нибудь мог обнаружить ее. Но это было маловероятным. Кому придет в голову мысль ползти по карнизу, недостаточно широкому даже для ребенка, только для того, чтобы заглянуть внутрь ничем не примечательной маленькой башенки? Она знала также, что за эти годы замок дю Плесси не перестраивался. Поэтому все говорило за то, что она сможет получить предмет, который был главной ставкой ее триумфа. В час своей свадьбы она сможет передать ее Филиппу.

Подготовка к отъезду в Пуату была лихорадочной. Она брала с собой Флоримона с Кантором, так же, как и всех своих домочадцев: Барбу, Флипо, собак, обезьянку, попугаев. Свита Филиппа должна была следовать отдельно.

Сам Филипп сохранял невозмутимый вид, оставаясь вдалеке от этой суматохи. Он продолжал посещать все дворцовые приемы и праздники. Когда кто-нибудь намекал ему насчет его предстоящей женитьбы, он с удивленным видом приподнимал брови, а затем восклицал презрительным, высокомерным тоном: «Ах, да! В самом деле!»

Анжелика ни разу не виделась с ним в течение последней недели. Он передавал ей свои распоряжения в кратких записках, пересылаемых с Молином. Она должна будет выехать в такой-то и

такой-то день. Он встретит ее тогда-то. Он прибудет вместе с аббатом и Молином. Свадьба состоится сразу же.

Анжелика повиновалась ему, как послушная жена. Позже она посмотрит, как заставить этого молокососа сменить тон. В конце-то концов, она приносила ему целое состояние и отнюдь не разбивала его сердца разлукой с мадемуазель Ламе-нон. Она заставит его понять, что, несмотря на то, что вынуждена поступить несколько жестоко, в целом их союз выгоден им обоим, и что его упорное нежелание помириться просто смешно.

Испытывая одновременно и облегчение, и обиду оттого, что не видела его, Анжелика старалась как можно меньше думать о своем женихе. «Проблема Филиппа» была похожа на острый шип, мешавший ее счастью, и когда она начинала думать о нем, то понимала, что боится. Поэтому лучше всего было совсем не думать об этом.

Экипажи менее чем за три дня преодолели расстояние между Парижем и Пуатье. Дороги были скверными, к тому же их еще размыли весенние дожди, но обошлось без происшествий, если не считать оси, сломавшейся уже около Пуатье. Путешественники задержались в городе на двадцать четыре часа. Два дня спустя, утром, Анжелика начала узнавать местность. Они были недалеко от Монтелу. Она сделала усилие над собой, преодолевая желание побежать сразу к себе домой, потому что дети устали и были грязными. Накануне они провели ночь в мерзкой гостинице, наводненной блохами и крысами. Чтобы найти необходимый комфорт, надо было добраться до Плесси.

Обняв одной рукой плечи сыновей, Анжелика с восторгом вдыхала чистый воздух цветущих деревенских просторов. Она удивлялась, как она могла так долго жить в городе, подобном Парижу. Она то и дело вскрикивала от радости и называла деревушки, мимо которых они проезжали, и каждая из которых напоминала ей о каком-нибудь инциденте из ее детства. Она несколько дней подробно рассказывала сыновьям о Монтелу и об удивительных играх, в которые там можно играть. Флоримон и Кантор знали все о подземном ходе, что служил ей пещерой ведьмы, или о чердаке с его восхитительными закоулками и трещинами.

Наконец вдали показался Плесси, белый и таинственный, стоящий на краю пруда. Анжелике, которая теперь была знакома с самыми

роскошными домами и дворцами Парижа, он показался меньше, чем его образ, сохраняемый в памяти. Их встретили несколько слуг. Несмотря на то, что хозяева Плесси надолго забывали о далеком деревенском имении, замок был в хорошем состоянии благодаря стараниям Молина, заботившемся о своевременном ремонте. Курьер, присланный неделю назад, приказал открыть все окна, и свежий запах воска, которым натерли полированную мебель, смешивался с затхлым запахом старых гобеленов. Но Анжелика не испытала ожидаемого удовольствия. Ее чувства словно притупились.

Вероятно, ей нужно было бы залиться слезами, или начать танцевать, или кричать, или целовать Флоримона и Кантора. Но она не могла позволить себе ничего подобного, как будто ее сердце умерло. Переполненная чрезвычайным волнением из-за своего возвращения, она потеряла способность как-то выразить его.

Она спросила, где могут отдохнуть ее дети, сама занялась их устройством на новом месте и оставила их только после того, как убедилась, что они вымыты, переодеты в чистое и уселись за легкую трапезу из молока и пирожных.

После этого она попросила показать ей комнату в северном крыле замка, которую велела приготовить для себя, — комнату принца де Конде.

Ей еще пришлось принимать услуги Жавотты и отвечать на приветствия двух лакеев, которые принесли две лохани с горячей водой в смежную с ее комнатой ванную. Задумавшись, она машинально ответила этим бедным парням, с трудом изъяснявшимся на французском, на их родном диалекте. Они в изумлении раскрыли рты, услышав, как дама, приехавшая из Парижа, в экстравагантном платье, говорит на их родном языке так, как будто узнала его еще в колыбели.

— Но это так и есть! — смеясь, сказала им Анжелика. — Разве вы меня не узнали? Я — Анжелика де Сансе. А ты — Гилло, я помню тебя, ты из деревни Мабье, около Монтелу.

Человек по имени Гилло, с которым она когда-то устраивала набеги на ежевичные и клюквенные поляны в ясные солнечные дни, блаженно улыбнулся.

— Так это вы, мадам, вышли замуж за нашего хозяина?

— Совершенно верно.

— Ну, это доставит всем в округе огромную радость. Мы все гадали о том, кто будет нашей новой хозяйкой.

Значит, деревенским людям даже не было ничего объявлено. Вернее, им сказали неправду, потому что они считали, что она уже замужем.

— Жаль, что вы не подождали до приезда сюда, — продолжал Гилло, покачивая кудрявой головой. — Здесь можно было бы устроить такую прекрасную свадьбу!

Анжелика не посмела уличить Филиппа во лжи, сказав этому неуклюжему увальню Гилло, что свадьба, действительно, состоится в Плесси, и что она, со своей стороны, предвкушала праздник, на котором она сможет увидаться со старыми деревенскими друзьями.

— Праздник все равно состоится, — пообещала она.

Потом она поторопила Жавотту, чтобы та скорее раздела ее. После того, как маленькая горничная удалилась, Анжелика, закутавшись в шелковый пеньюар, вышла на середину комнаты.

Обстановка не изменилась за эти десять лет, но Анжелика теперь видела ее уже не глазами маленькой девочки. Она подумала, что тяжелая мебель из черного дерева в голландском стиле и массивная кровать с балдахином выглядят несколько старомодными.

Молодая женщина подошла к окну и открыла его. Увидев, как узок карниз, на который она когда-то так легко забралась, она застыла в ужасе.

«Я стала слишком толстой, я никогда не смогу доползти до башенки», — подумала она с отчаянием.

А люди обычно восхищались ее изящной фигурой... В этот вечер Анжелика отчетливо поняла, как неумолимо бежит время. Она не только потеряла былую легкость, но ей теперь недоставало также и былой ловкости и решимости. В конце концов она решила призвать на помощь Жавотту.

— Жавотта, дитя мое, ты тонкая, маленькая и гибкая, как тростинка. Попытайся залезть на этот карниз и добраться вон до той башенки. И постарайся не упасть!

— Да, мадам, — ответила Жавотта, которая с радостью пролезла бы через игольное ушко, для того, чтобы доставить удовольствие госпоже.

Высунувшись из окна, Анжелика с беспокойством следила за продвижением девочки.

— Загляни внутрь башенки. Видишь там что-нибудь?

— Я вижу что-то темное, какую-то коробку, — быстро ответила Жавотта. Анжелика закрыла глаза и прислонилась к косяку окна.

— Все правильно. Возьми ее и осторожно принеси мне.

Через несколько минут Анжелика уже держала в руках шкатулку монаха Экзили. Ее покрывала корка земли, смешанной с плесенью. Но это была та самая шкатулка из сандалового дерева, и ни время, ни сырость не повредили ее.

— Теперь иди, — сказала Анжелика безжизненным голосом. — И никому не говори о том, что ты только что сделала. Если ты будешь держать язык за зубами, я подарю тебе чепчик и новое платье.

— О, мадам! Ну кому же я могу что-то рассказать? — возразила Жавотта. — Я даже не понимаю язык, на котором говорят здесь.

Анжелика очистила шкатулку от грязи. Ей пришлось повозиться с заржавевшим замком. Наконец, крышка открылась, и на подстилке из листьев блеснула изумрудом бутылочка с ядом. Посмотрев на нее, она снова закрыла шкатулку. Где бы спрятать ее до прибытия Филиппа, до того момента, когда она должна будет вручить ему ее в обмен на обручальное кольцо? Она сунула ее в письменный стол, из которого и взяла так безрассудно когда-то. Это было более пятнадцати лет назад. «Если бы я только знала!» — сказала она себе.

Спрятав ключ от письменного стола в корсаже, она с отчаянием огляделась вокруг. Это место не принесло ей ничего, кроме горя. Из-за совершенной ею пустячной кражи был осужден Жоффрей, ее единственная любовь, разбита жизнь...

Она заставила себя лечь. Но как только щебетанье детских голосов на лужайке сообщило ей о том, что дети уже встали, она спустилась к ним и вместе с Барбой, Жавоттой и Флипо посадила их в старую двуколку, которой решила управлять сама. И они отправились в Монтелу.

Солнце уже садилось, отбрасывая шафрановые блики на бескрайние зеленые поля, где паслись мулы. Осушение вересковых болот изменило ландшафт. Королевство бесконечных водных протоков с нависающими над ними зелеными арками отступило к западу.

Но когда они переехали через подъемный мост, где, как и в старые дни, расхаживали индюки, Анжелика увидела, что старый замок ее детства не изменился. Барон де Сансе, несмотря на относительное процветание, которым он наслаждался в последние годы, не занимался ремонтом, в котором нуждалось осыпающееся старое здание. Стены, покрытые ковром зеленого плюща, все так же были изъедены временем, а главный вход по-прежнему проходил через кухню.

Они нашли старого барона рядом с Фантиной, которая чистила лук. Старая няня была такой же высокой и живой, как и прежде, но у нее выпали все зубы, а ставшие белыми, как снег, волосы делали ее смуглое лицо еще более похожим, чем в прошлом, на лицо мавританки.

Анжелика не могла понять, показалось ли ей, или на самом деле радость, с которой приветствовали ее отец и старуха, была несколько натянутой, в ней чувствовалась какая-то неловкость. Они, конечно, горевали о ней, в этом не было никакого сомнения, но их жизнь продолжалась без нее, и теперь она должна была заново найти себе место в ней.

Неловкость была сглажена присутствием Флоримона и Кантора. Няня заплакала, прижав к сердцу «этих очаровательных малюток». Не прошло и трех минут, как у обоих детей щеки стали пунцовыми от поцелуев, а руки были наполнены орехами и яблоками. Кантор залез на стол и исполнил весь свой репертуар песен.

— А старая дама Монтелу, привидение, еще ходит по замку? — спросила Анжелика.

— Я уже давно не видела ее, — сказала няня, покачав головой. — С тех пор как Жан-Мари, самый младший, уехал в коллеж, она больше не появлялась. Я всегда думала, что она ищет ребенка...

В темном зале перед станком, на котором она ткала гобелены, все еще сидела тетушка Жанна, похожая на толстого паука, ткущего паутину.

— Она совсем не слышит, и с головой у ней не все ладно, — объяснил барон.

Однако, посмотрев на Анжелику, старуха спросила квакающим голосом:

— А Хромой Мужчина тоже вернулся обратно? Я думала, что он сожжен?

Это было единственным намеком, который Анжелика услышала в Монтелу относительно своего первого брака. Казалось, все предпочитали забыть об этом периоде ее жизни. Старый барон, по видимому, не задавал себе на этот счет никаких вопросов. По мере того, как его дети вырастали, уходили от него, выходили замуж, женились, возвращались обратно или нет, они занимали его ум все меньше. Он много говорил о Дени, офицере, и о Жан-Мари, самом младшем. Но он не вспоминал об Ортанс и явно не имел ни малейшего представления о том, что стало с Гонтраном. В сущности, главной темой разговоров были, как всегда, его мулы.

Пробежавшись по всему замку, Анжелика повеселела. Монтелу остался прежним. Все здесь было немного печальным, немного обветшавшим, но таким настоящим и искренним!

Она пришла в восторг, увидев, что ее дети сидят на кухне так, как будто они и родились здесь, и росли среди запахов капустного супа под рассказы старой Фантины. Они начали умолять ее остаться на ужин и заночевать. Но Анжелика отвезла их обратно в Плесси, потому что боялась, что в любую минуту может прибыть Филипп, а ей хотелось встретить его на месте.

На следующий день не прибыл курьер, который должен был оповестить о его предстоящем приезде, и она вернулась к отцу одна. Она обошла с ним все имение, и он показал ей свои нововведения.

День был прекрасным, напоенным ароматом цветов. Анжелике захотелось петь. Когда они окончили прогулку, барон внезапно остановился и начал пристально смотреть на дочь. Потом он вздохнул.

— Так ты вернулась, Анжелика? — спросил он.

Он положил руку на плечо молодой женщины и с влажными от слез глазами несколько раз повторил:

— Анжелика, дочь моя Анжелика!..

Она, глубоко тронутая, ответила:

— Я вернулась, отец, и теперь мы сможем часто видеть друг друга. Ведь вы знаете, что я выхожу замуж за Филиппа дю Плесси-Бельер, вы сами прислали мне согласие на этот брак.

— Но я думал, что свадьба уже состоялась? — удивленно спросил он.

Анжелика закусила губы и ничего не ответила. С какой целью Филипп хотел заставить деревенских людей и даже ее собственную

семью поверить в то, что их брак был уже отпразднован в Париже?..

Глава 31

На обратном пути в Плесси она чувствовала смутную тревогу. Когда она увидела во дворе замка карету маркиза, сердце ее забилось быстрее.

Лакеи сказали ей, что их хозяин прибыл часа два тому назад. Она поспешила к замку. Поднимаясь по лестнице, она услышала детский крик.

«Еще один каприз Флоримона или Кантора, — с досадой подумала она. — Они совсем распустились на деревенском воздухе».

Было необходимо, чтобы их будущий отчим не начал считать их невыносимыми созданиями, и она бросилась бегом по направлению к детской комнате, намереваясь со всей строгостью навести там порядок. Подбежав к дверям, она узнала голос Кантора. Он дико вопил, и с его криками, в которых слышался невыразимый ужас, смешивался свирепый собачий лай.

Анжелика открыла дверь и застыла на месте.

Перед камином, в котором пылал высокий огонь, жались друг к другу Флоримон и Кантор, осаждаемые тремя огромными, черными, как дьяволы, псами, которые свирепо лаяли и рвались со своих поводков, зажатых в руке маркиза дю Плесси. Последний, кажется, от души забавлялся испугом детей. На каменном полу, в луже крови, лежал труп собаки, в которой Анжелика узнала Парто, одного из мастифов, при надлежавших мальчишкам, и который, по всей видимости, был растерзан, когда попытался защитить маленьких хозяев.

Кантор кричал изо всех сил, его круглое личико было мокрым от слез. Но на бледном лице Флоримона не отражался страх. Выхватив маленькую шпагу и направив ее в сторону собак, он пытался защитить брата.

Анжелика не стала тратить время даже на восклицание. Схватив тяжелый деревянный стул, она запустила им в собак, которые сразу же отпрянули, заскулив.

Она схватила Флоримона и Кантора на руки. Они судорожно уцепились за нее. Кантор немедленно замолчал.

— Филипп, — сказала она, тяжело дыша, — вам не следовало пугать детей... Они могли упасть в огонь... Смотрите, Кантор обжег руку...

Молодой человек перевел на нее свои твердые и прозрачные, как льдинки, глаза.

— Ваши сыновья трусливы, как бабы, — сказал он низким голосом.

Он был румянее, чем обычно, и слегка пошатывался.

В этот момент появилась Барба. Она задохнулась от быстрого бега и прижимала руку к отчаянно бьющемуся сердцу. Она с ужасом перевела взгляд с Филиппа на Анжелику, потом увидела мертвую собаку.

— Пусть мадам извинит меня, — умоляюще сказала она. — Я пошла в чулан за молоком, чтобы приготовить ужин детям. Я оставила их на попечение Флипо. Я не могла себе представить...

— Ничего особенного не произошло, Барба, — сказала Анжелика. — Дети просто не привыкли к таким свирепым собакам. Но они должны будут привыкнуть к ним, если хотят охотиться на оленей и диких кабанов, как и положено настоящим знатным господам.

Будущие знатные господа без всякого энтузиазма посмотрели на трех свирепых псов.

— Вы маленькие глупышки, — сказала она им несколько укоризненно.

Широко расставив ноги, Филипп, одетый в дорожный костюм из бархата цвета бронзы, пристально смотрел на нее. Внезапно он хлестнул собак плетью, оттащил их назад и вышел с ними из комнаты.

Барба поспешила закрыть дверь.

— За мной прибежал Флипо, — прошептала она. — Маркиз выгнал его из комнаты. Мадам, вам никогда не удастся убедить меня в том, что он не хотел заживо скормить детей собакам...

— Не говори глупости, — резко оборвала ее Анжелика. — Маркиз не привык к детям; он хотел поиграть с ними...

— Да, да! Игры принцев! До чего они могут дойти! Знаю я одного маленького парня, который дорого заплатил за них...

Анжелика задрожала при этом намеке на судьбу Лино. Разве белокурого Филиппа, с его высокомерно-отсутствующим видом, не

было среди истязателей маленького торговца бисквитами? Разве он, мягко говоря, не был равнодушен к мольбам несчастной жертвы?..

Увидев, что дети уже успокоились, она пошла в свои апартаменты. Сев перед зеркалом, она принялась приводить в порядок прическу.

Какой смысл имело только что произошедшее? Следовало ли серьезно относиться к этому инциденту? Филипп был пьян, это ясно, как божий день. Протрезвившись, он извинится за то, что устроил такой переполох...

Но одно из слов, сказанных Мари-Аньес, не выходило у нее из ума: «Животное! Красивое, коварное, жестокое животное... Когда он хочет отомстить женщине, он не останавливается ни перед чем».

«Однако, он не должен был заходить настолько далеко, чтобы нападать на моих детей», — подумала Анжелика. Отшвырнув гребень, она в волнении поднялась.

В этот момент дверь в комнату отворилась, и на пороге показался Филипп. Он уставился на нее тяжелым, немигающим взглядом.

— Шкатулка с ядом у вас?

— Я отдам ее вам в день свадьбы, Филипп, как было написано в нашем контракте.

— Мы поженимся сегодня вечером.

— В таком случае я вручу ее вам сегодня вечером, — сказала она, стараясь не показать охватившие ее испуг и растерянность.

Улыбнувшись, она протянула ему руку.

— Мы еще не поздоровались сегодня друг с другом...

— Я не вижу в этом нужды, — ответил он, захлопнув за собой дверь.

Анжелика закусила губы. Да, не так-то легко было смягчить господина, которого она себе выбрала. Она вспомнила совет Молина: «Попытайтесь воздействовать на его чувства». Но она впервые усомнилась в своей победе. Она чувствовала себя бессильной перед этим ледяным человеком. Она ни разу не почувствовала, что ее присутствие вызвало в нем какие-то желания. Она и сама, под влиянием гнева и боли, перестала испытывать к нему всякое влечение. «Он сказал, что мы поженимся сегодня вечером. Он сам не понимает, что говорит. Ведь мой отец даже не был предупрежден...»

На этом месте ее мысли были прерваны робким стуком в дверь. Анжелика подошла, чтобы открыть ее, и обнаружила своих сыновей,

трогательно прижимавшихся друг к другу. На этот раз Флоримон взял под свою защиту и обезьянку Пикколо, которую держал на руках.

— Мама, — сказал он дрожащим, но твердым голосом, — мы хотим уехать к дедушке. Здесь мы боимся.

— «Боимся» — слово, которое мальчики, уже носящие шпагу, никогда не должны произносить, — сурово сказала Анжелика.

— Господин дю Плесси уже убил Парто, может быть, следующим он убьет Пикколо.

Кантор начал плакать, сдерживая прорывающиеся рыдания. Кантор, ее спокойный Кантор, в таком состоянии! Этого Анжелика уже не могла вынести. Бессмысленно было рассуждать, что глупо, а что нет: ее дети боялись. А она ведь клялась, что они никогда не узнают страха.

— Хорошо, вы прямо сейчас отправитесь с Барбой в Монтелу. Только обещайте мне быть хорошими.

— Дедушка обещал мне, что он даст мне прокатиться на муле, — сказал сразу же успокоившийся Кантор.

— Ба! Мне он даст лошадь! — заявил Флоримон.

Не прошло и часа, как Анжелика посадила детей в повозку вместе со слугами и их имуществом. В Монтелу хватит кроватей, чтобы разместить всю их свиту. Слуги были явно рады тому, что уезжают. Появление Филиппа словно заморозило жизнь в белом замке. Прекрасный молодой человек, игравший роль воплощенной грациозности при дворе Короля-Солнца, в своем отдаленном имении предстал в роли деспота.

Барба пробормотала:

— Мадам, мы не можем оставить вас здесь одну... с этим человеком.

— Каким человеком? — надменно спросила Анжелика. Потом она добавила:

— Барба, легкая жизнь стерла из твоей памяти некоторые эпизоды нашего общего с тобой прошлого. Вспомни, я умею защитить себя.

И она поцеловала девушку в круглые щеки, чувствуя, как трепещет ее собственное сердце.

Когда стук колес маленького экипажа растаял в синих сумерках, Анжелика медленно пошла обратно к замку. Она чувствовала облегчение при мысли о том, что дети будут спать под надежным и

гостеприимным кровом Монтелу. Но замок дю Плесси казался ей еще более пустынным и зловещим, почти враждебным, несмотря на очаровательный облик игрушки в стиле Ренессанса.

В вестибюле Анжелику встретил лакей, который поклонился ей и сообщил, что ужин подан. Она прошла в столовую, где был накрыт стол. Почти сразу же появился Филипп и, не сказав ни слова, сел за стол. Анжелика села за противоположный конец стола. Они ели вдвоем, обслуживаемые двумя лакеями. Блюда приносил поваренок.

Пламя трех светильников отражалось в изумительной серебряной посуде. Единственными звуками, сопровождавшими ужин, был стук ложек, звон бокалов да неумолчный треск сверчков, доносившийся с лужайки. Сквозь открытое французское окно видно было, как опускается на округу туманная ночь.

Анжелика ела с непритворным аппетитом, подчиняясь особому свойству своей натуры. Она заметила, что Филипп много пил, но вино не оживило его, но, наоборот, только усилило его холодность.

Когда он поднялся из-за стола, отказавшись от десерта, Анжелике ничего не оставалось, как последовать за ним. В гостиной, примыкающей к столовой, она обнаружила Малина и капеллана. Тут же была и какая-то старая крестьянка, которая, как позже узнала Анжелика, приходилась няней Филиппу.

— Все готово, капеллан? — спросил молодой человек.

— Да, ваша светлость.

— Тогда пойдем в часовню.

Анжелика задрожала. Не произойдет же свадьба, ее свадьба с Филиппом, в таких зловещих обстоятельствах? Она возмутилась.

— Не хотите ли вы сказать, что все готово для нашей свадьбы, и что она будет совершена прямо сейчас?

— Я хотел сказать именно это, мадам, — с ухмылкой ответил Филипп. — Мы подписали контракт в Париже. Это для людей. Капеллан благословит нас, и мы обменяемся кольцами. Это для бога. Другие приготовления не кажутся мне необходимыми.

Молодая женщина нерешительно посмотрела на свидетелей этой сцены. Всех их освещал только один факел, который держала старуха. Снаружи было уже совершенно темно. Слуг отослали. Если бы не Молин, уверенный, мудрый Малин, Анжелика испугалась бы, подумав, что ее завлекли в ловушку.

Она поискала глазами взгляд Молина. Но старик опустил глаза с той особой подобострастностью, которую всегда проявлял перед хозяевами Плесси.

Тогда она предоставила себя своей судьбе.

В часовне, освещенной двумя толстыми свечами из желтого воска, ошеломленный крестьянский мальчик, одетый в ризу церковного певчего, принес святую воду.

Анжелика и Филипп опустились на колени. Капеллан встал перед ними и начал невнятно бормотать молитвы и полагающиеся по ритуалу фразы.

— Филипп дю Плесси-Бельер, согласен ли ты признать Анжелику де Сансе де Монтелу своей законной женой?

— Да.

— Анжелика де Сансе де Монтелу, согласна ли ты признать Филиппа дю Плесси своим законным мужем?

Она ответила «да», и протянула Филиппу руку, чтобы он надел кольцо ей на палец. При этом в ее мозгу, как вспышка молнии, возникло воспоминание о таком же жесте, сделанном ею когда-то в кафедральном соборе Тулузы.

В тот день она трепетала ничуть не меньше, чем теперь, и рука, взявшая ее руку, ласково сжала ее, как будто желая успокоить. Смущенная и растерянная, она тогда не оценила сразу значение этого почти незаметного жеста. Но теперь эта подробность, вновь всплывшая в памяти, поразила ее, как удар кинжала, особенно когда она увидела, как Филипп, в полубессознательном состоянии, ослепленный действием вина, тщетно пытается надеть кольцо на ее палец. Наконец это ему удалось. Все было кончено.

Они покинули часовню.

— Теперь ваша очередь, мадам, — сказал Филипп, посмотрев на нее со своей невыносимой, застывшей улыбкой.

Она поняла и пригласила всех присутствующих подняться к ней в комнату.

Здесь она достала из письменного стола шкатулку, открыла ее и передала мужу. Флакон блеснул при свете свечи.

— Это и в самом деле потерянная шкатулка, — сказал Филипп после недолгого молчания. — Все в порядке, господа.

Капеллан и управляющий подписали документ, удостоверяющий, что они присутствовали при передаче шкатулки от мадам дю Плесси-Бельер ее мужу, согласно условию брачного контракта. Потом они еще раз поклонились молодой чете и удалились неслышными, осторожными шагами, следуя за старухой, которая освещала им дорогу факелом.

Охватившая Анжелику паника была не только нелепой, но еще и беспочвенной. Конечно, нет ничего приятного, если приходится оставаться лицом к лицу с человеком, охваченным чувством неистовой обиды. Однако, вероятно, существовало несколько способов установить взаимопонимание между ней и Филиппом или, по крайней мере, заключить перемирие...

Она украдкой взглянула на него. Каждый раз, когда она снова видела его совершенные в своей красоте черты, она как-то сразу успокаивалась. Он склонил над устрашающей шкатулкой безукоризненный, словно вычеканенный на медали, профиль. Длинные, густые ресницы отбрасывали тень на щеки. Но он был румянее, чем обычно, и неприятно было чувствовать исходящий от него запах вина.

Увидев, что он нетвердой рукой поднял флакон с ядом, Анжелика быстро сказала:

— Осторожнее, Филипп! Монах Экзили утверждал, что одной капли этого яда достаточно, чтобы навсегда изуродовать человека.

— В самом деле?

Он посмотрел на нее, и она увидела дикий огонек, вспыхнувший в глубине его глаз. Он взвесил флакон на руке. Анжелика внезапно поняла, что он борется с искушением швырнуть его ей в лицо. Несмотря на охвативший ее ужас, она не шевельнулась и продолжала смотреть на него все с тем же спокойным и дерзким выражением. Он злобно ухмыльнулся, но положил флакон обратно, захлопнув шкатулку, и взял ее подмышку. Не говоря ни слова, он схватил Анжелику за запястье и потащил ее за собой из комнаты.

В замке было тихо и темно, но сквозь высокие окна проникал свет только что поднявшейся луны, бросавший пятна на-каменный пол.

Рука Филиппа с такой силой сжимала хрупкое запястье молодой женщины, что она чувствовала биение собственного пульса. Но она, пожалуй, предпочитала такое обращение его обычной отрешенности.

В своем замке Филипп приобрел некую завершенность, которой ему не доставало при дворе. Вероятно, именно таким он был на войне, сбросив покров прекрасного, мечтательного придворного, для того, чтобы обнажить свою истинную натуру — решительного, жестокого почти до варварства воина.

Они спустились по ступеням, прошли через вестибюль и вышли в парк. Над прудом висел серебряный туман. На небольшой мраморной пристани Филипп подтолкнул Анжелику к небольшой лодке.

— Садитесь! — отрывисто бросил он.

Потом он сам сел на другое сиденье, осторожно поставив рядом с собой шкатулку. Анжелика услышала, как он отвязал веревку, и лодка медленно отошла от берега, Филипп взял одно из весел. Он направил лодку к середине пруда. Лунный свет играл на складках его белого атласного костюма, на золотых локонах его парика. Лягушки смолкли. Единственным звуком, нарушавшим тишину, был шелест листьев кувшинок, плотно покрывающих поверхность воды, о борта лодки.

Когда они выбрались на чистое от кувшинок пространство посередине пруда, где вода была черной и прозрачной, Филипп остановил лодку. Он внимательно осмотрелся вокруг. Земля казалась далекой, и белый замок, видневшийся между двумя темными массами зелени окружавшего его парка, казался сказочным видением. Маркиз дю Плесси молча поднял обеими руками шкатулку, исчезновение которой отравило дни и ночи его семьи. Потом он решительно швырнул ее в воду. Она сразу же погрузилась, и круги, отметившие место ее падения, быстро исчезли с гладкой поверхности воды.

Филипп посмотрел на Анжелику. Она задрожала. Он шагнул и сел рядом с ней. Это движение, которое в этот час и в этом волшебном окружении могло быть выражением нежной любви, наполнило ее ужасом, парализовавшим все движения.

Медленно, с присущей ему грациозностью, он поднял обе руки и положил их на горло молодой женщине.

— А теперь я собираюсь задушить вас, моя красавица, — сказал он вполголоса. — Вы отправитесь вслед за вашей проклятой шкатулкой и присоединитесь к ней на дне пруда!

Она приказала себе не шевелиться. Он был пьян или безумен. И в том, и в другом случае он был способен убить ее. Разве она не была полностью в его власти? Она не могла ни закричать, ни защитить себя.

Незаметным движением склонила голову на плечо Филиппа. Она почувствовала прикосновение к своему лбу его щеки, небритой с утра, подвижной мужской щеки. Все куда-то удалилось, потеряло значение... Луна плыла по небу, шкатулка покоилась на дне пруда, дышали прохладой бескрайние поля, последний акт трагедии был сыгран. Разве не было справедливым то, что Анжелика де Сансе должна была умереть вот так, от руки молодого бога, чье имя было Филипп дю Плесси?

Внезапно к ней вернулось дыхание и она почувствовала, что тиски, сжимавшие ее горло, разжались. Она увидела Филиппа, лицо которого со стиснутыми зубами было искажено яростью.

— Ад и проклятье! — выругался он. — Неужели ничто не может заставить вас склонить эту вашу гордую маленькую голову? Неужели ничто не может заставить вас кричать и молить о пощаде?.. Нет, потерпите немного, вы это сделаете!

Он грубо оттолкнул ее и опять взялся за весла.

Как только Анжелика почувствовала под ногами твердую почву, она испытала непреодолимое желание броситься бежать изо всех сил. Она уже не знала, что должна делать. Ее мысли смешались.

Филипп наблюдал за ней. Эта женщина была не похожа на всех других. Ни слез, ни криков; она даже не задрожала. Она все еще не уступала ему, однако теперь сила была на его стороне. Она совершила насилие над его волей, заставила его пережить такое унижение, какое не может вынести ни один мужчина, не мечтая о смерти своего обидчика. Дворянин ответил бы на такое оскорбление шпагой, с мужиком он расплатился бы палкой. Но женщина?.. Какое удовлетворение можно потребовать от этих ускользающих, бесхребетных, лицемерных существ, чье прикосновение подобно укусу ядовитого гада, и которые так хитро опутывают вас словами, что вы оказываетесь в дураках... и, в придачу, еще и в беде?

Он схватил ее за руку жестом злобного тюремщика и повел обратно в замок.

Когда они поднимались по широкой мраморной лестнице, она увидела, как он снял со стены длинный собачий хлыст.

— Филипп, — сказала она, — давайте расстанемся здесь. Вы пьяны, как мне кажется. Зачем нам продолжать ссору? Завтра...

— О нет! — саркастически засмеялся он. — Разве я не обязан выполнить свой супружеский долг? Но перед этим мне хочется слегка наказать вас, чтобы отбить у вас вкус к шантажу. Не забывайте, мадам, что я теперь ваш хозяин, и вы полностью в моей власти.

Она хотела бежать, но он удержал ее и хлестнул так, как хлестал непокорных собак. Анжелика вскрикнула больше от негодования, чем от боли.

— Филипп, вы сошли с ума!

— Вы попросите у меня прощения! — сказал он сквозь зубы. — Вы попросите прощения за то, что вы сделали!

— Нет!

Он втолкнул ее в комнату, запер дверь и начал хлестать ее хлыстом. Он знал, как им пользоваться. Его пост Мастера Волчьей Охоты не был незаслуженным.

Анжелика закрыла лицо руками, чтобы защитить его от безжалостных ударов. Она инстинктивным жестом отвернулась к стене и прижалась к ней. Она вздрагивала от каждого удара и только сильнее закусывала губы, чтобы не застонать. Внезапно она крикнула:

— Довольно, Филипп, довольно!.. Я прошу у вас прощения.

Когда он остановился, удивленный своей легкой победой, она повторила:

— Я действительно прошу вас простить меня... Это правда, я плохо поступила с вами.

Он замер в нерешительности. Она все еще продолжала насмехаться над ним, укротив его ярость мнимой покорностью. Трусливые, низкие суки, вот кто они все! Надменные, когда побеждают, воющие под плетью! Но в голосе Анжелики прозвучала искренность, тронувшая его. Могло ли так быть, что она была не такой, как все остальные, и что воспоминание о маленькой Баронессе Унылого Платья, схороненное в глубине его памяти, имело не только внешнее сходство с этой женщиной?

В полутьме комнаты, где лунный свет смешивался со слабым огнем факелов, вид этих белых, покрытых кровоподтеками плеч, этой хрупкой шеи, этого лба, прижатого к стене, как у провинившегося и кающегося ребенка, пробудил в нем бурное, но незнакомое ему желание, которое до сих пор не вызывала в нем ни одна женщина. Это

не слепое животное вождение. В нем было что-то таинственное, почти сладостное, томительно чарующее.

Задыхаясь, он откинул хлыст, сорвал с себя парик и камзол.

Анжелика с тревогой увидела его внезапно полуодетым, безоружным, похожим на архангела, возникшего из тьмы, с коротко подстриженными белокурыми волосами, в кружевной рубашке, распахнутой на гладкой белой груди, с руками, протянутыми к ней в нерешительном жесте.

Он подошел к ней, схватил ее в объятия и прижался губами к ее горящему горлу, к тому самому месту, которое еще болело после его нападения в лодке. Теперь настала ее очередь поддаться горькой ярости. Несмотря на то, что она была достаточно честной для того, чтобы признаться в своих ошибках и проступках, она была слишком гордой, чтобы после такого обращения, которому она только что подверглась, перейти к любовным объятиям.

Она вырвалась из рук своего нового мужа:

— О, нет! Перестаньте!

Услышав ее вскрик, Филипп снова обезумел от ярости. Он отступил назад, поднял кулак и ударил Анжелику прямо в лицо.

Она пошатнулась, потом, схватив его за полы его кружевной рубашки, с силой ударила его о стену. Какое-то мгновение он не двигался, совершенно ошеломленный. Защищаясь, она применила способ, которым умирляют пьяных клиентов девицы из таверн.

Он никогда не видел, чтобы знатная дама защищала себя таким образом. Это одновременно и позабавило и взбеленило его. Неужели она воображает, что он отступит?..

Он заскрипел зубами, потом, бросившись вперед с коварной гибкостью, схватил ее за шею и беспощадно ударил ее головой о стену.

Анжелика почти потеряла сознание от этого удара и соскользнула на пол. Она изо всех сил старалась не потерять сознание полностью. Теперь она поняла со всей определенностью, что в «Красной маске» именно Филипп оглушил ее ударом по голове перед тем, как другие схватили ее, чтобы изнасиловать.

Вес его тела придавил ее к холодному, как лед, каменному полу. Она чувствовала себя жертвой разъяренного дикого зверя, зверя, который, освободив ее, начал бить ее дико, безжалостно, без передышки. Нечеловеческая боль пронзила ее спину... Ни одна

женщина не могла бы вынести это и не умереть... Он хочет искалечить ее, уничтожить!..

Наконец, не в состоянии больше выносить это, она издала душераздирающий крик:

— Сжальтесь, Филипп, сжальтесь!..

Он ответил сдавленным, торжествующим рычанием. Наконец-то она закричала. Наконец-то он снова обрел единственную форму любви, которая могла его удовлетворить, наконец-то он мог с дьявольской радостью весело прижать к себе окаменевшую от боли, обезумевшую от страха, умоляющую о пощаде жертву. От вожделения, смешанного с ненавистью и еще усиленного ею, все его тело напряглось, как стальной прут. Он сжал ее изо всех сил.

Когда он в конце концов освободил ее, она была почти без сознания.

Он посмотрел на нее, распростертую у его ног.

Она уже не стонала, только из последних сил старалась придти в себя. Она слегка пошевелилась на каменном полу, как прекрасная раненая птица.

Анжелика открыла глаза. Он потрогал ее носком своего сапога и сказал с ухмылкой:

— Ну, вы удовлетворены? Спокойной ночи, мадам маркиза дю Плесси!

Она слышала, как он пошел к двери, натываясь на мебель. Потом вышел из комнаты. Она еще долго неподвижно лежала на полу, несмотря на ледяной холод, обжигавший ее обнаженное тело.

Ей казалось, что на ней нет ни одного живого места, и ее горло сжималось от детского желания расплакаться. Вопреки желанию, в памяти всплыло воспоминание о ее первой свадьбе под небом Тулузы, еще сильнее ранившее ее. Она снова увидела себя, лежавшую без сил на кушетке, с необыкновенно легкой головой и тяжелыми руками и ногами, пораженную впервые испытанной ею томной усталостью. Над ее ложем склонялся великий Жоффрей де Пейрак.

«Бедная малышка!» — сказал он.

Но в его звенящем голосе не слышно было жалости. И внезапно он начал смеяться, торжествующим, восторженным смехом мужчины, который первым наложил отпечаток на тело любимой.

«Вот за что я еще любила его! — подумала она. — Он был воплощением мужчины. Какое значение имело его искалеченное лицо! Он обладал силой, умом, мужской страстью, скрытой непримиримостью завоевателя — короче говоря, всем, что присуще мужчине, первому из всех живых существ, венцу творения...»

И этого человека она потеряла, потеряла теперь вторично! Потому что она чувствовала, что дух Жоффрея де Пейрака отвернулся от нее. Разве она только что не изменила ему?

Она начала думать о смерти в маленьком пруду, покрытом лилиями. Потом ей вспомнились слова Дегре:

«Бойтесь шевелить пепел, развеянный четырьмя ветрами... потому что всякий раз, как вы подумаете о прошлом, вы почувствуете непреодолимое желание умереть... а я не всегда буду рядом...»

Так, благодаря Дегре, старому другу полицейскому, Маркиза Ангелов еще раз спаслась от искушения, на которое ее толкало отчаяние. Она не хотела разочаровывать Дегре.

С трудом поднявшись, она дотащилась до двери, задвинула засовы, потом рухнула на кровать. Лучше всего было ни о чем не думать. Кроме того, разве Молин не предупреждал ее: «Вполне может быть, что вы не выиграте в первом круге...»

Кровь лихорадочно стучала в висках, она не знала, как унять жгучую боль, пронизывающую все ее тело.

В лунном свете перед ней возник образ Отверженного Поэта в остроконечной шляпе на светлых волосах. Она позвала его. Но он уже растаял, исчез. Ей показалось, что она слышит лай Сорбонны и удаляющиеся шаги Дегре...

Дегре, Отверженный Поэт — она немного путала их теперь, охотника и дичь; оба они были истинными сынами Парижа; оба были циниками и зубоскалами, мешавшими самый низкий жаргон с изысканной латынью. Но, как она не настаивала на их присутствии, они оба побледнели, утратили реальность. Они больше не были частью ее жизни. Страница была перевернута. Она рассталась с ними навсегда.

Вздвигнув, Анжелика проснулась.

Она прислушалась. Белый замок был окружен тишиной Ньельского леса. В одной из его комнат, должно быть, храпел ее прекрасный мучитель, пораженный тяжелым опьянением. Закричала

сова, и ее приглушенный голос как будто впитал в себя всю поэзию ночи и леса.

Молодая женщина почувствовала, как ее охватывает чувство глубокого покоя. Она повернулась и решительно попыталась уснуть. Она проиграла первый тур игры, но все-таки она стала маркизой дю Плесси-Бельер.

Однако утро принесло ей новое разочарование. Когда она спустилась вниз, сама совершив свой тухнет, чтобы избежать расспросов Жавотты, и, нанеся на лицо слой белил и пудры, чтобы скрыть самые заметные синяки и кровоподтеки, она узнала, что ее муж на рассвете отбыл в Париж. Или, точнее, в Версаль, где собирался весь двор на последние перед летней кампанией праздники и увеселения.

У Анжелики кровь закипела в жилах. Неужели Филипп воображает, что она, его жена, согласится похоронить себя заживо в провинции, в то время как в Версале будет царить веселье?..

Через четыре часа по ухабистым дорогам Пуату понеслась карета, запряженная шестью пущенными галопом лошадьми.

Анжелика, с несгибающимся и ноющим от боли телом, но с твердой, как алмаз, волей, тоже возвращалась в Париж. Не осмелившись предстать перед пронизательным взором Молина, она оставила ему записку, в которой поручала его заботам детей. С Барбой, няней, дедом и управляющим Флоримон и Кантор могли получить все, чего только их душа пожелает. Она спокойно могла заниматься своими проблемами.

В Париже она попросила приюта у Нинон Ланкло. Нинон в течение трех последних месяцев была поглощена любовью к герцогу Гассомпьеру. Но, поскольку герцог на неделю уехал в Версаль, Анжелика получила в доме подруги необходимое ей убежище. Она провела сорок восемь часов, неподвижно лежа в кровати Нинон, с припаркой из бальзама на лице, компрессами из квасцов на глазах, телом, смазанным маслом и различными кремами.

Она приписала происхождение бесчисленных синяков и ран, изуродовавших ее лицо, плечи и спину, несчастному случаю с каретой. Она так никогда и не узнала, поверила ли ей тактичная Нинон, или только сделала вид, что поверила.

Куртизанка самым естественным тоном упомянула, что видела Филиппа, когда он вернулся в Париж, собираясь направиться в Версаль. Для нынешнего сезона придворных увеселений была запланирована восхитительная программа: турниры, балеты, комедии, фейерверки и другие самые разнообразные развлечения. Весь город был наполнен радостным щебетаньем тех, кто был приглашен, и зубовным скрежетом тех, кто не удостоился приглашения.

Сидя у изголовья Анжелики, Нинон говорила без передышки, чтобы ее пациентка не могла вставить ни слова, так как она нуждалась в полном покое для восстановления нежного цвета лица. Нинон сказала, что она не испытывает никакого сожаления из-за того, что не бывает в Версале, куда она не могла являться из-за своей репутации. Ее владения были в другом месте, вот в этом маленьком особняке в районе Маре, где она была истинной королевой. Она была вполне удовлетворена тем, что когда заходил разговор о том или ином инциденте, случившемся при дворе или в чьем-нибудь алькове, король часто спрашивал: «А что говорит об этом прекрасная Нинон?»

— Когда вы будете развлекаться в Версале, вы забудете меня, моя дорогая? — спросила она.

Анжелика, лежавшая под слоем примочек, отрицательно покачала головой.

Глава 32

Двадцать первого июня 1666 года маркиза дю Плесси-Бельер отправилась в Версаль. Она не имела приглашения, зато обладала ни перед чем не уступающей дерзостью.

Ее карета, обитая изнутри и снаружи зеленым бархатом, отделанная золотой, тесьмой и бахромой, с позолоченным корпусом и колесами, была запряжена парой крупных лошадей в яблоках.

Анжелика оделась в платье из зеленой парчи с рисунком из крупных серебряных цветов, ее шею украшало великолепное ожерелье из нескольких рядов жемчуга.

Ее волосы, причесанные самим Бине, также были украшены жемчугом и двумя безупречно изящными, белыми, как снег, страусовыми перьями. На ее лице, тщательно, но без излишеств, загримированном, не осталось никаких следов бури, обрушившейся на нее за несколько дней перед этим. Осталось только маленькое синеватое пятнышко на виске, которое Нинон скрыла под мушкой в виде сердечка. С другой, совсем крошечной мушкой около уголка рта, Анжелика являла собой картину совершенной красоты и изящества.

Надев вандомские перчатки и раскрыв расписанный вручную веер, она высунулась из окошечка кареты и крикнула:

— Кучер, в Версаль!

Она была так возбуждена, что решила взять с собой Жавотту, чтобы иметь возможность поболтать с кем-нибудь дорогой.

— Мы едем в Версаль, Жавотта! — без усталости повторяла она молодой девушке, сидевшей напротив нее в шелковом чепчике и вышитом фартуке.

— О! Я уже была там, мадам. С галерой из Сен-Клу, в воскресенье... я видела короля за ужином.

— Это совсем не одно и то же, Жавотта. Ты не можешь понять.

Путешествие казалось ей бесконечным. Дорога была ужасной, разбитой двумя тысячами телег, сновавших по ней ежедневно, нагруженных камнем или штукатуркой для строительства дворца.

— Нам не надо было ехать по этой дороге, мадам, — повторяла Жавотта, — лучше было выбрать дорогу Сен-Клу.

Каждые несколько минут Анжелика высовывала голову из окна кареты, при этом рискуя разрушить произведение искусства, созданное Бине, и подставить свое лицо под брызги дорожной грязи.

— Быстрее, кучер, ради всего святого! Твои лошади ползут, как улитки!..

Но она уже увидела на горизонте высокий розовый утес, сверкавший разноцветными искрами и отливающий всеми цветами радуги, как солнечные лучи в весеннее утро.

— Что это, кучер?

— Это Версаль, мадам.

Дальний конец аллеи затенялся рядом недавно посаженных деревьев. На подступах к первым воротам карета Анжелики должна была остановиться, чтобы уступить дорогу экипажу, который на сногшибательной скорости вывернул с дороги Сен-Клу. Красную карету, запряженную шестью гнедыми лошадьми, сопровождали несколько всадников. Ей сказали, что это Маленький Мсье. За ним следовала карета Мадам, запряженная шестью белыми лошадьми.

Анжелика приказала кучеру следовать за ними. Она уже не верила ни в какие несчастливые встречи, ни в какие злые чары. Она словно ступала по воздуху, наслаждаясь чувством неприкосновенности. Уверенность, более сильная, чем любые опасения, говорила ей, что близок час ее триумфа.

Однако она подождала, пока схлынет сумятица, вызванная прибытием великих персон, потом вышла из кареты и направилась через мраморный двор.

Флипо, наряженный в ливрею цветов дома Плесси — голубое и палевое — нес ее шлейф.

— Не вздумай вытирать нос рукавом, — сказала она ему. — Не забывай, что мы в Версале.

— Да, маркиза, — вздохнул бывший оборванец из Двора Чудес, с разинутым от изумления и восхищения ртом осматриваясь по сторонам.

Версаль еще не обладал тем подавляющим величием, которое сообщили ему два белых крыла, построенных Мансаром незадолго до конца правления Людовика XIV. Он был похож на сказочный дворец, возвышавшийся на небольшом холме, со своей веселой розовой и маково-красной архитектурой, кружевными железными балконами,

высокими, светлыми трубами. Бельведеры, краевые орнаменты, колпаки труб, отдельные участки крыши были целиком покрыты золотой фольгой и сверкали на солнце, как драгоценные камни, украшающие изящную шкатулку. Новая черепица, в зависимости от того, падал ли на нее свет, или она была в тени, то сверкала серебром, то отливала бархатной чернотой. Остроконечные очертания крыш дворца словно таяли в лазури неба.

Вокруг царила величайшая суматоха, разноцветные ливреи многочисленных лакеев смешивались с черными халатами рабочих, подвозивших и увозивших тачки, несущих инструменты. Звонкое пение резцов, ударяющих о камень, смешивалось с грохотом барабанов и флейт, под которые маршировал в центре большого двора отряд мушкетеров.

Анжелика, сколько ни оглядывалась по сторонам, не заметила ни одного знакомого лица. В конце концов, она решила войти в замок через дверь в левом крыле, из которой выходило и входило много людей. Широкая мраморная лестница привела ее в большую комнату, набитую толпой весьма скромно одетых людей, которые с удивлением уставились на нее. На ее вопрос ей ответили, что она находится в комнате Гвардии. Каждый понедельник сюда приходили просители, чтобы вручить прошения или узнать ответ на поданные заранее. В глубине комнаты, над камином, сделанный из серебра кораблик символизировал личность короля, но присутствующие не теряли надежды, что он удостоит их своим личным присутствием, как это иногда случалось.

Анжелика, со своим плюмажем и пажом, была явно не на месте среди старых солдат, вдов и сирот. Она собралась уже удалиться, когда заметила мадам Скаррон. Она бросилась ей на шею, восхищенная тем, что наконец-то увидела знакомое лицо.

— Я ищу двор, — сказала она, — мой муж должен быть в свите короля, и мне хотелось бы встретиться с ним.

Мадам Скаррон, еще более истощенная и незаметная, чем обычно, на первый взгляд мало подходила для роли информатора о местопребывании придворных. Но молодая женщина провела так много времени в королевских приемных, добиваясь пенсии для себя, что на самом деле была осведомлена о всех подробностях времяпровождения двора гораздо лучше, чем сам придворный

летописец Лоре, которому вменялось в обязанность час за часом записывать все происшествия и события, происходящие при дворе.

Мадам Скаррон очень любезно и услужливо провела Анжелику к другой двери, которая выходила на нечто вроде широкого и длинного балкона, с которого можно было любоваться видом садов.

— Мне кажется, королевская свита где-то здесь, — сказала она. — Король только что удалился в кабинет, где он будет несколько минут разговаривать с принцессами крови. После этого он спустится в сад, если только он не сделал этого сразу же. Но в любом случае, вам лучше всего выйти на эту открытую галерею. В самом конце ее, справа от вас, вы найдете прихожую, через которую можно пройти в кабинет короля. Все будут там в это время. Вы без всякого труда найдете там и мужа.

Анжелика взглянула на длинную галерею, где стояло только несколько швейцарских гвардейцев.

— Я умираю от страха, — сказала она. — Вы не пойдете со мной?

— О! Моя дорогая! Как же я могу? — в ужасе воскликнула Франсуаза, смущенно оглядывая свое поношенное платье.

Только теперь Анжелика заметила, какой контраст представляют собой их наряды.

— Почему вы здесь как просительница? Разве вы все еще испытываете денежные затруднения?

— Увы, больше, чем когда-либо! После смерти королевы-матери мне было отказано в пенсии. Я пришла сюда, надеясь восстановить ее. Господин д'Олбре обещал мне свою поддержку.

— Я надеюсь, что вы добьетесь успеха. Мне так жаль...

Мадам Скаррон очень мило улыбнулась и погладила ее по щеке.

— Не стоит жалеть. Вы кажетесь такой счастливой! И вы вполне заслужили счастье, моя дорогая! Я в восторге от того, что вижу вас такой удивительно красивой. Король очень чувствителен к женской красоте. Я не сомневаюсь, что он будет очарован вами.

«А я начинаю сомневаться», — подумала Анжелика, сердце которой отплясывало какой-то бешеный танец. Великолепная обстановка Версаля подстегнула ее дерзость, доведя ее до крайнего предела. Она, конечно, просто сошла с ума. Но ничего! Она не собирается уподобиться бегуну, свернувшему с дорожки за несколько шагов до цели...

Улыбнувшись мадам Скаррон, она вышла на балкон и пошла по нему так быстро, что Флипо начал задыхаться, стараясь угнаться за ней. Когда она дошла почти до половины галереи, в другом конце показалась группа людей. Даже на таком расстоянии Анжелика сразу же узнала величественную фигуру короля.

Людовик XIV, рост которого был увеличен туфлями на высоких красных каблуках и высоким париком, выделялся среди окружающих внушительным видом. Кроме того, он, как никто другой, умел пользоваться высокими тростями, на которые и ввел моду, хотя до этого ими пользовались только старики и инвалиды. Он превратил эти трости в орудие самоутверждения, эффектных поз, и даже в предмет обольщения.

Поэтому он шествовал, опираясь на трость из эбенового дерева с золотым набалдашником, обмениваясь игривыми словами с двумя принцессами, шедшими по обеим сторонам от него: Генриеттой Английской и молоденькой герцогиней Энгиенской. Официальная фаворитка, Луиза де Ла Вальер сегодня не принимала участия в прогулке. Бедная девушка выглядела все хуже и хуже. Этими прекрасными летними утрами блеск великолепия Версаля как будто затмевал бледную и изможденную мадемуазель де Ла Вальер. И было к лучшему, что она оставалась в своем убежище, куда король потом зайдет к ней, чтобы повидать ее и осведомиться о ее здоровье...

А утро было поистине прекрасным, и Версаль изумителен. И не сама ли это богиня весны шла навстречу монарху в образе незнакомой женщины?.. Солнце окружало ее блестящим и прозрачным ореолом, а камни на ее груди сверкали как жемчужинки росы...

Анжелика сразу же поняла, что, если только она повернет сейчас обратно, она подвергнет себя осмеянию. Поэтому она продолжала идти вперед, но гораздо медленнее, с тем странным чувством беспомощности и обреченности, которое иногда человек испытывает во сне. В окружающем ее тумане она не видела никого, кроме короля. Она не отрывала от него взгляда, как будто он притягивал ее магнитом. Даже если бы она и захотела опустить глаза, все равно не смогла бы это сделать. Она была теперь так же близко к нему, как когда-то в мрачной комнате Лувра, когда она пыталась бороться с ним, и все теперь исчезло, кроме этого жуткого воспоминания.

Она даже не сознавала, какое странное зрелище представляет собой, одна посреди залитой солнечным светом галереи, в своем роскошном наряде и во всем блеске достигшей полного расцвета красоты.

Людовик XIV остановился, немедленно остановились и все придворные. Узнавший Анжелику Лозен, закусив губы, спрятался среди других, предвкушая удовольствие. Сейчас они увидят нечто удивительное!

Король очень вежливо снял шляпу, украшенную великолепным плюмажем. Он был слегка тронут красотой этой женщины и спокойной дерзостью, с которой она смотрела на него изумрудными глазами, не только не вызвав его неудовольствия, но полностью очаровав его. Кто она?.. Как он мог не заметить ее раньше?..

Анжелика, поддавшись бессознательному побуждению, присела в глубоком реверансе. Теперь, наполовину коленопреклоненная, она хотела бы никогда больше не подниматься. Но, тем не менее, она выпрямилась, по-прежнему не отрывая глаз от лица короля. Сама не сознавая и не желая этого, она смотрела на короля с вызовом.

Король был изумлен. В поведении этой женщины было что-то необычное, и не менее странным казалось молчание окружавших его придворных. Он оглянулся вокруг, слегка сдвинув брови.

Анжелике показалось, что она вот-вот упадет в обморок. Ее руки в складках платья начали дрожать. Она лишилась всех сил, она проиграла.

Именно в эту минуту ее руку взяли чьи-то пальцы и так сильно сжали, что она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. Голос Филиппа очень спокойно сказал:

— Сир, окажите мне честь, позволив представить Вашему Величеству мою жену, маркизу дю Плесси-Бельер.

— Вашу жену, маркиз? — повторил король. — Удивительная новость! Я слышал какие-то слухи по этому поводу, но ожидал, что вы сами придете ко мне, чтобы сообщить об этом!

— Сир, мне не казалось необходимым сообщать Вашему Величеству о таком пустяке, как моя женитьба.

— Пустяк? Это женитьба-то?! Берегитесь, маркиз, чтобы вас не услышал господин Буше!.. И эти дамы! Клянусь Святым Людовиком, несмотря на то, что я так давно вас знаю, я до сих пор не перестаю

временами удивляться, из какого вещества вы сделаны. Знаете ли вы, что ваша осторожность по отношению ко мне граничит с наглостью?..

— Сир, я в глубоком отчаянии оттого, что Ваше Величество так расценивает мое молчание. Но это было такое маловажное дело!

— Замолчите, сударь. Ваша неспособность к чувствам переходит все пределы, я не могу позволить вам говорить такие гнусные вещи перед этим очаровательным созданием, вашей женой. Честное слово, вы просто солдафон. Мадам, что вы думаете о своем муже?

— Я попытаюсь поладить с ним, сир, — ответила Анжелика, которая успела придти в себя во время их диалога.

Король улыбнулся.

— Вы разумная женщина. И, кроме того, необыкновенно красивая. А эти качества не всегда уживаются друг с другом! Маркиз, я прощаю вас ради того, что вы сделали блестящий выбор... и ради этих дивных глаз. Зеленые глаза... редкий цвет, которым мне не часто приходилось восхищаться. Женщины с зелеными глазами...

Он остановился, на минуту задумавшись, и начал внимательно всматриваться в лицо Анжелики. Потом улыбка исчезла с его лица, и вся его фигура окаменела, словно пораженная молнией. И на глазах вначале растерянных, потом испугавшихся придворных Людовик XIV начал бледнеть. Это было замечено всеми, потому что обычно король отличался румяным цветом лица, и его хирургу приходилось часто делать ему кровопускание. Однако теперь он в течение нескольких минут оставался белым, как кружево на его рубашке, но в лице его не дрогнул ни один мускул.

Растерянная и потрясенная Анжелика снова уставилась на него с тем вызывающим выражением, с каким иногда смотрит провинившийся ребенок на того, кто должен наказать его.

— Вы уроженка юга, мадам? — отрывисто спросил король. — Вы из Тулузы?

— Нет, сир, моя жена уроженка Пуатье, — быстро ответил Филипп. — Ее отец — барон де Сансе де Монтелу, чье поместье находится в окрестностях Ниора.

— О! Сир! Спутать уроженку Пуату с дамой с юга! — воскликнула Атенаис де Монтеспан, залившись своим веселым смехом. — И это вы, сир!..

Прекрасная Атенаис уже была настолько уверена в прочности завоеванного ей фавора, что могла позволить себе подобное дерзкое замечание. Впрочем, она помогла разрядить напряжение. К королю снова вернулся естественный цвет лица. Всегда умеющий владеть собой, он бросил на Атенаис веселый взгляд.

— Это правда, что дамы из Пуату обладают особым обаянием, — вздохнул он. — Но берегитесь, мадам, чтобы господин де Монтеспан не заключил против вас союз со всеми гасконцами Версаля. Они могут пожелать отплатить вам за оскорбление, нанесенное южным женщинам.

— Разве это оскорбление, сир? Если так, то оно совершенно непреднамеренное. Я только хотела сказать, что, несмотря на то, что достоинства тех и других дам не подлежат сомнению и равны по своему значению, они все-таки отличаются друг от друга настолько, что спутать их нельзя. Пусть Ваше Величество извинит меня за мое скромное замечание.

В улыбке и в сияющих огромных голубых глазах — ни тени раскаяния, зато она была совершенно неотразимой.

— Я много лет знаю мадам дю Плесси, — продолжала мадам де Монтеспан. — Мы вместе воспитывались. Наши семьи связаны родственными отношениями...

Анжелика пообещала себе никогда не забывать, что сделала для нее мадам де Монтеспан. Какими бы мотивами ни руководствовалась прекрасная Атенаис, она, тем не менее, спасла свою подругу.

Король с улыбкой облегчения снова поклонился Анжелике дю Плесси.

— Очень хорошо!.. Версаль счастлив приветствовать вас, мадам. Добро пожаловать!

Потом он добавил тише:

— Мы рады снова увидеться с вами.

Анжелика поняла, что король узнал ее, но он принимает ее и хочет зачеркнуть прошлое.

В последний раз между ними поднялось пламя костра. Снова присев в глубоком реверансе, молодая женщина почувствовала, как пелена слез застилает ей глаза.

Но король, благодарение богу, возобновил прогулку. Она смогла подняться, украдкой вытереть слезы и бросить несколько

напряженный взгляд в сторону Филиппа.

— Как мне благодарить вас, Филипп?

— Благодарить меня! — прошипел он чуть слышно, с искаженным от гнева лицом. — Я только защитил свое имя от позора и насмешек!.. Вы моя жена, запомните это! Я умоляю вас никогда больше об этом не забывать!.. Так появиться в Версале! Без приглашения! Не будучи даже представленной!.. И вы смотрели на короля с такой наглостью!.. Нет, видно ничто не может сокрушить вашу дьявольскую самоуверенность! Мне следовало убить вас в ту ночь!

— О, Филипп, пожалуйста, не портите этот прекрасный день!

Следуя за всеми остальными придворными, они спустились в сад. Голубое мерцание неба, сливающееся с блеском струй фонтанов, отблески солнечных лучей на гладкой поверхности огромных прудов первой террасы, ошеломили Анжелику.

Ей показалось, что она идет по райскому саду, где все так же легко, светло и упорядочено, как на Елисейских полях.

Стоя на верхней площадке лестницы, которая спускалась к фонтану, имеющему форму округлой пирамиды, она видела уходящие вдаль ряды высоких деревьев, окруженных белыми мраморными статуями. По всему парку, до самого горизонта расстилались пестрые ковры цветочных клумб.

Прижав руки к губам жестом восхищенного ребенка, Анжелика стояла, не шевелясь, охваченная экстазом, в котором смешивались искреннее восхищение и восторг сбывшихся грез. Легкий ветерок шевелил надо лбом белые перья ее прически.

У подножья лестницы остановился экипаж короля. Но король, который уже собирался сесть в него, вдруг остановился и начал опять подниматься по лестнице. Анжелика внезапно увидела его рядом с собой. Он был один около нее, незаметным жестом приказав всем окружающим держаться поодаль.

— Вы восхищаетесь Версалем, мадам? — спросил он. Анжелика присела в поклоне и очень изящно ответила:

— Сир, я благодарю Ваше Величество за то, что позволил подданным любоваться такой красотой. Ваши заслуги навсегда сохранятся в истории.

Людовик XIV некоторое время молчал.

— Вы счастливы? — спросил он наконец.

Анжелика отвела глаза. Под этим солнечным светом, на том легком ветерке, она вдруг почувствовала себя помолодевшей, как будто снова стала юной девушкой, никогда не знавшей ни горя, ни боли.

— Как может кто-нибудь не быть счастливым в Версале? — прошептала она.

— Тогда не плачьте больше, — сказал король. — И доставьте мне удовольствие, отправившись на прогулку, в моем экипаже. Я хочу показать вам парк.

Анжелика вложила свою руку в руку Людовика XIV. Вместе с ним она спустилась по ступеням, ведущим к фонтану Латоны; придворные кланялись, когда они проходили мимо них.

Усевшись рядом с Атенаис де Монтеспан, напротив короля и двух принцесс, она мельком увидела лицо мужа.

Филипп смотрел на нее с загадочным выражением, не лишенным интереса. Начинал ли он понимать, что женился на совершенно необыкновенном существе?

Анжелика испытывала такую легкость, что, казалось, могла плыть по воздуху. Будущее виделось ей таким же голубым, как сияющий горизонт. Она говорила себе, что ее сыновья никогда больше не узнают нищеты. Они будут воспитываться в академии Монпарнаса и станут настоящими дворянами. Она сама станет одной из самых желанных женщин при дворе.

И, поскольку этого хочет король, она постарается изгнать из своего сердца все следы горечи и обиды. В глубине души Анжелика, конечно, знала, что пламя любви, когда-то поглотившее ее, так же, как и пламя, поглотившее эту любовь, никогда не погаснут. Они будут пылать до конца ее жизни. Так сказала та женщина, Ла Вуазин.

Но судьба, которая иногда могла быть справедливой, захотела, чтобы Анжелика немного отдохнула на зачарованном Версальском холме, для того, чтобы она могла набраться новых сил, опьяняясь успехом и наслаждаясь триумфом своей красоты.

Потом она снова вернется на дорогу жизни, наполненной приключениями и опасностями. Но сегодня она избавилась от всех страхов. Она была в Версале!